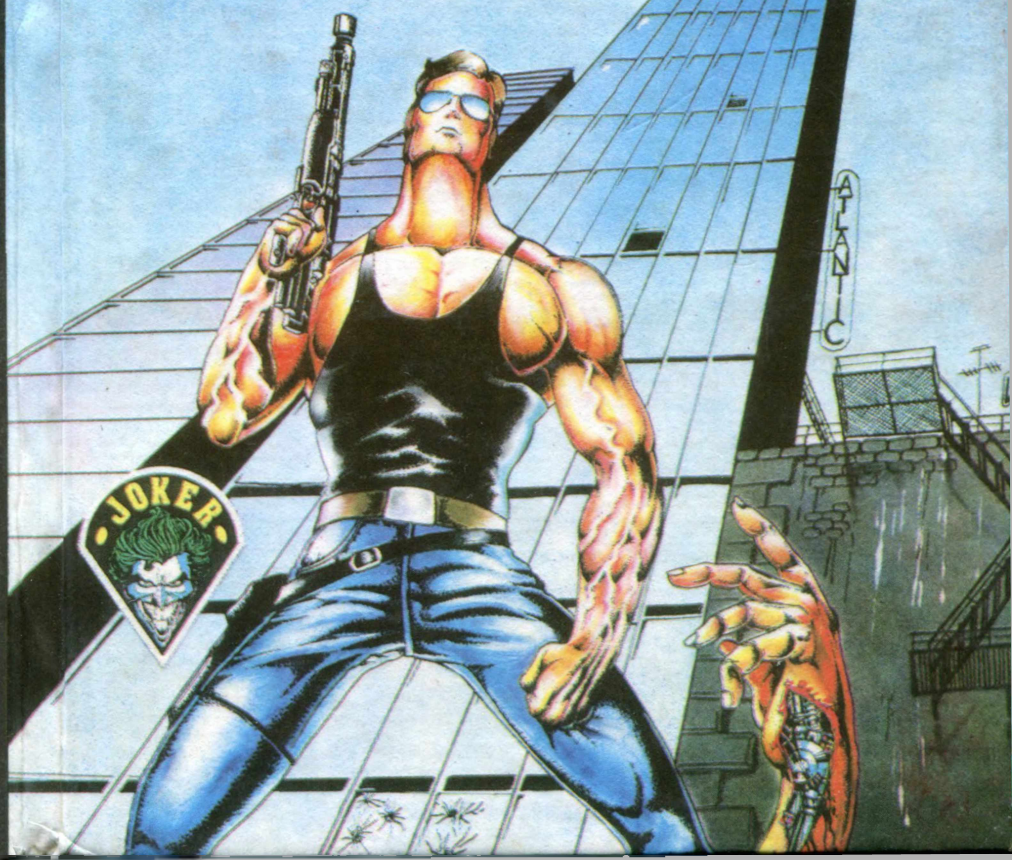

ФИЛИП ДИК

БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ

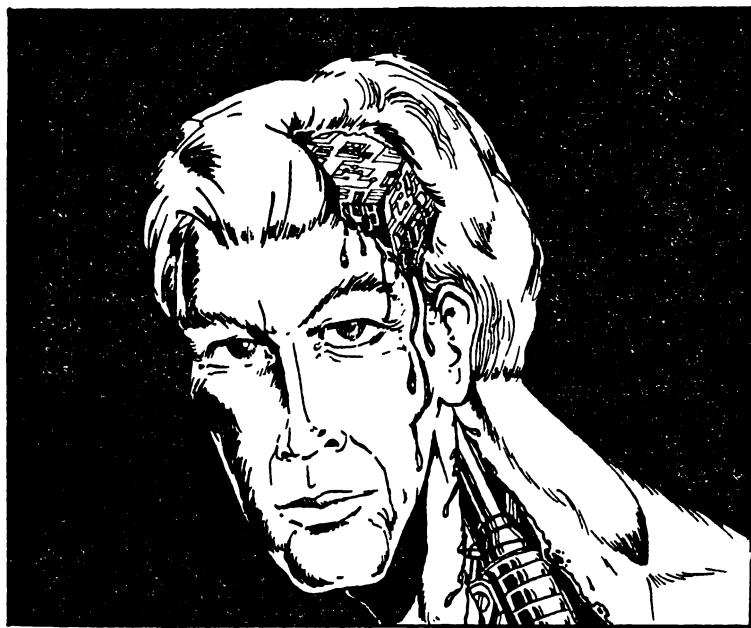
ФИЛИП ДИК

4

СБОРНИК ФАНТАСТИЧЕСКИХ РОМАНОВ

БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ

РИПОЛ

Джокер

1992

СЕРИЯ «ДЖОКЕР»
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич
Главный художник
Атрошенко Сергей Петрович
Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

По роману Филипа Дика «Бегущий по лезвию» в Голливуде был поставлен фильм с одноименным названием, главную роль в котором сыграл знаменитый Харрисон Форд. Герой романа — охотник за андроидами, за вышедшими из повиновения человекообразными роботами. Но «Бегущий по лезвию» не просто «крутой» боевик: проблемы будущего человеческой цивилизации, одиночества, поиска духовной опоры, любви, нашедшие отражение в романе, делают его интересным для всех читателей.

Роман Сильверберга «Жить снова» — произведение, в котором удачно сочетаются: традиционная фантастика с ее попыткой заглянуть в душу человека будущего; восточная философия — идея реинкарнации представлена в романе без всякой мистики; захватывающий детектив с элементами эротики. Фантастика, философия, детектив и эротика в одном романе!!! Это произведение на любой вкус и удовлетворит даже самого взыскательного читателя.

Б — 4703040100—004
070219—92 Без объявл.

ISBN 5—87012—004—2

- © РИПОЛ, ДЖОКЕР, 1992
- © Перевод В. Жураховского, 1992
- © Перевод О. Гончарука, 1992
- © Обложка А. Хромова, 1992
- © Внутреннее оформление
А. Хромова, 1992
- © Составление К. Андронкина, 1992

Филип Дик

БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ

Посвящается Марен Августе Бергруд
(10.08.1923—14.06.1967)

*И вижу все во сне: по лугу он бредет,
Шагает призраком в росе,
Пронзенный насквозь моей радостной песней.*
Йетс

«Вчера в королевском дворце тонгийской столицы Нуку умерла черепаха, которую капитан Кук подарил королю Тонги в 1777 году. Животному было почти 200 лет, и его звали Туйималила. Народ тонги с большим уважением относился к этой черепахе, за ней присматривали специально назначенные слуги. Несколько лет назад, во время пожара, черепаха потеряла зрение.

Как передало радио Тонги, труп Туйималилы будет помещен в Оклендский музей, «Новая Зеландия».

Из сообщения агентства Рейтер, 1966 год.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Веселый пробуждающий импульс, выпущенный автоматическим стимулятором настроения, разбудил Рика Декарда. Удивленно — его всегда удивляло, что он просыпается вот так, словно рывком, — Рик поднялся с кровати и потянулся. На нем была очень яркая, всех цветов радуги пижама. Его жена Иран, спавшая в соседней кровати, открыла серые скорбные глаза, моргнула и вновь крепко сомкнула веки.

— Ты неправильно настраиваешь «пенфилд», — сказал Рик. — Слишком низкая интенсивность. Давай я изменю настройку, ты как следует проснешься и...

— Не надо ничего менять! — В голосе Иран была неизвестно откуда взявшаяся горечь. — Я не хочу просыпаться.

Он присел на ее кровать и, наклонившись, начал тихо объяснять:

— Если правильно установишь интенсивность, то сразу захочешь проснуться. В этом весь смысл стимулятора. На отметке «С» импульс преодолевает заграждающий порог подсознания. Как у меня, например. — И он дружелюбно похлопал жену по бледному плечу: его регулятор стоял на отметке «Д» — доброе расположение ко всему миру.

— Убери свои кривые руки, полицейская ищейка,— процедила Иран.

— Я не ищейка.— Теперь он почувствовал раздражение, хотя и не набирал на консоли нужной комбинации.

— Ты еще хуже,— сказала жена, не открывая глаз.— Ты убийца, нанятый копами.

— Я в жизни никого и пальцем не тронул. Ни одного человека.— Раздражение становилось сильнее, угрожая перейти в откровенную враждебность.

— Ну да, только бедных анди,— сказала Иран.

— Но, как я замечаю, ты спокойно тратишь мои премии на все, что тебе понравится.— Рик встал, подошел к пульта своего стимулятора.— Вместо того, чтобы откладывать... Мы бы могли купить настоящую овцу вместо этой электрической, наверху! Какая-то электроовца — и это при заработках, которых я добился за все годы!

Он стоял перед пультом в нерешительности — что брать? Таламический подавитель (это погасило бы гнев) или таламический стимулятор (это бы взвинтило, и тогда он мог победить в споре)?

— Если ты усилишь интенсивность,— открыв глаза, сказала Иран,— то я сделаю то же самое. Я наберу максимум и будет такая драка, что тебе станет тошно. Ну, набирай, набирай... попробуй!

Она вскочила, подбежала к своему стимулятору и выжидающе остановилась рядом. Рик вздохнул: угроза Иран была серьезной.

— Я наберу то, что у меня в расписании.— И, сверившись с расписанием, увидел, что на сегодня, на третье января 2022 года ему требуется деловое настроение.— Если я наберу по расписанию,— осторожно спросил он,— то ты сделаешь то же самое?

— Сегодня в моем расписании шесть часов депрессии с уклоном в самобичевание,— сказала Иран.

— Как? Зачем ты это сделала? Я даже не подозревал, что ты можешь так его настроить,— уныло сказал он: подобная настройка сводила на нет всю суть стимулятора настроения.

— Однажды я сидела у телевизора. Показывали, само собой, Бастера Дружби с его Дружелюбными Друзьями. Он как раз пообещал очередную грандиозную новость, как вдруг передачу прервала реклама, одна из тех, которые я больше всего ненавижу, ну, ты знаешь, об этих свинцовых

гульфиках фирмы «Скалистый берег». Вот я и выключила на минуту звук. И я услышала... весь этот дом. Я услышала... — Иран помахала рукой.

— Пустые квартиры, — сказал Рик. Иногда вместо того чтобы спать, он ночью тоже слушал тишину. Однако в последние дни их наполовину заселенный многоквартирный дом по плотности населения котировался весьма высоко. В тех районах, в которых до войны располагались пригороды, теперь попадались и совершенно пустые здания... во всяком случае Рик знал о таких слухах, но, как и большинство, он слухи предпочитал не проверять.

— В тот момент, когда я убрала звук, — продолжала Иран, — я была в настроении по коду 382. Сначала я почувствовала облегчение. Хорошо, что мы себе можем позволить стимулятор Пенфилда. Но потом я поняла, как это неестественно, как противоречит нормальной здоровой реакции: чувствовать, что вокруг безжизненная пустота и никак не реагировать на это... Ты понимаешь? Нет, наверное, не понимаешь. Раньше это считали психическим заболеванием. «Отсутствие адекватного аффекта». Так это называлось. Поэтому я не стала включать звук, а села к пульту моего «пенфилда» и начала экспериментировать. И нашла, наконец, комбинацию для отчаяния.

На смуглом, с упрямыми чертами лице Иран отразилось удовлетворение, словно она совершила достойный поступок.

— Я поставила этот код в мое расписание дважды в месяц. Думаю, этого вполне хватит. Чтобы в разумных пределах испытывать безнадежность и отчаяние. Потому что мы до сих пор на Земле, когда все люди с головой на плечах давно эмигрировали. Тебе не кажется?

— Но в таком настроении, — сказал Рик, — легко застрять надолго и даже не пытаться набрать другую комбинацию. Отчаяние имеет свойство продолжать самое себя.

— Я программирую автоматическую перенастройку с периодом в три часа, — елевым голосом сообщила Иран. — Код 481. Осознание множества возможностей, открывающихся в будущем, новая надежда на...

— Я знаю, что такое код 481, — перебил Рик. Он не раз накручивал эту комбинацию и очень на нее надеялся.

— Послушай, — сказал он, — даже с автоматическим переключателем очень опасно подвергаться длительной депрессии. Забудь о своей настройке, я забуду о своей. Мы

оба наберем 104, испытаем его, потом я накручу обычный деловой тон, а ты, если захочешь, останешься на этом шифре. Я подскочу на крышу, проверю овечку и на работу. И буду спокоен, что ты не сидишь, унылая, без телевизора.

Он перешел из просторной спальни в гостиную, где чуть слышался запах вчерашних вечерних сигарет, и нагнулся к телевизору.

Из спальни донесся голос Иран:

— До завтрака я не переносу телевизор.

— Накрути 888,— посоветовал Рик,— желание смотреть телевизор, независимо от передачи...

— Мне вообще не хочется дотрагиваться до пульта,— сказала Иран.

— Тогда набери тройку.

— Не могу же я настраивать стимулятор на возбуждение коры мозга, которое вызовет желание набирать новые комбинации! Я вообще не хочу ничего накручивать! Это для меня сейчас хуже всего! Хочу просто сидеть и смотреть в пол!

Голос Иран становился все мрачнее, словно душа ее застыла, а тело окутала пленка огромной тяжести и абсолютной инертности.

Рик включил звук телевизора, и в комнате весело загудел голос Бастера Дружби.

— Ха-ха, ребята! Теперь пришла пора для маленькой сводки погоды! Как сообщает спутник «Мангуста», осадки достигнут максимума к полудню, затем уровень начнет понижаться. Поэтому если кто-то из вас, парни, собирается отправиться на...

Рядом с Риком, шурша по полу длинным халатом, появилась Иран и выключила телевизор.

— Ладно, сдаюсь. Я согласна. Наберу все, что ты хочешь. Экстатический сексуальный порыв... Мне так плохо, что я готова выдержать даже это. Какая, в конце концов, разница?

— Я наберу за тебя,— сказал Рик, вводя жену обратно в спальню. На консоли «пенфилда» Иран он набрал код «594» — радостное приятие первенства мудрого мужа в решении всех вопросов. На собственной консоли он накрутил код нестандартного, творческого подхода к работе, хотя и так, даже не прибегая к благам искусственной мозговой стимуляции аппарата Пенфилда, всегда относился к работе творчески.

После завтрака на скорую руку — время было потеряно на спор с женой — Рик поднялся на крышу, где на крытом лужке «паслась» его электрическая овца. Рик был в полном наружном облачении, включавшем свинцовый гульфик модели «Аякс» фирмы «Скалистый берег».

Их овца, этот сложный конгломерат механических и электронных устройств, мирно пощипывала травку, чем втирала очки остальным жильцам дома. Конечно, некоторые из соседских животных тоже состояли из электронных контуров. Но Рик, подобно остальным соседям, не интересовавшимся истинной природой организма его овцы, никогда не совал нос в чужие дела. Это было бы верхом бестактности. Спросить: «А у вас овца настоящая?» — было хуже, чем усомниться в натуральности зубов, волос или внутренних органов соседа.

Утренний воздух, наполненный радиоактивными пылевыми частицами, глушившими блеск солнца, атаковал обоняние Рика. Он, избавляясь от слабого запаха смерти, невольно чихнул. «Ну, это слишком уж сильно сказано», — решил он, пробираясь к участку почвы, которым владел вместе с квартирой. Слишком большой квартирой. Результаты Последней Мировой Войны сказывались уже значительно слабее. Те, кто не мог пережить первых пылевых осадков, давно умерли и были преданы забвению много лет назад. И теперь пыль, уже не такая густая, пыталась одолеть выживших, а значит, тех, кто умел ей противостоять. Теперь ее воздействие в основном сказывалось на генном механизме наследственности. Несмотря на свинцовый гульфик, пыль наверняка просочилась в организм Рика, прибавляя с каждым днем — поскольку Рик все еще не эмигрировал — новую толику порочной грязи. Медицинские проверки, обязательные каждый месяц, пока относили Рика к разряду «регуляров» — тех людей, которые по снисходительным законам могли иметь детей. Но в любой момент проверка, производимая врачами Департамента полиции Сан-Франциско, могла обнаружить печальное: «регуляры» непрестанно пополняли ряды «специалов» — и все из-за всепроникающей радиоактивной пыли. Лозунгом текущего момента, настойчиво внедряемым с плакатов, реклам, экранов и по каналам государственной почтовой информации, было: «ЭМИГРИРУЙ ИЛИ ДЕГЕНЕРИРУЙ! РЕШАТЬ ТЕБЕ!!!»

«Очень верно»,— подумал Рик, отпирая замочек калитки, которая вела на его личный маленький лужок.

— Но я не могу эмигрировать,— приближаясь к электроовце, сказал он.— Из-за работы.

С ним поздоровался владелец соседнего пастбища и сосед по дому Билл Барбур. Будучи, как и Рик, в деловом костюме, он остановился на минутку по дороге на работу проверить, как дела у его животного.

— Моя лошадка,— объявил он сияя,— забеременела.— Он ткнул пальцем в крупного першерона, задумчиво созерцавшего пространство.— Что скажете, а?

— Скажу, что скоро у вас будет две лошадки.

Рик подошел к овце. Та лежа пережевывала жвачку, не спуская с Рика внимательных глаз на случай, если хозяин вдруг принес овсяную лепешку. У овцы Рика был встроенный овесотропный контур: при виде данного злака или его продукта она бы вскочила и поспешила к Рикю.

— А отчего она забеременела?— спросил Рик Барбура.— От ветра?

— Я приобрел порцию специальной оплодотворяющей плазмы самого высокого качества, какую можно достать в Калифорнии,— сообщил Барбур.— Через личных друзей в госдепартаменте Животноводства. Вы разве забыли: на прошлой неделе их инспектор приходил осматривать Джуди? Они очень хотят получить ее жеребенка. Джуди моя просто высший класс!— Барбур любовно хлопал лошадь по шее, и та наклонила к нему голову.

— Насчет продажи еще не думали?— поинтересовался Рик.

О боже, как ему хотелось иметь лошадь или какое-нибудь настоящее животное! Владеть подделкой, ухаживать за ней — это человека постепенно деморализует. Но приходилось довольствоваться электроовцой. Правда, если бы ему и было все равно, оставалась еще жена Иран, которой было далеко не все равно.

— Продать лошадь — это аморально,— сказал Барбур.

— Тогда продайте жеребенка. Иметь двух животных — это аморальнее, чем не иметь ни одного.

Озадаченный, Барбур сказал:

— Почему же это? У многих по двое животных, и по трое, и по четверо. У Фреда Уошборна, владельца завода хлореллы, там мой брат работает, вообще их пятеро. Вы

разве не читали в «Хронике»? Вчера была статья о его утке. Считается, что у него самая крупная и упитанная московка на всем западном побережье.

Глаза Барбура стеклянно блеснули, едва он вообразил такое богатство. Кажется, он начал погружаться в транс.

Поискав в кармане плаща, Рик выудил зачитанный экземпляр «Каталога животных», авторы Сидни и Фаул. Приложение за январь. По индексу он нашел жеребят («Лошади, потомство»). И тут же определил среднюю цену жеребенка по всей стране.

— Жеребенка першерона можно купить у Сидни за пять тысяч долларов,— сказал он громко.

— Нет, не купите,— возразил Барбур.— Смотрите, напечатано курсивом. Значит, сейчас у них нет в продаже ни одного экземпляра. А цена — она на случай, если товар появится.

— Предположим,— сказал Рик,— я буду вам платить по пятьсот долларов в месяц. Десять месяцев — и это полная цена по каталогу.

Барбур посмотрел на него с искренним сожалением:

— Декард, вы не понимаете в лошадях. Вот почему у Сидни сейчас нет першеронов? На то имеется серьезная причина. Владельцы не отдают жеребят першеронов даже по каталожной цене. Они очень редко попадают, пусть даже и плохих кровей.— Разрубив воздух ладонью, Барбур небрежно облокотился на общую с Риком изгородь.— Джуди у меня три года, и за это время я не встречал першерона равных с ней достоинств. Чтобы ее купить, я лично летал в Канаду, лично, чтобы не украли, вез ее домой. Появитесь с такой лошадкой где-нибудь в Колорадо или Вайоминге — живо дадут сзади по макушке, а ее уведут. А знаете почему? До Последней Мировой были сотни...

— Но,— перебил Рик,— если у вас будет две лошади, а у меня ни одной, то не будет ли это противоречить всей теологической и моральной сути сострадализма?

— У вас есть овца. Черт побери, в личной жизни можете следовать Подъемом. И когда вы сжимаете две эмпатические рукоятки, вы достойно исполняете долг. Вот если бы у вас овцы не было, я бы вас немного понимал, видел бы некоторую логику в ваших доводах. Я бы тогда лишал вас истинного слияния с Сострадальным. Но у каждой семьи в этом доме, так, прикинем, это где-то пятьдесят, по одной на три квартиры, как я полагаю. И у всех есть какое-ни-

будь животное. У Грейсона цыпленок, вон он.— Барбур показал в северном направлении.— Оукс и его жена владеют большой рыжей собакой, лает она по ночам.— Он задумался.— Кажется, у Эда Смита есть кот. Он держит его в квартире, никому не показывает. Может, просто хвастается.

Рик наклонился над овцой, начал шарить в ее густой белой шерсти. Шерсть, по крайней мере, была настоящая. Он искал, пока не обнаружил то, что ему было нужно — спрятанную контрольную панель механизма. На глазах Барбура он рывком вскрыл панель, обнажая механизм.

— Видите? Теперь понимаете, почему мне так нужен ваш жеребенок?

После некоторого молчания Барбур сказал:

— Эх, бедняга вы. И так все время?

— Нет,— Рик захлопнул панель, выпрямился, повернулся к соседу лицом.— Сначала у меня была настоящая овца. Ее нам подарил отец жены перед эмиграцией. Потом, примерно год назад, помните, я ее тогда возил к ветеринару, вы как раз были наверху, я вышел на крышу и увидел, что овца лежит на боку, не в силах подняться.

— Да вы ее подняли,— сказал, припоминая, Барбур.— Да, вам удалось поднять ее, но потом, через пару минут, она снова свалилась...

— У овец болезни не такие, как у людей,— сказал Рик,— но симптомы одни и те же. Овца не может подняться, и нет способа определить, что с ней: растянута связка на ноге или животное умирает от столбняка. Моя от этого как раз и померла — от столбняка.

— Здесь?— удивился Барбур.— На крыше?

— Сено,— объяснил Рик.— Я не всю проволоку снял с охапки, и Гручо — так я его называл — поцарапался и заразился столбняком. Я отвез его к ветеринару, но он умер... А я взял, да и позвонил в одну мастерскую, где монтируют искусственных животных, и показал им фотографию Гручо. Они сделали мне вот это.

Он кивнул на эрзац-овцу, которая продолжала трудолюбиво пожевывать, не теряя надежды обнаружить следы овса.

— Работа сделана отлично. И времени на уход я трачу почти столько же, сколько у меня уходило на Гручо. Но...— Рик пожал плечами.

— Это совсем не то,— закончил за него фразу Барбур.

— Почти то. Ощущение почти такое же. За ней нужно

следить почти как за настоящей. Потому что иногда они ломаются — и тогда соседи могут узнать. Я ее шесть раз возил в мастерскую. В основном — мелкие неполадки. Но если бы кто-нибудь увидел... Один раз заело магнитную ленту, и она начала блять без остановки. Любой догадался бы, что это механическая неисправность...

— Фургон мастерской, — после паузы добавил Рик, — имеет, разумеется, соответствующую надпись. Какая-то там ветеринарная лечебница. И водитель, как врач, весь в белом... — и вспомнил про время.

— Мне нужно на работу, — бросив взгляд на часы, сказал он. — Увидимся вечером! — Рик направился к своему кару, а Барбур поспешно воскликнул ему вслед:

— Э-э, я никому ничего не скажу. Из наших соседей, то есть.

Рик хотел было поблагодарить, но потом отчаяние, о котором говорила Иран, вдруг мимолетно тронуло и его, и он обернулся.

— Не знаю. Мне уже как-то все равно.

— Но они станут смотреть на вас сверху вниз! Не все, но некоторые точно. Вы же понимаете, как люди относятся к заботе о животных. Не иметь животного — это аморально и антиэмпатично. То есть, это не преступление, как сразу после ПМВ, но...

— О, Боже! — Рик остановился и в отчаянии взмахнул руками. — Но ведь я хочу иметь животное. Я стараюсь купить что-нибудь подходящее. Но на мое жалование простого служащего... — Если, подумал он, мне опять повезет. Если за этот месяц я припилю четырех анди. Если бы я знал, что Гручо умрет... Два года назад мне удалось взять четверых... Но это было два года назад, до куска проволоки в два дюйма длиной, похожего на обломок медицинской иглы. До столбнячного вируса.

— Вы могли бы купить кота, — предложил Барбур. — Они недорогие, проверьте по каталогу.

— Комнатные животные мне не нужны, — тихо сказал Рик. — Я хочу то, что у меня было с самого начала: настоящую большую овцу, барашка, что-нибудь в этом роде. Или корову, если удастся собрать деньги. Или лошадь, как у вас.

Он вдруг осознал, что премия за «отправку на покой» пяти андроидов позволила бы ему сделать это. «По тысяче долларов за анди, сверх и кроме моего жалованья. Потом

где-то и как-то я бы раздобыл то, что мне нужно. Пусть даже в каталоге Синди их цена и обозначена курсивом. Пять тысяч долларов. Но,— подумал он,— пятерым андроидам сначала нужно бежать с одной из планет-колоний на Землю, а я не могу заставить их бежать, а если бы и мог, где гарантия, что они достанутся мне, ведь есть и другие охотники за андроидами, из других полицейских агентств, по всему миру. Анди должны были бы устроить свои резиденции именно в Северной Калифорнии. И главному охотнику в этом регионе, Дейву Холдену, нужно было бы или умереть или уйти на покой.»

— Купите сверчка,— пытаюсь пошутить, посоветовал Барбур.— Или мышку. Слушайте, в самом деле, за двадцать пять зеленых вы спокойно покупаете взрослую мышь.

— Ваша лошадь может тоже умереть, как Гручо,— сказал Рик.— Без предупреждения. Придете вы сегодня вечером домой, а она лежит на спине, ножки кверху, как жук. Как этот, вы сказали, сверчок,— и зашагал прочь.

— Простите, если обидел,— донеслись до него слова Барбура, но Рик Декард отпер дверцу аэрокара в молчании: ему нечего было сказать соседу, его мысли были уже заняты предстоящим рабочим днем.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В пустой комнате пустого гиганта — многоэтажника, в котором когда-то жили тысячи людей, одинокий телевизор развлекал пустоту.

До Последней Мировой Войны эта ничейная руина была процветающим, ухоженным, любимым многими домом. Отсюда, из пригорода Сан-Франциско, было рукой подать до центра на быстром монорельсовом экспрессе. Полуостров пел и шумел жизнью, как полная птиц крона дерева. Но теперь владельцы или умерли, или эмигрировали на одну из планет-колоний. В основном, первое — война обошлась людям дорого, несмотря на оптимистические прогнозы Пентагона и его самодовольного научного вассала, корпорации «Рэнд», которая, к тому же, когда-то располагалась неподалеку от этих мест. Как и владельцы квартир, корпорация переехала в другое место, что было явно к лучшему: по ней никто не сучал.

К тому же, никто теперь и не помнил, почему началась

война и, если вообще были победители, кто победил. Пыль, отравившая атмосферу Земли, взялась словно ниоткуда. Никто из противников не предполагал, что она появится. Сначала, как это ни странно, вымерли совы. Тогда это казалось почти забавным: толстые, в белом пуху перьев, они валялись там и сям, во дворах, на улицах. Обычно совы редко попадались на глаза людям, так как вылетали из гнезд уже после наступления темноты. В средние века вот так проявляли себя эпидемии чумы — сначала умирали тысячи крыс. Но эта чума спустилась с неба.

За совами, естественно, наступила очередь других птиц. Но к тому времени загадка была решена. Колонизационная программа, развивавшаяся потихоньку и до войны, вступила в новую фазу. Ведь солнце больше не сияло над землей. И в связи с этим оружие войны, Синтетический Боец за Свободу, было модифицировано. Способный функционировать в условиях другой планеты, гуманоидный робот, точнее говоря, органический андроид, превратился в мобильный вспомогательный движитель программы колонизации. По принятому ООН закону, каждый эмигрант-колонист автоматически становился владельцем одного андроида. Подтип андроида выбирал сам владелец. К 2020 году разнообразие подтипов превзошло всякое понимание, подобно разнообразию моделей автомашин в Америке 90-х.

Это было основным стимулом для эмиграции: слуга-андроид в роли пряника и радиоактивные осадки в роли кнута. ООН позаботилась, чтобы эмигрировать было легко, а оставаться — трудно, если вообще возможно. Промедлить с переселением означало обнаружить себя среди класса биологически нечистых, оказаться угрозой для биологической безупречности расы. Если на гражданине появлялся ярлык «специал», то и после добровольной стерилизации он как бы выпадал из истории, фактически он уже не был частью человечества. И тем не менее, то тут, то там некоторые люди отказывались эмигрировать. Это казалось приводящей в недоумение иррациональностью: ведь логически рассуждая, все регуляры должны были давно эмигрировать, но, наверное, даже искалеченная, Земля от себя не отпускала. Многие были не в силах от нее оторваться. А может быть оставшиеся воображали, что пылевой чехол постепенно рассосется... Во всяком случае, тысячи людей продолжали жить на Земле. Большая часть скопилась в городских районах, где они могли физически ощущать присутствие

друг друга, находя в этом чувстве поддержку. Это были люди в общем-то нормальные. В покинутых же пригородах поселялись всякие странные типы.

Одним из таких типов и был Джон Исидор, брившийся как раз тогда, когда телевизор в соседней пустой комнате вопил и стenal в пустоту.

Джон забрел в эту округу еще в первые послевоенные дни. В те мрачные времена все сорвалось с мест, пришло в движение. Люди группами и в одиночку скитались по стране. Радиоактивная пыль тогда выпадала неравномерно. Сорванное с насиженных мест население передвигалось в соответствии с перемещением пыли. Этот полуостров к югу от Сан-Франциско первое время был от пыли почти чист, и многие здесь поспешно поселились. Когда появилась пыль, некоторые умерли, остальные уехали. Джон Р. Исидор остался.

Телевизор не умолкал.

— ...воссоздавая безмятежную атмосферу штатов довоенных дней! Южных штатов! А в качестве слуги или незаменимого помощника в работе — сделанный по индивидуальному заказу гуманоидный робот, отвечающий **ИМЕННО ВАШИМ УНИКАЛЬНЫМ ПОТРЕБНОСТЯМ!** **ДЛЯ ВАС И ТОЛЬКО ДЛЯ ВАС!** Андроид вручается вам по прибытии, совершенно бесплатно, укомплектованный в точном соответствии с вашими инструкциями, отданными перед отлетом с Земли. Андроид станет вашим верным безотказным спутником, разделит невзгоды и трудности величайшего, отважнейшего приключения людей за всю историю...

Телевизор продолжал в том же духе. Без конца.

«Не опаздал ли я на работу», — подумал Исидор, царапая подбородок бритвой. У него не было исправных часов. Обычно он сверялся с сигналами времени по телевизору, но сегодня, судя по всему, был День Межпланетного Обозрения. Во всяком случае, утверждал телевизор, наступила пятая (или шестая?) годовщина Новой Америки, американской колонии на Марсе. А телевизор Джона, не совсем исправный, принимал только государственный канал, национализированный в дни войны и таковым до сих пор остающийся. Оказалось, что теперь Джон вынужден слушать официальную программу из Вашингтона об успехах колонизации ближайшей к Земле планеты Солнечной системы.

— Послушаем миссис Мегги Клагмен, — предложил

диктор Джону Исидору, но Джон Исидор хотел всего лишь узнать, который час.

— Миссис Клагмен, как вы считаете, сильно отличается жизнь на зараженной радиацией Земле от жизни на новой планете, полной обнадеживающих перспектив?

Пауза, затем усталый, словно высушенный голос женщины средних лет:

— Я думаю, что меня и нашу семью из трех человек больше всего поразило... достоинство.

— Достоинство, миссис Клагмен? — переспросил диктор.

— Да, — ответила миссис Клагмен, в настоящее время — жительница Нью-Йорка на Марсе. — Это трудно объяснить. Но мы имеем слугу, на которого можно положиться в эти нелегкие времена... Я нахожу, что это очень ободряет.

— А на Земле, миссис Клагмен, в прошлом, вы не боялись оказаться в числе так называемых, гм-гм, специалистов?

— О, мы с мужем страшно волновались. Просто ужасно. Конечно, теперь, когда мы эмигрировали, все эти волнения исчезли. И, к счастью, навсегда.

«И для меня они тоже исчезли навсегда, — кисло подумал Джон Исидор, — и мне не понадобилось даже эмигрировать». Он числился в разряде специалистов уже более года, и не только из-за своих бесповоротно нарушенных генов. Хуже того, он провалил тест на минимальные умственные способности, что делало его, выражаясь просто, недоумком. На Дж. Р. Исидора низверглось презрение трех обитаемых планет. Несмотря на это, он выжил. У него была работа — он водил фургон доставки фирмы по ремонту электрических животных «Ван-Нессовская ветеринарная лечебница». Мрачный босс Джона, Ганнибал Слоут, относился к нему как к нормальному человеку, что Джон Исидор ценил и за что был очень благодарен. «Жизнь неопределенна, определена только смерть», — говаривал иногда на латыни мистер Слоут. Исидор, слышавший сентенцию неоднократно, смутно понимал ее смысл. Но, в конце концов, если недоумок начнет разбираться в латыни, то перестанет быть недоумком. Существовали, к тому же, и бесконечно более глупые недоумки, чем мистер Джон Р. Исидор, многие из которых вообще не могли работать и постоянно обитали в специальных заведениях, вроде причудливо названного «Института Особых Трудовых Навы-

ков». Слово «особый», как положено, напоминало о «специальной» природе обитателей заведения.

— ...но ваш муж, надевая дорогой и неудобный свинцовый гильфик, — продолжал диктор, — не чувствовал уверенности в том, что надежно предохраняет себя. Не так ли, миссис Клагмен?

— Мой муж, — начала миссис Клагмен, но в этот момент, завершив бритье, Исидор вошел в комнату и выключил телевизор.

Тишина. Она подступила к нему от стен, сорвалась с потолка, прыгнула из-за поломанной мебели. Она, питаемая гигантской мощностью электростанции Безмолвия, сплющила Исидора. Она всплыла с пола, с серого вытертого ковра, покрывавшего пол от стены к стене. Ее выпустили на волю старая поломанная кухонная утварь, пыльные кухонные аппараты, вышедшие из строя еще до того, как в квартире появился Джон Исидор. Источала тишину и мертвая, темная лампа-торшер в гостиной. Тишина умудрялась выливаться из любого предмета, словно собиралась подменить собой вещи материального мира. Она атаковала не только уши, но и глаза Джона. Он стоял рядом с выключенным телевизором и видел тишину, как если бы она была живым существом. Живым! Он и раньше подобным образом ощущал ее приближение, а потом она врывалась: безмолвие мира не церемонилось, особенно — теперь, теперь, когда безмолвие почти победило.

А как другие, подумал он, те, что остались на Земле, как они воспринимают пустоту? Или все дело в его собственных биологических особенностях, в недостатках его сенсорного аппарата? Интересный вопрос. Но с кем же ему поделиться наблюдениями? В слепом и глухом доме с тысячей незанятых квартир он жил одиноко, чувствуя, как дом, вслед за другими подобными домами, превращается в ужасную и безнадежную жертву энтропии. В конце концов все в нем станет одноликим, станет пудингом бесполезного хлама, который заполнит пространство от подвала до крыши. Потом и сами побежденные дома превратятся в аморфную массу, погребенную под непобедимой пылью. Сам Джон к тому времени, конечно, умрет, и занятно было предчувствовать смерть, стоя в пустой гостиной, один на один с недышащей, везде проникающей, покорившей весь мир тишиной.

Наверное, нужно включить телевизор. Но реклама,

обращенная к оставшимся регулярам, пугала Джона. Она напоминала о множестве путей и возможностей, для него, специалиста, закрытых. Он им не нужен! Он не мог бы эмигрировать, даже если бы захотел. Тогда зачем все это слушать? Разрази их всех, вместе с программой колонизации! Эх, вот если бы там, в колониях, началась война, теоретически такое было возможно, и все кончилось так, как на Земле. И все эмигранты стали бы специалистами...

— Ладно, — решил он. — Иду на работу.

Он потянул ручку двери, и перед ним открылся проход в темный холл. Джон Исидор отпрянул, бросив лишь взгляд в безмолвный вакуум, в который был погружен дом. Да, она ждала его, притаилась в засаде, эта сила, которая, как он явственно ощущал, пронизывала и его собственную квартиру. «Боже», — подумал он и затворил дверь. Нет, он был еще не готов к длинному путешествию по гулким лестницам на самую крышу, где у него не было животного. Эхо шагов, эхо пустоты. Пора подержаться за рукоятки, сказал он себе и пошел в гостиную, к черному эмпатическому ящику.

Щелкнув выключателем, он сразу почувствовал слабый запах ионизации, идущий от блока питания, и радостно втянул воздух носом. Потом, подобно бледной имитации телеэкрана, замерцала катодная трубка. Образовался внешне случайный узор цветных линий, полос, фигур. Пока ладони не сжимали рукояток, узор ничего не означал, и, глубоко вздохнув, Джон положил на них обе ладони.

Тут же синтезировался зрительный образ. Он увидел знаменитый пейзаж — коричневый склон древней горы, уходящий вверх. В сумрачное небо втыкались остья высохшего бурьяна. По склону поднималась одна-единственная фигура, очертаниями похожая на человека. Старый человек в мешковатом балахоне цвета сумрачного неба. Это был Вилбур Сострадаальный. Он медленно поднимался по склону, и Джон, крепко ухватившись за рукоятки, постепенно терял ощущение окружающего. Дряхлая мебель и серые стены отодвинулись в никуда, а он остался в ином мире, с унылым серым небом и грязно-коричневой землей. Одновременно он перестал быть посторонним наблюдателем подъема старика: теперь камни и гравий царапали его собственные ноги. Он чувствовал их острые грани, вдыхал едкую дымку местного неба — совсем не земного неба, расprostертого над далеким, чужим миром.

Он перенесся в него, как обычно, быстро и ошеломля-

юще просто: произошло физическое и психическое слияние с Вилбуром Сострадальным. То же самое происходило сейчас со всеми людьми на Земле, кто сжимал рукоятки своих эмпатических генераторов. И не только на Земле, но и в колониях. Джон почувствовал присутствие этих других, в его сознание влились их мысли, и всех объединяло одно: склон горы, крутой подъем, необходимость продолжать путь наверх. Шаг за шагом, медленно и незаметно, но путь к вершине преодолевался. Выше и выше, думал Джон, и под ногами шуршал гравий. Сегодня мы поднялись выше, чем вчера, а завтра... И он, частичка коллективной личности Вилбура Сострадального, поднял голову, оценивая взглядом оставшийся путь. Нет, конца не видно. Слишком далеко. Но конец будет.

Камень ударил в руку. Джон почувствовал боль, а мимо пронесся еще камень, который ударился о землю, и резкий звук заставил Джона вздрогнуть. Кто же это? Он всматривался, пытаясь обнаружить обидчика. Старый противник, он постоянно держался на самом краю поля зрения. Он или они. Они будут преследовать до самого конца, до вершины, не оставят в покое...

Он вспомнил о вершине, когда вдруг подъем кончился, и началась другая часть пути. Сколько раз такое уже случалось? Но в памяти прошлое и будущее сливались в одно. Все, что он испытал, и все, что еще предстоит испытать, — все было неразличимо. Оставался лишь момент настоящего времени, когда он стоял, переводя дыхание, потирая ссадину от камня. Боже, устало подумал он. Где справедливость? Почему я здесь, вот так, и меня кто-то мучит, и я не могу понять, что это или кто это? Но в следующий момент хор голосов всех сознаний внутри него развеял иллюзию одиночества.

Вы тоже почувствовали, думал он. Да, сказали голоса. Камень ранил руку. Было больно, сказали голоса. Чертовски. Ничего, сказал он. Надо двигаться дальше. И он пошел вверх, и все они немедленно присоединились к нему.

Когда-то все было не так, вспомнил он. Еще до проклятия. В первой, более счастливой жизни. Его приемные родители, Франк и Кора Сострадальные, обнаружили его на плавающем у берегов Новой Англии надувном спасательном плотике... или это было у берегов Мексики, неподалеку от порта Тампико? Сейчас он уже не помнил... Детство его было безмятежно. Он любил все живое, и не-

которое время даже обладал способностью возвращать к жизни умерших животных. Он жил среди кроликов и жуков, на Земле или на планете-колонии, он сейчас не помнил где. Но он помнил убийц. Они арестовали его, словно монстра, урода, более отвратительного, чем любой спецал.

И все изменилось.

Местное законодательство запрещало использовать способность возвращения мертвому жизни. Когда ему исполнилось шестнадцать, ему об этом сказали. Но он еще год продолжал тайно заниматься оживлением, уходя в еще оставшиеся леса. Но какая-то старая женщина, которую он никогда раньше не встречал, выдала его. И убийцы без согласия родителей подвергли уникальное образование в его мозгу кобальтовой бомбардировке. Он погрузился в совершенно иной мир, о существовании которого до той поры не подозревал. Это была глубокая яма, полная трупов и мертвых костей, и потребовались годы, чтобы выбраться оттуда. Умерли ослики и лягушки, особенно важные для него существа, остались гниющие расчлененные трупы. Здесь голова без глаз, там кусок ноги. И потом птица, попавшая туда умирать, ему рассказала. Он находился в могильном мире. И он не сможет выбраться оттуда, пока разбросанные вокруг кости не превратятся в живых существ. Он стал частью обмена веществ этого мира, и пока они не восстанут, ему тоже не встать.

Сколько продолжался этот цикл, он не знал. Собственно, ничего не происходило, и нечем было измерить время. Но на костях постепенно проросла плоть, пустые глазницы заполнились хрустальными шариками глаз. Защелкали выросшие клювы, заревели новые пасти... Быть может, причиной был он. Быть может, экстрасенсорный центр его мозга восстановился сам по себе. Во всяком случае, он больше не погружался, наоборот, вместе со всеми остальными он начал путь вверх. И уже давно потерял их из виду. Теперь он сам продолжал подъем. Но спутники его были с ним. Станным образом, он чувствовал их присутствие внутри.

Исидор сжимал рукоятки генератора эмпатии, переживая незабываемое ощущение — как будто он вбирал в себя все живые существа в мире. Потом он неохотно разжал пальцы. Как и всегда, наступил конец. К тому же, слегка кровоточила ранка от камня.

Он осмотрел руку, потом нетвердым шагом направился в ванную промыть ссадину. Уже не в первый раз он по-

лучал раны, сливаясь с Вилбуром Сострадальным. И, очевидно, не в последний. Некоторые люди, особенно пожилые, иногда умирали, достигнув вершины горы, где мучения начинались всерьез. «Смогу ли пережить еще одну вершину?» — промывая ссадину, спросил он себя. — Может случиться сердечный приступ. Лучше бы я жил в центре, там доктора и эти специальные искровые машины. А здесь, в пустынном месте, это очень рискованно».

Но он знал, что пойдет на риск. Так было всегда. Так делали почти все люди, даже пожилые и физически слабые.

Он протер ранку бумажной салфеткой.

И издали услышал звук работающего телевизора.

Мелькнула дикая мысль: в доме появился кто-то еще. «Это чужой телевизор, мой выключен. Я чувствую, как слегка резонирует пол. Этот телевизор на нижнем этаже, совсем на другом этаже».

«Я в ЭТОМ ДОМЕ БОЛЬШЕ НЕ ОДИН, — вдруг понял Джон Исидор. — Появился новый жилец, он занял одну из пустых квартир. И эта квартира недалеко от моей, я слышу звук его телевизора. Второй или третий этаж, не глубже. Так, посмотрим, — начал он лихорадочно соображать. — Что нужно делать, если приехал новый жилец? Зайти, как бы случайно, и что-нибудь попросить, так? Нужно им что-нибудь понести, — решил он. — стакан воды или лучше молока, да, молока, или муки, или яйцо... то есть, эрзац-заменитель...»

Заглянув в холодильник с давно сломавшимся компрессором, он отыскал сомнительной годности кубик маргарина. С кубиком в руке, испытывая радостный подъем, чувствуя, как бьется сердце, он направился на нижний этаж. «Надо успокоиться, — подумал он. — Чтобы он не догадался, что я недоумок. Если он увидит, что я недоумок, он не станет со мной говорить. Так почему-то всегда получалось. Интересно, почему?»

И он быстро зашагал по коридору.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

По дороге на работу Рик Декард, как и Бог знает сколько еще других людей, остановился поглазеть на витрину самого большого зоомагазина в Сан-Франциско. Он выбрал отдел животных. В центре стеклянной витрины длиной

в целый квартал, в пластиковой прозрачной клетке с подогревом, содержался страус. Рик Декард смотрел на страуса, страус смотрел на него. Птица, согласно табличке, только что была доставлена из зоопарка в Кливленде. Единственный страус на Западном побережье. После страуса Рик еще несколько минут мрачно рассматривал ярлык с ценой. А потом продолжил путь к Дому Правосудия на Ломбард-стрит, возле которого обнаружил, что опоздал на четверть часа.

Когда он отпирал дверь своего кабинета, его окликнул начальник, инспектор полиции Гарри Брайант. Брайант был рыжеволос, с торчащими ушами, в мешком сидящем костюме, но с глазами, замечающими вокруг все, что имело хоть какую-нибудь ценность для дела.

— Встретимся в девять тридцать в кабинете Дейва Холдена, — сказал он, одновременно пролистывая на своем пружинном планшете листки папиросной бумаги с печатным текстом.

— Холден в больнице «Гора Сион», — добавил Брайан, возобновляя движение по коридору. — Ему лазером прошло позвоночник. И раньше, чем через три месяца он не появится. Пока не приживется органопластиковая секция, пересаженная взамен поврежденных позвонков.

— Как это случилось? — спросил пораженный Рик.

Еще вчера главный охотник на андроидов их департамента был совершенно здоров. После рабочего дня он умчался в своем аэрокаре домой, в престижную густонаселенную часть города возле Нобхилла.

Брайант пробормотал через плечо что-то насчет сбора в девять тридцать в кабинете Холдена и умчался, оставив Рика в тревожном одиночестве.

Войдя в кабинет, Рик услышал голос секретаря, Энн Марстен.

— Мистер Декард? Вы знаете, что произошло с мистером Холденом? Его ранили. — Вслед за Риком секретарь вошла в душный тесный кабинет и включила кондиционер.

— Да, — рассеянно ответил он.

— Должно быть, это один из новых сверхумных андроидов, которые запускает в серию «Розен Ассоусиейшн», — рассуждала мисс Марстен. — Вы читали рекламную брошюру компании? Мозг типа «Узел-6», осуществляющий выбор из двух триллионов комбинаций, это десять миллионов

независимых нейронных трактов.— Она понизила голос.— Вы пропустили звонок по видеофону утром. Мне сказала мисс Вилд. Ровно в девять звонок передавали через общий коммуникатор.

— Нам кто-то звонил?

— Нет, от нас. Мистер Брайант звонил в Россию, в их управление милиции. Спрашивал, не согласятся ли они на составление совместной жалобы руководству «Розен Ассоусиэйшн». Мы направим жалобу представителям в нашем полушарии, они — в своем.

— Гарри продолжает настаивать на удалении с рынка мозга типа «Узел-6»?— Рик не удивился. С того момента, когда появилась информация об испытаниях и характеристиках этой модели, большая часть полицейских, имевших дело с убежавшими андроидами, протестовала без устали.

— Русские могут столько же, сколько и мы,— сказал он. С юридической точки зрения производители мозга типа «Узел-6» подчинялись колониальному законодательству, так как их предприятия находились на Марсе.

— Лучше примириться с новыми андроидами, как с фактом,— сказал он.— Так было всегда, всегда, когда появлялся мозг нового типа. Я помню, какой шум поднялся, когда люди Садерманна выставили старый «Т-14», еще в 19-м. Не было такого полицейского отделения в западном полушарии, которое бы не заявило, что теперь ни один тест не выявит андроида с таким мозгом, если андроид нелегально проникает на Землю. И, честно говоря, какое-то время они были правы.

Насколько он мог вспомнить, более пятидесяти андроидов типа «Т-14» тем или иным путем пробрались на Землю. Некоторым удалось скрываться более года. Потом Павловский институт в России разработал эмпатический тест. И ни один из андроидов Т-14 пока не смог пройти этого теста.

— А знаете, что ответили русские?— спросила мисс Марстен.— Мне удалось выяснить.— Ее веснушчатое лицо сияло.

— Это мне поведает Гарри Брайант,— сказал Рик. Его раздражали внутридепартаментские сплетни, он сел за стол и демонстративно принялся рыться в ящике до тех пор, пока мисс Марстен не поняла намек и не покинула кабинет.

Из ящика он извлек древний потертый конверт из

плотной коричневой бумаги. Он откинул спинку своего комфортабельного кресла последней модели и отыскал в конверте то, что было нужно: набор данных по мозговому устройству типа «Узел-6».

Ему потребовалось лишь несколько минут, чтобы убедиться, что «Узел-6» и в самом деле обладал двумя триллионами составляющих плюс способность выбора из десяти миллионов возможных комбинаций мозговой деятельности. За 0,45 секунды андроид с таким мозгом умел выбрать и осуществить любую из четырнадцати базовых реакций. Да, тест на умственные способности такого анди не расколет, хотя, уже многие годы андроиды успешно проходили эти тесты, начиная с 90-х, когда перестали использовать первые неуклюжие модели.

Андроид типа «Узел-6» по умственным способностям превосходил некоторые разряды людей. Другими словами, в утилитарных терминах «Узел-6» уже превзошел по своим возможностям большую, хотя и не самую выдающуюся часть человечества: слуга в некоторых отношениях стал искуснее господина. Правда, уже имелись новые критерии оценок, вроде эмпатической шкалы Войт-Кампфа. Самый интеллектуальный андроид не в состоянии понять того слияния, которое происходило во время сеансов эмпатии у всех последователей сострадализма и которое легко давалось любому человеку, даже аномальному недоумку.

Рика, как и большинство людей, всегда интересовал вопрос: почему андроид беспомощно проваливал любой тест на эмпатию? Очевидно, эмпатия, сопереживание, сочувствие — все это было присуще только человеческой природе, в то время как проблески интеллекта можно обнаружить, в той или иной степени, в любом роде и виде, включая пауков. Очевидно, с одной стороны, эмпатическое качество требовало группового инстинкта. Одиночный организм, вроде паука, в нем не нуждался, наоборот, такой инстинкт уменьшал его шансы на выживание. Он ведь заставил бы паука сознавать, что он старается выжить за счет жертвы. И все хищники, включая высокоразвитых, вроде кошек, умерли бы с голоду.

Эмпатия, решил когда-то Рик, должна ограничиваться травоядными или всеядными существами, способными отказаться от мясной диеты. Иначе дар этот начнет размыывать грань между охотником и жертвой, между побежденным и победившим. Подобно тому, как в слиянии с Состра-

дальным они все вместе поднимались к вершине, а потом, завершив цикл, смиренно погружались в могильный мир. Этот дар был обоюдоострым биологическим предохранителем. Если одно существо испытывало радость, то и все остальные получали свою долю радости. Однако, если страдал один, то и остальным было не избежать страданий. Стадное животное, вроде человека, получало таким образом дополнительный шанс на выживание. Сова или кобра погибли бы.

Наверное, робот-андроид был одиноким хищником.

Рику нравилось именно так думать об андроидах. Это делало его работу более приемлемой. Отправляя на покой или, как говорили, в отставку, то есть убивая андроида, он не нарушал закона жизни, провозглашенного Вилбуром Сострадальным. **«ДОЛЖНО УБИВАТЬ ТОЛЬКО УБИЙЦ»**, — сказал Сострадальный в тот первый год, когда появились генераторы эмпатии. По мере формирования сострадализма как теологического учения усложнилась и концепция Убийц. В теории сострадализма абсолютное зло было направлено на старого человека в жалком плаще, взбиравшегося по склону горы, но не было понятно, что или кто это было. Сострадалист чувствовал присутствие зла, не понимая его. Другими словами, он видел туманное присутствие Убийц везде. Для Рика Декарда беглый гуманоидный робот, убивший своего хозяина, снабженный искусственным интеллектом, превосходящим интеллект большинства людей, равнодушный к животным, не имевший способности разделять радость или страдание с другим существом, — для него такой андроид символизировал Убийцу.

Равнодушие анди к животным заставило его вспомнить о страусе, которого он видел сегодня в витрине. Он отодвинул в сторону документы по «Узлу-6», набрал в щепоть немного нюхательной смеси «Сиддонс № 3-4» и втянул носом воздух. Потом, подумав, сверился с часами. Время еще было. Он поднял трубку настольного видеофона и вызвал мисс Марстен.

— Соедините меня с зоомагазином «Счастливый пес» на Саттер-стрит.

— Минуточку, сэр. — Мисс Марстен раскрыла телефонную книгу.

— Они не могут на самом деле просить такую сумму за страуса, — сказал себе Рик Декард. — Они наверняка

должны сбавить, так всегда делалось в старые добрые времена. Например, когда торговали машинами.

— Зоомагазин «Счастливый пес»,— объявил радостный мужской голос, а на экране возникло уменьшенное изображение веселого лица. Доносился лай, рев и прочий животный шум.

— Этот вот страус, который у вас в витрине,— сказал Рик, поигрывая керамической пепельницей.— Сколько нужно внести за него сразу?

— Минутку,— сказал продавец, доставая карандаш и бумагу.— Сразу выплачивается одна треть.— Он начал считать.— Позвольте спросить, сэр, вы намерены покупать?

— Я еще не решил,— сдержанно сказал Рик.

— Но, допустим, мы заключим на страуса тридцатимесячный контракт,— сказал продавец.— С очень низким комиссионным сбором — всего шесть процентов в месяц. Тогда месячный взнос составит, после первой выплаты...

— Вы должны понизить цену,— сказал Рик.— Сбавьте две тысячи — и я выложу наличные, все сразу.— Дейв Холден сошел со сцены, подумал Рик. Понимая, как много будет заданий в этом месяце, это означает многое.

— Сэр,— сказал продавец,— наша цена и без того на тысячу ниже каталожной. Сверьтесь по вашему каталогу Сидни, я подожду. Я хочу, чтобы вы убедились: мы запрашиваем разумную цену.

«Боже,— подумал Рик,— они и не думают уступать». И все же, из спортивного интереса, он вытащил из кармана свой потрепанный экземпляр каталога, нашел раздел «страус» (самка, самец, молодой-старый, больной-здоровый, бывший в употреблении-новый). Он сверил цены.

— Не бывший в употреблении, самец, молодой, здоровый,— сказал продавец,— тридцать тысяч долларов.— Он тоже держал перед собой экземпляр каталога Сидни.— Наша цена ровно на тысячу долларов ниже. Итак, ваш первый взнос составит...

— Я подумаю,— сказал Рик,— и позвоню.— Он хотел повесить трубку.

— Ваше имя, сэр?— с готовностью спросил продавец.

— Френк Мерриуел.

— Ваш адрес, мистер Мерриуел? На случай, если меня не будет, когда вы позвоните.

Рик назвал выдуманный адрес и опустил трубку в гнез-

до. «Такие деньги,— подумал он.— Однако, люди покупают. У некоторых есть подобные суммы». Он снова поднял трубку и сказал сурово:

— Дайте городскую линию, мисс Марстен. И не подслушивайте — это секретный разговор.— Он свирепо посмотрел на секретаря.

— Да, сэр. Прошу, набирайте,— и она отключилась.

Он по памяти набрал номер эрзац-зоомагазина, в котором покупал свою электроовцу. На маленьком видеоэкране появился человек в халате ветеринара.

— Доктор Мак-Ре слушает,— сказал человек.

— Звонит Декард. Сколько стоит электрический страус?

— Гм, я бы сказал... мы могли бы подобрать вам приличного страуса за восемьсот долларов. Когда вам его доставить? Нам придется делать на заказ — страусов спрашивают редко.

— Я позвоню позже,— перебил Рик. Бросив взгляд на часы, он обнаружил, что уже 9-30.— До свидания.

Через пару минут он стоял перед дверью инспектора Брайанта. Он миновал первую секретаршу, молодую, привлекательную, с серебряными волосами до талии, потом вторую, немолодую, напоминавшую коварного монстра из юрских болот. Ни одна из женщин не удостоила его и словом, Рик тоже с ними не заговаривал. Он вошел в кабинет, кивнул инспектору, занятому разговором по видеофону, сел и вытащил документацию «Узла-6». Пока Брайант разговаривал, он еще раз перечитал документы.

Он почему-то был подавлен. Хотя, рассуждая логически, исчезновение с поля боя Дейва должно было привести его в состояние осторожной, но радости.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Быть может, думал Дик Рекард, я боюсь того же, что сделали с Дейвом: если анди смог подстрелить Дейва, то такой анди прошьет и меня. Хотя, кажется, дело не в этом...

— Вижу ты притащил брошюру по новому мозгу,— сказал Брайант, опуская трубку.

— Да,— сказал Рик.— Просочились слухи. Сколько в деле анди и как далеко продвинулся Дейв?

— Всего их восемь,— сказал Брайант, сверившись с листком на пружинном зажиме блокнота.— Дейв отправил в отставку двоих.

— Остальные шестеро находятся в Северной Калифорнии?

— Да, насколько нам известно. Так считает Дейв. Вот его заметки, они лежали в ящике стола. Здесь все, что он успел узнать.

Брайант постучал ногтем по стопке листов. Пока он проявлял желание передать записи Рiku. Хмурясь, инспектор полистал записи.

— У меня пока пусто, — с готовностью сказал Рик. — Я могу заменить Дейва.

— При испытании подозреваемых, — задумчиво сказал Брайант, — Дейв использовал тест Войт-Кампфа. Ты понимаешь, конечно, что этот тест не рассчитан на новый тип мозга. Такого теста вообще нет. Мы имеем шкалу Войта, три года назад усовершенствованную Кампфом. — Инспектор помолчал, размышляя. — Дейв считает, что тест себя оправдывает. Может быть, он и прав. Но хочу тебе предложить вот что... Прежде, чем возьмешься за эту шестерку, — инспектор постучал по стопке, — слетай в Сиэтл и поговори с людьми из фирмы Розена. Пусть дадут тебе на проверку один экземпляр андроида с новым мозгом типа «Узел-б».

— И я его испытаю по Войт-Кампфу, — сказал Рик.

— На словах это легко, — как бы себе самому сказал Брайант.

— Простите?

— Наверное, пока ты будешь в пути, я сам поговорю с представителями «Розен Ассоусиэйшн».

Он молча посмотрел на Рика, вздохнул, отгрыз заусенец и, наконец, решился:

— Я думаю обсудить с ними возможность включения в тест человека, вместе с андроидами. Кто человек, а кто андроид — ты знать этого не будешь. Буду знать только я и производители андроидов. — Он вдруг, с суровым лицом, ткнул в Рика пальцем. — Ты впервые будешь старшим охотником. У Дейва — годы опыта...

— И у меня тоже, — сказал Рик напряженно.

— Ты получал задания, которые оставались после заполнения рабочего графика Дейва. Он всегда решал сам: какие задания передавать тебе, какие — нет. А теперь у тебя шестеро — шесть анди, которых он собирался отправить на покой сам. И один из них первым отправил на покой его самого. Вот этот. — Брайант поднял лист, чтобы Рiku

было видно. — Макс Полоков. Так он себя называет. Все, что мы знаем, основано на предположениях Дейва, весь список. Тест Войт-Кампфа был применен к троем. Двоих Дейв отправил на покой. Потом подвернулся Полоков. Во время теста все и случилось — Полоков прошел Дейва лазером.

— Отправляйся в Сиэтл, — после паузы сказал Брайант, — и ничего им не говори. Я все организую сам. Послушай... — Он подошел к Рiku. — Если во время проведения теста по Войт-Кампфу один из людей не выдержит...

— Этого не может быть, — сказал Рик.

— Две недели назад я беседовал об этом с Дейвом. Он со мной согласился. Русские пустили в циркуляцию специальный меморандум. Как предполагает группа психиатров из Петербурга, некоторые шизоидные типы могут давать реакцию «понижение аффекта» при составлении психопрофиля личности по методике Войт-Кампфа. Ты об этом слышал?

— Тест на это и направлен.

— Проблема не нова. Она возникла в момент, когда мы столкнулись с андроидами, выдающими себя за людей. Мы опираемся на вывод известной статьи Лури Кампфа «Роловое блокирование у шизофреников последней стадии». Кампф сравнивал снижение эмпатии у душевнобольных со сходной внешне, но по сути своей...

— Петербургские психиатры полагают, — перебил Рика инспектор, — что некоторые больные могли бы провалить тест Войт-Кампфа. И ты принял бы их за андроидов. Ошибку обнаружили бы слишком поздно — они все были бы мертвы. — Он замолчал, ожидая, что скажет Рик.

— Но эти больные, — начал Рик, — находились бы в...

— Да, в специальных учреждениях, — согласился Брайант. — В обществе они не могли бы функционировать. Не смогли бы скрыть серьезного психического заболевания. Но ведь болезнь могла бы обостриться внезапно, когда еще не успели обратить на них внимания. И тогда ЭТО могло бы произойти.

— Один шанс из миллиона, — сказал Рик. Но он понимал, куда гнет инспектор.

— Дейва особенно беспокоил этот новый тип андроидов, «Узел-б». Розен нас заверил, что новый тип мозга можно выявить на стандартных процедурах психопрофиллирования. Теперь нам самим это приходится проверить. Этим ты займешься в Сиэтле. Ты понимаешь, что неудача

чревата двумя тяжелыми последствиями. Если ты не выявишь всех гуманоидных роботов во время испытания, значит, мы лишились надежного инструмента анализа, и никогда не найдем тех, кто успел бежать. Если же тест обозначит испытуемого человека как андроида...— Инспектор раздвинул губы в ледяной улыбке.— Щекотливая получится ситуация, хотя люди Розена этой новости не разгласят. Придется нам сидеть сложа руки. И как долго — никто не знает. Мы, конечно, поставим в известность русских, а информация просочится в журналы. Быть может, к тому времени мы разработаем новую шкалу тестирования.— Он снял трубку видеофона.— Итак, за дело? Возьми служебный кар, заправься на нашей станции.

Рик поднялся.

— Могу я взять записи Холдена? Я хотел бы полистать по дороге.

— Лучше подождем результатов испытания шкалы,— сказал Брайант. Тон его странным образом был лишен сочувствия, и Рик этот факт отметил.

Когда он посадил служебный полицейский кар на крышу здания ассоциации Розена в Сизтле, то обнаружил, что его встречают. Это была молодая женщина, черноволосая, стройная, в модных пылезащитных очках. Руки она глубоко засунула в карманы яркого полосатого пальто. На маленьком лице с точеными резкими чертами застыло сердитое отвращение.

— Что случилось?— спросил Рик, выйдя из кара.

— Не знаю,— уклончиво ответила девушка.— С нами как-то так говорили по телефону, таким тоном... Не важно.— Она вдруг протянула руку, и Рик машинально пожал ее.

— Меня зовут Рейчел Розен. А вы, кажется, мистер Декард.

— Идея была не моя,— сказал Рик.

— Да, инспектор Брайант нам пояснил. Но вы — официальный представитель департамента полиции Сан-Франциско. Этот департамент не уверен, что наша организация служит всеобщему благу.— Она внимательно смотрела на него. У нее были длинные черные ресницы, наверное, ненастоящие.

— Гуманоидный робот, как и любая машина, быстро превращается из благодеяния в опасность. Как благодеяние он в нашу компетенцию не входит,— объяснил Рик.

— Но как опасность,— подхватила Рейчел Розен,— сразу привлекает внимание. Мистер Декард, это правда, что вы охотник на андроидов?

Рик, пожав плечами, с неохотой кивнул.

— Значит, вы спокойно смотрите на андроида как на кусок мертвой материи. И с легким сердцем отправляете его «на пенсию», как вы говорите. В отставку, на покой.

— Вы уже отобрали группу испытуемых?— спросил он.— Я бы хотел...

Он замолчал. Он увидел животных, принадлежавших ассоциации.

«Конечно,— подумал он.— Мощная корпорация все может себе позволить». В глубине души он ждал чего-то подобного. Позабыв о девушке, он тихо подошел к ближайшему вольеру. Он чувствовал их запах, даже несколько запахов нескольких животных, которые сидели, стояли или спали в своих вольерах, вот как этот енот.

Он впервые видел настоящего енота. Раньше он знал енотов только по стереофильмам. Радиоактивная пыль почему-то нанесла енотам такой же тяжелый удар, как птицам: практически, ни один енот не выжил. Рик машинально достал свой потрепанный каталог Сидни, нашел графу «Енот». Цены были напечатаны курсивом — подобно першеронам, в данный момент на рынке не имелось свободных для продажи экземпляров. Ни за какие деньги. В каталоге регистрировалась цена последней продажи енота. Астрономическая цифра.

— Это Билл,— сказала девушка, остановившись за спиной Рика.— Билл-енот. Мы его купили в прошлом году у одной компании.— Она показала на охранников, которых Рик заметил только сейчас. Охранники, вооруженные легкими скорострельными автоматами модели «школа», пристально следили за Риком с того момента, когда он посадил кар на крышу корпорации. А ведь на каре, подумал он, стоит четкая эмблема полиции.

— Крупнейший производитель андроидов,— медленно сказал он,— вкладывает прибыль в животных.

— Посмотрите на сову,— сказала Рейчел Розен.— Сейчас я разбужу ее, специально для вас.

Она пошла к небольшой клетке в центре. В клетке стояло засохшее, но ветвистое дерево.

Совы больше не существует, хотел сказать ей Рик. Или так считалось до сих пор. В каталоге совы числятся как

вымершие: мелкий шрифт, значок «В», на всех страницах. Пока девушка шла к клетке, он проверил себя — да, он не ошибся. Каталог Сидни никогда не ошибается. Нам это известно. Нам больше не на что полагаться.

— Она искусственная,— сказал он, вдруг догадавшись. Разочарование было нестерпимо острым.

— Нет,— сказала она и улыбнулась. Он увидел, что у нее мелкие ровные зубы, такие же безупречно белые, как были безупречно черными ее волосы.

— Но в каталоге Сидни...— Он попытался показать ей каталог. Чтобы она убедилась.

— Мы у Сидни ничего не покупаем,— сказала девушка.— И у других зооторговцев тоже. Мы покупаем только у частных охотничьих партий, цены не оглашаются. Кроме того, у нас есть собственные натуралисты. Сейчас они работают в Канаде. Там остались довольно обширные леса. Там уцелели многие мелкие животные, иногда даже птицы.

Рик долго стоял, глядя на сову, дремавшую на ветке. Тысячи мыслей пронеслись в его голове — о войне, о тех днях, когда с неба начали падать птицы. Он помнил это, он был мальчишкой, когда обнаружилось, что животные начинают вымирать — вид за видом. Газеты сообщали: сегодня утром вымерли лисы. В следующий раз — барсуки. Потом люди перестали читать бесконечные сообщения о смерти животных.

Он снова почувствовал неприязнь к своей электрической овце, о которой приходилось заботиться, как о живой. Тирания вещи, подумал он. Вещь не знает, что я существую. Как андроиды, она не умеет воспринимать существование других. Ему впервые пришла в голову такая мысль — о сходстве анди и электрических животных. Можно рассматривать электроживотных как примитивный подвид андроидов, решил Рик. Разновидность очень примитивного робота. И, наоборот, андроида можно представить как очень высокоразвитое электроживотное. Обе мысли показались Рiku отвратительными.

— Сколько стоила бы сова,— спросил он Рейчер Розен,— если бы вы ее продавали? И какую часть нужно было бы внести немедленно?

— Мы никогда не продадим нашу сову,— ответила Рейчел, со смешанным чувством жалости и удивления глядя на Рика.— Если бы мы ее продали, вы не смогли бы заплатить. У вас дома какое животное?

— Овца,— сказал он.— Черномордая саффолкская.

— Ну, вы должны быть довольны.

— Я доволен,— сказал Рик.— Просто всегда мечтал иметь сову, даже еще до того, как они вымерли. Все.— Он тут же поправил себя.— Кроме вашей.

— Сейчас мы стремимся получить вторую сову, которая могла бы спариваться со Скреппи,— сказала Рейчел, показав на дремавшую сову. Птица на секунду приоткрыла желтые щелки глаз. Перья на груди приподнялись, потом опустились, словно сова тяжело вздохнула в своем гипнотическом трансе.

Оторвавшись от рвущего душу зрелища — к горечи примешивались робость и желания,— Рик сказал:

— Теперь пора заняться тестами. Мы спустимся вниз?

— Мой дядя говорил с вашим начальником, сейчас уже, наверное...

— Вы родственники?— перебил Рик.— Такая большая корпорация — и семейное предприятие?

Завершая начатую фразу, Рейчел произнесла:

— Дядя Эддон подготовил группу андроидов и контрольную группу. Пойдемте.

Она направилась к лифту, снова глубоко засунув руки в карманы яркого пальто. Она не обернулась. Помедлив секунду, Рик побрел следом. Он был раздражен.

— Почему вы так со мной разговаривали?— спросил он, когда они спускались в лифте.

Она ответила не сразу, словно не ждала такого вопроса.

— Вы, мелкий чиновник полицейского управления, оказались в уникальном положении. Понимаете, о чем я?— Она искоса, с угрозой, взглянула на него.

— Какой процент вашей текущей продукции состоит из андроидов с мозгом типа «Узел-6»?

— Вся,— ответила девушка.

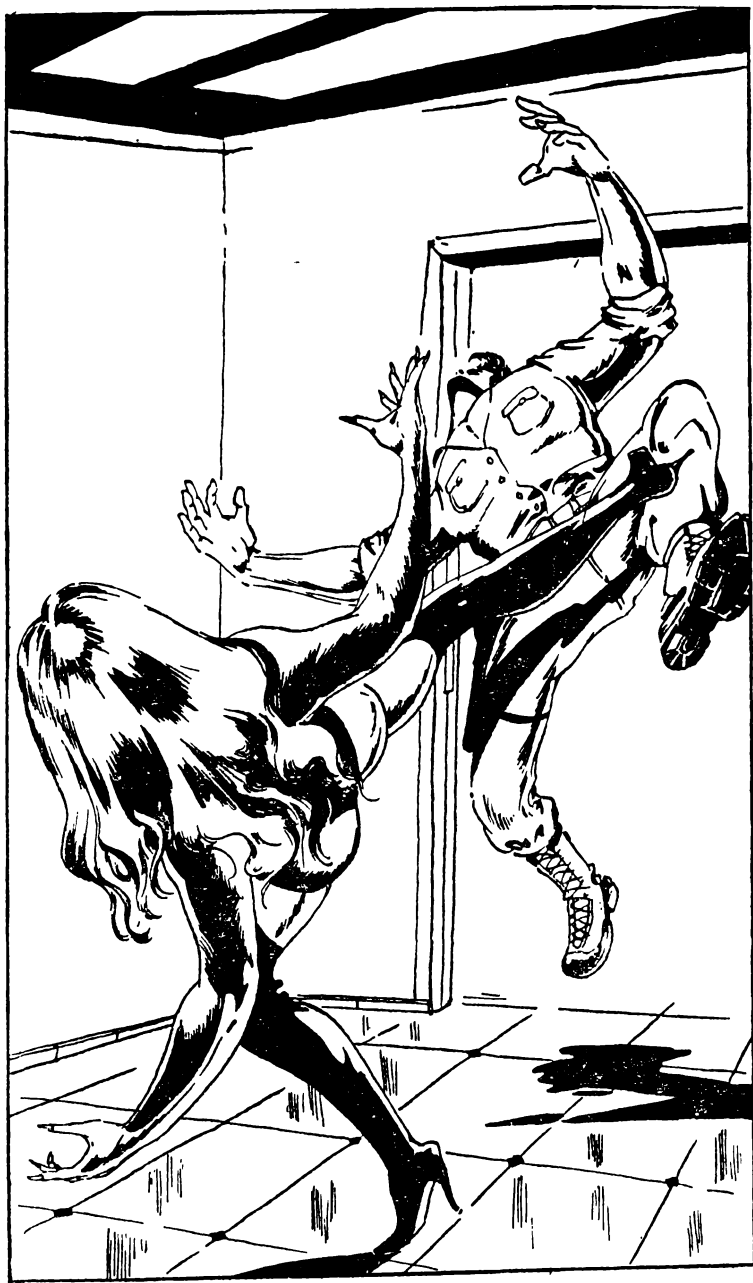
— Я уверен, что шкала Войт-Кампфа окажется пригодной для них.

— А если нет, то нам придется убрать с рынка все типы «Узел-6».

Черные глаза сурово смотрели на Рика до того, пока не раздвинулись двери кабинки.

— И только потому, что вы не справились с таким ничтожным делом, как выявление жалкой группки бежавших андроидов типа «Узел-6»...

К ним, протягивая руки, подошел пожилой, худощавый,

элегантно одетый мужчина. На лице его отражалась озабоченность, словно в последние часы события развивались слишком быстро для него.

— Элдон Розен,— представился он Рiku, пожимая руку.— Послушайте, Декард, вы ведь понимаете, что на Земле мы ничего не производим? Я не могу просто снять трубку и приказать доставить пару образцов текущей продукции. Нет, это не значит, что мы не хотим с вами сотрудничать. Во всяком случае, я сделал все, что мог.— Чуть дрожа, его ладонь пробежала по редющим волосам.

Указав на служебный чемоданчик, Рик сообщил:

— Я готов начинать.

Нервный тон старшего Розена поднял его уверенность в себе. Они боятся меня, вдруг с удивлением понял он. Включая Рейчел Розен. Значит, я могу вынудить их прекратить производство типа «Узел-6». Ближайший час-два окажет сильнейшее воздействие на их будущие операции. Быть может, от моих тестов зависит само будущее корпорации Розена. Здесь, или в восточном полушарии, или даже на Марсе.

Двое Розенов внимательно смотрели на него. За внешней вежливостью он чувствовал ужас пустоты — он принес с собой безмолвие экономической гибели. Ведь корпорация стала одним из стержней экономики. Она так тесно срослась с программой колонизации, что если рухнет первая, то в соответствующее время угаснет и вторая. Розен это превосходно понимал. Он размышлял над этим с самого момента звонка Гарри Брайанта.

— Я бы на вашем месте не особенно бы беспокоился,— сказал Рик, когда шли по широкому, ярко освещенному коридору. Он был очень доволен. Он был доволен своим положением как никогда раньше. Очень скоро они будут знать, что может и чего не может его аппарат.

— Если вы не доверяете шкале Войт-Кампфа,— сказал он покровительственно,— то ваша организация могла бы разработать собственный тест. О, благодарю.

Розены ввели его в уютную комнатку, с коврами, модными выдвижными столиками и свежими журналами на них. Здесь был даже последний, февральский выпуск приложения к каталогу Сидни, которого Рик еще не видел. Он, собственно, должен был выйти через три дня. Да, корпорация Розена имела особого свойства связи с компанией Сидни.

Он раздраженно подхватил выпуск каталога.

— Это покушение на общественное доверие. Никто не должен иметь преимущества, первым узнавая цены.

Фактически нарушался федеральный закон. Рик попытался вспомнить соответствующую статью, но не смог.

— Я забираю это с собой,— сказал он и сунул приложение к каталогу в чемоданчик.

Последовала пауза, потом Элдон Розен утомленно сказал:

— Послушайте, инспектор, это не в наших правилах — упрашивать...

— Я не инспектор, я охотник на андроидов,— сказал Рик.

Из чемоданчика он достал аппарат Войт-Кампфа, сел за ближайший журнальный столик из розового дерева и начал монтировать прибор, довольно простое тестирующее устройство.

— Можете пригласить первого испытуемого,— сообщил он Элдону Розену. Старый человек казался сейчас еще более изможденным.

— Можно мне посмотреть?— спросила Рейчел, тоже присаживаясь.— Я никогда не видела испытания на эмпатию. Что измеряют все эти штуки?

— Вот это...— он поднял диск с клейкой поверхностью и сеткой проволочек,— определяет степень расширения капилляров кожи лица. Это первичная рефлекторная реакция, так называемая краска смущения или стыда. Ее вызывает стимул шокирующей природы. Она не поддается волевому контролю, подобно частоте дыхания, проводимости кожи или сердцебиению.

Он показал ей другие приборы, в том числе и световой датчик.

— С помощью тонкого луча этот прибор регистрирует перемену напряжения внутри глазных мышц. Обычно наряду с покраснением регистрируется слабое, но заметное сокращение...

— И у андроидов этого не бывает?— спросила Рейсел.

— Они могут быть. Но не порождаются вопросами-стимулами.

— Испытайте меня,— сказала Рейчел.

— Зачем?— озадаченно спросил Рик.

Заговорил хрипло Элдон Розен:

— Мы избрали ее в качестве вашего первого объекта

испытания. Возможно, она андроид. Надеемся, вы сможете это выяснить.

Как-то судорожно, порывисто, он сел, закурил сигарету и принялся наблюдать за Риком.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тонкий, как спица, белый световой луч бил прямо в глаз Рейчел Розен. К ее щеке прилип проволоочный сетчатый диск, но Рейчел внешне была абсолютно спокойна.

Рик Декард, усевшись так, чтобы хорошо видеть показания двух циферблатов на панели аппарата Войт-Кампфа, сказал:

— Сейчас я опишу несколько ситуаций, с которыми вы можете столкнуться в жизни. Вы должны выразить свою реакцию, как можно быстрее. Время будет засекаться.

— И, конечно же,— донесся издали голос Рейчел Розен,— слова мои в счет не пойдут. Значение имеет только реакция глазных мышц и капилляров кожи. Но я все равно буду отвечать. Я хочу через все это пройти.— Она замолчала.— Начинайте, мистер Декард.

Рик, выбрав вопрос номер 3, сказал:

— В день рождения вам подарили кошелек из телячьей кожи.

Обе стрелки немедленно перепрыгнули в красный сектор. Бешено заматавшись, стрелки успокоились.

— Я откажусь,— сказала Рейчел.— И сообщу в полицию имя человека, который сделал мне такой подарок.

Сделав пометку, Рик обратился к восьмому вопросу шкалы.

— У вас есть маленький сын. Он показывает вам коллекцию бабочек, включая банку для умертвления насекомых.

— Я отведу его к доктору,— тихо, но твердо сказала Рейчел. Стрелки опять отклонились, но уже не так сильно. Рик сделал вторую отметку.

— Вы смотрите телевизор,— продолжал он.— Вдруг обнаруживаете на руке осу.

— Я бы ее убила,— сказала Рейчел.

На этот раз стрелки, лишь слабо дрогнув, почти не отклонились, Рик сделал пометку и осторожно выбрал следующий вопрос.

— Вы встречаете в журнале цветную фотографию девушки на весь разворот. Девушка обнаженная.

— Интересно, что вы проверяете — мою склонность к лесбиянству?

Стрелки даже не шелохнулись.

Рик продолжал:

— Вашему мужу понравилась фотография. — Стрелки опять не двинулись. Ноль реакции. — Девушка лежит лицом вниз на большой шкуре медведя. — Стрелки остались мертвы, и Рик сказал себе, что это — явная реакция андроида: она не заметила самого главного, сосредоточившись на других элементах. Она или... оно.

— Ваш муж решил повесить снимок в своем кабинете.

Стрелки наконец ожили.

— Я не разрешу.

— Хорошо, — сказал Рик, кивнул, — теперь представьте, вы читаете довоенный роман. Герои посещают причалы Сан-Франциско. Они захотели перекусить и зашли в морской ресторан. Один из героев заказывает омара, шеф-повар бросает свежего омара в кипящую воду. Герои наблюдают, как омар варится.

— Боже! — воскликнула Рейчел. — Это ужасно. Они на самом деле так делали? Просто жуты! Это извращение! Вы имеете в виду, что... ЖИВОГО омара?

Но стрелки циферблатов, тем не менее, реакции не показали. Формально реакция Рейчел была правильной. Но — симитированной.

— Вы сняли домик в горах. В районе, где еще остались леса. Это небольшая избушка с камином.

— Понятно. — Рейчел нетерпеливо кивнула.

— Кто-то повесил на стенах старые карты, репродукции, а над камином голову оленя, крупного самца с великолепными рогами. Ваши товарищи восхищены обстановкой, и вы все...

— Только не с этой ужасной головой, — сказала Рейчел.

Стрелки, тем не менее, не вышли за границы зеленого сектора.

— Вы забеременели, — сказал Рик. — От человека, который обещал жениться, а потом убежал к другой женщине, вашей лучшей подруге. Вы делаете аборт и...

На этот раз обе иглы устремились в красный сектор.

— Я не смогла бы сделать аборт, — жестко сказала

Рейчел.— Это запрещено. Полиция следит за этим. За попытку — пожизненное заключение.

— А откуда вы знаете?— с любопытством спросил

Рик.— Насчет трудностей с абортom?

— Это все знают.

— Мне показалось, что вы говорите на основании собственного опыта.— Он не отрывал глаз от циферблата. Стрелки опять широко взмахнули.— Еще раз. Вы пришли на свидание с мужчиной. Он пригласил вас домой. Там он предлагает выпить. Со стаканом в руке вы случайно заглянули в спальню. Она украшена привлекательными плакатами с изображением боя быков. Вы заходите в спальню, чтобы получше рассмотреть плакаты. Он идет за вами, закрывает дверь. Обнимает вас и говорит...

— Что значит «бой быков»?

— Это рисунок, как правило, большой, изображающий матadora с красным плащом и быка, который старается поддеть матadora на рога.— Рик был озадачен.— Сколько вам лет?— спросил он. Возможно, дело в данном случае именно в этом.

— Восемнадцать,— сказала Рейчел.— Ладно. Он закрывает дверь, обнимает и говорит... Что он говорит?

— Вы знаете, чем заканчивалась коррида?

— Кажется, кто-то кого-то убивал.

— В конце всегда убивали быка.

Он ждал, глядя на две тонкие стрелки. Они лишь подрагивали. Никакой настоящей реакции.

— Последний вопрос,— сказал он.— В двух частях. Вы смотрите по телевизору старый, довоенный фильм. Идет банкет. Гости наслаждаются устрицами.

— Гм,— сказала Рейчел. Стрелки быстро качнулись.

— Главное блюдо,— продолжал Рик,— состоит из собаки, вареной, набитой рисом.— Стрелки качнулись, но слабее, чем в случае с устрицами.— Устрицы для вас более приемлемы, чем вареная собака? Явно нет.

Он опустил карандаш, выключил световой луч, снял с щеки Рейчел клейкую проволочную сетку.

— Вы андроид,— сказал он.— Таков результат теста.— Сообщил он ей, а скорее, ему..., а так же Элдону Розену, который с беспокойством наблюдал за Риком. Лицо старика дрогнуло.

— Я прав, не так ли?

Оба Розена промолчали.

— Послушайте,— сказал Рик убеждающе.— Наши интересы не расходятся. Для меня не менее важно, чем для вас, чтобы тест Войт-Кампфа действовал.

Старший Розен сказал:

— Она не андроид.

— Я не верю.

— Зачем ему лгать?— с жаром вступила Рейчел.— Нам было бы выгоднее обмануть вас.

— Требую анализа костного мозга,— сказал Рик.— Органический анализ может показать, андроид вы или нет. Это займет много времени, это болезненная процедура, но...

— По закону,— сказала Рейчел,— вы не можете меня принудить согласиться на анализ. Это установлено судом. Кроме того, для живого человека, а не убитого андроида, на анализ уходит много времени. Вы правы только в одном — это конец теста.

Она встала, отошла в сторону и, уперев руки в бедра, повернулась к Рiku спиной.

— Дело не в законности анализа костного мозга,— хрипло сказал Элдон Розен.— Дело в том, что ваш тест на эмпатию оказался неприменимым к моей племяннице. Я могу объяснить, почему ее реакция напоминала реакцию андроида. Рейчел выросла на борту звездолета «Саландер-3». Там она родилась и провела четырнадцать лет. О Земле она знала только то, что было в библиотеке, и то, что рассказывали ей девять членов экипажа. Как вам известно, корабль повернул, преодолев только шестую часть пути к Проксиме Центавра. Иначе Рейчел никогда не увидела бы Земли... во всяком случае, до самой старости.

— И вы отправили бы меня на покой,— сказала Рейчел через плечо.— Вы застрелили бы меня. Я знала это еще четыре года назад, когда вернулась сюда. Я уже не первый раз прохожу тест Войт-Кампфа. Честно говоря, я не рискую часто покидать это здание. Полиция устраивает проверки на дорогах, в воздухе, отыскивая неклассифицированных спецназов.

— И андроидов,— добавил Элдон Розен.— Широкой публике об этом, разумеется, не сообщают. Ей не нужно знать, что андроиды постоянно проникают на Землю и скрываются среди нас.

— Не думаю, что это так серьезно. Уверен, что полиция в обоих полушариях уже ликвидировала всех беглых андроидов,— сказал Рик.— Население сейчас очень неплот-

ное. И любой, рано или поздно, попадает под выборочную проверку.

— Вас проинструктировали на тот случай, если вы ошибочно определите человека, как андроида?

— Это дело нашего управления,— сказал Рик, закрывая чемоданчик, куда он уже упаковал аппарат. Оба Розена молча следили за ним.— Само собой разумеется, в подобном случае мне было приказано прекратить испытания, что я сейчас и делаю. Если тест не удался один раз, какой смысл продолжать?— Он щелкнул замком.

Брайант был прав, подумал он. Слава богу, мне не придется выходить на задание, имея этот тест.

— Все дело в специфике вашего производства, мистер Розен,— сказал Рик.— Кто вас заставлял доводить совершенство гуманоидных роботов до предела, когда...

— Мы производим то, что необходимо колонистам,— сказал Эддон Розен.— Мы следуем проверенному временному принципу коммерции. Если бы мы не начали совершенствовать андроидов, этим бы занялась другая фирма. Мы знали, на какой идем риск, создавая модель «Узел-6». **НО ВАШ ТЕСТ ДОКАЗАЛ СОБСТВЕННУЮ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ.** Другое дело, если бы вы не определили андроида типа «Узел-6» как андроида, если бы вы ошиблись в другую сторону. Но произошло обратное.— Голос Розена вдруг стал твердым и властным, приобретая всепроникающую резкость.— Весьма вероятно, что вы и ваше управление уже отправили «на покой», немало настоящих людей, приняв их за андроидов. И только потому, что их эмпатическая способность была недоразвита, как у моей бедной племянницы, невинной девушки. Ваша позиция, мистер Декард, крайне незавидна с моральной точки зрения. Ваша, а не наша.

— Другими словами,— сказал Рик, который начал понимать, что происходит,— вы не дадите мне возможности проверить андроида типа «Узел-6». Вы заранее напустили на меня шизоидную девицу.

И тест провалился, подумал он. Не нужно было начинать. Теперь слишком поздно.

— Мы обвели вас вокруг пальца, мистер Декард,— согласилась Рейчел Розен. Она повернулась лицом к Рiku: она улыбалась.

Рик все еще не хотел признать, что корпорация Розена смогла так ловко и незаметно его провести. Да, это экспер-

ты надувательства, понял он. Такая гигантская корпорация... у нее слишком большой опыт. Она должна обладать каким-то своеобразным групповым сознанием. А Элдон Розен и Рейчел — только представители, выразители идей этого коллективного мозга. В этом и была его ошибка: он воспринимал их как отдельные индивидуальности. Этой ошибки он больше не повторит.

— Ваш начальник, мистер Брайант, будет очень озадачен, узнав, как легко позволили вы сделать тест недействительным еще до начала настоящей проверки, — сказал Элдон Розен.

Он показал пальцем на потолок. Рик увидел блеск телевизионных линз. Его непростительная оплошность в деле с корпорацией Розена была записана на пленку.

— Думаю, нам сейчас необходимо присесть... — Элдон Розен дружелюбно указал на кресло. — Мы можем что-нибудь придумать, мистер Декард. Нет причин волноваться. Андроиды типа «Узел-б» — это факт. Мы, «Розен Ассоусиейшн», так его и воспринимаем. И вы тоже теперь, я надеюсь.

Рейчел, наклонившись к Рiku, спросила тихо:

— Вы бы хотели иметь сову?

— Сомневаюсь, что буду когда-нибудь ее иметь.

Но он понял, что она имеет в виду. Понимал, какую сделку предлагает корпорация. Он чувствовал волнение, совершенно необычного свойства. Такого с ним еще не случалось. Внутри словно взорвалась мина напряжения, затопив тело до последнего уголка, и напряжение полностью овладело им.

— Но сова — именно то, что вам нужно, — сказал Розен-старший. Он вопросительно посмотрел на Рейчел. — Кажется, он не может понять...

— Все он отлично понимает, — возразила Рейчел. — Он отлично знает, к чему дело идет. Не так ли, мистер Декард?

Она опять наклонилась, теперь ближе. Он чувствовал легкий аромат духов и даже, кажется, тепло ее тела.

— Мистер Декард, сова, практически, уже ваша.

Потом она повернулась к Элдону Розену:

— Он охотится на андроидов. Не забывайте. Он, кроме жалования, получает премии. Правильно, мистер Декард?

Он кивнул.

— Сколько андроидов убежало на этот раз? — поинтересовалась Рейчел.

— Восемь, — после некоторой паузы сказал Рик. — Двое уже отправлены на покой. Но не мною. Другим охотником.

— И сколько вы получаете за одного андроида?

Рик пожал плечами.

— По-разному бывает.

— Если у вас нет полномочного инструмента тестирования, то и нет способа обнаруживать андроидов, — сказала Рейчел. — А если нет способа обнаруживать андроидов, то нет и премий. Поэтому, если будет отброшена шкала Войт-Кампфа...

— Ее заменит новая шкала, — сказал Рик. — Это уже случалось раньше.

Три раза, если быть точным, подумал он. Но тогда были известны нужные для новой шкалы анализирующие инструменты. На этот раз ситуация иная.

— Конечно, шкала Войт-Кампфа устареет и выйдет из употребления, — согласилась Рейчел. — Но до этого пока далеко. Мы довольны тем, что она способна выявлять андроидов типа «Узел-6», и мы бы хотели, чтобы вы продолжили свою необычную работу.

Крепко сжав ладони, покачиваясь вперед-назад, она пристально смотрела на Рика. Старалась прощупать его реакцию.

— Скажи ему, что он сову получит, — напомнил Розен.

— Вы сможете взять сову. — Рейчел не спускала пристального взгляда с Рика. — Ту, что на крыше. Скреппи. Но мы бы хотели, чтобы вы разрешили нам спарить ее, если мы достанем самца. И потомство будет наше — тут без компромиссов.

— И еще одно условие. — Рейчел оглянулась на Элдона Розена, который согласно кивнул. — Вы не получите права передавать сову по наследству. В случае вашей гибели она вернется в корпорацию.

— Получается приглашение, — сказал Рик. — Вы явитесь и прикончите меня. Чтобы немедленно вернуть сову. Я не согласен. Это слишком опасно.

— Но ведь вы — охотник на андроидов. Вы умеете пользоваться лазерным пистолетом... у вас и сейчас с собой оружие. Если вы не умеете защитить себя, то как же вы отправите «на покой» шестерых анди типа «Узел-6»? Они

куда сообразительнее старых «В-4» корпорации Гроззи?

— Но я охочусь на них,— сказал он.— А в этом случае кто-то будет охотиться за мной.

Идея ему не понравилась. Эффект он уже наблюдал на андроидах. Даже в их сознании идея того, что за ними идут по следу, вызвала заметные перемены.

— Ладно. Мы уступим. Вы сможете завещать сову наследникам. Но потомство остается за нами. На этом мы настаиваем. Весь выводок. Если вы не согласны, возвращайтесь к своему начальнику и расскажите, что шкала Войт-Кампфа, в ваших руках, во всяком случае, не способна отличать андроида от человека. А потом ищите другую работу.

— Дайте мне немного времени,— сказал Рик.

— Хорошо,— сказала Рейчел.— Мы вас оставим здесь. В уютной обстановке.— Она посмотрела на часы.

— Подчасу,— сказал Элдон Розен.

Он и Рейчел безмолвно направились к двери. Они сказали все, вдруг понял он. Теперь остальное зависит от него.

Когда Рейчел начала затворять дверь, Рик сказал в пространство:

— Вы поймали меня в ловушку. Мой промах записан на видеоленту. Вы знаете, что моя работа зависит от применения шкалы Войт-Кампфа. И у вас эта проклятая сова.

— Твоя сова, мой милый,— сказала Рейчел.— Ты забыл? Мы привяжем ей адрес на лапку и отправим лететь в Сан-Франциско. Там оно тебя встретит.

Оно, подумал Рик. Она назвала сову «оно», а не «она».

— Секундочку,— сказал он.

Рейчел остановилась в дверях.

— Вы решили?

Рик открыл чемоданчик.

— Хочу задать вам последний вопрос из теста Войт-Кампфа. Пожалуйста, присядьте.

Рейчел взглянула на дядю. Тот кивнул, она пожала плечами и села за тот же столик, что и раньше.

— Зачем это?— спросила она нетерпеливо, приподняв — с тревогой и отвращением — брови. Он заметил ее напряжение и профессионально отметил его про себя.

Минуту спустя он направил световой карандаш в глаз Рейчел, к ее щеке приклеил проволоочный диск. Рейчел неподвижно смотрела прямо в луч света, не меняя выражения лица, на котором застыло отвращение.

— Симпатичный чемоданчик, не правда ли?— сказал Рик, выуживая листки с тестом.— Служебный. Нравится?

— М-да,— неопределенно ответила Рейчел.

— Детская кожа,— сказал Рик.— Стопроцентная натуральная кожа ребенка.— Он погладил черную крышку.

Он увидел, как отчаянно метнулась стрелка на обоих индикаторах. Но лишь после заметной паузы. Реакция была с опозданием! Никакой заметной паузы вообще не должно было быть. Время реакции он знал до долей секунды.

— Благодарю, мистер Розен,— сказал он и начал собирать прибор. Повторный тест кончился.— Это все.

— Вы улетаете?— спросила Рейчел.

— Да. Я доволен результатами.

Рейчел спросила с опаской:

— А как же остальные девять испытуемых?

— В вашем случае шкала оправдала себя вполне. Я могу делать вывод уже на основании этого теста. Он продолжает сохранять эффективность. Он повернулся к Элдону Розену, который в мрачном молчании стоял у двери.

— Она знает?

Иногда они сами не знали, кто они. Иногда вводилась ложная память. С ошибочной надеждой, что это поможет изменить результат теста.

— Нет,— сказал Элдон Розен.— Мы ее полностью запрограммировали. Но, кажется, к концу она начала подзревать.— Он взглянул на Рейчел.— Когда он попросил еще одну попытку, ты догадалась?

Побледнев, Рейчел кивнула.

— Не бойся его. Ты ведь не сбежавший андроид, нелегально проникший на Землю. Ты собственность ассоциации Розена. Часть торговой рекламы для привлечения будущих колонистов.— Он подошел к девушке и успокаивающе положил на плечи ладони. Рейчел вздрогнула.

— Он прав,— сказал Рик.— Я не собираюсь отправлять вас на покой, мисс Розен. Всего хорошего.

Он направился к двери, на миг остановился и спросил Рейчел:

— У вас сова настоящая?

Рейчел быстро взглянула на Розена.

— Он все равно уходит,— сказал старший Розен.— Это уже не имеет значения. Нет, сова искусственная. Живых сов больше нет.

— Так, — тихо сказал Рик и вышел в коридор. Оставшиеся в комнате смотрели вслед. Все молчали. Все уже было сказано. Вот как действует самый крупный производитель андроидов, подумал Рик. Подлое коварство, с каким даже он никогда раньше не сталкивался. Скрытный, опасный тип личности. Недаром органы правопорядка обеспокоены появлением андроидов типа «Узел-б».

Теперь он вспомнил. Ведь Рейчел должна быть типом «Узел-б». Я впервые видел одного из них. И он едва не выиграл. Они едва не подкопались под тест Войт-Кампфа — единственный метод распознавать этих андроидов. Корпорация Розена славно потрудились... и очень близко подошла к цели, к тому, чтобы защитить производимый товар.

И мне нужно иметь дело еще с шестерыми, думал Рик. За каждый цент премии придется попотеть.

К тому же неплохо выйти из этой переделки живым.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Телевизор надрывался. Джон Исидор, спускаясь по пыльной лестнице огромного пустынного дома, слышал хорошо знакомый голос Бастера Дружби. Голос исходил весельем. Бастер болтал со своей всесистемной аудиторией.

— Ха-ха, ребята! Стук-грюк-стук! Пора сделать краткую сводку погоды. Сначала восточное побережье США. Спутник «Мангуста» сообщает: осадки достигнут максимума к полудню, потом уровень снизится. Если кто-то из вас собирается выйти прогуляться, вам лучше подождать. Кстати, об ожидании. Осталось всего десять часов до момента, когда я сообщу вам чрезвычайную новость. Это мой сюрприз. Возможно, вы думаете, что я, как всегда...

Как только Исидор постучал в дверь, голос Бастера канул в небытие. Телевизор замолчал. Он не просто потерял голос. Он перестал существовать, словно до смерти напуганный стуком Исидора.

Но сквозь затворенную дверь он чувствовал присутствие другой жизни. Он убедил себя, — а может, в самом деле что-то воспринимал? — что ощущает безгласный испуг, притаившийся за дверью, пятившийся от нее, словно кто-то пытался забиться в самый угол квартиры, чтобы не встречаться с Джоном Р. Исидором.

— Эй! — позвал он. — Я живу на следующем этаже. Я услышал, что у вас работает телевизор. Давайте познакомимся, согласны?

Он прислушался. Ни шороха, ни намек на движение.

— Я принес вам маргарин, — сказал он, подойдя вплотную к двери, чтобы голос проник сквозь ее толщину. — Меня зовут Джон Р. Исидор, я работаю на известного ветеринара, мистера Ганнибала Слоута. Вы ведь слышали о нем? Я вполне приличный человек. Вожу фургон для мистера Слоута.

Дверь робко приоткрылась, и он заметил силуэт девушки. Девушка старалась держаться так, чтобы не попасть в поле зрения Исидора, одновременно не выпуская дверь. словно без этого она не удержалась бы на ногах. Страх придавал ей больной вид. словно кто-то сломал ее, а потом кое-как, злобно и насмешливо слепил снова. Огромные неподвижные глаза стеклянно смотрели на Исидора, губы с трудом складывались в улыбку.

Он вдруг понял, что случилось.

— А, вы думали, в доме больше никто не живет? Вы думали, дом покинут?

— Да, — прошептала девушка и кивнула.

— Но ведь всегда приятно иметь соседей, — сказал с надеждой Исидор. — Черт побери, пока вы не появились, у меня вообще соседей не было. А это так грустно, Бог свидетель.

— А вы здесь один? — спросила девушка. — В этом здаши? Кроме меня?

Теперь она, казалось, немного освоилась, осмелела. Она выпрямилась, провела по волосам ладонью. Теперь он видел, что у девушки прелестная фигура, хотя и очень миниатюрная, а глаза притенены длинными черными ресницами. Девушка, застигнутая стуком врасплох, была одета только в пижамные брюки — больше на ней ничего не было. Исидор заметил, что в ее комнате царит полнейший беспорядок. Распахнутые чемоданы там и сям, их содержимое, вывалившееся на пыльный мусорный пол. Но это естественно — она только что приехала.

— Кроме вас, я здесь один, — сказал Исидор. — И я не буду вам надоедать.

Он был подавлен. Его гостинец, напоминавший о старых добрых довоенных временах, не был принят. Девушка, кажется, вообще не понимала, зачем он принес марга-

рин. Или даже не заметила, что он что-то держит в руках. У него появилось ощущение, что девушка совершенно рас-теряна. Она беспомощно барахталась в расходящихся кругах страха.

— Вам нравится старина Бастер?— спросил Исидор, чтобы как-то снять напряжение.— Я каждое утро смотрю его передачи, и вечером тоже, когда возвращаюсь с работы. Смотрю, пока ужинаю, а потом — до тех пор, пока не лягу спать. То есть я так делал, пока не сломалось изображение в моем телевизоре.

— Кто...— Девушка оборвала вопрос, прикусив губу, словно рассердившись. Очевидно, на себя.

— Бастер Дружби,— объяснил он. Странно, что девушка не слышала об этом самом-самом комичном комике на Земле. «Бастер — да я хохотал от него до слез!»

— А вы откуда приехали?— спросил он с любопытством.

— Какая разница?— Она бросила на Исидора быстрый взгляд снизу вверх. И заметила в нем что-то такое, отчего напряжение сразу стало меньше.— Я буду рада вашей компании. Но позже, когда немного освоюсь. Сейчас об этом не может быть и речи.

— Почему не может быть речи?— Он терялся в догадках. Девушка явно ставила его в тупик. «Возможно,— подумал он,— я слишком долго прожил здесь один. Я изменился, стал не таким, как все». От этой мысли подавленность только стала сильнее.

— Я мог бы вам помочь распаковать вещи,— решил предложить он. Дверь практически уже затворялась, прямо перед его носом.— И мебель.

— У меня нет мебели,— сказала девушка.— Все эти вещи...— она показала на комнату,— уже были здесь.

— Они не подойдут.— Исидор сразу определил, что мебель никуда не годится. Стулья, ковер, столы — все сгнило, погрузилось в братскую могилу умерших вещей, поглощенных деспотической властью времени. И заброшенности. В этой квартире не жили много-много лет, и она успела превратиться в полную руину. Как же девушка собиралась жить в таких условиях?

— Слушайте,— сказал он, с искренним желанием помочь.— Если мы обыщем весь дом, то найдем для вас кое-что получше. В одной квартире лампу, в другой стол — и так далее.

— Так и сделаю,— сказала девушка.— Сама. Спасибо.

— Вы одна пойдете по пустым квартирам?— Он не верил собственным ушам.

— Почему бы и нет?— И она снова нервно вздрогнула, поняла, что сказала что-то неправильное.

— Я один раз попробовал. Один. И теперь стараюсь побыстрее возвращаться в свою квартиру и не вспоминать об остальном доме. Сотни пустых квартир, и там еще полно вещей, которые остались после людей, живших здесь когда-то. Те, кто умер, ничего не могли забрать с собой, а те, кто эмигрировал, ничего брать не хотели. Весь дом мусоризовался, кроме моей квартиры.

— Мусоризовался?— Она не поняла.

— Это я так называю. Мусор. Старые конверты, спичечные коробки, обертки жевательных резинок, старые газеты. Когда поблизости нет людей, мусор начинает размножаться, воспроизводить себя. Например, если вы перед сном оставляете в комнате некоторое количество мусора, к утру его количество удваивается. Его становится все больше и больше.

— Я понимаю,— сказала девушка. Она неуверенно смотрела на Исидора, не зная, верить его словам или нет. Она не понимала, действительно ли он все говорит серьезно.

— Существует Первый закон мусоризации,— продолжал Исидор.— Мусор вытесняет Немусор. А в этом доме давно никто не живет, и некому было воевать с мусором.

— И он полностью победил,— закончила за него девушка.— Теперь я понимаю.

— Вот эта ваша квартира,— сказал он,— которую вы выбрали... она слишком мусоризовалась. В ней нельзя жить. Но мы можем снизить фактор мусора. Можем, как я говорил, поискать в других квартирах. Но...— Он замолчал.

— Что «но»?

— Но мы никогда не победим,— сказал Джон Исидор.

— Почему?— Девушка вышла в коридор, закрыв за собой дверь. Сложив руки и тем самым прикрыв маленькие, высоко сидящие груди, она стояла перед Исидором, всем видом выражая стремление понять. Так ему казалось, во всяком случае. По крайней мере, она слушала.

— Никто и никогда не победит мусор. Выиграть можно только временно. В каком-то отдельном месте. Как в моей

квартире, где мне удалось создать подвижное равновесие между давлениями мусора и немусора. Но потом я или умру, или уеду, и мусор возьмет свое. Это всеобщий закон, он действует во всей Вселенной. Вся Вселенная движется к конечному состоянию полной мусоризованности. Не считая, конечно, Вилбура Сострадального и его пути вверх,— добавил он.

Девушка непонимающе смотрела на него.

— Не вижу связи.

— Но в этом весь смысл сострадализма.— Он опять был озадачен.— Разве вы не участвуете в сопереживаниях? И у вас нет генератора эмпатии?

После некоторой паузы девушка сказала осторожно:

— Я его не взяла с собой. Я думала, что найду свободный аппарат здесь.

— Но ведь эмпатический генератор,— заикаясь от волнения, сказал он,— это самая личная вещь, какая может быть у человека! Это продолжение вашего тела. Это способ, которым вы соприкасаетесь с чувствами других людей и прекращаете одиночество. Хотя вы это все знаете... все это знают. Сострадальный позволяет даже таким, как я...— Он оборвал себя, но было поздно. Он уже выдал себя, и по вспыхнувшему на лице девушки внезапному отвращению он понял, что она его разгадала.

— Я почти прошел тот тест,— сказал он осипшим, дрожащим голосом.— На умственные способности. Я умеренный специал, совсем не такой, как многие остальные. И Сострадальному это все равно.

— Насколько это касается меня,— сказала девушка— то я считаю это главным недостатком сострадализма.— Голос был спокоен и прозрачен. Она констатировала факт своего отношения к недоумкам, понял Джон Исидор.

— Я пойду, наверное, обратно,— сказал он и направился к лестнице, сжимая в руке ненужную пачку маргарина. Тепло руки сделало маргарин мягким, как воск.

Девушка смотрела ему вслед со спокойным, бесстрастным лицом. Потом позвала:

— Подождите!

— Зачем?— спросил он, обернувшись.

— Вы мне нужны. Чтобы подыскать соответствующую мебель. В других квартирах, как вы говорили.— Она гордо подошла к нему, ничуть не стесняясь своей обнаженной

груди.— В какое время вы возвращаетесь после работы? Вы бы могли помочь.

— А вы не могли бы приготовить для нас ужин? Если я принесу кое-что из продуктов?— спросил Исидор.

— Нет, у меня слишком много дел.

Она отмахнулась от предложения, даже не поняв, заметил Исидор. Теперь, когда исчез первоначальный страх, в ее поведении появилось нечто другое. Что-то очень странное, подумал Исидор. И прискорбное. Холодность. Как дыхание вакуума, заполняющего просторы между обитаемыми планетами. И дело было не в том, что она говорила или делала. Дело было в том, чего она не говорила и не делала.

— Как-нибудь в другой раз,— сказала девушка и направилась к своей двери.

— Вы не забыли, как меня зовут? — с готовностью сказал ей вслед Джон Исидор.— Джон Исидор. Я работаю...

— Вы уже говорили.— Она на секунду остановилась в дверях.

— У какого-то невероятного типа по имени Ганнибал Слюут, который, как я подозреваю, существует только в вашем воображении. Меня зовут...— Она бросила на него последний холодный взгляд и, входя в дверь, решила продолжить:

— Рейчел Розен.

— Вы из ассоциации Розена? самого крупного производителя гуманоидных роботов в солнечной системе? Поставщика роботов для программы колонизации?

Странное, неясное выражение мелькнуло в лице Рейчел. И исчезло.

— Нет,— сказала она.— Ничего не знаю об этой фирме. Еще одна ваша недоумочная фантазия, надо понимать. Джон Исидор и его персональный генератор эмпатии. Бедняжка мистер Джон Исидор.

— Но судя по вашему имени...

— Меня зовут Прис Страттон. Это мое имя по мужу, я пользуюсь только этим именем. Можете звать меня Прис.— Она подумала и поправилась.— Нет, лучше обращайтесь ко мне как к миссис Страттон. Мы еще друг друга почти не знаем. По крайней мере, я вас не знаю.

Дверь захлопнулась, и Исидор остался один в пыльном коридоре, погруженном в унылый полумрак.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Да, вот такие дела, подумал Джон Р. Исидор, сжимая размягший кубик маргарина. Возможно, она потом передумает и разрешит называть себя Прис. А я, может, достану к ужину банку довоенных овощных консервов. Может быть, она не умеет готовить? Ничего, я покажу. Я приготовлю для нас двоих ужин сам. И покажу ей, как готовить еду, на будущее. Она наверняка захочет готовить, как только я научу ее. Большинство женщин, даже молодых, любят готовить. Это инстинкт.

Поднимаясь по темной лестнице, он вернулся в свою квартиру.

Какая-то эта девушка действительно неконтактная, думал он, облачаясь в свою белую рабочую униформу. Даже если поспешить, он все равно на работу опоздает. Мистер Слоут будет сердит. Ну и что? Кстати, она не слышала о Бастере Дружбы, а этого быть не может. Бастер Дружбы — самая важная персона из всех живущих, кроме, быть может, Вибура Сострадального. Но ведь Сострадальный, размышлял он, не живой человек. Это явно супертипическая личность со звезд, по космическому шаблону наложенная на нашу культуру. Так говорят другие. Например, мистер Слоут так говорит. А Ганнибал Слоут всегда знает, что говорит.

Однако странно, что девушка так непоследовательна в отношении собственного имени. Возможно, ей необходима помощь. Могу ли я ей помочь? Специал, недоумок, что я знаю? Я не имею права жениться, не имею права эмигрировать. В конце концов, меня прикончит пыль. Я ничего не могу предложить этой девушке.

Уже одетый и готовый отправиться на работу, он поднялся на крышу дома, где был припаркован его потрепанный аэрокар.

Час спустя, уже за рулем служебного аэрофургона, он принял первое сломанное животное за этот день. Электрического кота. Животное, неровно и шумно дыша, лежало в пластиковой пылезащитной корзине в заднем конце фургона. Да, его вполне можно принять за настоящего, думал Исидор, направляясь в обратный путь к ветеринарной лечебнице Ван Несса. Несмотря на громкое название, это было карликовое заведение, едва сводившее концы с

концами в условиях жестокой конкуренции в области ремонта поддельных животных.

Кот громко вздохнул.

Ух ты, подумал Исидор. Такое впечатление, что он в самом деле умирает. Наверное, батарея с десятилетним зарядом замкнулась, и теперь все его контуры выгорают. Солидный ремонт. Мастеру их ветлечебницы, Милту Борогову, придется изрядно попотеть. И я не назвал предварительную цену за ремонт, мрачно вспомнил Исидор. Парень сунул мне кота, сказал, что неполадки начались ночью, и куда-то улетел, кажется, он опаздывал на работу. Во всяком случае, разговор был прерван внезапно. Владелец умчался в небо в новеньком заказном каре. Новый клиент.

Коту Исидор сказал:

— Сможешь продержаться, пока не доберемся до мастерской?

Кот не умолкал.

— Ладно, я перезаряжу тебя сейчас, — решил Исидор.

Он посадил фургон на ближайшую свободную крышу, не выключая мотора, пробрался в тыльную часть кабины и открыл пластиковую защитную корзину для перевозки животных.

Электрический механизм, заключенный в совершенно натурального вида серую пушистую животину, булькал и хрипел. Видеолинзы эрзац-кота уже стеклянно блестели, металлические челюсти крепко сжались. Вот что всегда поражало Исидора: все эти контуры «болезни», встроенные в поддельных животных. Лежавший на коленях Исидора механизм был устроен так тонко, что когда в нем что-то ломалось, то создавалось впечатление естественно заболевшего животного. Даже я мог бы обмануться, сказал про себя Исидор, шаря тем временем в меховом покрытии живота электрокота, отыскивая крышку контрольной панели (весьма миниатюрной у такого мелкого эрзац-животного). Там находился вывод для экстренной подзарядки батарей. Но он не мог найти панель. И времени не было — механизм почти перестал функционировать. Если дело действительно в коротком замыкании, то можно попробовать отсоединить один из проводов батареи. Механизм лишится питания, и ему не будет причинено дальнейшего вреда. А уже в мастерской Милт подсоединит батарею.

Он ловко пробежал пальцами по псевдокости позво-

ночника. Провода должны находиться где-то здесь. Чертовски трудная работа — имитация была абсолютной. Проводов не было видно при самом тщательном и близком рассмотрении. Видимо, производство фирмы Вилрайта и Карпендера. Их модели более дорогие, но вы посмотрите, какой товар!

Исидор сдался. Электрокот полностью перестал работать. Видимо, замыкание, если в этом была причина неполадок, истощило запас энергии батарей. Починка влетит в копеечку, пессимистически подумал он. Сразу видно, что хозяин не производил трехгодичного профилактического осмотра. Возможно, это послужит ему печальным, но необходимым уроком.

Он влез в водительское кресло, перевел руль управления в положение «вверх» и снова с жужжанием взмыл в воздух, продолжив путь к мастерской.

Хорошо, что теперь не нужно слушать выводящие из себя стоны механизма. Теперь он мог расслабиться. Забавно, подумал он. Хотя я умом понимаю, что это всего лишь перегорают контуры поддельного животного, внутри у меня все равно что-то сжимается. Эх, если бы я мог найти другую работу. Если бы я не провалил тест на умственные способности, то не дошел бы до такого занятия, со всеми вытекающими моральными издержками. С другой стороны, синтетические страдания поддельных животных совершенно не волновали Милта Борогова или их шефа Ганнибала Слоута. Поэтому все дело во мне, думал Джон Исидор. Наверное, когда личность деградирует, спускается по эволюционной лестнице, как это уже случилось со мной, когда она погружается в могильный мир, мир специалистов... Нет, лучше оставить эту мысль. Не нужно думать дальше. В такие моменты, когда Исидор сравнивал свои нынешние умственные способности и то, что он имел раньше, он бывал подавлен более обычного. Каждый день он терял очередную порцию жизненной энергии: он, как и тысячи других специалистов по всей Земле, с каждым днем становился все ближе и ближе к куче праха, превращался в живой мусор.

Чтобы скрасить одиночество, он щелкнул клавишей радио и настроился на радиопредставление Бастера Дружби. Подобно телевизионной версии, оно не прекращалось по двадцать три тепленьких часа в сутки... еще один час был посвящен религии. Десятиминутная пауза, за-

тем — религиозный час, завершение суточной программы.

— ...рад видеть тебя снова здесь, — говорил Бастер Дружби. — Итак, Аманда, прошло целых два дня с тех пор, как ты в последний раз была у нас в гостях. Дорогая, ты работаешь над новой лентой?

— Да, я собиралась начать ле-енту еще вчера-а! Но только они ска-азали, что мы начнем в семь...

— В семь утра? — вмешался Бастер.

— Да-а, именно. В семь утра-а!

Аманда Вернер засмеялась знаменитым смехом Аманды Вернер, почти таким же искусственным, как и смех Бастера Дружби. Аманда Вернер и другие прекрасные дамы, с большими коническими грудями, приехавшие из дальних стран, плюс несколько так называемых буколических юмористов — они составляли стандартный ассортимент гостей передачи Бастера Дружби. Такие женщины, как Аманда, никогда не снимались в кино, не появлялись на сцене театров. Они жили только в странном призрачном мире передач Бастера, в бесконечном его шоу, появляясь на телеэкранах по семьдесят часов в неделю, как однажды подсчитал про себя Исидор.

Когда Бастер Дружби находит время записывать все свои теле- и радиошоу? Мысль озадачила Исидора. Как это Аманде Вернер удастся быть в гостях у Дружби чуть ли не каждый день, месяц за месяцем, из года в год? Как это они часами могут разговаривать, без перерыва? Они никогда не повторялись — насколько Исидор был способен определить, конечно. Их реплики всегда были свежи и остроумны, явно не походили на подготовленные заранее. Волосы Аманды глянцево отблескивали, сияли глаза, сверкали зубы. Она никогда не запинаясь с ответом, никогда не выказывала усталости, легко продолжая бесконечную цепочку шуток, остроумий и комментариев Бастера Дружби. Передачи Дружби, которые транслировались через спутники на всю территорию Земли, так же изливались на эмигрантов колонизируемых планет. Была предпринята экспериментальная передача в направлении Проксимы Центавра, на случай, если колонизация успела зайти так далеко, и если «Саландер-3» уже достиг цели, то колонисты на борту корабля обнаружат, что Бастер Дружби тут как тут, и будут очень рады и довольны...

Но кое-что в Бастере Дружби раздражало Исидора. Очень тонко, почти незаметно, Бастер высмеивал всех,

кто пользовался генераторами эмпатии. И делал это постоянно, а не просто один раз, случайно. Собственно, и сейчас он это делал.

— ...камешки в меня не швыряют,— сообщал Аманде Вернер Бастер.— И если я отправлюсь вверх по горке, то обязательно прихвачу пару бутылочек пива, лучше всего «Будвайзер».— Зрители засмеялись, Исидор слышал шлепки аплодисментов.— А потом сообщу вам мою грандиозную сенсационную новость... что произойдет ровно через десять часов, считая от сего момента!

— И я то-оже, дорогой,— выдохнула Аманда.— И когда в тебя швырну-ут камнем, я тебя заслоню-ю!

Аудитория восторженно взывала. Джон Исидор почувствовал, как затылок и шея деревенеют от беспомощного гнева. Зачем Бастер постоянно смеется над Сострадальным? Больше, кажется, никто не проявляет недовольства, даже ООН относится к сострадализму положительно. Органы правосудия в Америке и в восточном полушарии публично заявили, что сострадализм способствует снижению уровня преступности, делая человека более озабоченным судьбой ближнего. Человечеству требуется как можно больше сострадания и сочувствия, сказал Титус Крорнинг, генеральный секретарь ООН. Заявление это многократно повторялось. Наверное, предположил Исидор, Бастер заводит популярности Вилбура Сострадального. Этим все объясняется — они конкурируют. Но зачем?

Затем, чтобы воздействовать на наше сознание, решил Исидор. Они сражаются за контроль над нашими психическими сущностями. С одной стороны — генераторы эмпатии, с другой — Бастер Дружбы с довольным ржанием и импровизированными остротами. Нужно будет сказать Ганнибалу Слоуту, решил Исидор. Спросить, правильно ли это. Слоут наверняка должен знать.

Когда он припарковал фургон на крышу лечебницы Ван Несса, он быстро спустился в кабинет Ганнибала Слоута, захватив пластиковый футляр с неподвижным котом. Мистер Слоут оторвал взгляд от страницы, его серое, изрезанное морщинами лицо дрогнуло, как потревоженная вода в пруду. Ганнибал Слоут, слишком старый, чтобы эмигрировать, был обречен провести остаток дней на Земле, хотя и не был специалистом. За прошедшие годы на него сильно, словно едкая ржавчина, подействовала пыль. И мысли его, и черты лица приобрели серый оттенок. Он сильно осунул-

ся, ноги его превратились в спицы, походка стала неуверенной. Он в буквальном смысле смотрел на мир сквозь запорошенное пылью стекло. По какой-то причине он никогда не протирал очков. Он словно бы сдался, принял радиоактивную пыль, как неизбежное зло, и теперь пыль постепенно делала свое дело, тихо его погребая. Зрение затуманилось. Еще несколько лет — и пыль лишит его почти всех связей с внешним миром, пока не останется только птичий, высокий голос. Потом замолчит и он.

— Что у тебя там?— спросил мистер Слоут.

— Кот. У него замыкание в системе питания.— Исидор поставил футляр с котом на стол шефа, заваленный листками бумаги, документами, бланками, брошюрами.

— Зачем ты мне его притащил?— недовольно спросил мистер Слоут.— Неси вниз, в мастерскую, к Милту.

Тем не менее он задумчиво открыл футляр и вытащил сломанное животное. Когда-то он сам был очень хорошим мастером по ремонту.

— Мне кажется,— сказал Исидор,— что Бастер и Сострадальный сражаются за власть над нашей психикой.

— Если это так,— сказал Слоут, осматривая кота,— то побеждает Бастер.

— Он побеждает в данный момент,— сказал Исидор.— Но в конце он проиграет.

Слоут поднял голову и пристально посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что Вилбур Сострадальный всегда возрождается. Он вечен. Его низвергают с вершины холма, он погружается в могильный мир, но неизбежно поднимается вверх, опять. И мы — вместе с ним. Поэтому мы тоже вечные.— Исидору было очень приятно, что он так легко рассуждает. Обычно в присутствии мистера Слоута он заикался от смущения.

— Бастер бессмертен, как и Сострадальный. Тут никакой разницы нет.

— Как же это возможно? Ведь Бастер просто человек.

— Не знаю, как это возможно,— сказал Слоут.— Но это факт. Об этом, конечно, никогда не говорят.

— И поэтому Бастеру Дружбы удастся записывать срок шесть часов передач каждый день?

— Верно,— сказал Слоут.

— И Аманда Вернер, и все его другие женщины?

— И они бессмертны.

— Кто же они — высшая форма жизни из другой системы?

— Мне пока не удалось выяснить определенно, — сказал мистер Слоут, осматривая кота. Он снял очки с пыльными линзами и теперь невооруженным глазом всматривался в полураскрытую пасть кота. — Так же, как и насчет Вилбура Сострадаального, — договорил он еле слышно.

Потом он выругался, разразившись цепочкой сквернословий длиной, как показалось Исидору, в целую минуту.

— Это настоящий кот, — наконец сказал Слоут. — Я знал, что когда-нибудь это случится. — Он посмотрел на трупик кота. — Мертв. — И снова выругался.

В дверях появился Милт Борогов. Это был дородный человек, но с серою кожей. На нем был привычный фартук из бледно-голубого полотна.

— Что такое? — спросил он. Увидев кота, он вошел и поднял животное со стола.

— Этот дебил привез настоящего кота, — сказал Слоут. Он впервые так назвал Исидора.

— Если бы он еще не умер, — сказал Милт, — мы бы успели отправить его к настоящему ветеринару. Интересно, сколько он стоил? У кого-нибудь есть каталог Сидни?

— В-ведь ваша Ст-траховка покрывает такие случаи? — спросил Исидор мистера Слоута. Ноги его вдруг ослабели, и он почувствовал, что все предметы в комнате начинают приобретать зловещий темно-вишневый оттенок, с зелеными искрами.

— Покрывает, — фыркнув, сказал после паузы Слоут. — Просто кота жалко. Еще одно живое существо. Ты что, не можешь отличить живого кота от подделки? Ты не заметил разницы?

— Я просто думал, что такая хорошая модель, — выдавил Исидор. — Такая хорошая, что кажется... то есть, кот был как живой и я думал...

— Наверное, Исидор не заметил бы разницы, — мягко сказал Милт. — Для него они все живые, в том числе и электрические. Он, наверное, пытался спасти его? Перезарядить батарею? Или найти замыкание?

— Д-да, — признался Исидор.

— И кота все равно было уже не спасти. Недоумок не виноват, Хэн. Наоборот, он по-своему прав. Новые модели становятся чертовски похожими на настоящих животных, со всеми этими встроенными имитаторами болезней. А

настоящие животные все равно иногда умирают, это риск, на который владельцы сознательно идут. Мы просто не привыкли к такому, потому что видим одни подделки.

— Умерло еще одно настоящее живое существо,— повторил Слоут.

— Как говорит Сострадальный,— не удержался Исидор,— все живое возвращается к жизни. Это замкнутый цикл. Вместе с животными мы поднимаемся, восходим, потом умираем и...

— Расскажи об этом владельцу кота,— сказал Слоут.

Исидор, не поняв, серьезно ли говорит шеф, уточнил:

— В смысле, я должен ему позвонить? Но вы всегда делали звонки сами.

Исидор панически боялся делать звонки по видеофону, это была его фобия, и вызвать незнакомого человека — для него такое было просто невыносимо. Мистер Слоут этого не мог не знать.

— Не заставляй его,— сказал Милт.— Я сам позвоню.— Он снял трубку.— Какой у него номер?

— Сейчас... где-то у меня...— Исидор лихорадочно шарил в карманах рабочего халата.

— Нет, позвонить должен недоумок,— процедил Слоут.

— Я н-не могу звонить п-по видеофону,— запротестовал Исидор, чувствуя, как гулко забилося сердце.— Я ведь заросший, грязный, у меня зубы с дырками. Я скоро умру от радиации, я чувствую себя все хуже.

Милт улыбнулся и сказал Слоуту:

— Если бы я так думал, то тоже не стал бы звонить по видеофону. Ну-ка, Исидор, торопись, давай номер, не то тебе придется самому звонить.— Он ободряюще протянул Исидору руку ладонью вверх.

— Звонить будет недоумок,— твердо сказал Слоут.— Или я его вышвырну с работы.— Он не смотрел ни на Исидора, ни на Милта. Взгляд его был непоколебим и устремлен вперед.

— Ну, брось,— запротестовал Милт.

— Я н-не люблю, когда меня называют н-недоумком. Я хочу сказать, на вас пыль тоже подействовала, физически. Хотя, может быть, не на мозг, как в моем случае.— Я уволен, подумал он. Я не могу звонить. Тут он вдруг вспомнил, что владелец кота умчался на работу. Дома никого не будет.

— К-кажется, я смогу позвонить,— пробормотал он и выудил из кармана бирку с адресом и телефоном владельца кота.

— Ну, видишь?— сказал мистер Слоут Милту.— Он может, если его прижать.

Усевшись перед видеофоном, Исидор набирал номер.

— Вижу,— сказал Милт.— Но не надо было его заставлять. Он прав — пыль сильно на тебя подействовала, ты уже почти ничего не видишь, а через пару лет оглохнешь.

— Пыльца и до тебя добралась, Борогов,— фыркнул Слоут.— Морда-то у тебя цвета собачьего дерьма.

На экране видеофона возникло лицо — обычное среднеевропейское лицо женщины. Выражение у нее было несколько настороженное. Волосы стянуты на затылке тугим узлом.

— Да?— сказала она.

— М-миссис П-пильзен?— прошептал Исидор, погружаясь в трясину ужаса. Конечно, он не подумал об этом сразу: у хозяина кота была жена, и она, разумеется, осталась дома.— Я хочу поговорить о вашем к-к-к-...— Он остановился, потер подбородок.— О вашем коте.

— Ах, да, вы увезли Горация. Это в самом деле пневмония? Мистер Пильзен думал, что это пневмония.

— Ваш кот умер,— сказал Исидор.

— О Боже милостивый, нет!

— Мы заменим его. У нас есть страховка на такие случаи.— Он бросил взгляд на мистера Слоута. Тот, кажется, не возражал.— Владелец нашей фирмы, мистер Ганнибал Слоут...— Он замялся.— Лично...

— Нет,— сказал Слоут.— Мы выдадим чек. Цену по каталогу Сидни.

— Лично выберет вам кота,— услышал Исидор собственный голос. Начав невыносимый разговор, он теперь вдруг понял, что не может из него выпутаться. Мистер Борогов и мистер Слоут изумленно на него смотрели.— Хотелось бы знать ваши особые пожелания. Цвет, пол, возраст, порода: персидский, абиссинский, сиамский...

— Гораций умер,— повторила миссис Пильзен.

— У него была пневмония,— сказал Исидор.— Он умер по пути в госпиталь. Наш старший терапевт-ветеринар, мистер Милт Борогов, высказал полную уверенность в том, что в данном состоянии кота спасти было невозмож-

но. Но разве не замечательно, миссис Пильзен, что мы скоро заменим его для вас? Разве я не прав?

Миссис Пильзен, со слезами на глазах, сказала печально:

— Другого такого кота больше нет. Гораций... еще когда был котенком, он так любил смотреть на нас, как будто что-то спрашивал. Мы не могли понять, что это за вопрос. Наверное, теперь он знает ответ.— Слезы медленно потекли по щекам.— Наверное, мы все когда-нибудь узнаем ответ.

На Исидора снизошло вдохновение.

— А что бы вы сказали о точной электрокопии вашего кота? Мы бы могли снабдить вас великолепной моделью фирмы Вилрайта и Карпендера, во всех мельчайших деталях соответствующей оригиналу...

— Это ужасно!— запротестовала миссис Пильзен.— О чем вы говорите! Боже, только не предлагайте этого Эду, он сойдет с ума! Он любил Горация, как никакого другого нашего кота, а у него с детства всегда был кот.

Взяв трубку видеофона у Исидора, Милт внушительно сказал:

— Мы можем выписать чек на сумму по каталогу Сидни, или, как предлагает мистер Исидор, выбрать для вас нового кота самостоятельно. Нам очень жаль, что ваш кот умер, миссис Пильзен, но, как отметил мистер Исидор, у него было воспаление легких, а для кота это почти всегда летальный исход.— Голос его звучал с профессиональной уверенностью и легкостью. Милт лучше всех их умел разговаривать с клиентами по видеофону.

— Но как же мне все это рассказать мужу?— спросила миссис Пильзен.

— Хорошо, мэм,— чуть поморщившись, сказал Милт.— Мы позвоним ему сами. Не могли бы вы дать мне номер его рабочего видеофона?— Он пошарил рукой в поисках ручки и блокнота. Мистер Слоут подал ему письменные принадлежности.

— Послушайте,— начала миссис Пильзен, которая, кажется, уже овладела собой.— Возможно, второй джентельмен был прав. Наверное, мне следует заказать электродубликат Горация. Но так, чтобы Эд ничего не знал. Можно ли сделать такую копию, чтобы муж ничего не заметил?

Милт сказал с недоумением:

— Да, если хотите... Но, как показывает опыт, владельца обмануть никогда не удастся. Разницу не замечают только случайные наблюдатели. Соседи, например. Понимаете, если хорошо присмотреться к электроживотному...

— Эд с Горацием особенно не возился, хотя очень любил. Это я о нем заботилась — меняла в ящичке песок и так далее. Я думаю, нужно попробовать сделать электрокота. Если ничего не выйдет, мы купим настоящего взамен Горация. Но я только не хочу, чтобы муж знал — он этого не переживет. Он поэтому с ним близко не общался, боялся... и когда Гораций заболел, Эд вдарился в панику, и долго вас не вызывал. Слишком долго. Я это знала еще до того, как вы позвонили. Я знала... — она кивнула, на этот раз уже успешно сдержав слезы. — Сколько нужно времени?

Милт прикинул.

— Будет готово через десять дней. Мы доставим копию днем, когда муж будет на работе. — Он попрощался и повесил трубку.

— Он догадается, — сказал он Слоуту. — За пять секунд. Но она этого и хочет.

— Тем, кто по-настоящему любит своих животных, — мрачно сказал Слоут, — приходится очень нелегко. Поэтому я рад, что мы не имеем дела с настоящими животными. Ты понимаешь, что настоящим ветеринарам часто приходится звонить вот по такому поводу? — Он посмотрел на Исидора. — В некоторых отношениях, Джон Исидор, ты не так уж и глуп. Ты неплохо справился с этим звонком. Хотя Милту пришлось прийти на помощь.

— Он справился отлично, — сказал Милт. — Боже, ну и денек. — Он взял со стола мертвого Горация. — Отнесу его вниз. Позвони Вилрайту и Карпентеру, пусть присылают человека для обмерки и фотографирования. Я сам потом сравню копию и оригинал.

— Думаю, Исидор позвонит им, — решил мистер Слоут. — Он все это начал. После разговора с миссис Пильзен он должен справиться и со звонком к Вилрайту и Карпентеру.

— Только не позволяй забирать оригинал, — посоветовал Милт Исидору. — Они будут настаивать, им так в сто раз легче работать. Но ты твердо держись на своем.

— Гм, — моргнул Исидор. — Ладно, идет. Наверное,

нужно их вызвать сейчас, пока не началось разложение. Ведь трупы разлагаются, верно?— Он чувствовал необыкновенный подъем.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Припарковав скоростной служебный аэрокар с двигателем повышенной мощности на крыше зала Правосудия на Ломбард-стрит, Рик Декард, прихватив служебный чемоданчик, спустился в кабинет Гарри Брайанта.

— Ты просто метеор,— откинувшись на спинку кресла и набирая в щепоть «Специальную смесь N1», сказал его начальник.

— Я выполнил ваше задание,— произнес Рик, присаживаясь к столу и ставя у ножки кресла чемоданчик.

Я устал, вдруг подумал он. Только теперь, по возвращении, на него накатила волна усталости, и он не был уверен, что сегодня сможет еще работать.

— Как Дейв?— спросил он.— Можно с ним поговорить? Я хотел бы перекинуться с ним парой слов, прежде, чем примусь за первого анди.

— Первым ты возьмешься за Полокова,— сказал Брайант.— Того, что ранил из лазера Дейва. С ним лучше покончить сразу. Он знает, что попал в наш список.

— Я должен начать до разговора с Дейвом?

Брайант нюхнул своей смеси и протянул руку за листком — плохая машинописная копия с расплывчатыми буквами.— Полоков работает сборщиком мусора. Подметает.

— Кажется, такой работой занимаются одни специалисты.

— Полоков выдает себя за специалиста, очень отклонившегося... то есть он старается казаться таким. Это и подвело Дейва. Полоков очень похож на изображающую недоумка, и Дейв расслабился. Ты уверен в шкале Войт-Капфа? Ты совершенно уверен, что после инцидента в Сиэтле...

— Да,— коротко ответил Рик. Больше он ничего не добавил.

— Верю тебе на слово,— сказал Брайант.— Сбоев быть не должно! Ни одного!

— За всю историю охоты на андроидов не было сбоев. Что изменилось?

— Появился «Узел-6», вот что.

— Я уже определил одного. А Дейв отыскал двоих. Трoих, если считать Полокова. Ладно, сегодня отправлю на покой Полокова, а вечером или завтра утром поговорю с Дейвом.— Он протянул руку за листком.

— И еще один момент. Представитель российского отдела ВПО находится на пути к нам. Пока ты был в Сизтле, я с ним разговаривал по видеофону. Он на борту ракеты Аэрофлота, посадка через час на общественном аэродроме. Его зовут Сандор Кададьи.

— Что ему нужно?— Работники ВПО очень редко, если вообще когда-либо, оказывались в Сан-Франциско.

— ВПО очень заинтересована «Узлом-6», они просят, чтобы с нами был их человек. Наблюдатель, и... если можно, он будет помогать. Ты решай сам, чем он тебе может помочь. Но я ему дал разрешение следовать за тобой.

— Как насчет премии?— спросил Рик.

— Делить не придется.— Инспектор скрипуче засмеялся.

— Я рассматривал бы это как финансовую несправедливость.— Рик не испытывал желания делиться долей с копом из ВПО. Он начал изучать листок-досье Полокова: давалось описание этого человека, то есть анди, и адрес в настоящий момент. Место работы: район Залива, компания по уборке мусора. Контора находилась в Геари.

— Подождешь с Полоковым, пока не прибудет коп из ВПО?

— Я всегда работал сам,— недовольно нахмурился Рик.— Конечно, вам решать... Сделаю, как прикажете. Но с Полоковым я бы хотел разделиться немедленно, не ожидая прилета Кададьи.

— Хорошо. Действуй самостоятельно. А когда начнешь следующего... Это будет мисс Люба Люфт, вот ее досье... Возьмешь на операцию Кададьи.

Сунув копию досье в чемоданчик, Рик покинул кабинет начальника и вернулся на крышу к служебному аэрокару. Нанесем визит Полокову, сказал он себе. И погладил трубочку карманного лазера.

Для начала Рик остановился в главной конторе компании по уборке мусора, в районе Залива.

— Я ищу вашего сотрудника,— обратился Рик к седоволосой, сурового вида женщине, сидевшей за столом-коммуникатором. Здание конторы производило благоприятное впечатление: большое, современное, с достаточным ко-

личеством высокопрофессиональных сотрудников. Толстые ковровые дорожки, дорогие столы из натурального дерева — все напоминало о том, что уборка и переработка отходов превратились на теперешней Земле в важную отрасль промышленности. Планета превращалась постепенно в мусорную кучу, и, чтобы поддерживать пригодные условия для оставшегося населения, было необходимо периодически от избытка мусора избавляться, иначе, как любил шутить Бастер Дружби, Земля погибнет под слоем... не радиоактивной пыли, а мусора.

— Вам нужно обратиться к мистеру Акерсу, — сообщила Рiku седоволосая женщина. — Он заведует отделом кадров.

Она указала на стол из очевидно поддельного дуба, за которым сидел некий невзрачный индивидуум, в очках с толстыми стеклами, углубленный в бумаги.

Рик предъявил свое удостоверение полицейского.

— Где сейчас находится ваш служащий по фамилии Полоков? Он на работе или дома?

Без особой прыти сверившись с бумагами, мистер Акерс сказал:

— Полоков должен быть на работе. Прессовка старых аэрокаров на нашем заводе в Дейл-сити, потом сброска в Залив. Однако... — Акерс сверился с другим документом, снял трубку видефона, вызвал кого-то из служащих фирмы.

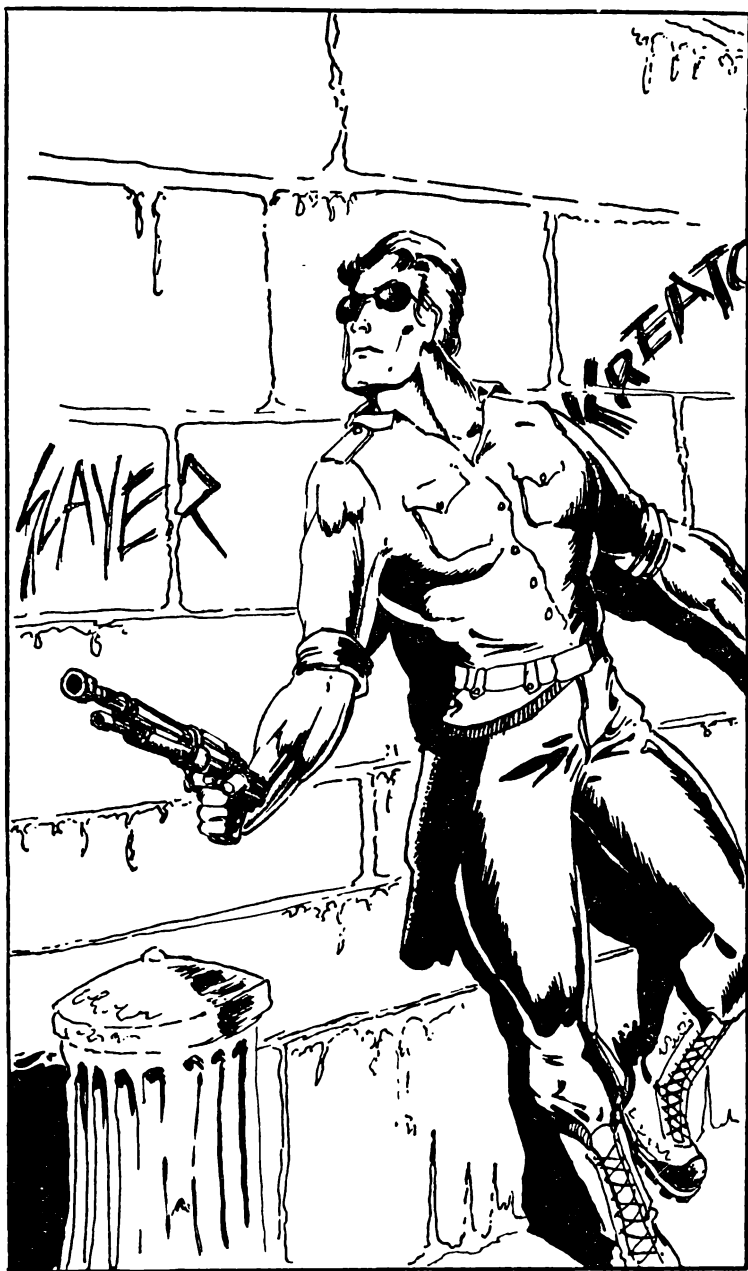
— Значит, нет, — заключил он, опуская трубку. — Сегодня Полоков на работу не явился. Без объяснений. Что он натворил?

— Если он объявится, — сказал Рик, — вы не говорите, что его искали. Понимаете?

— Да, понимаю, — сердито сказал Акерс с таким видом, словно Рик публично осмеял глубокие познания Акерса в полицейском деле.

Следующим пунктом в маршруте Рика была квартира Полокова в Тендерлоин. Нет, теперь мы его не возьмем, подумал Рик. Брайант и Холден — они ждали слишком долго. Вместо того чтобы посылать меня в Сизтл, Брайант должен был сразу напустить меня на Полокова, лучше всего — еще прошлой ночью, когда Холден дал промашку.

Какое угрюмое место, думал он, направляясь от кара к лифту. Брошенные вольеры, покрытые корой многомесячной пыли. В одной из клеток — переставший функциони-

ровать электрический цыпленок. Лифтом Рик спустился на этаж Полокова. Холл, напоминая пещеру подземелья, оказался погруженным в сумрак. Пользуясь специальным полицейским фонариком с потайным лучом и питанием от атомной батарейки, он осмотрел холл, потом заглянул в досье. Тест Войт-Кампфа к Полокову был применен. Эту часть процедуры можно было миновать и непосредственно переходить к уничтожению андроида.

Лучше сначала вывезти его отсюда. В оружейной сумке Рик нашел ненаправленный излучатель «пенфилд» и настроил на катаlepsию. Сам он был экранирован от излучения компенсирующей волной, которая через металлический корпус прибора передавалась только на него.

Теперь их всех заморозило, подумал он, выключая передатчик. Люди и андроиды одинаково впали в оцепенение. Остается войти и выстрелить лучом. Конечно, если только Полоков у себя в квартире, что маловероятно.

С помощью универсального ключа-отмычки, автоматически анализирувавшего и отпиравшего все известные виды замков, он проник в квартиру Полокова, держа лазер наготове.

Полокова не было. Только полуразвалившаяся мебель — квартира медленно мусоризировалась. Никаких личных вещей, только унылые продукты распада, унаследованные Полоковым уже вместе с квартирой и оставленные следующему жильцу, если такой объявится.

Так я и знал, подумал Рик. Вот и первая тысяча долларов премии ускакала куда-то за Полярный круг. Во всяком случае, за пределы моей юрисдикции. Полокова отправит на покой другой полицейский из другого управления, и он получит деньги. Поедем дальше, к еще не вспугнутым. К Любе Люфт, очевидно.

Вернувшись на крышу, он доложил из аэрокара Брайанту:

— С Полоковым не повезло. Видимо, сразу после стычки с Дейвом он скрылся. — Рик посмотрел на циферблат часов. — Может, мне залететь в аэропорт за Кадалями? Это сэкономит время, я бы хотел поскорее заняться Любой Люфт. — Он достал ее досье и начал его внимательно читать.

— Прекрасная идея, — одобрил Брайант. — Только мистер Кадали уже здесь. Корабль Аэрофлота прибыл вперед

расписания. Как и всегда, он говорит. Секунду...— Невидимое совещание.

— Он возьмет аэрокар, и вы встретитесь в том месте, где ты сейчас находишься,— Брайант опять появился на экранчике.— Пока читай материалы о Любе Люфт.

— Оперная певица. Якобы из Германии. Сейчас работает в Оперной компании в Сан-Франциско.— Рик, занятый материалом досье, задумчиво покивал. Наверное, действительно хороший голос, если так быстро заключила контракт. Договорились, буду ждать Кадавы.— Он дал Брайанту адрес и повесил трубку.

Представляюсь любителем оперы, решил Рик. Особенно было бы интересно послушать ее в партии Донны Анны «Дон Жуане». В моей коллекции есть записи таких звезд оперной истории, как Элизабет Шварцкопф, и Лотта Лехманн, и Лиза Делла Каса. Это даст мне тему для разговора, пока я буду настраивать аппарат для теста.

Зажужжал видеофон, и Рик поднял трубку.

— Мистер Декард,— сказала телефонистка управления,— вас вызывает Сизтл. Мистер Брайант велел пропустить вызов. Звонят из ассоциации Розена.

— Соедините,— сказал Рик и начал ждать. Что им нужно? Наученный недавним опытом, ничего хорошего от Розена он не ждал. Чтобы они ни имели в виду, кардинальным образом положение не изменится.

На крохотном экране появилось лицо Рейчел Розен.

— Здравствуйте, Декард.— Тон казался мирным, это заинтересовало Рика.— Вы сейчас заняты, или я могу поговорить с вами?

— Смело вперед.

— Мы обсудили положение, создавшееся вокруг «Узла-6» и, учитывая, что мы знаем этот тип мозга пока лучше всех, решили, что у вас будет больше шансов на успех, если кто-нибудь из нас будет работать с вами в тесном контакте.

— Каким образом?

— Один наш представитель будет сопровождать вас во время поиска.

— Зачем? Что это даст?

— Любой «Узел-6» насторожится, почувствовав внимание человека. Но если в контакт войдет другой «Узел-6»...

— А именно — вы?

— Да.— С очень серьезным видом она кивнула.

— Я уже получил от вас столько помощи, что...

— Но я уверена, что понадоблюсь вам.

— Сомневаюсь. Я подумаю над этим предложением и позвоню. Да, в очень отдаленном будущем, подумал он. Точнее, никогда. Мне только этого не хватало — Рейчел Розен, путающаяся под ногами на каждом шагу.

— На самом деле вы знаете, что едва ли позвоните, — сказала Рейчел. — Но вы не сознаете еще, насколько изворотлив может быть безавший «Узел-6», насколько ничтожно мало у вас шансов. Мы считаем, что это наш долг, потому что... вы понимаете. То, что мы бы хотели...

— Приму к сведению. — Он собрался повесить трубку.

— Без моей помощи, — сказала Рейчел, — они вас прикончат раньше, чем вы их. Один из них вас перехитрит.

— До свидания. — Рик опустил трубку. — Что за мир! Андроид предлагает помощь охотнику за андроидами.

Он вызвал телефонистку управления.

— Больше вызовов из Сиэтла ко мне не пропускайте, — сказал он.

— Да, мистер Декард. Мистер Кададьи вас нашел?

— Я еще жду. Ему бы лучше поторопиться, я не собираюсь ждать долго.

Он едва успел снова взяться за досье Любы Люфт, как на крышу спланировал аэрокар-такси. Машина приземлилась в нескольких ярдах от Рика. Из нее выбрался краснолицый, веселый мужчина, на вид лет пятидесяти, в дорогом сером пальто. Улыбаясь, он направился к кару Декарда.

— Мистер Декард? — спросил он со славянским акцентом. — Охотник за андроидами из управления полиции Сан-Франциско?

Пустое такси поднялось в воздух, русский офицер рассеянно проводил его взглядом. — Меня зовут Сандор Кададьи, — сказал он, открыл дверцу и втиснулся в кабину рядом с Риком.

Они пожали друг другу руки, и Рик отметил, что представитель ВПО вооружен необычного типа лазерной трубкой. Таких моделей Рик раньше не видел.

— Ах, это... Любопытно, правда? — Кададьи вытащил лазер из кобуры. — Я раздобыл его на Марсе.

— Мне казалось, что я знаю все типы ручного оружия. Даже те, что производятся в колониях.

— Такие мы делаем сами, — сказал Кададьи, лучась добродушием, как живой славянский Санта Клаус. На его

румяном лице ясно читалась гордость.— Нравится? Вся хитрость в том, что... Вот, держите.— Он передал лазер Рiku, который, со знанием дела, полученным за годы обращения с оружием, принялся его рассматривать.

— Чем же он отличается?— Рик не видел разницы.

— Нажмите на спуск.

Нацелив оружие вверх, в раскрытое окно машины, Рик нажал на спуск. Ничего не произошло, луч не появился. Озадаченный, он обернулся к Кадаљи.

— Пусковой контур,— жизнерадостно пояснил Кадаљи,— остается у меня. Видите?— Он раскрыл ладонь и показал миниатюрный блок.— И я могу направлять луч вне зависимости от того, куда нацелен лазер.

— Вы не Полоков, вы Кадаљи,— сказал Рик.

— Наверное, наоборот. Вы немного перепутали.

— Я хотел сказать, вы Полоков. Вы андроид, а не советский полицейский.

Носком ботинка Рик нажал кнопку на полу аэрокара.

— Почему он не стреляет?— Кадаљи-Полоков включил и выключил свой блок, направляя оружие на Рика.

— Нейроволна,— объяснил Рик.— Она нарушает фазировку генератора и превращает лазерный луч в обычный свет.

— Тогда придется свернуть вам шею.

Андроид отбросил хитроумное устройство, рыча, схватил Рика за горло, но Декард успел выстрелить из старомодного пулевого револьвера, который всегда носил в кобуре на плече. Пуля 38 калибра ударила в голову андроида, и мозговая коробка взорвалась. Искусственный мозг типа «Узел-6», управлявший андроидом, обратился в тысячу частичек, мелких фрагментов, которые смерчем пронесли по кабине кара. Подобно радиоактивной пыли, частицы мозга опустились на Рика, а следом тело андроида грузно навалилось на него, и тому едва удалось выбраться из-под корчащегося в судорогах Полокова-Кадаљи.

Наконец, он дрожащей рукой дотянулся до видеофона и вызвал Зал Правосудия.

— Докладываю,— сказал он.— Передайте Гарри Брайанту, что я отправил на покой Полокова.

— Отправили на покой Полокова. Он поймет, да?

— Да,— подтвердил Рик и повесил трубку.

Господи, ведь он почти... Нет, я недооценил предложения Рейчел Розен. Не прислушался я к ее доброму совету.

И едва не поплатился. Но с Полоковым покончено, сказал он себе.

Адреналиновые железы потихоньку замирали, прекращая качать гормоны в кровь. Сердце успокаивалось, дыхание возвращалось в норму. Только дрожь не унималась. Как бы там ни было, подумал Рик, но я заработал свою тысячу. Значит, оно того стоило. Я реагирую быстрее Дейва. Конечно, его печальный опыт обострил мои рефлексy, это нужно признать. У Дейва такого преимущества не было.

Он снова поднял трубку и набрал номер своей квартиры. Одновременно он умудрился сунуть в рот сигарету. Дрожь постепенно проходила.

На экранчике появилось лицо жены. На нем читались остатки шестичасового самобичевания, включенного в сегодняшнюю программу стимулятора настроения.

— А, Рик... привет.

— А как же код 594, который я набрал утром? Радостное приятие...

— Я изменила комбинацию, как только ты ушел. Что ты хочешь?— Ее голос был привычно унылым.— Я так устала, у меня нет никакой надежды ни на что. Ни на нашу с тобой жизнь. И тебя может каждую минуту убить андронид... Ты мне это хотел сказать, Рик? Что анди до тебя добрались?— За спиной Иран, заглушая слова, грохотал Бастер Дружби. Рик видел, как шевелятся губы жены, но почти не слышал слов. Все покрывал телевизор.

— Послушай,— перебил он.— Ты меня слышишь? Кажется, я напал на золотую жилу. Новый тип андроидов, с которым пока могу справиться только я один. Я уже отправил на покой одного. Для начала это великолепно. Знаешь, что у нас будет? До того, как я покончу со всеми остальными?

Иран смотрела сквозь него.

— О!..— Она кивнула.

— Я еще не сказал!— Но это было все равно. Депрессия Иран была так глубока, что из ее пучин она была не в состоянии его услышать. Он говорил в пустоту.

— До вечера,— сказал он с горечью и со стуком опустил трубку. К черту Иран, подумал он. Какой в этом всем прок — рисковать жизнью? Ради чего я рискую? Ее не волнует, станем мы владельцами страуса или нет. До нее ничего не доходит. Нет, нужно было отделаться от нее тогда, два года назад, когда мы думали разойтись. Но и

сейчас еще не поздно, напомнил он себе.

Он мрачно собрал с пола машины смятые листки записей, включая досье на Любу Люфт. Никакой поддержки. И это спутница жизни! Большинство андроидов, подумал он, имеют куда больше жизненной энергии, чем моя жена. Она ничего не может мне дать.

Он снова вспомнил Рейчел Розен. Ведь ее совет относительно психологии «Узла-6» оказался верным, осознал Рик. Если она не станет претендовать на долю премии, я мог бы ее использовать...

Врубив двигатель аэрокара, он взмыл в небо, направив машину к старому зданию Оперного театра, где, в соответствии с заметками Дейва Холдена, мог обнаружить в это время дня Любу Люфт.

Теперь он думал о ней. Некоторые андроиды-женщины казались ему привлекательными. К некоторым он чувствовал физическое влечение. И это было странно: умом он все понимал, но эмоционально все равно реагировал.

Например, Рейчел Розен. Нет, решил он, слишком худ. Плоская фигура ребенка. Мог бы выбрать что-нибудь получше. Сколько лет Любе Люфт? Он разгладил папиросный листок и отыскал так называемый «возраст». Двадцать восемь, говорилось в досье. Внешний вид — единственный стандарт, если имеешь дело с андроидом.

Хорошо, что я немного разбираюсь в опере, подумал Рик. Вот еще одно преимущество перед Дейвом — у меня более широкая культурная ориентация.

Сначала попробую еще одного анди, решил он. А потом попрошу помощи Рейчел. Если мисс Люфт окажется особо крепким орешком. Но интуиция подсказывала обратное. Трудно было с Полоковым. Остальные, не имея понятия, что за ними начата охота, должны по очереди свалиться, как выставленные в ряд костяшки домино.

Снижаясь к крыше Оперы, красиво и дорого декорированной, он громко напевал погурри из опер, сочиняя псевдоитальянские слова. Даже без поддержки стимулятора Пенфилда его настроение перешло в спектр радужного оптимизма. В жадное, радостное предвкушение.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В старинном, напоминавшем стальными арками чрево кита зале Оперы Рик Декард оказался в разгаре репе-

тиции. Он узнал музыку: Моцарт, «Волшебная флейта», финальные сцены первого акта. Рабы мурзы — хор, другими словами, — начали свою песню чуть-чуть слишком рано, и это свело на нет простой ритм волшебных колокольчиков.

Какая приятная неожиданность! Он очень любил «Волшебную флейту». Он занял кресло в бельэтаже (кажется, никто не обратил на его появление внимания) и устроился поудобнее. Как раз в этот момент Папагено в фантастическом наряде из птичьих перьев присоединился к Памине, чтобы спеть куплет, от которого слезы всегда навертывались на глазах Рика, стоило лишь ему вспомнить слова:

*Всякий храбрый человек
Счастья добивается,
А его ближайший друг
Помешать старается.*

Нет, подумал Рик, в реальности нет таких волшебных колокольчиков, которые заставили бы врага исчезнуть бесследно. Как жалко! А Моцарт умер вскоре после написания «Волшебной флейты» от болезни почек, когда ему не было и сорока.

Как странно, думал Рик, предчувствовал ли Моцарт, что уже истратил отпущенное время, что будущего нет? И что его похоронят в могиле для нищих, без надписи? Возможно, я тоже предчувствую, наблюдая за репетицией, подумал Рик. Кончится репетиция, потом представление, умрут певцы, будет уничтожен последний нотный листок, исчезнет само имя «Моцарт», канет в небытие, и пыль окончательно победит. Если не здесь, то на другой планете. Мы можем отсрочить конец, ненадолго. Вот так и анди, они могут какое-то время уходить от встречи, могут растянуть существование на небольшое, дополнительное время. Но я все равно настигну их. Или другой охотник. В некотором смысле, подумал он, я сам частица форморазрушающей энтропии. Ассоциация Розена формирует, я уничтожаю созданное. Или так это должно казаться с их точки зрения?

Папагено и Памина на сцене начали диалог. Он прислушался, прервав размышления.

Подавшись вперед, Рик пристально всмотрелся в Памину, в тяжелые складки костюма, в вуаль над лицом и плечами. Потом он сверился с досье и откинулся на спинку кресла, удовлетворенный. Вот и третий мой андроид типа

«Узел-б», подумал он. Эта Люба Люфт. Роль предполагала некоторую самоиронию, а самый полный жизни и симпатичный андроид едва ли смог бы о себе самом сказать правду.

Люба Люфт запела, и Рик был поражен качеством голоса. Голос не уступал голосам знаменитостей прошлого, собранных в коллекцию Рика. Да, признал Рик. Ассоциация Розена потрудились как следует. И снова он представился себе самому как «суб специа азтернитатис», разрушитель субформ, вызванный к жизни тем, что он увидел и услышал. Вероятно, чем лучше она функционирует, тем лучше она певица и тем нужнее я. Если бы антроиды оставались подстандартными, как древние «Кью-40» ассоциации Дерена, то не было бы проблем в моем искусстве. «Когда же мне начать?» — спросил он у себя. Наверное, как можно скорее. В конце репетиции, когда она пойдет в уборную.

В конце первого акта был объявлен перерыв. Дирижер сообщил, что они продолжают через полтора часа. Объявлено было на английском, французском и немецком. После этого дирижер вышел. Покинув инструменты, вышли музыканты. Рик незаметно пробрался на сцену, туда, где располагались уборные. Он последовал за последними из участников репетиции. Он оттягивал время. Лучше сразу со всем покончить. Как только буду уверен. Но, практически, уверенным он мог быть только после теста. Быть может, Дейв ошибся. Надеюсь, что он ошибся. Но едва ли. Профессиональный инстинкт Дейва уже дал сигнал... а инстинкт подводил его редко, за все годы работы в управлении.

У проходившего статиста он выяснил, где расположена уборная мисс Люфт. Статист в гриме и костюме египетского копьяносца показал, куда идти. Рик нашел указанную дверь, увидел записку чернилами. На записке значилось: «МИСС ЛЮФТ. ЛИЧНАЯ.» Он постучал.

— Войдите.

Он вошел. Девушка сидела у гримировочного столика с переплетенной в ткань партитурой на коленях, делая пометки шариковой ручкой. Если не считать вуали, она не сняла ни костюма, ни грима. Вуаль лежала на полочке.

— Да? — Она подняла голову. Грим делал глаза огромными, гораздо большими, чем они были на самом деле. Огромные орехово-карие глаза спокойно смотрели на Рика.

— Видите, я занята. — Ее английский не имел ни малейшего акцента.

— Вы звучите вполне прилично, даже в сравнении с Шварцкопф,— сказал Рик.

— Кто вы?— В голосе ее была холодная недружелюбность... и та, другая холодность, которую он встречал у многих андроидов. Сильный интеллект, способный на многое, но при этом... Он это порицал. Но все же, если бы не эта особенность, он бы не мог их отслеживать.

— Я из департамента полиции Сан-Франциско,— сказал он.

— О!— В огромных ореховых глазах не проскользнуло ни искорки, ни намек на ответную реакцию.— Что же вам нужно?— Странно, тон казался снисходительным.

Усевшись в ближайшее кресло, Рик расстегнул молнию чемоданчика.

— Я прислан для проведения стандартного теста на психопрофиль личности. Это не займет более нескольких минут.

— Это необходимо?— Она показала на партитуру.— У меня много работы.— Теперь в ее тоне появились нотки нехорошего предчувствия.

— Это необходимо.— Он извлек наружу приборы для теста и начал собирать комплект.

— Тест на умственные способности?

— Нет. Эмпатия.

— Мне нужно надеть очки...— Ее рука потянулась к ящику стола.

— Если вы читали без очков партитуру, то и на вопросы без них ответите. Я покажу несколько картинок, предложу вам несколько вопросов. Тем временем...— Он встал и приложил липкую сеточку датчика к сильно напудренной щеке девушки.— Теперь свет,— сказал он, направляя тонкий луч.— Вот и все готово.

— Вы думаете, я андроид? Да?— Ее голос был едва слышен, он гас, как свеча.— Я не андроид. Я даже никогда не бывала на Марсе. Я в жизни не видела андроида!— Ее длинные ресницы дрожали, Рик видел, что она старается сохранять спокойствие.— Вы получили сведения, что в трупке скрывается андроид? Я могла бы помочь вам. И я не стала бы помогать, если бы была андроидом, правильно?

— Андроиды равнодушны к судьбе своих собратьев, других андроидов,— объяснил Рик.— Это одна из характерных черт, по которой мы их выявляем.

— Тогда вы должны быть андроидом,— сказала мисс Люфт.

Пораженный, он поднял на нее глаза.

— Потому что,— продолжала она,— ваша работа — убивать их. Вы... как это называется...— Она старалась вспомнить.

— Охотник за андроидами,— сказал Рик.— Но я не андроид.

— А вы сами тест проходили?— В ее голосе опять появилась спокойная уверенность.— Вы его проходили?

— Да. Очень давно. Когда только начал работать в управлении.

— Наверное, это фальшивая память. У андроидов часто есть фальшивая память, правильно?

— Мое начальство знает о результатах теста. Это обязательное условие.

— Наверное, когда-то был человек. А вы, его двойник, его убили и заняли его место. И об этом ваше начальство уже не знает.— Она улыбнулась, словно приглашая Рика согласиться.

— Лучше приступим к тесту,— сказал он, вынимая листки с вопросами.

— Я пройду испытание,— сказала Люба Люфт,— только если вы сами сначала пройдете его.

Он уставился на нее, снова сбитый с толку.

— Разве так не будет честнее? Тогда я была бы уверена в вас. Я просто не знаю... вы так странно себя ведете, вы какой-то необычный.— Она вздрогнула, потом с надеждой улыбнулась Рiku.

— Вы не сможете провести теста по шкале Вейт-Кампфа. Процедура требует значительного опыта. А теперь, пожалуйста, слушайте внимательно. Вопросы касаются социальных и психологических ситуаций, в которых вы могли бы оказаться. Мне от вас требуется утверждение-реакция. Что бы вы сделали в данном случае. Вы должны реагировать максимально быстро. Один из регистрируемых факторов — время паузы, если она есть.

Он выбрал первый вопрос.

— Вы смотрите телевизор, сидя в кресле.. Вдруг вы обнаружили, что по запястью у вас ползет оса.— Он бросил взгляд на часы, засекая время, потом на два циферблата.

— Что такое «оса»?— спросила Люба.

— Жалящее насекомое с крыльями.

— О, как необычно.— Ее глаза стали шире, как у ребенка, которому Рик открыл главную тайну мироздания.— Они еще бывают? Я ни одного не видела.

— Их убила пыль, они вымерли. Вы в самом деле не знаете, что такое оса? Осы еще существовали, когда вы родились. Всего лишь...

— Скажите немецкое слово.

Он попробовал вспомнить, как будет «оса» по-немецки и не мог.

— Ваш английский звучит идеально,— сердито упрекнул он.

— Это только произношение,— поправила она.— Произношение мне необходимо для партии Перселл, и Уолтон, и фон Вильямс. Но словарь у меня небольшой,— она застенчиво посмотрела на него.

— Веспе,— сказал он, вспомнив, наконец.

— Ах, да. Айп веспе.— Она засмеялась.— Какой был вопрос? Я уже забыла.

— Попробуем другой.— Теперь добиться толкового ответа было невозможно.— Вы смотрите по телевизору старый фильм о довоенной жизни. Показывают банкет в разгаре. Главное блюдо...— Он пропустил часть вопроса,— состоит из вареной собаки, нафаршированной рисом.

— Но кто будет убивать и варить собаку?— удивилась Люба Люфт.— Они стоят целое состояние. Наверное, это была имитация. А имитации сделаны из проводов и моторов. Их нельзя есть.

— В довоенные времена,— проскрежетал он.

— Но я тогда еще не родилась.

— Но вы видели старые фильмы по телевизору.

— Фильм был снят на Филиппинах?

— Почему на Филиппинах?

— Потому что,— сказала Люба Люфт,— там принято готовить вареных собак с рисом. Я помню, я читала об этом.

— Ваша реакция. Мне нужна ваша социальная, психологическая, моральная реакция.

— На этот фильм?— Она задумалась.— Я бы переключила канал и смотрела бы Бастера Дружби.

— Почему?

— Потому. Кому интересно старое кино, да еще снятое на Филиппинах? Что там такое было, что стоило бы смотреть?— с жаром сказала она и негодуя воззрилась на Рика. Стрелки на циферблате закачались из стороны в сторону.

— Вы сняли домик в горах,— осторожно сказал Рик после паузы.

— Я-а.— Она кивнула.— Продолжайте, я жду.

— В районе, где нет еще пыли.

— Простите? — Она приложила ладонь к уху.— Что это значит?

— Там все еще растут кусты и деревья. Домик сколочен из сосновых досок. Имеется большой камин. На стенах комнаты кто-то развесил эстампы Карриера и Айвса, над каминной полкой — большая оленья голова. Это самец с полностью сформировавшимися рогами. Люди, приехавшие с вами, восхищаются украшением комнаты и...

— Я не понимаю... Карриер и Айвс, какие-то украшения,— сказала Люба Люфт. Она, казалось, изо всех сил старалась разобраться в вопросе.— Погодите.— Она подняла руку.— Это как с рисом и собаками. Карриер — острая приправа, чтобы сделать рис острее. «Карри» — по-немецки.

Рик не мог уразуметь, являлся ли семантический туман, в котором блуждала мисс Люфт естественным или выдуманым. Проконсультировавшись со своим внутренним голосом, он решил попробовать еще один вопрос. Что он еще мог сделать в таком положении?

— Вы назначили свидание мужчине,— сказал он,— и он пригласил вас домой. Вы пришли к нему, и пока вы там находитесь...

— О, найн!— перебила его Люба.— Я туда не пойду. Это легкий вопрос.

— Но это еще не вопрос!

— Вы задали не тот вопрос? Но я не понимаю, что вы спрашиваете. Почему именно то, что я понимаю, не вопрос? Разве не подразумевается, что я должна понимать вопрос?— Она нервно провела рукой по щеке и... отсоединила диск-сетку датчика. Случайно. Диск упал на пол и закатился под гримировочный столик.— Ах, майн гот,— пробормотала Люба, нагнувшись, послышался треск ткани — ее неудобное платье не выдержало.

— Я подниму,— сказал Рик и занял место Любы: став на колени, он пошарил под столиком, пока не нащупал датчик. Когда он поднялся с колен, тот обнаружил, что прямо ему в глаза смотрит дуло лазерной трубки.

— Ваши вопросы,— скрипучим голосом прокурора сказала Люба Люфт,— перешли в область секса. Я так и ду-

мала, что к этому придет. Вы не полицейский. Вы сексуальный извращенец.

— Можете посмотреть удостоверение.— Он потянулся к карману. Рука, заметил он, начала подрагивать, как во время встречи с Полоковым.

— Если вы дотронетесь до кармана, я вас убью,— сказала Люба.

— Вы в любом случае меня убьете.

Что бы получилось, послушайся он совета Рейчел и возьми ее с собой? Но предаваться бесплодным размышлениям не было времени.

— Так, посмотрим остальные вопросы.

Она требовательно протянула руку, и Рик нехотя отдал листки.

— «Вы встречаете в журнале большую цветную фотографию обнаженной женщины». Понятно. «Вы забеременели от мужчины, который обещал жениться на вас, но вместо этого начинает ухаживать за другой женщиной, вашей лучшей подругой. Вы делаете аборт». Система вопросов обличает вас полностью. Я вызываю полицию.

Не выпуская Рика из-под прицела лазера, она пересекла комнату, сняла трубку видеофона, набрала номер дежурного оператора.

— Соедините меня с управлением полиции,— сказала она.— Мне нужно вызвать полицейского.

— Я бы это и сам сделал с удовольствием,— облегченно сказал Рик. Однако идея показалась ему странной. Почему она не убила его? Почему вызывает полицию? Как только появится патрульный, исчезнет ее последний шанс и все будет так, как скажет он, Рик.

Наверное, она уверена, что она человек, решил он. Она явно не знает, кто она.

Несколько минут спустя — все это время Люба Люфт не выпускала его из-под прицела,— явился полицейский, здоровенный бык в архаичной своей голубой форме, с пистолетом и звездой.

— Ладно, ладно,— сказал он, едва увидев Любу и лазер.— Уберите эту штуку.

Она опустила трубку, и полицейский тут же отобрал лазер, проверив, заряжен ли он.

— Так, что здесь происходит?— спросил он Любу. Она не успела ответить, как он повернулся к Рiku.— Вы кто такой?

— Он пришел ко мне в уборную, — начала мисс Люба. — Я его вижу впервые. Он сделал вид, что проводит какой-то опрос, что-то в этом роде. Он собирался задавать вопросы. Я подумала, что тут нет ничего такого и сказала, пусть задает. И он начал задавать неприличные вопросы.

— Покажите-ка документы, — сказал бык-полицейский, требовательно протягивая руку.

Вынимая удостоверение, Рик сказал:

— Я охотник на андроидов, работаю в управлении.

— Я всех охотников знаю. Вы из управления Сан-Франциско?

— Мой начальник — инспектор Брайант. Я взял дело Дейва Холдена, потому что Дейв сейчас в больнице.

— Я же сказал, что всех охотников знаю. И о вас никогда не слышал. — Он вручил карточку обратно Рiku.

— Позвоните инспектору Брайанту.

— Никакого инспектора Брайанта не существует, — сказал бык-полицейский.

Рик понял, что происходит.

— Вы тоже андроид. Как и мисс Люфт.

Он подошел к видеофону, снял трубку. Насколько далеко они мне позволят зайти?

— Сейчас я вызову наше управление.

— Номер управления, — подсказал бык-полицейский, — восемь...

— Я знаю номер. — Рик набрал номер, почти мгновенно связался с оператором коммутатора. — Дайте, пожалуйста, инспектора Брайанта, — сказал он.

— Кто его вызывает?

— Это Рик Декард. — Он принялся ждать. Тем временем бык-полицейский начал записывать показания Любы Люфт. Оба не обращали внимания на Рика.

После некоторой паузы на экране возник Гарри Брайант.

— Что такое? Как дела? — спросил он Рика.

— Небольшая неприятность, — объяснил Рик. — Один из андроидов списка Дейва вызвал сюда патрульного полицейского. Этому патрульному я не в силах доказать, кто я такой. Он говорит, что знает всех охотников и никогда не слышал обо мне. И вашу фамилию тоже впервые слышит, — добавил он.

— Дайте мне с ним поговорить, — нахмурился Брайант.

— Инспектор Брайант хочет с вами поговорить, —

Рик протянул трубку полицейскому. Упряжной бык оставил прием показаний у Любы Люфт и подошел к видеофону.

— Сержант Грамс слушает,— резко сказал он. Пауза.— Алло!— Сержант прислушался, несколько раз повторил «Алло!», подождал и повернулся к Рiku.

— На линии никого нет.— Он показал на экран, и Рик увидел, что экран пуст.

Забрав трубку, Рик прислушался, подождал, еще раз набрал знакомый номер. Пошли гудки, но на звонок никто не отвечал. Гудок следовал за гудком.

— Дайте мне,— сказал сержант Грамс, беря трубку.— Видно, вы номером ошиблись.— Он начал крутить диск.— Нужно набрать 842...

— Я знаю номер,— раздраженно сказал Рик.

— Вызывает сержант Грамс,— сказал бык-полицейский в трубку.— Имеется ли среди сотрудников управления некий инспектор Брайант?— Короткая пауза.— Так, а как насчет агента по имени Рик Декард?— Снова пауза.— Вы уверены? Может, он только недавно... так, понятно. Хорошо, спасибо. Нет, все нормально, я сам справлюсь.— Сержант Грамс повесил трубку и повернулся к Рiku.

— Но он был на экране,— сказал Рик.— Я его сам видел, он сказал, что хочет с вами поговорить. Какая-то неполадка, произошло рассоединение. Неужели вы не видели — появилось лицо Брайанта, потом исчезло.— Рик был совершенно сбит с толку.

— Я записывал показания мисс Любы Люфт, Декард,— сказал сержант Грамс.— Так что, поедем-ка в Зал Правосудия, чтобы я вас зарегистрировал.

— Хорошо.

Любе Люфт он сказал:

— Я очень скоро вернусь. Я еще не провел теста.

— Он извращенец,— со страхом сказала Люба сержанту Грамсу.— Один его вид бросает меня в дрожь.— Она передернула плечами.

— Какую оперу вы репетируете?— поинтересовался сержант.

— «Волшебную флейту»,— ответил Рик.

— Я не вас спрашиваю,— бык-полицейский недружелюбно взглянул на него.

— Я бы хотел поскорее добраться до Зала Правосудия,— сказал Рик.— Нужно поскорее разъяснить это недо-

разумение.— Он направился к двери в коридор, сжав ручку чемоданчика с приборами.

— Сначала я вас обыщу.

Сержант Грамс ловко ощупал Рика и отобрал служебный лазер и пулевой пистолет. Внимательно осмотрев оружие, он понюхал ствол револьвера.

— Из него недавно стреляли,— сообщил он.

— Я буквально только что отправил на покой одного анди,— сказал Рик.

— Останки по-прежнему у меня в каре, наверху.

— Ладно,— сказал Грамс.— Сейчас пойдем на крышу и поглядим. Они оба пошли к двери. Мисс Люфт проводила их до самого порога.

— Ведь он уже не вернется, правда, сержант? Я очень его боюсь, он такой странный.

— Если у него в каре тело убитого гражданина,— сказал Грамс,— то сюда он уже не вернется.

Он подтолкнул Рика к двери, и они поднялись лифтом на крышу оперного театра.

Открыв дверцу аэрокара, Грамс молча уставился на тело Полокова.

— Это андроид,— объяснил Рик.— Я на него охотился. Он едва не прикончил меня первым, притворившись...

— Показания с вас снимут в Зале Правосудия,— не стал слушать его Грамс. Он подтолкнул Рика к своему аэрокару. Уже из кабины он кому-то передал по радио указание забрать останки Полокова.

— Ладно, Декард,— сказал он, дав отбой.— Поехали.

Патрульный аэрокар, в кабине которого сидели только они двое, взмыл в небо и взял курс на юг.

— Зал Правосудия,— сказал Рик,— находится на севере, на Ломбард-стрит.

— Это старый Зал,— пояснил сержант.— Новый построен на Миссион-стрит. Старое здание теперь превратилось в руины. Там уже много лет никто не работает. Вы что, так давно в последний раз были в полиции?

— Отвезите меня туда,— попросил Рик.— На Ломбард-стрит.

Теперь он все понимал, теперь он видел, чего добились андроиды, работая сообща. До конца полета он не доживет. Если Дейву удалось выбраться живым, то для него это конец.

— А девочка первый класс,— отметил сержант Грамс.—

Правда, из-за костюма не видно фигуру. Но спорю, что фигура в полном порядке.

— Признайтесь хотя бы мне, что вы андроид,— сказал Рик.

— Зачем? Ведь я не андроид. Вы убиваете людей, а себе говорите, что они — андроиды? Теперь понимаю, почему мисс Люфт так испугалась. Хорошо, что она успела вызвать меня.

— Тогда отвезите меня в Зал Правосудия на Ломбард-стрит...

— Я вам объяснил, что...

— Всего три минуты,— взмолился Рик.— Я хочу увидеть собственными глазами. Каждое утро я приходил туда на работу, делал отметку в табеле. Хочу увидеть собственными глазами, как это здание превратилось в руины.

— Наверно, вы андроид сам,— сказал сержант Грамс.— И у вас встроенная фальшивая память. Ложная. Вы думали об этом?— Он хладнокровно усмехнулся и продолжал вести кар на юг.

Понимая свой полный провал, полное поражение, Рик откинулся на спинку сиденья и начал бессмысленно ждать, что будет дальше. Что бы андроиды ни задумали, он был сейчас в их руках.

— Но одного я успел отправить на покой, сказал он себе. Полокова. А Дейв прикончил еще двоих.

Зависнув над Миссион-стрит, патрульный кар плавно пошел на посадку.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Здание Зала Правосудия на Миссион-стрит, на крышу которого сейчас опускался патрульный кар, вздымалось к небу несколькими шпилями в стиле барокко. Сложная современная архитектура здания поразила Рика Декарда. Здание показалось ему довольно красивым, приятным для глаза..., исключая единственный аспект — он видел его впервые в жизни.

Патрульный кар приземлился. И несколько минут спустя Рик обнаружил, что с него снимают уже показания.

— 304,— сказал Сержант Грамс сержанту за письменным столом.— И 612. Дробь 4. Так, посмотрим. Выдавал себя за агента полиции.

— Это будет 406, дробь 7,— скучно сказал сержант за столом, заполняя бланки. Писал он лениво. Рутинa — вот что говорило выражение его лица и его поза. Ничего особенно важного.

— Сюда,— сказал Грамс, направляя Рика к белому столику, где техник-сержант манипулировал знакомыми Рикy приборами.— Снимем вашу цефаломатрицу. В целях установления личности.

— Знаю,— огрызнулся Рик. В былые дни, когда он сам работал патрульным, он часто приводил подозреваемых вот к точно такому столу.

После снятия цефаломатрицы Рика отвели в также знакомую комнату. Он рефлекторно начал составлять в уме список ценных вещей, чтобы переслать их жене. Это бессмысленно, вдруг подумал он. Кто эти люди? Если эта организация существует давно, как получилось, что мы ничего не знали о ней? И они не знают о нас? Два параллельных полицейских агентства. Наше. И это, их. И они не вступают в контакт, никогда до сих пор не вступали. Или, може быть, вступали? Может быть, это не первый случай? Трудно поверить, что ничего подобного никогда до сих пор не случилось. Если это действительно аппарат управления полицией. Если это действительно то, чем кажется.

К Рикy подошел мужчина в штатском. Он подошел не спеша, размеренным шагом, с любопытством глядя на Рика.

— А кто это такой?— спросил он у Грамса.

— Подозревается в убийстве,— ответил Грамс.— В его каре наверху мы обнаружили тело. Он утверждает, что это андроид. Сейчас лаборатория делает анализ костного мозга, так что скоро выясним. Кроме того, он выдавал себя за офицера полиции, агента по борьбе с андроидами. Под этим прикрытием пробрался в женскую уборную оперного театра, приставал к певице с двусмысленными вопросами. Она начала сомневаться, тот ли он, за кого себя выдает, и вызвала нас.— Грамс отошел в сторону.— Будете заниматься им до конца, сэр?

— Хорошо,— сказал чиновник в штатском. Он был голубоглазый, с узким, хищным носом и бледными, невыразительными губами. Он протянул руку к служебному чемоданчику Рика.— Что у вас там, мистер Декард?

— Материалы, относящиеся к тесту Войт-Кампфа,— сказал Рик.— Я тестировал подозреваемую, когда сержант арестовал меня.— Он смотрел, как полицейский переби-

рает содержимое, внимательно осматривая каждый предмет. — Мисс Люфт были заданы стандартные вопросы стандартного теста Войт-Кампфа, напечатанные...

— Вы знаете Джорджа Глисона или Фила Ресча?

— Нет, — ответил Рик. Эти имена он слышал впервые.

— Это агенты по выявлению и ликвидации андроидов в Северной Калифорнии. Оба закреплены за нашим управлением. Возможно, вы с ними здесь еще столкнетесь. Вы андроид, мистер Декард? Я спрашиваю, потому что мы уже несколько раз имели дело с беглыми анди, которые выдавали себя за охотников из других штатов, которые якобы прибыли к нам в погоне за подозреваемыми.

— Я не андроид, — сказал Рик. — Можете провести тест Войт-Кампфа. Я его уже проходил и могу пройти снова. Но я знаю результат. Могу я позвонить жене?

— Вы имеете право на один звонок. Вы желаете позвонить именно ей, а не адвокату?

— Я позвоню жене, — повторил Рик. — Она сама может вызвать адвоката.

Полицейский чиновник вручил Рiku монету в пятьдесят центов и указал рукой направление.

— Вот там видеофон. — Он проследил взглядом, как Рик идет к видеофону, и вернулся к исследованию содержимого чемоданчика Рика.

Опустив монету, Рик набрал свой номер и начал ждать ответа. Ожидание длилось вечность.

На экране появилось женское лицо.

— Алло, — сказала женщина.

Это была не Иран. Он никогда не видел эту женщину.

Он повесил трубку и медленно вернулся обратно к столу чиновника.

— Неудачно? — Поинтересовался офицер. — Ну что ж, можете позвонить еще раз, в этом отношении мы довольно либеральны. Правда, не могу разрешить вам вызвать поручителя, потому что мы не отпустим вас под залог. Но когда вы будете привлечены к суду и вам предъявят обвинение...

— Знаю, — оборвал его Рик. — Эта процедура мне знакома.

— Вот ваш чемоданчик, — сказал офицер, возвращая чемоданчик Рiku, — и пойдемте в мой кабинет. Я хотел бы продолжить беседу. — Он двинулся к боковому коридору, указывая путь. Рик шел следом. Офицер вдруг остановился и обернулся. — Меня зовут Гарланд, — и они пожали руки.

— Садитесь.— Гарланд распахнул дверь кабинета и тяжело опустился за большой письменный стол, заваленный бумагами.

Рик сел лицом к столу.

— По поводу теста Войт-Кампфа, который вы упоминали,— начал Гарланд.— Вот все эти приборы...— Он раскурил трубку и выпустил облачко дыма.— Они являются аналитическим инструментом обнаружения андроидов?

— Это наш базовый тест,— сказал Рик.— Сейчам мы пользуемся только этим тестом. И только он способен выявлять андроидов с мозгом типа «Узел-6». Вы впервые слышите о такой методике?

— Я знаю несколько тестов-психопрофилей для обнаружения андроидов. Но о таком не слышал.

Он продолжал напряженно рассматривать Рика, лицо его стало каким-то одутловатым. Рик не мог представить, о чем думает Гарланд.

— А эти грязноватые листочки, которые лежали в вашем чемоданчике... Здесь Полоков, Люба Люфт... ваши подозреваемые. Следующим в списке иду я.

Рик вздрогнул, уставился на Гарланда, схватил чемоданчик.

Мгновение спустя папиросные листки досье лежали перед ним. Ни он, ни Гарланд не проропыли ни слова целую минуту, потом Гарланд нервно кашлянул.

— Очень неприятное ощущение,— сказал он.— Обнаружить себя среди целей охотника на андроидов. Совершенно неожиданно. Если только вы настоящий охотник, мистер Декард.— Он нажал кнопку настольного интеркома и сказал:

— Пришлите сюда одного из охотников. Все равно. Хорошо, спасибо.

Он опустил кнопку.

— Через минуту здесь будет Фил Ресч,— сказал он Риду.— И я хочу сначала взглянуть на его список подозреваемых. Прежде, чем мы пойдем дальше.

— Думаете, я могу оказаться в списке?— спросил Рик.

— Не исключено. Через минуту мы узнаем. Лучше не полагаться на случай. А в вашей листке,— он показал на список,— там я фигурирую как страхового инспектора, а не полицейский. Но все остальное сходится точно: внешность, привычки, домашний адрес. Да, это я, совершенно правильно—

но. Сами посмотрите.— Он подтолкнул в сторону Рика листок, который тот быстро пробежал взглядом.

Дверь открылась, вошел высокий, очень худой мужчина, с резкими чертами лица, очками в массивной роговой оправе и ван-дейковской бородкой. Гарланд встал, протягивая руку в сторону Рика.

— Фил Ресч, Рик Декард, знакомьтесь. Вы оба агента по борьбе с андроидами. Видимо, пришло время вам познакомиться, как следует.

Когда они пожимали руки, Фил Ресч спросил:

— К какому городу вы прикреплены?

— Сан-Франциско,— ответил вместо Рика Гарланд.— Вот, взгляни.— Он протянул Ресчу листок из досье Рика, где содержались данные о самом Гарланде.

— Слушай, Гар,— с удивлением сказал Ресч.— Ведь это ты!

— Это еще не все,— сообщил Гарланд.— У него есть листок с данными о Любе Люфт и о Полокове. Помнишь Полокова? Он уже мертв. Его застрелил вот этот агент, или андроид, или кто он там на самом деле. Сейчас лаборатория анализирует костный мозг Полокова. На предмет установления его природы...

— С Полоковым я разговаривал,— сказал Фил Ресч.— Это тот самый большой Санта Клаус, из русской полиции?— Он задумался, подергивая бородку, теперь сильно всклокоченную.— Идея хорошая — провести анализ костного мозга.

— Почему ты так считаешь?— спросил явно раздраженный Гарланд.— Ведь это может лишить нас оснований обвинить этого человека в убийстве. Получится, что он лишь отправил на покой андроида.

— Полоков поразил меня, как очень холодный человек,— сказал Фил.— Очень холодный, расчетливый, отстраненный.

— Таких полицейских сколько угодно,— сказал Гарланд, явно уязвленный.

— Любу Люфт я никогда не встречал,— продолжал Ресч.— Хотя записи ее слышал. Вы ее испытали?— спросил он Рика.

— Я начал тест. Но не смог довести до конца. Она вызвала патрульного и тем все кончилось.

— А Полоков?

— Его мне тоже не удалось проверить.

— И, насколько я понимаю,— сказал Ресч, словно самому себе,— инспектора Гарланда вы тоже проверить еще не успели?

— Нет, конечно!— негодуяше воскликнул Гарланд. Слова вылетели, как осколки горячего стекла.

— Каким тестом вы пользуетесь?— спросил Фил Ресч.

— Шкалой Войт-Кампфа.

— Такой шкалы я не знаю.

И Ресч, и Гарланд, быстро и профессионально размышляли. Это было видно. Но явно не в унисон. Это было тоже видно.

— Я всегда говорил,— продолжал Ресч,— что андронду лучше всего пристроиться в большой полицейской организации, вроде ВПО. И с самой первой встречи с Полоковым мне хотелось его проверить, но случай так и не подвернулся. Он и не мог мне подвернуться... что является одним из преимуществ, которые дает андронду подобная работа.

Медленно поднявшись на ноги, инспектор Гарланд посмотрел в лицо Ресчу.

— И меня тоже вы всегда хотели проверить?

Губы Ресча сложились в едва заметную улыбку. Он хотел что-то ответить, потом лишь пожал плечами. И продолжал хранить молчание. Он, казалось, совсем не боялся начальника, несмотря на физически ощутимый гнев Гарланда.

— Кажется, вы не понимаете, какая сложилась ситуация,— сказал Гарланд.— Этот человек, или андроид, по имени Рик Декард, представляет некоторую фантомную полицейскую организацию, которая, якобы, базируется в нашем старом здании на Ломбард-стрит. О нашем управлении он никогда не слышал, а мы не слышали о его управлении. Внешне мы стоим по одну сторону. Хотя он пользуется тестом, о котором мы никогда не слышали. Список, которым он руководствуется,— это список живых людей. И он уже убил одного. Если бы мисс Люфт не успела позвонить в полицию, он, вероятно, убил бы и ее. И начал бы отслеживать меня!

— Гм-м,— сказал Фил Ресч.

— Гм-м,— в ярости передразнил его Гарланд. Казалось, еще немного, и с ним случится апоплексический удар.—

И больше вы ничего не хотите сказать?

Ожил интерком. Женский голос сообщил:

— Инспектор Гарланд, готов анализ трупа Полокова.

— Думаю, нам стоит услышать результат,— сказал Ресч.

Гарланд бросил на него испепеляющий взгляд, потом надавил на кнопку интеркома:

— Сообщите нам результат, пожалуйста, мисс Френч.

— Анализ костного показал,— зачитала мисс Френч,— что мистер Полоков был гуманоидным роботом. Если вам требуется подробный...

— Нет, этого достаточно.

Гарланд опустил на стул и мрачно уставился на противоположную стену.

— Что лежит в основе вашего теста Войт-Кампфа?— спросил Ресч.

— Эмпатическая реакция. В наборе социально-психологических ситуаций. Большей частью они касаются отношения к животным.

— Наш тест проще, как мне кажется,— сказал Ресч.— Реакция по рефлекторной дуге, имеющей место в верхних ганглиях спинного мозга, у гуманоидных роботов зашмает на несколько микросекунд больше, чем у людей.— Он придвинул к себе отрывной блокнот Гарланда и шариковой ручкой набросал схему.— Мы используем звуковой сигнал или световую вспышку. Испытуемый нажимает кнопку, мы замеряем время задержки. Это время различно у людей и андроидов. После серии из десяти проб получается довольно надежный результат. Потом, как в случае с Полоковым, вывод подтверждает анализ костного мозга.

Последовала тягостная пауза, потом Рик сказал:

— Можете испытать меня, я готов. Конечно, вас я тоже хотел бы испытать. Если хотите.

— Естественно,— сказал Ресч. Сам он однако наблюдал за Гарландом.— Я уже сто лет говорю,— сказал он задумчиво,— тест с дугой Бонелли должен регулярно проводиться среди полицейского персонала, и чем выше по командной цепочке, тем чаще. Разве не так, инспектор?

— Это ваше право,— сказал Гарланд.— Я всегда был против. На том основании, что это повредило бы моральному климату в управлении.

— Но, думаю, теперь вы не будете слишком возражать,— заметил Рик.— Принимая во внимание результат анализа Полокова.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Не буду,— согласился Гарланд.— Потом ткнул пальцем в сторону охотника за андроидами, Фила Ресча.— Но вас предупреждаю — результаты теста вам придется не по вкусу.

— А вы знаете, какие будут результаты?— с заметным удивлением спросил Ресч. Сложившаяся ситуация его явно не радовала.

— Почти на все сто,— сказал инспектор Гарланд.

— Ладно,— кивнул Ресч.— Пойду наверх, принесу приборы.— Он подошел к двери кабинета, открыл ее и исчез в коридоре.— Буду через три-четыре минуты,— сказал он Рик. Дверь за ним затворилась.

Сунув руку в правый верхний ящик служебного стола, инспектор Гарланд пашарил внутри трубку лазера, извлек лазер наружу и медленно направил дуло на Рика.

— Это ничего не изменит,— сказал Рик.— Ресч проведет послесмертный анализ моего костного мозга, такой же, какой ваша лаборатория сделала Полокову. И будет настаивать на проверке с помощью... как это у вас называется? Дуга Бонелли? Будет настаивать на рефлекторном испытании вас и себя.

Лазерная трубка не дрогнула ни на миллиметр, потом инспектор Гарланд проговорил:

— С самого утра это был плохой день. Особенно, когда я увидел, что сержант Грамс привез сюда вас. У меня появилось предчувствие. Поэтому я сразу вмешался.

Лазерная трубка медленно опустилась. Гарланд еще некоторое время судорожно сжимал ее, потом вернул оружие в ящик стола, запер ящик, а ключ положил в карман.

— Что же должен показать тест, применительно к нам троим?— спросил Рик.

— Этот болван Ресч. Это — он,— фыркнул Гарланд.

— Но он на самом деле не подозревает?

— Даже не подозревает, ни в малейшей степени. Иначе он не смог бы работать охотником на андроидов... едва ли подходящая для андроида работа. Это работа только для человека.— Гарланд показал на папиросные листочки досье.— Все ваши остальные подозреваемые... Я их знаю. Мы прилетели с Марса в одном корабле. Но Ресча с нами не было. Он задержался на неделю, ему вставляли искусственную синтетическую память.

И Гарланд погрузился в молчание.

— Что он сделает, когда узнает?— спросил Рик.

— Не имею ни малейшего представления,— рассеянно сказал Гарланд.— С точки зрения абстрактного мышления вопрос интересный. Он может убить меня, убить себя. Возможно, и вас. Он может начать убивать всех, кто попадется ему под руку: и людей, и андроидов в равной степени. Такие вещи, очевидно, иногда случаются с системами ложной памяти. Когда он думает, что он — человек.

— Значит, ложная память — всегда риск?

— Это риск в любом случае, когда бежишь на свободу и добираешься до Земли, где нас даже за животных не считают. Где любой червяк или лесной клоп желаннее нас всех вместе взятых.— Гарланд раздраженно дернул себя за нижнюю губу.— Ваше положение было бы легче, если бы Фил Ресч мог пройти тест Бонелли, если бы дело было только во мне одном. Тогда результаты можно было бы предсказать: я бы стал для него очередным анди, которого нужно отправить на покой, чем скорее, тем лучше. Поэтому вы, Декард, сейчас не в очень выгодном положении. Почти в таком же, как и я. Знаете, где я ошибся? Я не знал, кто такой Полоков. Наверное, он прибыл гораздо раньше нас. Это очевидно. И с совершенно другой группой — у них не было с нами никакого контакта. Когда я прилетел на Землю, он уже внедрился в ВПО. Я пошел на риск лабораторного анализа, а ведь этого делать не стоило. И Грамс ошибся, зря рискнул привести вас сюда.

— Полоков меня едва не прикончил,— признался Рик.

— Да, что-то в нем было такое. Наверное, мозговое устройство у него было другой серии, не нашей. И его мозг явно подвергался дополнительной обработке. Получилось что-то нам незнакомое. И очень совершенное. Почти идеальное.

— Когда я позвонил домой,— спросил Рик,— то почему я не мог связаться с женой?

— Все видеофонные линии в этом здании замкнуты на себя. Любой вызов за его пределы рециркулируется в другие кабинеты внутри управления. Здесь, Декард, мы находимся внутри гоместатической машины. Мы — замкнутая петля, отрезанная от остальной части Сан-Франциско. Мы знаем о вас, но вы не знаете о нашем существовании. Иногда сюда случайно забредает отдельный человек, или, как было с вами, его привозят, тогда, для самозащиты

мы...— Он судорожно дернул рукой в сторону двери.— А вот и наш ретивый молодец Фил Ресч с портативным аппаратом для скоренького теста. Правда, он парень что надо? Сейчас он прикончит себя, меня, возможно, и вас.

— Вы, андройды,— заметил Рик,— не очень-то подерживаете друг друга в стрессовых ситуациях.

— Вы правы,— процедил сквозь зубы Гарланд.— Кажется, нам не достает этого особого таланта, которым обладаете вы, люди. Кажется, называется он сопереживанием, эмпатией.

Открылась дверь кабинета. На пороге застыл силуэт Фила Ресча, в одной руке у него был прибор с волочащимися по полу проводами.

— Вот и мы,— сообщил он, закрывая дверь. Он уселся, подключил аппарат к розетке на стене.

Гарланд, словно указывая, вытянул правую руку в сторону Ресча. В то же мгновение Рик и Ресч одновременно скатились со стульев на пол. В падении Ресч выхватил свой лазер и выстрелил в Гарланда.

Луч лазера, направленный с точностью, выработанной многими годами тренировок, прожег голову инспектора Гарланда. Тело Гарланда накренилось вперед, миниатюрный лазерный излучатель выпал из ладони и покатился по полу. Потом труп качнулся, осел на бок и, как мешок с картошкой, грузно рухнул на пол.

— Он забыл, что это моя профессия,— сказал Ресч. Он встал с пола.— Я могу почти точно предсказать, что станет делать андроид. И вы тоже, я предполагаю.— Он спрятал трубку лазера, нагнулся, с любопытством рассматривая труп бывшего своего начальника.— Что он вам рассказывал, пока меня не было?

— Что он-оно — был антроидом. И что вы...— Рик запнулся. Мысли метались, как в лихорадке, просчитывая варианты, потом он решил изменить предложение:— В конечном итоге вы обнаружили бы его. Всего через несколько минут.

— И больше ничего?

— Все это здание занято андроидами.

Ресч задумчиво сказал:

— Тогда будет трудно отсюда выбраться. Практически, я имею право входить и выходить, когда захочу. И я могу сопровождать взятого под стражу.— Он прислушался. Из коридора в кабинет не доносилось ни звука.—

Я думаю, они ничего не слышали. Видимо, «клопа» здесь нет, хотя они должны быть везде.— Носком ботинка он качнул труп Гарланда.— Нет, просто замечательно, какие способности развиваются на такой работе! Я еще не открыл дверь, но уже знал, что он в меня выстрелит. Честно говоря, я удивлен, что он вас не убил, пока меня не было.

— Он собирался,— сказал Рик— В столе лежит большой служебный лазер. Он взвешивал, стоит ли меня убивать. Его волновали вы, а не я.

— Куда бежит андроид, туда за ним направляется охотник,— без всякого юмора сказал Ресч.— Вы понимаете, что вам придется во второй раз лететь в оперу, устранять Любу Люфт, если кому-то не удалось ее предупредить. Вернее, его, андроида. Вы как о них думаете — через «он», «она» или «оно»?

— Иногда я думаю через «оно»,— признался Рик.— Если меня тревожит память, мне приходится так поступать. Я защищаюсь тем, что думаю о них именно в среднем роде, как о неодушевленных предметах. Но в последнее время мне это не требуется. Ладно, лечу прямо в оперу. При условии, что вы поможете мне выбраться отсюда живым.

— Так, Гарланда, я думаю, мы посадим обратно на стул,— предложил Ресч.— Он подтащил тело андроида обратно к столу, посадил на сиденье, придал рукам и ногам достаточно естественное положение. Теперь, если не присматриваться, поза Гарланда казалась вполне натуральной. Если только никто не войдет в кабинет...

Нажав кнопку интеркома, Ресч сказал:

— Инспектор Гарланд просит не пропускать к нему звонки в течение следующего получаса. Он занят важной работой и хочет, чтобы ему не мешали.

— Да, мистер Ресч.

Отпустив кнопку, Фил Ресч сказал Риду:

— Пока мы еще внутри здания, вы будете прикованы ко мне наручниками. Как только мы поднимемся в воздух, я, естественно, вас освобожу.

Он извлек наружу наручники, одно кольцо защелкнул на запястье Рика, второе — на своем.— Пошл, покончим с этим поскорее.— Он расправил плечи, сделал глубокий вдох и толкнул дверь кабинета.

Со всех сторон Рик увидел людей в полицейской униформе. Служащие продолжали заниматься рутинными делами, не обращая внимания на Фила Ресча, который вел

Рика через холл к лифту. Раздвинулись двери лифта, от туда вышло несколько мужчин и женщин с маловыразительными лицами служащих полиции.

— Чего я опасаюсь,— сказал Ресч, когда двери лифта закрылись за ними,— так это того, что у Гарланда мог быть горловой сигнализатор на случай гибели.— Он пожал плечами.— Сейчас сигнализатор уже должен был сработать.— Он придавил самую верхнюю кнопку и кабина бесшумно начала подниматься.

— Как вы думаете, меня возьмут работать в ваше Управление?— спросил Ресч.— Ведь я теперь остался без работы. В лучшем случае.

— Я... думаю, что нет причин отказывать вам,— сказал осторожно Рик.— Правда, у нас уже есть два охотника.— Я должен сказать ему, подумал Рик. Это жестоко, неэтично. Ты андроид, подумал он. Ты вытащил меня из ловушки — и вот благодарность. Ты оказался самой сущностью того, что мы совместно ненавидим. Сердцевиной того, что мы принуждены уничтожать.

— Просто уму непостижимо,— продолжал Фил Ресч.— Просто невозможно представить. Три года я работал под начальством андроидов. Почему я ничего не заподозрил?

— Возможно, все случилось не так давно, и вы только в последнее время попали под контроль андроидов.

— Все три года моим начальником был Гарланд.

— Если верить тому, что он рассказал мне,— сообщил Рик,— целая банда андроидов прибыла на Землю всего несколько месяцев назад, а вовсе не три года.

— Значит, когда-то существовал настоящий Гарланд,— сказал Фил Ресч.— И в какой-то момент его подменили.— Худое лицо Ресча дернулось. Он пытался разобраться.— Или... это в меня была встроена система ложной памяти. И я ложно помню, что три года работал с Гарландом. Но...— Лицо его снова дернулось, его раздирало внутреннее волнение.— Но только андроиды способны носить в себе ложную память. По отношению к людям система оказалась неэффективной.

Лифт остановился. Двери раздвинулись, и перед ними простерлась пустынная крыша со стоянками аэрокаров. Это была посадочная площадка полицейского управления.

— Вот мой кар,— сказал Фил Ресч, отпирая дверцу стоящего неподалеку аэрокара и быстрым взмахом руки

поторапливая Рика забираться в кабину. Сам он сел за управление и включил двигатель.

Секунду спустя они уже были в воздухе. Они поднялись в небо, повернули на север, в сторону старого здания Оперы. Фил Ресч вел кар практически машинально — мрачные мысли продолжали доминировать в его сознании.

— Послушайте, Декард, — вдруг сказал он. — После того, как мы устраним Любу Люфт... я хочу, чтобы вы... — Его хриплый голос прервался. — Вы понимаете, о чем я? Чтобы вы провели со мной тест Бонелли или тест по вашей шкале эмпатии. Чтобы выяснить, кто я.

— Об этом мы можем подумать позднее, — уклончиво ответил Рик.

— Вы не хотите, чтобы я проходил тест, да? — Ресч бросил взгляд на Рика. — Подозреваю, вы знаете результаты. Видимо, Гарланд вам что-то рассказал, что-то, чего не знаю я.

— Даже вдвоем нам будет трудно убрать Любу Люфт. С такими, как она, мне одному не справиться. Давайте не будем пока отвлекаться от нашей цели.

— Ведь дело не только в системе ложной памяти, — продолжал Фил Ресч. — У меня ведь есть животное, настоящее, не электрическое. Белочка. Я очень люблю свою белку, Декард, кормлю, каждое утро меняю подстилку. Это такая бумага, которую кладут в клетку, знаете? А вечером, после работы, я выпускаю ее на волю, и она прыгает по всей квартире. В клетке у нее есть колесо. Видели когда-нибудь, как белка крутится в колесе? Она бежит и бежит, а колесо крутится и крутится, но белка остается на том же месте. Правда, Баффи это, кажется, нравится.

— Белки не очень умные животные, — сказал Рик. Дальше они летели в молчании.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В опере Рик Декард и Фил Ресч узнали, что репетиция уже закончилась. И мисс Люфт покинула театр.

— Она не сказала, куда собирается идти? — спросил Фил Ресч у одного рабочего сцены, показав свое полицейское удостоверение.

— Вроде в музей. — Рабочий рассматривал удостоверение. — Она сказала, что хочет успеть на выставку картин Эдварда Мунка. Завтра выставка закрывается.

А Люба Люфт, подумал Рик, «закрывается» сегодня. Пока они шагали по тротуару к музею, Ресч спросил: — Как по-вашему, какие у нас шансы? На то, что она не убежала, и мы найдем ее в музее?

— Не знаю,— ответил Рик.

Они вошли в здание музея, выяснили, на каком этаже находилась выставка и начали подниматься. Вскоре они уже бродили среди картин и вырезанных из дерева статуй. На выставку пришло довольно много людей, в том числе и целый школьный класс. Пронзительный голос учительницы раздавался во всех комнатах выставки Мунка. Рик подумал: вот так должен звучать голос анди, и внешность у него должна быть такая, как у этой училки, а не у Любы Люфт или Рейчел Розен. Или... человека, стоящего рядом. Вернее, устройства, стоящего рядом.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы анди держал дома животное?— спросил Рика Фил Ресч.

По какой-то смутно осознаваемой причине Рик испытывал желание быть честным до жестокости и поэтому сказал:

— Мне известны два случая, когда анди владели животными. Но это случается крайне редко. Из всего, что я узнал за эти годы, могу сказать, что анди, как правило, не в состоянии держать животное. Животные требуют атмосферы душевного тепла. Кроме рептилий и насекомых, конечно.

— А белка? Ведь ей тоже нужна атмосфера тепла. Баффи живется превосходно. Я ее через день расчесываю.

Фил Ресч остановился рядом с картиной, выполненной масляными красками, внимательно рассматривая ее. На картине изображалось безволосое страдающее существо с головой, похожей на грушу, с ладонями, в ужасе прижатыми к ушам, с открытым в безмолвном крике ртом. Искривленные, судорожные волны муки этого существа, словно эхо крика, расходились в воздухе вокруг его головы. Мужчина этот, или женщина, оказался заключенным в собственном вопле. И зажал уши, чтобы его не слышать. Существо одиноко стояло на мосту. Оно вопило в полной изоляции от остальных людей, в отрыве от них, несмотря на или из-за крика.

— Потом он сделал еще статую,— сказал Рик, прочитав табличку на стене ниже картины.

— Наверное,— медленно сказал Ресч,— вот так должен чувствовать себя андроид.— Он изобразил в воздухе вибрации видимого на картине крика существа.— Но я так себя не чувствую, значит, я, скорее всего, не ан...

Он замолчал — в зал как раз вошли несколько человек и направились к картине.

— Вот Люба Люфт.— Рик кивнул в ее сторону, и Ресч на время забыл о мрачных подозрениях и самооправдании. Размеренным шагом, не выдавая спешки, он направился к мисс Любе Люфт — самое главное, как всегда в их деле, не нарушать атмосферу будничности. Другие люди, не подозревавшие о присутствии андроида среди них, не должны были подвергаться опасности, даже если ценой этому будет потеря жертвы.

Держа в руке каталог выставки, Люба Люфт стояла перед картиной, полностью поглощенная ею. На ней были блестящие брюки, сходящиеся у шиколоток и золотистый зеркальный жилет. На картине была изображена юная девушка, сидящая на краю кровати. Руки у нее были крепко сцеплены, на лице отразилось ошеломление и робость.

— Хотите, я куплю ее для вас?— спросил Рик Любу Люфт. Он остановился рядом, легко сжав предплечье Любы, давая ей этим знать, что она в пределах досягаемости. С другой стороны Фил Ресч положил на плечо девушки руку, и Рик увидел, как оттопыривается над кабурой лазера пиждак. Фил Ресч не собирался рисковать еще раз, с него достаточно было инспектора Гарланда.

— Она не продается.— Люба Люфт бросила на Рика беглый взгляд, потом, когда узнала, глаза ее мгновенно поbleкли, и краска схлынула с лица, превратив его в лицо трупа, словно тело уже начало разлагаться, словно вся сила жизни отхлынула к какой-то глубоко спрятанной точке, превратив тело в автоматически двигавшуюся руину.

— Я думала, вас арестовали. Разве они выпустили вас?

— Мисс Люфт,— сказал Рик,— познакомьтесь. Это мистер Ресч. Фил, это весьма известная оперная певица Люба Люфт.— Он снова повернулся к Любе.— Тот патрульный, что арестовал меня, был андроидом. Так же, как и его начальник. Вы знаете... вернее, вы знали инспектора Гарланда? Он мне сообщил, что вы все прибыли с Марса в одном корабле.

— Это полицейское управление, куда вы позвонили,— продолжал Фил Ресч, обращаясь к Любе,— находится на

Миссион-стрит. Оно является агентством андроидов, через которое ваша группа, как мне кажется, была связана между собой. Они настолько были уверены в себе, что даже нанимали людей-охотников за андроидами. Очевидно...

— Вы?— процедила Люба Люфт.— Вы не человек. Вы не больше человек, чем я. Вы тоже андроид.

После некоторой паузы Фил Ресч сказал севшим, но хорошо контролируемым голосом:

— С этим, я думаю, мы разберемся в соответствующее время. Рiku он сказал:

— Отведем ее в мой кар.

Шагая по обе стороны от Любы, они повели ее к лифту. Люба двигалась без желания, но и сопротивления тоже не оказывала. Она словно отключилась от внешнего мира. Рiku приходилось уже сталкиваться с подобными явлениями у андроидов. В критических ситуациях. Искусственная сила жизни, приводящая их в движение, словно иссякала, если нагрузка оказывалась слишком велика... По крайней мере, у некоторых андроидов. Но не у всех.

И сила эта могла вернуться в любой момент, с неожиданной яростью.

Но, как по опыту знал Рик, антроиды всегда внутренне стремились себя не выдавать. Поэтому в музее, в окружении стольких посетителей Люба Люфт ничего делать не станет. Настоящее столкновение, для нее, вероятно, последнее, будет в аэрокаре, где их никто не увидит. Оказавшись в кабине кара, она может внезапно отбросить маску пассивности. Рик напрягся, подготавливая себя. О Филе Ресче он не думал: как сам Ресч сказал, эта проблема будет рассмотрена в соответствующее время.

В конце коридора, рядом с лифтами, было устроено нечто вроде небольшого киоска. Там продавали репродукции и книги по искусству. Люба остановилась у прилавка.— Послушайте,— она повернулась к Рiku. Краска частично вернулась на ее лицо, и она снова, пусть и ненадолго, казалась живой.— Купите мне репродукцию той картины, которую я смотрела, когда вы меня нашли. Там, где девушка сидит на кровати.

Помолчав, Рик спросил у продавца:

— У вас есть репродукция картины Мунка «Зрелость»?

— Только вот в этом альбоме его работ,— сказал продавец, снимая с полки красивый альбом в блестящем пластике.— Двадцать пять долларов.

— Беру,— сказал Рик и потянулся за бумажником.

— Мой департаментский бюджет даже за миллион лет не растянуть на...— начал Фил Ресч.

— Это мои деньги,— сказал Рик, передавая банкноты продавцу, а Любе — альбом.— Теперь вниз,— сказал он ей и Ресчу.

— Очень мило с вашей стороны,— сказала Люба, когда они вошли в кабину лифта.— В вас, людях, есть что-то странное и трогательное. Андроид бы так не поступил.— Она бросила ледяной взгляд на Ресча.— Ему бы и в голову не пришло. Даже за миллион лет, как он сказал.— Она пристально смотрела на Ресча. Теперь взгляд ее был полон ненависти и отвращения.— Нет, я в самом деле не люблю андроидов. С тех пор, как я прилетела с Марса, я только и занимаюсь тем, что имитировала человека. Говорила, поступала так, как поступала бы «она». Я имитировала высшую по отношению к нам форму жизни — я так считаю.— Она обратилась к Ресчу.— Разве с тобой было не то же самое, Фил Ресч? Подражание...

— Я больше не могу.— Фил Ресч сунул руку под пиджак.

— Нет,— сказал Рик. Он схватил Ресча за руку. Ресч подался назад, высвобождаясь.— Сначала тест Бонелли,— приказал Рик.

— Оно призналось, что оно андроид,— сказал Ресч.— Мы можем сделать это сейчас.

— Но устранять только потому, что оно тебя уязвило... Дай сюда...— Он попытался вырвать трубку лазера из пальцев Ресча, но Фил Ресч сделал шаг назад и, не спуская глаз с Любы Люфт, повернулся боком.

— Ладно,— сказал Рик.— Устраняй. Убей сразу, сейчас. Докажи, что это твое право.— Он увидел, что Ресч намерен попустить именно таким образом.— Постой...

Фил Ресч выстрелил. В то же мгновение Люба Люфт в спазме животного ужаса дернулась в сторону, пригнулась. Луч прошел мимо цели, но, когда Ресч немного опустил ствол, прожег узкую дыру в животе Любы. Люба закричала. Она лежала, скорчившись, прижавшись к стене, и кричала. Как на той картине, подумал Рик, вытащил свой лазер и выстрелил: Люба повернулась лицом к стене, и ее тело замерло. Она даже не вздрогнула.

Потом Рик тщательно сжег лучом альбом с репродук-

циями картин Мунка. Он сжигал старательно и молча, пока от альбома остался только пепел. Фил Ресч пораженно смотрел на него. Он не понимал.

— Вы же могли оставить альбом себе,— сказал Ресч, когда все было кончено.— Он вам обошелся...

— Как вы думаете, у андроида есть душа?— перебил его Рик.

Наклонив голову, Фил Ресч уставился на него. Он уже совсем ничего не понимал.

— Я могу себе позволить этот альбом,— сказал Рик.— Я уже заработал сегодня три тысячи долларов, а еще не закончил и половины дела.

— Вы имеете в виду Гарланда? Но ведь его убил я. Вы просто лежали на полу. И Любу Люфт убил тоже я.

— Но деньги получить не сможете,— сказал Рик.— Ни в своем управлении, ни в нашем. Как только доберемся до машины, я проведу тест Бонелли или Войт-Кампфа и посмотрим. Хотя в списке моем вас нет.— Немного дрожащими руками он раскрыл чемоданчик, начал рыться среди мятых папиросных бумажек.— Нет, вас здесь нет. Следовательно, по закону я не могу вас подозревать.

— Вы уверены, что я андроид? Это вам сказал Гарланд?

— Да, это мне сказал Гарланд.

— Возможно, он просто соврал. Чтобы посеять между нами взаимное недоверие. Как сейчас. Мы будем болванами, если попадемся на его уловку, позволим, чтобы его слова нас разъединили. Вы были совершенно правы относительно Любы Люфт, мне нужно было держать себя в руках, но мы ведь все равно должны были ее устранить, в любом случае. Полчаса не делают разницы — это всего лишь полчаса, больше или меньше. Она бы не успела даже посмотреть альбом, который вы купили. И я продолжаю считать, что сожгли вы его напрасно. Это транжирство. Я не могу понять ваших мотивов. Они иррациональны.

— Я бросаю это дело,— сказал Рик.

— И чем займетесь?

— Чем угодно. Страхованием, например, как предположительно занимался Гарланд. А может, эмигрирую. Да.— Он кивнул.— Улечу на Марс.

— Но кто-то же должен этим заниматься,— заметил Фил Ресч.

— Пусть используют андроидов. Так будет много

лучше. А я не могу, довольно с меня. Она была замечательной певицей. Она была нужна этой планете. Какое-то безумие.

— Это необходимость. Не забывайте, чтобы бежать на свободу, каждый из них убил человека. Если бы я не вывел вас из управления на Миссион-стрит, они бы вас убили. Этого от меня и хотел Гарланд, для того он меня и вызвал. А Полоков? Разве он едва не прикончил вас? А Люба Люфт? Мы защищаемся. Они тайно пробрались на нашу планету, эти нелюди, маскирующиеся под...

— Полицейских,— сказал Рик.— Под агентов по борьбе с андроидами.

— Ладно, валяйте, проверяйте меня. Ведь Гарланд мог солгать. Я уверен, что так он и сделал — просто не бывает таких хороших систем ложной памяти. А как насчет моей белки?

— Да, белка, я о ней забыл.

— Если я андроид,— сказал Фил Ресч,— и вы меня убьете, то можете взять белку себе. Я напишу завещание, в котором передам ее вам.

— Анди не имеют права писать завещания. У них нет собственности, которую они могли бы завещать.— Тогда просто заберите ее.

— Может так и будет,— сказал Рик.

Лифт достиг первого этажа и остановился. Двери раздвинулись.

— Оставайтесь с Любой. Я вызову патрульный кар, чтобы ее отвезли в Зал Правосудия. Для анализа костного мозга.

Он увидел телефонную кабинку, вошел, вставил в прорезь монету и дрожащими пальцами набрал номер. Тем временем ожидавшие лифт люди окружили Фила Ресча и тело Любы Люфт.

Она в самом деле была выдающейся певицей, сказал себе Рик, когда, покончив с разговором, повесил трубку на место. Я не понимаю. Как такой талант мог быть помехой для нашего общества? Но дело не в таланте, сказал он. Дело было в ней самой. Так же, как и с Филом Ресчем. Он представляет угрозу уже сам по себе. Точно в такой же мере и точно в такой же степени. Поэтому сейчас мне уйти нельзя. Покинув кабинку, он протиснулся к Ресчу и распростертому на полу телу девушки-андроида. Кто-то уже накрыл ее пиджаком. Не Ресч.

Подойдя к Ресчу, который жадно курил маленькую серую сигару, Рик сказал:

— Я молю Бога, чтобы вы в самом деле оказались андроидом.

— Вы меня так ненавидите?— со спокойным удивлением сказал Ресч.— Но там, на Миссион-стрит, вы ко мне относились по-другому. Когда я спасал вам жизнь.

— Просто теперь я понял систему. То, как вы убили Гарланда, потом Любу. Вы убиваете не так, как я, вы даже не пытаетесь... Проклятье, я понял в чем дело!— воскликнул Рик.— Вам просто нравится убивать. Вам нужен только повод. Если бы у вас был повод, вы бы и меня убили. Вот почему вы ухватились за вероятность того, что Гарланд был андроидом — это давало вам повод убить его. Интересно, что будет, если вы не пройдете теста Бонелли? Застрелитесь? Иногда андроиды это делают. Хотя такие ситуации были редки.

— Не волнуйтесь, я позабочусь сам,— сказал Фил Ресч.— Вам ничего не придется предпринимать, не считая проведения теста.

Приземлился патрульный полицейский аэрокар. Из кабины выпрыгнули двое полицейских, увидели толпу людей и немедленно проложили себе путь сквозь скопление. Один узнал Рика, кивнул. Значит, мы теперь можем уйти, понял Рик вдруг. Наше дело сделано. Наконец.

Когда они с Ресчем шли к зданию оперы, на крыше которого остался припаркованный аэрокар Ресча, тот сказал:

— Я отдам лазер. Чтобы вас не беспокоила моя реакция и ваша безопасность.— Он протянул оружие, и Рик взял его лазер.

— А как же вы убьете себя, без лазера?— спросил он.— Если не пройдете теста?

— Задержу дыхание.

— Боже праведный,— сказал Рик.— Это невозможно.

— В нервной системе андроидов нет автоматического прерывателя дыхательного центра,— сказал Фил Ресч.— В отличие от людей. Разве вас этому не учили? Меня этому научили много лет тому назад.

— Но умереть таким способом...— запротестовал Рик.

— Это не больно. Что тут такого?

— Это...— Рик пошевелил пальцами, он не мог подобрать нужное слово.

— Не думаю, что мне в самом деле придется попробовать,— сказал Фил Ресч.

Они вместе поднялись на крышу оперного театра, к кару Ресча. Сев за управление и затворив дверцу, Фил Ресч сказал:

— Я бы предпочел именно тест Бонелли.

— Не могу. Не знаю, как считывать показания.

Ведь мне пришлось бы полагаться на его собственную интерпретацию показаний, вдруг понял Рик. А это отпадает.

— Вы скажите мне правду, верно? — спросил Ресч. — Если я андроид, вы мне так и скажите, да?

— Конечно.

— Потому что я на самом деле хочу знать. Я должен знать.— Фил Ресч заново раскурил сигару, заерзал, устраиваясь поудобнее.

— Вам понравилась картина, которую рассматривала Люба Люфт? — спросил он Рика. — Мне очень. Не люблю реализма. Я предпочитаю Пикассо и...

— «Зрелость» датируется 1894 годом,— коротко ответил Рик.— Тогда кроме реализма ничего еще не существовало. Примите во внимание.

— Но та, вторая, где человек зажимает туши и кричит, не очень типична для реалистической манеры.

Открыв чемоданчик, Рик достал приборы для теста.

— Тонкая работа,— отметил Ресч, наблюдая за сборкой аппарата.— Сколько нужно вопросов, прежде чем вы сможете дать точный ответ?

— Шесть или семь.

Он протянул Ресчу сетку — диск датчиков с липкой стороной.

— Приложите к щеке. Плотно. Теперь свет... — Он нацелил луч.— Свет сфокусирован на вашем зрачке. Не шевелитесь, старайтесь, чтобы глаз был как можно более неподвижен.

— Флуктуация рефлекса,— определил Ресч.— Но стимул имеет физическую природу. Это будет вопрос. То, что мы называем реакцией на вздрагивание.

— Думаете, что сможете ею управлять?

— Только не начальной амплитудой. Это вне волевого контроля. Если бы не... — Он замолчал.— Начинайте. Я волнуюсь, извините, если слишком много болтаю.

— Можете говорить, сколько угодно,— сказал Рик.

Говори, говори, всю дорогу к могиле, подумал он. Если тебе нравится. Рiku было все равно.

— Если тест покажет, что я андроид,— пробормотал Ресч,— ваша вера в человечество будет возрождена. Но поскольку этого результата не предполагается, то советую вам начать формулировать идеологический принцип, внутри которого и мне найдется...

— Первый вопрос,— сказал Рик. Все было готово, стрелки на циферблатах подрагивали.— Главный фактор — время реакции, старайтесь поэтому отвечать максимально быстро.— Он по памяти выбрал первый вопрос. Испытание началось.

Когда тест был окончен, Рик некоторое время сидел молча. Потом начал разбирать прибор, совать принадлежности обратно в чемоданчик.

— Ответ я знаю по выражению вашего лица,— сказал Фил Ресч. Он вздрогнул с почти судорожным облегчением.— Ладно, можете отдать мне лазер.

Он протянул руку ладонью вверх.

— Кажется, вы были правы,— признал Рик.— Относительно мотивов Гарланда. Он хотел посеять недоверие между нами. Поэтому солгал.— Он чувствовал сильную усталость — и физическую, и психологическую.

— Вы уже сформулировали какие-то соответствующие принципы,— поинтересовался Ресч,— которые объясняли бы мое существование как части человеческого рода?

— В вашей эмпатической способности ролеобразования должен быть дефект. Его не регистрирует наш тест. Ваше отношение к андроидам.

— Естественно, этот параметр не испытывается.

— Возможно, следовало бы его ввести.

Раньше это Рiku никогда в голову не приходило, он не чувствовал никакого сочувствия к убиваемым анди. Он всегда считал, что воспринимает андроидов как совершенно умные машины. Но в сравнении с Филом Ресчем чувствовалась заметная разница. И инстинктивно он чувствовал, что он прав. Сопереживание относительно искусственной структуры? Которая только делает вид, что живет? Но Люба Люфт казалась живой на самом деле. Симуляцией здесь не пахло.

— Вы понимаете, что тогда произойдет?— тихо сказал Ресч.— Если мы включим андроидов в наш спектр эмпатической способности, наравне с животными?

— Мы не сможем защищаться.

— Именно. Этот новый тип, «Узел-6»... они нас затопят, раздавят. Между «Узлом-6» и людьми, как барьер, стоим мы, вы и я — агенты по борьбе с андроидами. Мы — барьер, сохраняющий разницу. Благодаря нам она остается видимой и четкой. Тем более. — Он замолчал, видя, что Рик снова начал доставать из чемоданчика приборы. — Я думал, что тест кончился.

— Я хочу задать вопрос самому себе. И хочу, чтобы вы считывали показания стрелок. Я сам вычислю результат. Вы мне скажете показания.

Он приклеил к щеке сетку датчиков, настроил карандаш-излучатель, направив его себе прямо в глаз. — Вы готовы? Следите за циферблатами. Временной интервал значения не имеет. Только величина отклонения стрелки.

— Конечно, Рик, — с готовностью сказал Фил Ресч.

Рик сказал громко:

— Я спускаюсь в лифте вместе с пойманным андроидом. Кто-то из посторонних убивает его, без предупреждения.

— Никакой особой реакции, — сказал Ресч.

— Что показали стрелки?

— Левая: 2.8. Правая: 3.3

— Андроид — женщина, — сказал Рик.

— Теперь 4.0 и 6.0, соответственно, — сообщил Ресч.

— Довольно высоко, — сказал Рик. Он отклеил сетчатый диск и выключил карандашный луч. — Это эмпатическая реакция. Это примерно то, что показывает в среднем испытуемый человек. Исключая самые экстремальные, те, что касаются обивки из детской кожи и так далее... кроме чисто патологических вопросов.

— Что из этого следует?

— Что я способен сопереживать, по крайней мере, некоторым андроидам. Некоторым. Не всем, а... одному-двум.

Например, Любе Люфт, сказал он себе. И я ошибался. В реакции Ресча нет ничего нечеловеческого, это моя реакция отклоняется от нормы.

Интересно, подумал он, кто-нибудь из людей когда-нибудь испытывал что-нибудь подобное по отношению к андроиду?

Конечно, подумал он, на моей работе это может никогда не сказаться. Это может быть аномалией, чем-то минутным, связанным с моим отношением к «Волшебной флейте».

И голосу Любы. Вообще к ее творчеству. Конечно, раньше он ничего подобного не испытывал или, во всяком случае, не сознавал этого. Например, в отношении Полокова или Гарланда. И если бы Фил Ресч оказался андроидом, я бы его убил без особых затруднений, особенно после смерти Любы.

Вот и все, что касается различий между истинными людьми и человекоподобными движущимися искусственными структурами. В том лифте, в музее, сказал он себе, я спускался вместе с двумя существами, человеком и андроидом... и чувства мои были распределены противоположно ожидаемым. Тем, к которым я привык и которые должен был испытывать.

— Ты в беде, Декард,— тихо сказал Фил Ресч. Казалось, эта мысль его забавляла.

— Что я должен делать?— спросил Рик.

— Секс,— сказал Ресч.— В этом все дело.

— Секс?

— Да, половая любовь. Потому что оно... она... была привлекательная для тебя физически. С тобой разве никогда не случалось такого раньше?— Ресч засмеялся.— Нас учили, что это проблема номер один среди агентов по борьбе с анди. Разве ты не знаешь, Декард, что у колонистов есть даже любовницы-андроиды?

— Это незаконно,— сказал Рик. Он знал закон.

— Конечно, это запрещено законом. Но большинство половых извращений тоже запрещены, но люди ими тем не менее занимаются.

— Но, если это не секс... А любовь?

— Любовь — другое название для секса.

— Любовь к Родине? К музыке?

— Если это любовь к женщине, то это называется секс. К женщине или к ее андроидной имитации. Проснись, взгляни в лицо действительности. Когда-то я тоже испытал такое. Когда только начал охотиться. Не позволяй себе раскиснуть — все этой пройдет. Все дело в том, что события следовали в неправильном порядке. Ты убил ее или присутствовал при устранении... а потом почувствовал физическое влечение. Надо делать наоборот.

Рик пристально смотрел на него.

— Сначала лечь с ней в постель, а потом...

— ...ее убить,— коротко отрезал Фил Ресч. На его губах играла все та же жестокая улыбка.

Ты хороший охотник на андроидов, Фил Ресч, подумал

вдруг Рик. И твое отношение к ним это доказывает. Ну, а я?

И внезапно впервые он начал сомневаться в ответе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Словно по дуге из чистейшего огня, Джон Исидор мчался домой после трудового дня. Не покинула ли она своей квартиры, думал он. Все ли она еще там, в старой мусоризованной комнате, смотрит ли Бастера Дружби по телевизору, вздрагивая от страха всякий раз, когда ей мерещится, что кто-то ходит по коридору?

Он успел остановиться по дороге у бакалейного магазинчика, там, где имелся черный рынок. На сиденье рядом лежали такие деликатесы, как банка соевого творога, спелые персики, добрый мягкий сыр, зрелый и отвратительно пахнущий. Все это покачивалось туда-сюда, пока он менял курс, потом тормозил кар, заходя на посадку. В этот вечер он испытывал волнение, и машину вел несколько неровно, рывками. Кар сотрясался и фыркал. Проклятье, думал Джон Р. Исидор.

По кабине волнами, приятно щекоча обоняние, распространялся запах персиков и сыра. Все эти редкости, на которые он угрожал двухнедельную зарплату, занятую вперед у мистера Слоута, дополнялись спрятанной под сиденьем, где она не могла разбиться, бутылкой шабли. Эта редкость была величайшей из всех остальных. Исидор держал ее в сейфе, в Банке Америки, не желая продавать, сколько бы ни предлагали, на случай, если вдруг в его жизни, в далекий последний момент вдруг появится девушка. Это случилось только сейчас.

Замусоренная, мертвая крыша дома как всегда угнетающе подействовала на него. По пути от кара к лифту он, подавив периферийное зрение, полностью сосредоточился на драгоценном мешке и бутылке, на том, чтобы не споткнуться. Когда приехал скрипящий и лязгающий лифт, он спустился не на свой этаж, а на уровень ниже, где теперь жила новая обительница, Прис Страттон.

Вскоре он уже стоял перед ее дверью, тарабана в створку кулаком, чувствуя, как вовсю колотится сердце.

— Кто там? — Дверь заглушала голос, но ясная чистота тона сохранялась.

— Говорит Джон Р. Исидор,— быстро сообщил он, применяя новое самоощущение авторитета, недавно полученное с помощью видеофона мистера Слоута.— Здесь у меня есть кое-что весьма вкусное, и, думаю, мы могли бы сварганить неплохой обед.

Дверь приоткрылась совсем чуть-чуть. Прис выглянула из темной прихожей в полумрак холла.

— Ваш голос стал другим,— заметила она.— Взрослее.

— Да, сегодня в рабочее время мне пришлось уладить несколько дел. Обычных. Если бы вы меня впустили, я...

— Вы бы мне рассказали о ваших делах.

Тем не менее она раскрыла дверь достаточно широко, чтобы он смог войти. А потом, когда увидела, что он принес, лицо ее озарилось озорной радостью, и она не сдержала восклицания. Но почти в тот же миг радость погасла, и смертельная горечь легла на ее черты: лицо отвердело, как засыхающий цементный раствор. Радость испарилась.

— Что такое?— Он отнес пакет и бутылку на кухню и поспешил обратно в прихожую.

— Вы зря потратились,— бесцветным голосом сказала Прис.

— Почему?

— О-о...— она пожала плечами и медленно пошла прочь, сунув руки в карманы старомодной юбки.— Когда-нибудь я вам скажу.— Она подняла глаза.— Но все равно, это было очень мило с вашей стороны. Теперь я хотела бы, чтобы вы ушли. У меня такое настроение, что никого не хочется видеть.

Она медленно подошла к двери в холл, медленно отворила дверь, все глубже погружаясь в пучины бесполезности и пустоты, в глубины одиночества.

— Я знаю, что с вами,— сказал он.

— Да?

— У вас нет друзей. Сейчас вам гораздо хуже, чем утром, когда я увидел вас впервые. Это потому, что...

— У меня есть друзья.— Внезапно в голосе ее прослышалась твердость, и она вернула себе былую живость.— Или были. Семеро. Сначала их было семеро, но охотники уже успели, наверное, поработать. И некоторые из моих друзей, если не все, сейчас мертвы.— Она побрела к окну, всмотрелась в темноту, где мерцало несколько огоньков.— Может быть, из нашей восьмерки осталась в живых только я одна. Может, вы и правы.

— О каких охотниках вы говорите?

— Да, правильно, вы и не должны знать о них. Кто они такие? Охотник — профессиональный убийца, ему выдают список тех, кого он должен убить. За каждое убийство ему платят тысячу долларов. Обычно он заключает с властями города контракт, поэтому получает еще и жалованье. Но жалованье маленькое, так что ему приходится проявлять активность.

— Вы уверены? — спросил Исидор.

— Да. — Она кивнула. — Вы спрашиваете уверена ли я, что он проявляет активность? О, он обожает это занятие!

— Мне думается, — сказал Исидор, — что вы ошибаетесь. — Он в жизни не слышал ни о чем подобном. Бастер Дружби, например, никогда о таком не упоминал.

— Ведь это противоречит сострадалистической этике сегодняшнего дня, — отметил он. — Всякая жизнь едина. «Человек — не остров», как говорил в старину Шекспир.

— Джон Донн, — поправила Прис.

Исидор возбужденно отмахнулся. — И я ничего подобного в жизни не слышал. Разве нельзя вызвать полицию.

— Нет.

— И они охотятся за вами? Они способны явиться сюда и убить вас? — Теперь он понимал, почему девушка так странно, так скрытно себя вела. — Немудрено, что вы так напуганы, и вам никого не хочется видеть. Но, — подумал он, — все это явное заблуждение. У нее, наверное, психоз. Мания преследования. Возможно из-за влияния пыли на мозг. Возможно, она спецнал.

— Я прикончу их раньше, чем они успеют причинить вам вред, — пообещал он.

— Каким образом? — Она слабо улыбнулась, показав маленькие ровные белые зубы.

— Я куплю лицензию на лазерный пистолет. Здесь, в заброшенных районах, ее нетрудно получить. Полиция этот район не патрулирует — жители сами должны заботиться о своей безопасности.

— А в то время, когда вы на работе?

— Я возьму отпуск за свой счет.

— Очень мило с вашей стороны, Дж. Р. Исидор, — сказала Прис. — Но только если охотники покончили с остальными, с Максом Полоковым и Гарландом, с Любой Люфт, Гаскисном и Роем Бейти... — Она вдруг замолчала. — Если мертвы Рой и Ирмагд Бейти, все это теряет смысл.

Они мои лучшие друзья. Черт побери, почему от них никаких вестей, скажите на милость?

Вернувшись на кухню, он снял с полки покрытые пылью, давно не использовавшиеся стаканы, тарелки и чашки. Он принялся мыть их в раковине, подождав сначала, пока ржавая вода сменится горячей и чистой. Вскоре появилась Прис, села у стола. Он откупорил бутылку шабли, разделил поровну персики, сыр и соевый творог.

— Что это за белая масса? Это не сыр?— Она показала на творог.

— Это готовят из соевых бобов. Эх, если бы у меня было немного...— Он запнулся и покраснел до корней волос.— Обычно его ели с говяжьим бульоном.

— Андроид,— пробормотала Прис.— Такие оплошности обычно допускает андроид. Это его выдает.

Она подошла к Исидору и, к полнейшему его удивлению, на секунду обняла его за талию, прижалась к нему.

— Я попробую ломтик персика,— сказала она и весело схватила оранжевый сочный ломтик длинными пальцами. А потом, когда ела, начала плакать. Холодные слезы покапались по щекам, закатали на грудь, на платье. Он не знал, что делать, и продолжал делить еду.

— Проклятье,— яростно сказала она.— Ладно...— Она отошла от Исидора и принялась маленькими шажками мерять комнату.

— Понимаете, мы жили на Марсе. Вот почему я все знаю об андроидах.— Ее голос дрогнул, но она смогла сдержаться и продолжала: ей явно было необходимо с кем-нибудь поговорить.

— И на Земле вы знаете только своих друзей, бывших эмигрантов,— догадался Исидор.

— Мы были знакомы еще до отлета. Жили в поселке недалеко от Нью-Нью-Йорка. Рой и Ирмагарт Бейти держали аптеку. Он был фармацевтом, она занималась рекламой косметических средств, всякими кремами и лосьонами. На Марсе люди пользуются большим количеством косметических средств. Я...— Она заколебалась.— У Роя я доставала всякие лекарства... они мне были необходимы, потому, что, во-первых... это было жуткое место. Все это — чепуха,— сказала она, обводя рукой заброшенную квартиру.— Вы думаете, я страдаю потому, что мне одиноко? Марс — вот одиночество. Гораздо хуже, чем это.

— А разве с вами не было андроидов? Я слышал коммерческую рекламу...

Он сел за стол и начал есть. Она взяла стакан с вином и равнодушно отпила глоток.— Я понял, что андрониды должны там помогать.

— Андроидам,— сказала она.— тоже одиноко.

— Вам нравится вино?

Она поставила стакан на стол:

— Превосходное.

— Единственная бутылка за три года.

— Мы вернулись сюда, потому что на Марс соваться нам вообще не стоило,— продолжала Прис.— Марс не предназначен для обитания в ближайший миллиард лет. Он такой старый. Это чувствуется даже через камни. Жуткий возраст. Во всяком случае поначалу я брала у Роя наркотики и жила только благодаря новому обезболивающему средству, силенизину. Потом я встретила Хорста Хартмана, у которого была лавка почтовых марок. Там столько времени, что просто необходимо завести себе хобби, какое-нибудь, чтобы можно было им заниматься без конца. И Хорст меня заинтересовал беллетристикой доколониального периода.

— В смысле, старыми книжками?

— Да, рассказами о космических полетах, написанных еще до начала космических полетов.

— Но как могли появиться рассказы о космосе до...

— Писатели,— объяснила Прис,— просто все выдумывали.

— Основываясь на чем?

— На воображении. Очень часто сильно ошибались. Например, когда изображали Венеру в виде лесного рая джунглей, с огромными чудовищами и женщинами-воинами в металлических нагрудниках, блестящих как зеркало.— Она посмотрела на него.— Вам это интересно? Большие женщины с длинными волосами, блондинки, с блестящими грудями величиною с дыню.

— Нет,— сказал он.

— Ирмгард блондинка,— сказала Прис.— Но она маленькая. Так вот, на контрабанде доколониальной беллетристики, книг, журналов, фильмов на Марсе можно было сколотить целое состояние. Не было ничего увлекательнее. Читать о городах и гигантских индустриальных предприятиях, о действительно удавшейся колонизации. Воображать, как все это могло быть на самом деле. Как должен был бы выглядеть Марс. Каналы...

— Каналы? — Он смутно припомнил, что где-то читал об этом. В прошлом люди верили в марсианские каналы.

— Да, каналы, оплетающие всю планету, — сказала Прис. — И существа с других звезд. Обладающие бесконечной мудростью. И рассказы о Земле, действие которых происходит в наше время и даже позже. О Земле без радиоактивной пыли.

— Наверное, — сказал Исидор, — от таких рассказов должно быть еще хуже.

— Нет, — коротко ответила Прис.

— А вы не привезли с собой ничего из этих доколониальных материалов? — спросил он.

— Здесь они ни к чему, потому что на Земле интерес к ним никогда не возникал. Кроме того, их здесь вдоволь в библиотеках. Отсюда мы и получали наше чтиво — оно было выкрадено из библиотек на Земле и авторакетами запущено на Марс. Вы ночью выходите в пустыню, и вдруг — вспышка, и вот уже, расколовшись как яйцо, упала ракета, из нее высыпались старинные фантастические журналы. Целое состояние. Но, конечно, прежде, чем продать их, вы их читаете.

Во входную дверь постучали.

Лицо Прис стало пепельным, и она прошептала:

— Я не могу. Не шумите. Сидите неподвижно. — Она напряглась, прислушиваясь. — Заперта ли дверь? — спросила она едва слышно. — Боже, ведь я не забыла... — Ее расширенные глаза остановились на Исидоре.

Из холла послышался мужской голос:

— Прис, ты здесь? Это Рой и Ирмгард. Мы получили твою открытку.

Прис встала, вышла в спальню, потом вернулась, неся карандаш и клочок бумаги. Снова сев за стол, она поспешно набросала:

«ПОДОЙДИТЕ К ДВЕРИ».

Исидор нервно взял у нее карандаш, нацарапал:

«И ЧТО Я СКАЖУ».

Прис зло написала:

«ПОСМОТРИТЕ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ЭТО ОНИ?»

Встав, он с мрачным видом вышел в прихожую. «Как же я определяю, что это они?» — спросил он у самого себя. Он открыл дверь.

В тускло освещенном холле стояли двое. Невысокая женщина, симпатичная, на манер Греты Гарбо, с голубыми

глазами и желто-русыми волосами. Мужчина был более плотного сложения и выше ростом, с умным взглядом голубых глаз, но с плоскими монголоидными чертами, что придавало лицу жестокое выражение. Женщина была одета модно, в высокие блестящие сапоги и брюки. На мужчине была мягкая рубашка и брюки в пятнах, что создавало впечатление намеренной небрежности. Он улыбнулся Исидору, но его маленькие глазки остались непроницаемыми.

— Мы ищем...— начала маленькая блондинка, потом взгляд ее устремился куда-то за спину Исидора. На лице расцвела улыбка, и она ловко проскочила в промежуток между Исидором и косяком двери, воскликнув:

— Прис, как ты?

Исидор обернулся. Женщины обнимались. Он отодвинулся, и в прихожую ступил Рой Бейти, строгий и большой, улыбаясь криво и бесцветно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Мы можем говорить?— спросил Рой, указывая на стоящего рядом Исидора.

Прис, которая светилась радостью, сказала:

— Да, тут все в порядке, до определенной степени.— Исидору она сказала:— Извините нас.

Она отвела Бейти в сторону, и некоторое время они о чем-то шептались, потом все трое встали перед Джоном Р. Исидором, который чувствовал себя не в своей тарелке:

— Познакомьтесь, это мистер Исидор,— сказала Прис.— Он заботится обо мне.— В ее словах был почти злобный сарказм. Исидор заморгал.— Видите? Он принес мне немного настоящей, натуральной еды.

— Еды,— эхом повторила Ирмагд Бейти и легкими шагами поспешила на кухню посмотреть.— О, персики,— воскликнула она, немедленно беря чашку и ложку. Улыбаясь Исидору, она начала есть, глотая быстро, как зверек. Улыбка у нее была не такая, как у Прис, в ней чувствовалась просто теплота и никакого замаскированного второго дна.

Исидору она сразу понравилась. Он вошел следом за ней в кухню и сказал:

— Вы с Марса.

— Да, мы бросили это дело.— Голос у нее был высокий, какой-то птичий, голубые глаза искрились.— Какой ужас-

ный у вас дом. Здесь больше никто не живет, да? Мы больше не видели освещенных окон.

— Я живу наверху, — сказал Исидор.

— О, я думала, что вы с Прис живете вместе. — В тоне Ирмгард было всего лишь утверждение.

Рой Бейтли, продолжая демонстрировать свою неприятную улыбку, сказал сурово:

— Они прикончили Полокова.

Радость, родившаяся на лице Прис, когда она увидела друзей, тут же умерла:

— Кого еще?

— Гарланда они убили, — сказал Рой Бейти. — Андерса и Гитчела, а потом, уже сегодня, Любу Люфт. — Он говорил все это так, словно в силу какого-то извращения ему было приятно сообщать все эти новости, словно потрясение Прис доставляло ему удовольствие. — Я думал, что Любу им не накрыть. Помните, я всю дорогу говорил, что им ее не взять?

— Тогда остается... — сказала Прис.

— Остаемся мы трое, — с мрачным предчувствием сказала Ирмгард.

— Вот почему мы здесь. — В голосе Роя Бейти загудело непонятно откуда взявшееся тепло: чем хуже становилась ситуация, тем больше, казалось, это было ему по душе.

— Боже, — прошептала Прис.

— У них есть следовательно, охотник, как его называют, — сказала Ирмгард, — по имени Дейв Холден. — Это имя, как капля яда, сорвалось с ее губ. — Полоков едва не убил его.

— Едва не убил, — эхом повторил Рой, улыбка которого теперь расплылась на все лицо.

— Сейчас Холден в больнице, — продолжала Ирмгард, — О, очевидно, список они передали другому охотнику, которого Полоков тоже едва не прикончил. Но в конце охотнику удалось все-таки устранить Полокова. И после этого он отправился за Любой Люфт. Нам все это известно, потому что она успела связаться с Гарландом, и он послал кого-то, чтобы поймать охотника и привезти в здание на Миссион-стрит. Люба вызвала нас сразу после того, как агент Гарланда и охотник ушли. Она была уверена, что все обойдется, что Гарланд убьет его. Но, видимо, что-то пошло не так, как надо, — добавила она. — Мы не знаем, что именно. Возможно никогда не узнаем.

— А у этого охотника есть список наших фамилий?— спросила Прис.

— Да, дорогая, думаю, что есть,— ответила Ирмгард.— Но он не знает, где мы находимся. Мы с Роем обратно в нашу квартиру не вернемся. Мы набили кар вещами, какие только смогли втиснуть, и решили, что зайдем еще одну из брошенных квартир в старом доме.

— Но благоразумно ли это?— спросил Исидор, набравшись храбрости.— Благоразумно ли всем вам собираться в одном месте?

— Ну, со всеми остальными они уже покончили,— сказала Ирмгард деловито. Она, как и муж, несмотря на внешнее возбуждение, тоже казалась странно отстраненной. Все они очень странные, подумал Исидор. Он что-то чувствовал, но был не в силах четко сформулировать, что именно. Слово некая необычная и пагубная абстрактность пронизывала их психику и мышление. Кроме Прис, возможно. Она явно была искренне перепугана. Прис казалась почти естественной. Но...

— Почему бы тебе не переехать к нему?— спросил Рой, указывая на Исидора.— Он мог бы в какой-то степени защитить тебя.

— Этот недоумок?— фыркнула Прис.— Я не намерена жить с недоумком.— Ее ноздри гневно дрожали.

— Полагаю, в нашем положении просто глупо быть снобом, Прис,— быстро сказала Ирмгард.— Охотники не теряют времени. Он может попытаться покончить со всеми нами сегодня же вечером. Может быть, за быстроту окончания операции он получает особую премию...

— Надо закрыть дверь в холл,— заметил Рой. Он быстро подошел к двери и одним ударом ладони захлопнул ее. Щелкнул замок.

— Я думаю, тебе бы стоило поселиться с мистером Исидором, Прис. И, думаю, Ирм и я должны находиться тут же, в этом здании. Таким образом, мы могли бы помочь друг другу. У меня в каре кое-какое электронное оборудование — всякий хлам, который я снял с корабля. Я установлю потайной интерком, так что ты, Прис, сможешь слышать нас, а мы — тебя, и еще я настрою систему сигнализации. Ее любой из нас может включать и выключать. Совершенно ясно, что синтетические маски-личности не удались, даже у Гарланда. Гарланд совершил ошибку, когда привел этого охотника на Миссион-стрит. Он сам сунул

голову в петлю. И Полоков, вместо того чтобы держаться от него как можно дальше, решил сделать наоборот. Мы так поступать не станем. Мы останемся здесь. — В голосе Роя никакого беспокойства не слышалось. Ситуация, казалось, рождала в нем почти маниакальную энергию. — Я думаю... — он громко втянул в себя воздух, привлекая внимание всех в комнате, включая Исидора. — Я думаю, мы все трое живы до сих пор неспроста. Я думаю, если бы он предполагал, где мы можем находиться, он бы уже появился здесь. Основной принцип охоты — действовать как можно скорее. Вот в чем их преимущество.

— Если он станет ждать, — согласилась Ирмагд, — мы смогли бы ускользнуть, как уже сделали один раз. Да, Рой абсолютно прав. Я уверена, у него есть наши имена, но нет данных о местонахождении. Бедняжка Люба — работать в старой опере, на виду у всех. Ее было совсем нетрудно найти.

— Что ж, — высокопарно заметил Рой. — Она сама того хотела. Она считала, что так будет безопаснее — на виду у всех, в качестве известной певицы.

— Но ты ее предупреждал, — сказала Ирмагд.

— Да, — согласился Рой. — Я говорил ей и говорил Полокову, который думал выдать себя за агента ВПО. И Гарланду я предрекал, что один из его же охотников его и достанет. Наверное, так и получилось. — Рой с углубленно мудрым лицом покачивался взад-вперед на своих толстых каблуках.

— К-как я понял из того, что услышал, мистер Бейтли является вашим естественным лидером, — заговорил Исидор.

— Он организовал... наше возвращение. С Марса на Землю, — сказала Прис.

— О, да, Рой наш лидер, — подтвердила Ирмагд.

— Т-тогда, — сказал Исидор, — вы лучше поступайте так, как предлагает он. — Голос его прервался, не выдержав внутреннего напряжения и надежды ожидания. — Думаю, было бы просто здорово, Прис, если бы ты поселилась у меня. Я мог бы пару дней не ходить на работу — у меня скоро отпуск. Я бы проследил, чтобы все было в порядке. — «Возможно Милт, — подумал Исидор, — который очень изобретателен, смог бы смастерить для меня какое-нибудь оружие, что-то невообразимое, с помощью чего я бы уничтожил охотников... кто бы они ни были». На секунду ему пред-

стало видение: нечто безжалостное, с лазером и напечатанным на машинке списком жертв, с машиноподобной точностью движется к цели — бюрократическому убийству за зарплату. Существо, лишённое эмоций и даже лица. Существо, которое в случае гибели немедленно заменяется другим, точно таким же. И так далее, пока не будут убиты все живые и настоящие.

Невероятно, невообразимо, подумал он. И полиция ничего не может сделать. Я не могу в это поверить. ЭТИ ЛЮДИ ЧТО-ТО ДОЛЖНЫ БЫЛИ СОВЕРШИТЬ. Что-то незаконное. Возможно они нелегально эмигрировали обратно на Землю. Всему населению велено — об этом каждый день говорят по телевизору — сообщать о посадке любого корабля вне государственных взлетно-посадочных площадок. Очевидно, полиция старается препятствовать незаконной эмиграции.

Но даже если так, то ведь теперь за преступления не наказывают преднамеренным убийством. Это противоречит сострадализму.

— Я нравлюсь недоумку, — сказала Прис.

— Не называй его так, Прис, — сказала Ирмгард. Она послала Исидору теплый сочувствующий взгляд. — Только подумай, как он мог бы тебя назвать.

Прис ничего не сказала. На ее лице появилось загадочное выражение.

— Я начинаю ставить переговорную цепь, — сказал Рой. — Мы с Ирмгард остаемся в этой квартире. Прис, ты пойдешь с... мистером Исидором.

Сам Рой Бейти направился к двери, шагая с удивительной для человека с таким весом быстротой и легкостью. Секунду спустя он исчез. Дверь с грохотом захлопнулась за ним. У Исидора в этот миг случилась странная галлюцинация: он вдруг увидел металлический корпус, платформы с рычагами, шарнирами, передачами, батареями и электронными контурами. Потом перед ним снова возникла неряшливая фигура Роя Бейти, как изображение на проявляемой фотографии. Исидор едва сдержал истерическое желание захохотать.

Он нервно задушил смех. Он был сбит с толку.

— Человек действия, — сказал далекий голос Прис. — Только плохо, что он не умеет обращаться с инструментами и механизмами.

Если мы и спасемся,— сурово, осуждающим тоном сказала Ирмагд,— то только благодаря Рою.

— Но стоит ли оно того,— сказала Прис, словно сама себе. Она пожала плечами, потом кивнула Исидору.— Итак, мистер Дж. Р., я переезжаю к вам. Можете меня охранять.

— В-вас всех!— немедленно поправил Исидор.

Ирмагд Бейти сказала торжественно, тоненьким голосом:

— Я хочу, чтобы вы знали, мистер Исидор, как мы ценим вашу помощь. Кажется, вы первый человек на Земле, которого мы можем назвать другом. Мы очень благодарны вам и, быть может, когда-нибудь сможем отплатить тем же.

Она подплыла к Исидору и погладила по руке.

— У вас не осталось доколониальной беллетристики, мне бы хотелось что-нибудь почитать? — попросил он.

— Простите?— Ирмагд вопросительно посмотрела на Прис.

— Старые журналы,— объяснила Прис. Она уже собрала кое-какие вещи. Исидор взял у нее из рук узел, чувствуя внутри себя какое-то сияние, которое способно исходить только из сознания достигнутой цели.

— Нет, мистер Дж. Р. Мы ничего с собой не привезли по причинам, которые я уже объяснила,— сказала Прис.

— Завтра я пойду в библиотеку,— сказал он, выходя в холл.— И д-достану несколько штук этих журналов, чтобы и вы могли почитать, а не просто сидеть и ждать.

Он провел Прис вверх по лестнице в свою квартиру, темную, душную, какую-то приторно теплую. Отнеся ее вещи в спальню, он одновременно включил свет и телевизор с его единственным принимаемым каналом.

— Мне нравится,— сказала Прис, но все тем же отстраненным холодным тоном, что и раньше. Она прошла по комнате, сунув руки в карманы юбки. На лице ее было кислое выражение, чуть ли не отвращение. В совершенном противоречии со сказанными словами.

— Что случилось?— спросил он, выкладывая ее вещи на койку.

— Ничего.— Она остановилась у окна-картины, отодвинула занавеску, мрачно уставилась на изображение.

— Если вы считаете, что они отслеживают вас...— начал Исидор.

— Это все грезы,— сказала Прис,— вызванные наркотиками, которые дал мне Рой.

— П-простите?

— Вы в самом деле думаете, что эти охотники существуют?

— Мистер Бейти сказал, что они убили ваших друзей.

— Рой Бейти такой же ненормальный, как и я, — сказала Прис. — И все наше путешествие заключалось в побеге из психбольницы на Восточном побережье. Мы все шизофреники, с дефектами эмоциональности... сглаживание аффекта, так это называется. У нас бывают групповые галлюцинации.

— Мне кажется, это неправда, — сказал он.

— Почему? — Она обернулась резко, пристально посмотрела на него. Так пристально, что Исидор вспыхнул.

— Потому что такие вещи, как вы рассказывали, не случаются. П-правительство никогда никого не убивает. И сострадализм...

— Но понимаете, — сказала Прис, — если вы не человек, тогда это совсем другое дело.

— Неправда. Даже животные... даже угри, суслики, змеи и пауки... даже они священны.

Прис, не отрывая от его лица напряженного взгляда, сказала:

— Значит, неправда, по-вашему, да? Как вы говорите, даже животное священо? Все органическое, что ползает, прыгает, роет туннели или летает, роится, откладывает яйца или...

Она замолчала: неожиданно распахнув входную дверь, с шорохом волоча за собой провода, появился Рой Бейти.

— Насекомые, — сказал он, не выказывая никакого смущения из-за того, что невольно подслушал их разговор, — это в особенности святая святых.

Сняв со стены гостиной картину, он прикрепил к гвоздю небольшое устройство, потом отступил на шаг, оценивая результат, снова повесил на место картину. — Так, теперь сигнализацию. — Собрав волочившиеся по полу провода, он, продолжая улыбаться своей непонятной диссонирующей улыбкой, подсоединил их к сложному устройству.

— Это сигнализация. Провода идут под ковром. Они выполняют роль антенны. Антенна улавливает присутствие... — он замаялся, — некоего ментального единства, отличного от каждого из нас четверых, — туманно завершил он пояснение.

— Ну, зазвенит звонок, — сказала Прис. — И что тогда?

Напасть и искушать до смерти мы его не сможем. У него пистолет.

— Это устройство,— продолжал Рой,— имеет вмонтированный излучатель Пенфилда. Когда приведена в действие система сигнализации, он излучает волну паники в направлении нападающего. Если только тот не будет действовать слишком быстро. Паника чрезвычайная. Никакой человек не выдержит вблизи излучателя и одной секунды. Такова природа паники: вызывает беспорядочное круговое движение, желание бежать прочь без оглядки, вызывает мускульные и нейтральные спазмы. Что и даст нам возможность прикончить его,— завершил Рой.— В зависимости от того, конечно, насколько он ловок.

— А на нас излучение не подействует?— спросил Исидор.

— Правильно,— сказала Прис.— Оно должно подействовать на Исидора.

— Ну и что?— сказал Рой и снова занялся проводами.— Оба убегут отсюда, пораженные паникой. И у нас будет время среагировать. А Исидора они убивать не станут — его нет в списке. Вот почему он полезен, как прикрытие.

— Ты ничего лучше придумать не можешь, Рой?— резко спросила Прис.

— Нет,— ответил он,— не могу.

— З-завтра я смогу достать оружие,— заговорил Исидор.

— Ты уверен, что присутствие Исидора не заставит сигнализацию сработать?— спросила Прис.— Ведь он... ты понимаешь.

— Я ввел компенсацию на его цефалическое излучение,— объяснил Рой.— Чтобы вывести систему из равновесия, необходимо появление еще одного человека. Человека.— Он вдруг нахмурился и бросил косой взгляд на Исидора, сознавая, что только что проговорился.

— Вы андронды,— произнес Исидор. Но ему было все равно. Для него это было совершенно безразлично.

— Я понимаю, почему они хотят убить вас,— сказал он.— На самом деле вы неживые.— Теперь все было понятно, все сходилось. Охотники, убийство их друзей, перелет на Землю, все эти предосторожности.

— Да, когда я сказал «человека»,— признался Прис Рой Бейти,— я совершил ошибку.

— Совершенно верно, мистер Бейти,— сказал Иси-

дор.— Но какая, собственно, разница? То есть, ведь я специалист, и со мной тоже не очень хорошо обращаются. Например, я не могу эмигрировать.— Он почувствовал, что его несет.— Вы не можете вернуться на Землю, я не могу...

После некоторой паузы Рой Бейти лаконично ответил:

— На Марсе вам бы не понравилось. Вы ничего не потеряли.

— Мне интересно было узнать,— сказала Прис Исидору,— сколько тебе понадобилось времени, чтобы догадаться. Мы не такие, как люди, да?

— На этом, видимо, как раз и споткнулись Полоков и Гарланд. Они были так чертовски уверены, что могут выдать себя за людей,— сказал Рой.— И Люба тоже.

— Вы интеллектуальны,— сказал Исидор. Он снова чувствовал подъем и радовался, что смог понять.— Вы размышляете абстрактно, вы не...— Он пошевелил пальцами, не в силах распутать слова, которые вдруг опять начали цепляться друг за друга.— Если бы у меня был такой же коэффициент умственного развития. Тогда я прошел бы тест и не считался бы недоумком. Мне кажется, что вы выше меня. И я мог бы многому у вас научиться.

После паузы Рой Бейти сказал:

— Я закончу настройку аварийной сигнализации.— И возобновил работу.

— Он еще не понимает,— резко заметила Прис. В тоне слышалась какая-то ломкость, но слова показались громом в пустоте комнаты.— Он не понимает, каким образом мы бежали с Марса. Что мы для этого сделали.

— Чего мы не могли не сделать,— не то вздохнул, не то простонал Рой Бейти.

В проеме открытой двери появилась Ирмгард Бейти. Они заметили ее только тогда, когда она заговорила:

— Думаю, нам не стоит сомневаться относительно мистера Исидора,— искренне сказала она. Она быстро подошла и заглянула в лицо Исидору.— Они с ним тоже не очень хорошо обошлись, как он сам сказал. И его не интересует то, что мы совершили на Марсе. Он нас уже знает, мы ему нравимся, а такое эмоциональное приятие... самое важное для него. Нам это трудно понять, но это так.— Исидору она сказала:— Вы могли бы заработать много денег, если бы выдали нас. Вы это понимаете?— Она снова стояла очень близко и заглядывала в лицо Исидору. Потом, повернувшись, сказала мужу:

— Видишь, он понимает, но все равно ничего не скажет.

— Вы выдающийся человек, Исидор,— сказала Прис.— Вы делаете честь всей вашей расе.

— Если бы он был андроидом,— с жаром сказал Рой,— он бы донес на нас уже завтра утром, еще до полудня. Он отправился бы на работу и все — с нами было бы покончено. Я просто не нахожу слов, чтобы выразить восхищение.— Тон его невозможно было расшифровать. Во всяком случае, Исидор был на это не способен.— И мы воображали, что в этом мире у нас не найдется друга, что это будет планета враждебных лиц, враждебных всем нам?— Он засмеялся, словно залаял.

— Я совершенно спокойна,— сказала Ирмгард.

— Твоей душе следовало бы поискать уголок где-то в пятках,— сказал ей Рой.

— Давайте голосовать,— предложила Прис.— Как на корабле, когда возникали расхождения.

— Что ж,— сказала Ирмгард.— Если мы откажемся от этой возможности, то не думаю, что найдем другого человека, который стал бы нам помогать. Мистер Исидор...— Она попыталась найти слово.

— Специальный случай,— подсказала Прис.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Голосование прошло в церемонной и торжественной обстановке.

— Мы остаемся здесь,— твердо сказала Ирмгард.— В этой квартире, в этом здании.

— Я голосую за то, чтобы мы убили мистера Исидора и укрылись в другом месте.— Рой Бейти и его жена в напряжении повернулись к Прис. То же самое сделал и Исидор.

— Пожалуй, нам следует остаться здесь,— приглушенным голосом сказала Прис.— Думаю, ценность помощи мистера Дж. Р. перевешивают ту опасность, которую он для нас представляет теперь, когда знает, кто мы такие,— добавила она громче.— Мы явно не в состоянии жить среди людей незаметно. Это погубило Полокова, Гарланда, Любу и Андерса. Вот что их убило.

— А может, они сделали то же, что мы делаем сейчас,— сказал Рой Бейти.— Доверились кому-то, поверили какому-то человеческому существу, которое, как им казалось, отличалось от остальных. Было, как вы это назвали, специальным случаем.

— Но нам это известно,— возразила Ирмагд.— Это все только предположения. Думаю, причина была в том, что они...— Она помахала рукой.— Что они не старались держаться подальше от чужих глаз. Люба пела на сцене. Мы слишком доверяемся... Я скажу тебе, Рой, чему мы напрасно доверяемся! Что нас губит! Это вера в высший разум, черт бы его побрал!— Она гневно смотрела на мужа, ее маленькие высокие груди быстро поднимались и опускались.— Мы все такие умные. Рой, ты и сейчас делаешь эту ошибку, даже сейчас!

— Кажется, Ирма права,— согласилась Прис.

— И таким образом, доверим наши жизни подстандартному, деградирующему...— начал Рой, потом сдался.— Устал,— сказал он просто.— Трудный это был путь, Исидор, и долгий. А здесь мы совсем недавно. К сожалению.

— Я надеюсь,— радостно сказал Исидор,— что смогу хотя бы частично сделать ваше пребывание на Земле приятным.

Он был уверен, что смог бы. Все это казалось ему настоящей кульминацией всей его жизни и той новой энергии, способной вызывать уважение и авторитет, которую он обнаружил сегодня днем, на работе, во время разговора по видеофону.

Как только в тот вечер он закончил официально работу, Рик Декард полетел через весь город в район зоомагазинов. Крупные магазины, где торговали настоящими животными, занимали своими зеркальными витринами и манящими вывесками несколько кварталов. Непривычная и ужасная депрессия, поразившая Рика несколько часов назад, еще не прошла. И посещение зоомагазинов казалось единственным светлым пятнышком в окружающем сером тумане, уязвимым местом депрессии, с помощью которого он мог бы изгнать ее из сознания. Во всяком случае, запах животных и крупных сделок всегда возбуждающе действовал на него. Возможно, он добьется того же эффекта и на этот раз.

— Слушаю вас, сэр,— приветствовал Рика молодой продавец, пока тот с несколько простоватым, робким видом осматривал потрясающие витрины.— Подобрали что-нибудь?

— Мне много чего подходит,— сказал Рик.— Цена, вот что меня волнует.

— Сэр, вы только скажите мне, какую покупку соби-

раетесь сделать. Что бы вы хотели взять домой? Потом мы свяжемся с главным продавцом и получим его «добро» на покупку.

— У меня три тысячи наличными,— сказал Рик. В конце дня ему выплатили премию.— Сколько стоит эта семья кроликов?

— Сэр, если у вас три тысячи наличными, вы могли бы стать владельцем чего-нибудь более существенного, чем кролики. Как на счет козлика?

— Никогда не испытывал к ним особого интереса.

— Простите, могу ли я знать, является ли сделка такого уровня обычной для вас?

— Обычно я не хожу каждый день с тремя тысячами в кармане.

— Я так и думал, когда вы спросили о кроликах. Дело в том, сэр, что кролики очень распространены. Я хотел бы, чтобы вы перешли в более высокий класс, в класс владельцев козлов, где, как мне кажется, ваше настоящее место. Честное слово, для меня вы настоящий владелец настоящего козла!

— В чем же преимущество козлов?

— Явное преимущество в том, что его можно научить бодать любого, кто попытается его украсть.

— Но только не в случае, если в него выстрелят гипнотриком, а потом поднимут по канату в парящий аэрокар.

Продавец невозмутимо продолжал.

— Козел лоялен к своему хозяину. Это свободная, естественная душа, которую не в силах сковать никакие клетки. И еще одна деталь. Очень часто, вложив в покупку средства и отвезя покупку домой, вы обнаруживаете через некоторое время, что животное съело какую-нибудь радиоактивную дрянь и умерло. Козлу не страшна зараженная субпещица, он способен потреблять субстанции, которые свалили бы с ног корову, лошадь или, в особенности, кота. Как долгосрочное помещение денег козлы, а особенно козы, как убеждает нас опыт, имеют особые преимущества для любого серьезного животновладельца.

— А это коза? — Рик заметил большое черное животное, стоящее в центре клетки. Животное показалось Рикуну замечательно красивым.

— Да, это самка. Черная нубийская порода. Отличный образец для рынка этого года, сэр. И предлагаем мы ее по замечательно низкой, очень низкой цене.

Вытащив потертый каталог, Рик проверил цену на черную нубийскую породу.

— Целиком наличными? — спросил продавец. — Или часть платы вы внесете в виде использованного животного?

— Наличными, — сказал Рик.

Продавец нацарапал цену на листочке бумаги и быстро, почти украдкой, показал Рiku.

— Слишком много, — сказал Рик. Он взял листок и написал более скромную цену.

— Мы не можем отдавать козу за такую цену, сэр, — запротестовал продавец. Он начертил новую цифру. — Этой козе нет и года, у нее очень высокая ожидаемая продолжительность жизни. — Он показал бумажку Рiku.

— Идет, — сказал Рик.

Он подписал контракт на рассрочку, заплатил три тысячи долларов в виде первого взноса — всю премию за отправку на покой анди — и вскоре стоял уже рядом с аэрокаром, наблюдая, как служащие магазина грузят клетку с козой в кар. «Я владею настоящим животным, — сказал он себе. — Живым животным, а не электрической фальшивкой. Второй раз в жизни».

Цена и долговое рабство контракта пугали его. Он чувствовал, что мелко дрожит. «Но я должен был это сделать, — сказал он себе. — После столкновения с Филом Ресчем я должен был вернуть себе веру в собственные силы. Иначе я бы не смог дальше работать охотником».

Немеющими руками он направил аэрокар в небо, к дому, к Иран. Она рассердится, подумал он. Потому что ответственность будет ее беспокоить. И поскольку она целый день дома, на ее долю придется много работы по уходу за животным. Он снова был расстроен.

Когда он посадил кар на крышу дома, он еще некоторое время сидел неподвижно. В уме он сочинял живописную версию. «Этого требует работа, — пытался он убедить себя. — Престиж. Больше уже невозможно жить с электрической овцой. Это меня морально угнетает. Вероятно, такой вариант удовлетворит Иран», — подумал Рик.

Выбравшись из кара, он вытащил наружу клетку с козой и с пыхтеньем поставил ее на крышу. Коза, всю дорогу скользившая копытцами по днищу клетки, пронычательно взглянула на Рика яркими большими глазами, но не издала ни звука.

Он спустился на свой этаж, знакомым коридором прошел к собственной двери.

— Привет,— сказала Иран, занятая на кухне приготовлением обеда.— Ты сегодня так поздно.

— Поднимись на крышу,— сказал он.— Я тебе кое-что покажу.

— **ТЫ КУПИЛ НАСТОЯЩЕЕ ЖИВОТНОЕ!**— Она стянула фартук, машинально пригладила волосы и последовала за Риком к лифту. Они пересекли холл большими нетерпеливыми шагами.

— Не нужно было покупать без меня,— выдохнула Иран.— Я тоже имею право участвовать в принятии решения, тем более, что речь идет о самом важном приобретении, которое мы когда-либо...

— Я хотел сделать тебе сюрприз,— сказал он.

— Ты сегодня заработал неплохую премию?— спросила Иран.

— Да,— сказал Рик.— Я устранил трех анди.

Он вошел в кабину лифта, подождал жену, и они вместе двинулись к крыше.

— Мне необходимо было так сделать,— сказал он.— Сегодня со мной что-то произошло. Если бы я не купил животное, я бы больше не смог работать охотником.

Лифт остановился. Вместе с женой Рик вышел в вечерние сумерки, подошел к клетке, включил лампы в отражающих светильниках, которыми могли пользоваться все жители дома. Потом указал на козу, молча ожидая реакции Иран.

— Боже мой!— тихо сказала Иран, подошла к клетке, заглянула, потом обошла клетку кругом, рассматривая козу со всех сторон.

— Она в самом деле настоящая?— спросила она.— Не электрическая?

— Абсолютно настоящая,— сказал он.— Если только они меня не надули.— Впрочем, такое случается очень редко — штраф за подделку достигал астрономической величины. Две с половиной рыночной цены настоящего животного.— Нет, они меня не надули.

— Коза,— сказала Иран.— Черная нубийская порода.

— Да, коза,— подтвердил Рик.— Возможно в будущем нам удастся свести ее с самцом. И у нас будет молоко, из него можно делать сыр.

— А ее можно выпустить? Куда мы ее поселим? К овце?

— Сначала нужно ее привязывать,— сказал Рик.— По крайней мере, на первые несколько дней.

— «Жизнь моя — любовь и наслажденья»,— сказала вдруг Иран странно сдвленным голосом.— Старая, старая песня Иоганна Штрауса, помнишь? Когда мы в первый раз встретились.— Она тихо опустила руку на его плечо, прижалась и поцеловала.— Много любви. И очень много наслажденья.

— Спасибо,— сказал он и обнял ее.

— Давай, побежим скорее вниз и поблагодарим Сострадательного. Потом вернемся сюда, наверх, и сразу дадим ей имя. Ей необходимо какое-то имя. И, может быть, ты найдешь какую-нибудь веревку, чтобы привязать ее.— Иран пошла к лифту.

Их сосед Билл Барбур, стоявший рядом с лошадью Джуди, окликнул Рика:

— Эй, мистер Декард, у вас отличная коза. Поздравляю. Добрый вечер, миссис Декард. Возможно, у вас появятся козлята. Я мог бы обменять одного жеребенка на пару козлят.

— Спасибо,— сказал Рик. Он последовал за Иран к двери лифта.— Твоя депрессия уже прошла?— спросил он.— Моя — почти.

— Да, мою депрессию это тоже хорошо вылечивает,— сказала Иран.— Теперь мы можем не скрывать, что наша овца поддельная.

— Какая в этом нужда?— спросил он осторожно.

— Но теперь все равно,— настаивала Иран.— Ведь теперь нам нечего скрывать. Теперь у нас есть то, чего мы всегда хотели — настоящее животное. Это просто как во сне!— Она опять поднялась на цыпочки, нежно поцеловала Рика, и ее неровное возбужденное дыхание зашепотало шею мужа. Потом она протянула руку и ткнула кнопку лифта.

Что-то внутри Рика тревожно зашевелилось, что-то заставило его сказать:

— Давай не будем спускаться. Посидим еще наверху. Просто будем сидеть и смотреть на козу. А может, дадим ей что-нибудь поесть. Для начала мне дали в магазине мешок овса. И мы могли бы просмотреть руководство по уходу за козой, его мне тоже вручили, бесплатно. Мы могли бы назвать ее Эуфемией.

Тем не менее пришел лифт, и Иран уже вошла в кабину.

— Иран, погоди,— позвал он.

— Было бы просто аморально,— строго сказала Иран,— если бы в благодарность мы бы не слились сейчас с Сострадальным. Я сегодня уже подключалась к генератору, и это немного облегчило мою депрессию. Чуть-чуть не так, как твоя покупка. Но все равно, в меня каким-то образом попал камень.— Она показала запястье с маленьким синяком.— Я постоянно думала о том, насколько нам лучше, когда с нами Сострадальный, насколько хуже было бы нам без него. Несмотря на боль. Мы испытываем физическую боль, но духом мы слиты с Сострадальным. Я чувствовала их присутствие — их всех, во всем мире, кто был слит с ним в этот момент.— Она не давала двери лифта закрыться, скользнуть на место.— Входи, Рик. Это лишь минута. Ты ведь почти никогда не участвуешь в слиянии. Я хочу, чтобы ты передал то настроение, в котором сейчас находишься, всем остальным. Оставлять все себе — это было бы аморально.

Она была, конечно, права. И он вошел в лифт, и опустился на свой этаж.

Когда они вошли в гостиную, Иран быстро щелкнула выключателем эмпатического генератора. Лицо ее светилось радостью, как полумесяц молодой луны.

— Я хочу, чтобы они все знали,— сказала она ему.— Со мной однажды так было — я вошла в слияние и поймала эмоции какого-то человека, только что купившего животное. А в другой раз... — Лицо ее на секунду потемнело, удовольствие исчезло.— Однажды я обнаружила, что принимаю чувства человека, у которого умерло животное. Но мы все сочувствовали ему, делили с ним наши радости, хотя у меня их было немного, и это его ободрило. Мы даже могли бы отвратить потенциальное самоубийство. То, что мы испытываем, чувствуем, мы...

— Они получают нашу радость,— сказал Рик.— Но мы ее потеряем. Обменяем то, что чувствуем, на то, что чувствуют другие. Наша радость исчезнет.

На экране генератора эмпатии проносились бесформенные цветные пятна. Затаив дыхание, его жена крепко сжала рукоятки.

— Нет, мы не потеряем того, что чувствуем, если только будем ясно удерживать это ощущение в себе. У тебя в самом деле нет навыка слияния, Рик?

— Кажется, нет,— сказал он. Сейчас он впервые на-

чал понимать, какое значение имел сострадализм для таких людей, как Иран. Возможно, общение с Филом Ресчем, охотником за андроидами, их совместная охота, привели к трансформации какого-то незначительного сигнала в его мозгу, к переключению нейронного тумблера. И, возможно, началась цепная реакция изменений.

— Иран,— настойчиво сказал он и оттащил жену от генератора.— Послушай! Я хочу рассказать о том, что со мной сегодня произошло.— Он отвел ее к кушетке, сел и посадил Иран перед собой.— Я познакомился с другим охотником, которого раньше не встречал и даже о нем не слышал. С хищной природой. Ему нравится уничтожать андроидов. И вот первый раз, после охоты с ним, я по-другому взглянул на них. То есть раньше я относился к ним так же, как он, только по-своему.

— Разве с этим нельзя обождать?— спросила Иран.

— Я выбрал один из вопросов теста и провел опыт,— сказал Рик.— Все сошлось. Я действительно начал соперничать андроиду. Ты сегодня утром сказала «бедные анди». Поэтому ты понимаешь, о чем я говорю. Поэтому я и купил козу. Я никогда ничего подобного не чувствовал. Возможно, это было вроде депрессии, которая бывает у тебя. Теперь я понимаю, как ты страдаешь во время депрессии. Я всегда был уверен, что тебе депрессия нравится и что ты могла бы вырваться из нее, если бы только захотела, если не сама, то с помощью стимулятора Пенфилда. Но дело в том, и я это понял, что в таком состоянии тебе уже все равно. Апатия, потому что потеряно чувство цены. Ничто ничего не стоит. И не стоит снова чувствовать себя лучше, потому что утерян смысл этого ощущения...

— А как же с работой?— Ее слова словно хлестнули Рика. Он замигал.— С работой,— повторила она.— Сколько мы должны вносить в месяц за козу?— Она протянула руку. Он машинально вытащил контракт зоомагазина и протянул ей.— Ого!— тоненько протянула она.— А проценты... Боже, одни только проценты! И ты сделал это, потому что чувствовал депрессию? И совсем не потому, что хотел мне сделать сюрприз, как ты уверял.— Она вернула контракт.— Что ж, это неважно. Все равно, я очень рада, что ты купил козу. Я уже люблю ее. Но это такое бремя забот!— она помрачнела.

— Я могу перейти в другой отдел,— сказал Рик.— В департаменте десять или одиннадцать отделов. Например,

похищения животных. Я мог бы заняться этими делами. Меня бы перебрали.

— Но премии? Они нам необходимы. Иначе магазин заберет козу!

— Я перепишу контракт с тридцати месяцев на сорок восемь.— Он стремительно извлек шариковую ручку и начал царапать на обратной стороне контракта.— Это получится... на пятьдесят центов меньше каждый месяц.

Зазвонил видеофон.

— Если бы мы не спустились сюда, а остались на крыше,— пожалел Рик,— мы бы не услышали звонка.

Иран, подойдя к видеофону, спросила:

— Чего ты испугался? Они пока не собираются отнять нашу козу.— Она протянула руку к трубке.

— Это из департамента,— сказал он.— Скажи, что меня нет дома.— Он направился к спальне.

— Алло,— сказала Иран в трубку.

Еще три андроида, про себя подумал Рик. Которых мне следовало выследить сегодня, а не лететь домой. На экране появился Гарри Брайант. Уходить теперь было поздно. На негнувшихся ногах Рик вернулся к видеофону.

— Да, он здесь,— говорила в этот момент Иран.— Мы купили козу. Заходите к нам, мистер Брайант, посмотрите ее.— Пауза, потом она протянула трубку Рiku.— Он что-то хочет тебе сказать,— сообщила она. Быстро вернувшись к генератору эмпатии, она села в кресло и снова схватила рукоятки. Почти мгновенно слияние поглотило ее. Рик, с трубкой в руке, ясно чувствовал ее психическое отсутствие в гостиной. И сознавал собственное одиночество.

— Алло,— сказал он в трубку.

— Мы сели на «хвост» двух оставшихся андроидов,— сказал Гарри Брайант. Он звонил из кабинета. Рик видел хорошо знакомый заваленный бумагами стол.— Они явно встревожены. Покинули квартиру по старому адресу, который указал Дейв, и теперь их можно найти... минутку...— Брайант начал перебирать бумаги на столе, отыскивая нужную.

Рик машинально нащупал ручку. Он разгладил на колене контракт на покупку козы и приготовился писать.

— Жилой блок 3967-Ц,— сказал инспектор Брайант.— Отправляйтесь туда как можно скорее. Мы предполагаем, что они узнали о тех, кого вы уже устранили — Гарлан-

де, Полокове, Любе Люфт. И пошли на незаконное бегство.

— Незаконное,— повторил Рик.— Чтобы спасти свою жизнь.

— Иран сказала, вы купили козу,— продолжал Брайант.— Сегодня? После того, как ты уехал из управления?

— Да, по дороге домой.

— Когда покончишь с оставшимися андроидами, я приеду посмотреть на твою козу. Кстати... я только что говорил с Дейвом. Я рассказал, как трудно тебе пришлось с андроидами. Он поздравляет тебя и советует удвоить осторожность. «Узел-6» оказался сообразительнее, чем он думал. Он вообще с трудом верит, что ты отправил на покой троих за один день.

— Трех достаточно,— сказал Рик.— Больше я не могу. Мне нужно отдохнуть.

— Но завтра их уже здесь не будет,— настаивал Брайант.— Они окажутся вне зоны нашей юрисдикции.

— Не так быстро. Они все еще будут поблизости.

— Ты поедешь туда сегодня,— сказал Брайант.— Пока они не закопались. Они же ждут, что ты так быстро среагируешь.

— Наоборот,— возразил Рик.— Они как раз меня ждут.

— Поджилки трясутся? Из-за Полокова, который...

— Ничего у меня не трясется,— сказал Рик.— Ладно,— добавил он.— Я полечу.— Он хотел повесить трубку.

— Дай мне знать, как только будут результаты. Я буду в кабинете.

— Если я их устранию, то куплю овцу,— сказал Рик.

— У тебя ведь есть овца. Все время, сколько тебя знаю, у тебя была овца.

— Она электрическая,— сказал Рик. И повесил трубку. Но на этот раз овца будет настоящая. Она мне необходима. Для компенсации.

Его жена, с восхищенно отсутствующим лицом, скорчилась у ящика генератора эмпатии. Некоторое время Рик стоял рядом, его ладонь покоилась на ее груди. Он чувствовал, как грудь поднимается и опускается в такт приливу и отливу жизни внутри Иран, в такт колебаниям ее жизненной активности. Иран его не заметила: она, как и всегда, была поглощена слиянием с Сострадальным.

На экране был виден облаченный в балахон Сострадальный, который взбирался по склону горы. Мимо проле-

тел обломок камня. Глядя на него, Рик подумал: Боже, в моей ситуации есть нечто, даже худшее, чем у него. Со-страдальному не приходится совершать что-то, чуждое его природе. Он страдает, но, по крайней мере, он может не насиловать собственную сущность.

Нагнувшись, он осторожно убрал пальцы жены с черных рукояток генератора. Потом занял ее место. Первый раз за несколько недель. Это было сделано под воздействием внезапного импульса, всего мгновение тому назад он вовсе не думал так поступать. Все произошло внезапно и неожиданно для самого Рика.

Перед ним открылась картина пустынного плоского пейзажа. Поросший какими-то сорняками огромный пустырь. В этой пустыне не бывало дождя, и цветы сорняков пахли, как пыль.

В глазах человека, стоявшего перед Риком, светилась жалость. В усталых, полных боли глазах.

— Сострадальный,— сказал Рик.

— Я друг твой,— произнес старик.— Но ты продолжай путь, как если бы меня не было. Таков твой долг. Ты меня понимаешь?

— Нет,— сказал Рик.— Не понимаю. Мне нужна помощь.

— Но как я спасу тебя,— сказал старик,— если не в состоянии спасти себя самого?— Он улыбнулся.— Разве ты не видишь? ЭТО НЕ ВОСКРЕСЕНИЕ. СПАСЕНИЯ НЕТ.

— Тогда зачем все это?— зло спросил Рик.— Зачем тогда нужен ты?

— Чтобы показать тебе,— сказал Вилбур Сострадальный,— что ты не одинок. Я с тобой, и всегда буду с тобой. Продолжай исполнять свой долг, хотя ты и знаешь, что поступаешь плохо.

— Почему?— спросил Рик.— Почему я должен его исполнять? Я брошу работу и эмигрирую.

— Но куда бы ты ни уехал, от тебя везде потребуют поступать плохо,— сказал старик.— Таково фундаментальное условие жизни — насиловать собственную сущность. В какой-то момент любому живому существу приходится так поступать. Это неизбежная наша тень, проигрыш эксперимента творения. Проклятие, на него наложенное, проклятие, питающее всякую жизнь. По всей Вселенной.

— И это все, что ты можешь мне сказать?— спросил Рик.

Мимо просвистел камень. Он быстро присел, и второй камень ударил в ухо. Рик тут же отпустил рукоятки генератора и снова оказался в комнате, в собственной гостиной, рядом с собственной женой и коробкой генератора. От удара жутко гудела голова, и он обнаружил, что по щеке стекает струйка яркой свежей крови.

Иран прижала к его уху носовой платок.

— Наверное, мне нужно поблагодарить тебя за то, что ты меня освободил. Я не выношу, когда в меня попадает камень. Спасибо, что ты принял удар на себя.

— Мне нужно идти.

— Работа?

— Целых три.— Он взял у нее носовой платок и пошел к двери. Голова кружилась. Теперь он чувствовал еще и тошноту.

— Удачи,— пожелала Иран.

— Ничего мне этот черный ящик не дал,— сказал Рик.— Со мной говорил Сострадальный, но это не помогло. Он знает не больше моего. Это просто старик, взбирающийся на гору. К своей смерти.

— Но разве это не откровение?

— Это откровение со мной уже имело место,— сказал Рик. Он открыл дверь квартиры. Жилой блок 3967-Ц, подумал он, прочитав запись на обороте контракта. Это в пригороде. В практически покинутом районе. Там легко прятаться. Не считая света в окнах ночью. Вот на это я буду ориентироваться, подумал он. Огни. Как бабочка «мертвая голова». Эти трое будут последними. Сострадальный прав. Нужно исполнять долг. Но, подумал он, едва ли я смогу. Сразу трое анди — это уже не вопрос морали, это практический вопрос.

Вероятно, я не смогу отправить их на покой, осознал он. Даже если постараюсь. Я слишком устал, слишком много всего было за этот день. Возможно, Сострадальный это знал. Возможно, он предвидел все, что должно произойти.

Но я знаю, где найти помощь. Мне ее предлагали однажды, и я ее тогда отклонил.

Он вышел из лифта на крышу и минуту спустя сидел в темноте кабины аэрокара, набирая номер на диске видеофона.

— Компания «Розен Ассоусиэйшн»,— ответила де-
журная секретарша.

— Рейчел Розен,— сказал он.

— Простите, сэръ?

— Дайте мне Рейчел Розен,— проскрежетал Рик.

— Если мисс Розен ждет...

— Я уверен, она ждет!

Десять минут спустя на видеозэкране появилось мини-
атюрное смуглое лицо Рейчел Розен.

— Здравствуйте, мистер Декард.

— Вы сейчас заняты или мы можем поговорить?—
спросил он.— Как вы уже сегодня предлагали.— Ему по-
казалось, что это было не сегодня, а многие эпохи тому
назад. Многие поколения родились и обратились в прах с
тех пор, когда он в последний раз говорил с Рейчел. И вся
тяжесть этого бремени возродилась в его теле. Он букваль-
но чувствовал этот вес. Наверное, это из-за камня, поду-
мал он. Он прижал платок к продолжавшему кровоточить
уху.

— У вас ухо порезано,— сказала Рейчел.— Я вам со-
чувствую.

— Вы в самом деле были уверены, что я вас вызову?—
спросил Рик.

— Я уже говорила вам. Без моей помощи один из но-
вых андроидов прикончит вас раньше, чем вы отправите
его на покой.

— Вы ошиблись.

— Но вы мне звоните. Как бы там ни было. Хотите,
чтобы я прилетела в Сан-Франциско?

— Да, сегодня.

— О, нет. Слишком поздно. Лететь целый час. Я буду
завтра.

— Мне было велено покончить со всеми сегодня,—
тусклым голосом сказал Рик.

Помолчал и добавил:

— Из первоначальной восьмерки осталось только трое.

— Судя по вашему тону, вам сегодня здорово доста-
лось.

— Если вы не прилетите сегодня вечером,— сказал
он,— то я отправляюсь искать их один. И мне с ними не
справиться. Я буквально только что купил козу,— доба-
вил он.— На те деньги, которые получил за устранение
первых трех анди.

— Эх вы, гомо,— сказала Рейчел.— Козлы воняют.

— Только самцы. Об этом сказано в руководстве, которое мне дали в магазине.

— Вы в самом деле устало выглядите. У вас голова не кружится? Вы уверены, что сознаете, на что идете, пытаетесь отправить на покой еще троих андроидов типа «Узел-6»? Никому пока не удавалось устранить трех андроидов за один день.

— Франклин Пауэрс,— сказал Рик,— прикончил семерых. В Чикаго, примерно год назад.

— Это были устаревшие модели типа «Макмиллан У-4»,— напомнила Рейчел.— Это ведь совсем другое дело.— Она задумалась.— Рик, я не могу. Я еще даже не ужинала.

— Но ты мне необходима.— «Иначе я погибну»,— подумал он.— Я знаю, и Сострадальный тоже это знал. И ты это знаешь. Я зря трачу время, упрасывая тебя. Нет смысла обращаться за сочувствием к андроиду. Ему нечем сочувствовать, нет у него такого органа».

— Извини, Рик,— сказала Рейчел.— Но сегодня это невозможно. Завтра.

— Месть андроида,— сказал Рик.

— Что?

— Потому что я раскусил вас во время теста.

— Вы так думаете?— Она смотрела на него, широко раскрыв глаза.— В самом деле?

— До свидания,— сказал он и хотел повесить трубку.

— Послушайте,— быстро сказала Рейчел.— Подумайте немного головой.

— Вы так говорите, потому что андроиды вашего типа умнее людей.

— Нет, я в самом деле не понимаю,— вздохнула Рейчел.— Я вижу, что вы не хотели бы заниматься этим сегодня. Вы уверены, что действительно хотите, чтобы я помогла вам устранить троих оставшихся андроидов? Или чтобы я убедила вас не браться за это дело?

— Прилетайте,— сказал он.— Мы снимем комнату в отеле.

— Зачем?

— Сегодня я кое-что услышал,— хрипло сказал он.— Кое-что, касающееся отношений между человеком — мужчиной и женщиной — андроидом. Прилетайте в Сан-Франциско, и я оставлю остальных анди в покое. Мы займемся другим.

Она посмотрела на него. Потом спросила:

— Где мы встретимся? Я прилечу.

— У «Сейнт Франсиса». Это последний действующий приличный отель в районе Залива.

— И пока я не прилечу, вы ничего не станете предпринимать?

— Буду сидеть в отеле и смотреть по телевизору Бастера Дружби. В последние дни его гостей была Аманда Вернер. Она мне нравится. Я мог бы смотреть на нее до конца жизни. У нее такие груди, словно они улыбаются.

Он повесил трубку и некоторое время сидел, ни о чем не думая. Наконец ему стало холодно. Он повернул ключ зажигания и секунду спустя уже направлялся в сторону центра Сан-Франциско. К отелю Святого Франсиса.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В огромном и излишне роскошном номере отеля Рик Декард занялся изучением досье на оставшихся троих андроидов. В частности, на Роя и Ирмагд Бейти. В этих двух случаях к печатному тексту были приложены стереоснимки, сделанные с помощью телескопических объективов. Снимки были очень мутные. Женщина, решил Рик, довольно привлекательна. Рой Бейти, напротив, совсем другое дело.

На Марсе Бейти работал фармацевтом, читал Рик. Или использовал работу как прикрытие. На самом деле, вероятно, Рой был чернорабочим, трудился в поле, но мечтал о чем-то большем. Разве андроиды мечтают? — спросил Рик себя. Очевидно. Вот почему они иногда убивают хозяев и бегут на Землю. Чтобы жить без рабского труда. Как Люба Люфт. Петь в «Дон Жуане», вместо тяжелой работы в холодном каменистом поле. На необитаемом колонизируемом Марсе.

«Рой Бейти, — информировало досье, — умеет создавать впечатление агрессивной, напористой, авторитетной личности. Этот андроид, предававшийся мистического рода деятельности, предложил совершить побег данной группе, подведя под этот акт идеологическое обоснование о якобы священном характере «жизни андроидов». Вдобавок данный андроид совершил хищение ряда наркотических средств, воздействующих на мозг, с которыми проводил опыты, утверждая после задержания с полициным, что

надеялся вызвать у группы андроидов ощущения, аналогичные тем, что испытывают последователи сострадания во время слияния. Данные ощущения, как указывал андроид Рой Бейти, продолжают оставаться недоступными для андроидов».

В этом было что-то жалкое. Грубый, хладнокровный, расчетливый андроид стремился испытать нечто, изначально ему недоступное благодаря намеренно встроенному дефекту. Но особого сочувствия к Рой Бейти Рик вызвать в себе не мог. Заметки Дейва передавали отталкивающее впечатление, которое производил Бейти. Он пытался вызвать переживание слияния, а когда попытка провалилась, организовал убийство нескольких людей, за этим последовал побег на космическом корабле на Землю. А сегодня все завершилось тем, что от восьмерки откололись последние три андроида. И эта тройка была обречена. Если ему не удастся отправить их на покой, это сделает другой охотник. Время прилива, подумал Рик. Циклы жизни. Последние сумерки, конец. Слово в этом заключалась целая микровселенная. Так показалось Рикку.

Дверь номера со стуком распахнулась.

— Ну и полет,— войдя выдохнула Рейчел Розен. На ней был длинный чешуйчатый плащ. Кроме большой декоративной сумки через плечо, она несла большой бумажный мешок.

— Очень милая комната,— сказала она и всмотрелась в циферблат ручных часов.— Меньше часа. Отличный результат для такого расстояния. Вот.— Она протянула Рикку мешок.— Здесь бутылка. Коньяк.

— Самый опасный из восьмерых еще жив,— сказал Рик.— Тот, кто все это организовал.— Он протянул ей мятый листок папиросной бумаги с материалами о Рое Бейти. Рейчел поставила мешок и взяла листок с текстом.

— Вы его уже обнаружили?— прочитав спросила она.

— Мне известен номер жилого блока. Это в пригороде, где никто не живет, кроме нескольких недоумков и микроцефалов, завершающих там свою жизнь.

— Посмотрим остальных.— Рейчел протянула руку.

— Обе женщины.— Он отдал листки досье.— Ирмгард Бейти и второй... Называет себя Прис Страттон.

Бросив взгляд на последний листок, Рейчел сказала «О!», уронила листки, подошла к окну, всматриваясь в панораму ночного центра Сан-Франциско.

— Кажется, последний тебя накроет. А, может, и нет. А может, тебе все равно.— Она побледнела, голос дрожал: совершенно неожиданно она потеряла все свое самообладание.

— О чем ты, собственно, бормочешь?— Рик поднял листки, начал их просматривать, пытаясь понять, что именно расстроило Рейчел.

— Давай откупорим коньян.— Рейчел заглянула в ванную, вернулась с двумя стаканчиками. Она держалась все еще неуверенно и как-то отчужденно... словно была занята чем-то посторонним.

— Ты умеешь открывать такие бутылки? Она ведь стоит целое состояние, ты знаешь? Это довоенный коньяк, настоящий, не синтетический.

Он взял у нее бутылку, откупорил, налил коньяк в маленькие стаканы.

— По фону ты мне обещал, что откажешься от оставшихся троих андроидов, если я прилечу сюда сегодня. «Мы займемся другим делом»,— так ты сказал. Вот мы и здесь...

— Расскажи, отчего ты расстроилась,— попросил Рик.

Упрямо глядя ему в лицо, Рейчел сказала:

— Расскажи лучше, что мы будем делать. Не забивай голову оставшимися анди.

Она расстегнула плащ, повесила в шкаф в прихожей. Голова ее с роскошной гривой волос казалась очень большой, а тело из-за маленьких грудей производило впечатление детского. Но глаза, большие, с длинными ресницами, могли быть лишь глазами зрелой женщины. Здесь сходство с подростком кончалось. Рейчел покачивалась с носка на пятку, руки опущенные вниз, были чуть согнуты в локтях. Поза осторожного охотника, подумал Рик. Или, может быть, кроманьонского человека. Раса высоких, ловких охотников, сказал он себе. Ни грамма лишней плоти, плоский живот, маленький зад и маленькая грудь. Рейчел была смоделирована по кельтскому типу, анархичному, но красивому. Ноги, выглядывавшие из шорт, имели вид совсем неженственный. Но общее впечатление было, тем не менее, приятное. Впечатление девушки, не женщины. Если бы не беспокойные, умные глаза.

Он отпил глоточек коньяка. Вкус его, запах, крепость — они стали почти новыми, незнакомыми для Рика; он чувствовал, что с трудом глотает влагу. Рейчел, наоборот, никаких затруднений не испытывала.

Присев на край кровати, она мрачно, с отсутствующим выражением разглаживала покрывало. Он оставил стакан на столе и устроился рядом с Рейчел. Кровать немного просела под его тяжестью, и Рейчел чуть-чуть отодвинулась.

— Что произошло?— снова спросил он. Он взял ее ладонь в свою. Она показалась ему холодной, твердой, немного влажной.— Что с тобой?

— Это все из-за проклятого «Узла-6», в последнем досье,— с трудом проговорила Рейчел.— Мы с ним одного типа. Он такой же, как я.— Она опустила глаза, отыскивала на покрывале нитку и начала скатывать ее в шарик.— Разве ты не заметил по описанию? Это моя внешность. Прическа может быть другой, и одета она может быть не так. Может быть, она даже купила парик. Но когда ты ее увидишь, ты поймешь, о чем я говорю.— Она едко засмеялась.— Хорошо, что компания призналась, что я андроид. Иначе ты, наверное, сошел бы с ума, столкнувшись с Прис Страттон. Или подумал бы, что это я.

— Почему это так тебя беспокоит?

— Проклятье, ведь я буду с тобой, когда ты отправишься ее устранять!

— Может, и нет. Может, я ее не найду.

— Я знаю психологию «Узла-6». Потому я здесь. Потому я хочу тебе помочь. Они сейчас все сбились в кучу, все трое. Главный — тот, который называет себя Роем. Он сейчас бешеными темпами готовит последнюю защиту.— Губы ее искривились.— О Боже...— тихо сказала она.

— Ну, гляди веселей,— сказал он, взяв в ладонь ее маленький острый подбородок и подняв ее голову так, чтобы она могла его видеть. Как себя чувствуешь, целуя андроида? Чуть наклонив голову, он поцеловал ее в сухие губы. Она словно ничего не почувствовала, но ее реакция была другой.

— Если бы я знала, что ты это сделаешь,— сказала Рейчел,— я бы сюда не прилетела. Ты слишком много хочешь. Ты понимаешь, что я чувствую к андроиду по имени Прис Страттон?

— Сочувствие?— спросил он.

— Что-то похожее. Идентификация. Передо мною стою я. Боже, наверное, так и случится. В замешательстве, ты убьешь не ее, а меня. А она вернется в Сиэтл и будет жить моей жизнью. Я никогда еще ничего подобного не испытывала. Мы в самом деле машины, отштампован-

ные, как крышечки бутылок. Мое существование — только моя личная иллюзия. Я только образец типа массовой продукции. — Она содрогнулась.

Рик понимал, что такие чувства не делают ему чести, но поведение Рейчел его забавляло. Очень. Андроид, страдающий от мрачных предчувствий.

— Но муравьи тоже физические идентичны, — сказал он, — а они ничего подобного не чувствуют.

— Муравьи... они не обладают ощущением времени.

— Тогда близнецы. Они...

— Они идентифицируются друг с другом. Обладают эмпатической связью. — Нетвердой походкой она подошла к столу с бутылкой, наполнила стакан и быстро выпила. Некоторое время она меряла комнату шагами, хмурясь, потом, словно случайно, снова опустилась на кровать, облокотившись на пышные подушки и вытянув ноги поверх покрывала. И вздохнула.

— Забудь об этих андроидах. — Голос ее поблек от усталости. — Я такая измотанная. Наверное, после полета. Из-за всего, что узнала в этот день. Просто хочу спать. — Она закрыла глаза. — Если я умру, — пробормотала она, — то буду, наверное, опять рождена, когда компания начнет штамповать субмодели моего типа, но с новым мозговым устройством. — Она открыла глаза, пристально взглянула на Рика. — Знаешь, почему люди компании хотели, чтобы я действовала с тобой?

— Чтобы следить за мной, — сказал он. — И выяснить, что именно выдает устройство типа «Узел-6» при тесте Войт-Кампфа.

— И в тесте, и вообще. Все, что выдает андроида. Потом я должна была подготовить рапорт, компания внесла бы модификации в режим зигот-камер, в структуру ДНК-фактора. И мы бы получили «Узел-8». А когда и этот тип стали бы распознавать, мы бы совершили новые модификации и, в конце концов, достигли бы типа гуманоидного робота, который не поддается обнаружению.

— Ты знаешь о тесте с рефлекторной дугой Бонелли? — спросил он.

— Над спинальной ганглией мы тоже работаем. Наступит день, и этот тест погрузится в пучину окончательного спиритуального забвения, как и все вчерашнее. — Она улыбнулась совершенно безобидно, в контраст словам. Рик не понимал, насколько серьезно все это говори-

лось. Тема мирового значения, но высказано несерьезно, наверное, характерная манера всех андроидов, подумал он. Никакой эмоциональной сознательности, никакого чувства действительного значения того, что было сказано. Лишь выхолощенные, интеллектуальные, формальные определения, термины.

Но это было не все: Рейчел начала поддразнивать Рика.

— К черту, тебя тоже,— сказал он.

Рейчел рассмеялась.

— Я пьяна. Я не могу идти с тобой. Если ты уйдешь,— она сделала растерянный жест рукой,— я останусь здесь отсыпаться. Расскажешь потом, что произошло.

— Одна маленькая деталь,— сказал он.— Этого «потом» не будет. Рой Бейти меня прикончит.

— Но я тебе все равно помочь не могу, я пьяна. Во всяком случае, правда тебе известна — вся ее кирпичная, грубая, жестокая сторона. Я только наблюдатель, меня не посылали спасать тебя. И мне все равно, покончит с тобой Рой Бейти или нет. Меня волнует, не прикончат ли меня.— Она широко раскрыла рот.— Боже, я эмпатически реагирую на угрозу собственного существования! И, видишь ли, если бы я полетела с тобой в этот пригородный блок, то...— Она протянула руку, поиграла пуговицей на рубашке Рика, начала расстегивать ее.— Я просто не осмелилась бы туда соваться. Мы, антроиды, не слишком лояльны друг к другу. И я знаю, что проклятая Прис Страттон меня бы пристрелила, а потом заняла бы мое место. Понимаешь? Сними пиджак.

— Зачем?

— Чтобы мы легли в постель,— сказала Рейчел.

— Я купил черную козу, нубийская порода,— сообщил он вдруг.— Я должен отправить на покой еще троих анди. Должен покончить с этим делом и вернуться домой, к жене.— Он встал, обошел кровать, взял бутылку с коньяком, аккуратно налил себе вторую порцию. Он заметил, что руки не сильно, но дрожат. Совсем немного. Очевидно, от усталости. Мы оба устали, слишком устали, чтобы охотиться на троих андроидов, которыми управляет самый опасный анди из всей восьмерки.

Он вдруг осознал, что испытывает необоримый откровенный страх. Боится этого антроида. Все из-за него, с самого начала все было из-за него. Вплоть до этого момента он сталкивался со все более зловещими воплощениями

Роя Бейти. И «отправлял» их на «покой». Теперь предстоит встреча с самим Бейти. От этой мысли его страх стал еще сильнее.

— Без тебя я идти не могу, — сказал он Рейчел. — Даже не стоит уходить отсюда. Полоков меня едва не прикончил. Гарланд был совсем близко.

— Боишься Роя Бейти? — Поставив пустой стакан, Рейчел другой рукой потянулась за спину, расстегнула лифчик. Потом ловко его сняла, покачнувшись встала и виновато улыбнулась. — В сумочке лежит одно устройство, — сказала она. — Их изготавливает наша автофабрика на Марсе. Это предохраняющее устройство, которое встраивают в новых андроидов на этапе последней серийной проверки. Вытащи его. Ты его сразу узнаешь, оно похоже на устрицу.

Рик начал рыться в сумочке. Как у любой женщины-человека, у Рейчел в сумочке можно было обнаружить самые разнообразные предметы, и Рик понял, что искать будет долго.

Тем временем Рейчел сбросила сапожки и расстегнула молнию на шортах. Балансируя на одной ноге, она пальцами другой подхватила смятый кусочек ткани, швырнула его в противоположный угол комнаты. Потом упала на кровать, перекатилась, потянулась к стакану и случайно столкнула его на пол, на ковер, покрывавший пол.

— Проклятье, — пробормотала она и, покачиваясь, снова поднялась на ноги. Почти совсем обнаженная, она стояла и смотрела, как Рик ищет в сумочке названное устройство. Потом очень аккуратно откинула покрывало и влезла в постель.

— Это оно? — Рик держал в руке металлический шар с выступающим стерженьком кнопки.

— Этой штукой можно повергнуть андроида в катаlepsию, — сказала Рейчел с закрытыми глазами. — На несколько секунд. Парализуется работа дыхательной системы. Твоей тоже, но вы человеческие существа, можете функционировать минуту-две без дыхания... вдыхания? А у анди, нерв отвечающей за...

— Я знаю.

Рик выпрямился.

— Автономная нервная система андроидов не настолько гибка в режимах включения и выключения, как наша. Но ты сказала, что устройство работает всего пять-шесть секунд.

— Этого хватит,— пробормотала Рейчел,— чтобы спасти себе жизнь. Понимаешь... Она села.— Если сюда вдруг ворвется Рой Бейти, то ты с таким устройством наготове сможешь затормозить его на несколько секунд. И пока Рой Бейти застынет с отрезанным кислородным питанием сосудов и мозговых клеток, ты прошьешь его из лазера.

— У тебя здесь лазер,— сказал Рик.— В сумочке.

— Это подделка,— сказала она и зевнула, снова закрыла глаза.— Андроидом запрещено носить лазеры.

Рик подошел к кровати.

Рейчел удалось перекатиться на живот. Она уткнулась лицом в белые простыни.

— Какая чистая, приличная, девственная постель,— сказала она.— Только очень чистые и приличные девушки, которые...— Она задумалась.— У андроидов не бывает детей. Разве это потеря?— сказала она потом.

Он раздел ее до конца, обнажив бледный холодный изгиб бедер, маленькие полушария ягодиц.

— Разве это потеря?— повторила Рейчел.— Не знаю... в самом деле. Как я могу судить? Что это такое — иметь ребенка? И что такое — быть рожденным, если уже на то пошло? Ведь мы не рождаемся. Мы не растем, не умираем от болезней. Мы просто изнашиваемся, как муравьи. Опять муравьи... Вот что мы такое! Не ты, а я. Хитинистые рефлекс-машины. На самом деле совсем неживые.

Она повернула голову, громко сказала:

— Я НЕЖИВАЯ НА САМОМ ДЕЛЕ! И ты ложишься в постель не с женщиной. Поэтому на многое не рассчитывай, ладно? Ты когда-нибудь раньше спал с андроидом?

— Нет,— сказал он, снимая галстук и рубашку.

— Как мне говорили... впечатление удовлетворительное, если только не очень много думать. Но если все время думать о том, что делаешь... то продолжать не сможешь. По психологическим, гм, причинам.

Наклонившись, он поцеловал ее обнаженное плечо.

— Спасибо, Рик,— расслабленно проговорила она.— Не забывай, главное — не думать. Просто делай и все. Никаких пауз и философий, потому что с философской точки зрения это очень тоскливо. И для тебя, и для меня.

— А после этого я все же полечу искать Роя Бейти. И хочу, чтобы ты была со мной. Я ведь знаю, что лазер в твоей сумочке...

— Думаешь, я «отправлю на покой» одного из анди?

— Я думаю, что ты мне все же поможешь, насколько это будет в твоих силах. Иначе ты не лежала бы здесь.

— Я тебя люблю,— сказала Рейчел.— Если бы я вошла в комнату и обнаружила, что кушетка покрыта твоей шкурой, я бы показала очень высокий результат по шкале Вейт-Кампфа.

Сегодня вечером, подумал Рик, щелкнув выключателем лампочки на ночном столике рядом с кроватью, я отправлю на покой андроида типа «Узел-6», который будет выглядеть в точности, как эта девушка. Боже милостливый, подумал про себя Рик. Я кончу таким же, каким стал Фил Ресч. Сначала ложись с ней в постель, потом убей ее.

— Я не могу,— сказал он, пятясь от кровати.

— Жалко, очень жалко.— Голос Рейчел дрогнул.

— Не из-за тебя. Из-за Прис Страттон. Из-за того, что я с ней должен сделать.

— Но мы — не одно и то же. Меня не волнует Прис Страттон. Послушай,— Рейчел села, зашелестела простынями. В полумраке комнаты он смутно видел ее силуэт с маленькими холмиками груди.— ЛЯГ СО МНОЙ. И Я УСТРАНЮ ПРИС СТРАТТОН. Хорошо? Потому что я не выдержу, дойдя...

— Спасибо тебе, сказал Рик. Внутри, несомненно, благодаря коньяку, поднялась волна благодарности, сжимая горло. Двое, думал он. Остаются только двое. Только супруги Бейти. А Рейчел сдержит слово? Очевидно. Таков способ функционирования андроидов. Хотя ни с чем подобным он пока не сталкивался.

— Проклятье, ложись, наконец,— сказала Рейчел.

Он лег в постель.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Потом они наслаждались небывалой роскошью: Рик вызвал горничную и заказал кофе. Он долго сидел в глубоком мягком кресле, зелено-золотом с черным, и потягивал кофе, размышляя над тем, что предстояло ему в следующие несколько часов. В ванной плескалась, напевала, что-то бормотала и вскрикивала Рейчел. Голос ее заглушал шум горячей воды из душа.

— Ты не прогадал, договорившись со мной,— сказала

она, выключив воду. Розовая и нагая, она возникла в проеме ванной, стягивая мокрые волосы эластичной лентой.

— Мы, андрониды, не умеем контролировать плотскую страсть. Ты, наверное, знал. Так что ты, по моему мнению, мною воспользовался.— Но подлинного гнева в ее голосе не слышалось. Во всех отношениях Рейчел была сейчас такая же жизнерадостная, как и любая другая известная Рик у девушка.— Мы в самом деле должны отправиться выслеживать этих троих сейчас?

«Да.— Двое для меня,— подумал он,— один — для тебя». Как сказала сама Рейчел, был заключен договор.

Завернувшись в огромное купальное полотенце, Рейчел сказала:

— Тебе понравилось?

— Да.

— Ты бы снова лег в постель с андроидом?

— Если бы это была молодая женщина. И напоминала тебя.

— А ты знаешь, сколько живут гуманоидные роботы вроде меня?— спросила Рейчел.— Я существую уже два года. Как по-твоему, сколько мне осталось?

После некоторого размышления он сказал:

— Еще года два?

— Эту проблему они так и не смогли разрешить. Самовоспроизведение клеток. Бесконечное возобновление. Вот такие дела.— Она начала яростно растирать себя. Лицо потеряло всякое выражение.

— Извини,— сказал Рик.— Мне очень жаль.

— Черт, это мне жаль, что я об этом заговорила. Во всяком случае, это удерживает настоящих людей от побега с андроидом.

— И к типу «Узел-6» это тоже относится?

— Это проблема обмена веществ. А не мозгового устройства.— Она начала одеваться.

Он тоже оделся. Потом, почти в молчании, они отправились на крышу, где припаркованные аэрокары покоились под наблюдением симпатичного служащего в белой униформе.

Когда кар взял направление в пригороды Сан-Франциско, Рейчел сказала:

— Какая хорошая ночь.

— Моя коза, наверное, уже спит,— предположил Рик.— А может, козы ведут ночной образ жизни? Некоторые жи-

вотные никогда не спят. Овца, например, никогда не спит. Я не замечал, во всяком случае. Всякий раз, когда помотришь на нее, она отвечает взглядом. Ждет, что дашь ей что-нибудь вкусное.

— А какая у тебя жена?

Он ничего не ответил.

— Ты...

— Если бы ты не была андроидом,— сказал Рик,— если бы я мог законно на тебе жениться, я бы женился.

— Или мы жили бы во грехе, если бы я была живая.

— Юридически ты неживая. На самом деле — да. Биологически. Ведь ты не собрана из транзисторных контуров, как поддельные животные. Ты органическое существо. — И через два года, подумал он, ты износишься и умрешь. Потому что мы так и не решили проблему самозамены клеток, как ты сама заметила. Поэтому, я думаю, это не имеет значения.

Конец. Конец мне, как охотнику на андроидов, подумал он. После пары супругов Бейти никого больше не будет. Эта ночь последняя.

— У тебя грустный вид,— сказала Рейчел.

Он тронул ее за плечо.

— Ты больше не сможешь охотиться на андроидов,— спокойно сказала она.— Поэтому не грусти. Пожалуйста.

Он смотрел прямо на нее.

— Еще ни один охотник не брался за старое дело,— продолжала Рейчел,— после того, как был со мной в постели. Кроме одного. Очень циничного человека по имени Фил Ресч. Он, к тому же, немного тронутый — работает сам по себе.

— Понимаю,— сказал Рик. Во всем теле он почувствовал немоту и оцепенение.

— Но время не пропадет даром,— сказала Рейчел.— Ты познакомишься с удивительно одухотворенным человеком.

— С Роем Бейти,— сказал Рик.— Ты их всех знаешь?

— Да, я знала их всех. Теперь осталось трое. Мы пытались остановить тебя сегодня утром, когда ты взялся за список Холдена. Я пыталась еще раз перед тем, как ты убил Полокова. А потом мне оставалось только ждать.

— Пока я сам не выдержал,— сказал Рик.— И пока мне не пришлось вызвать тебя.

— Я и Люба Люфт были близкими, очень близкими

друзьями, почти два года. Какой она тебе показалась? Понравилась?

— Да, понравилась.

— Но ты ее застрелил.

— Ее застрелил Фил Ресч.

— О, значит, он составил тебе компанию, когда ты отправился в театр. Мы этого не знали. У нас связь разладилась примерно в это время. Мы только узнали, что Люба убита и, естественно, предположили, что это сделал ты.

— Судя по записям Дейва,— сказал Рик,— мне кажется, что я мог бы устранить еще Рея Бейти. Но не Ирмгард. Наверное.— И не Прис Страттон, подумал он. Даже теперь, когда я все знаю.— И то, что произошло в отеле,— сказал он,— было...

— Наш союз,— сказала Рейчел,— стремился воздействовать на охотников. Здесь и в России. Такой способ казался действенным... по причинам, для нас окончательно неясным. Опять наша ограниченность, как мне кажется.

— Сомневаюсь, что он действует так часто и хорошо, как ты говоришь,— сказал Рик.

— Но с тобой это получилось.

— Посмотрим, получилось ли.

— Я уже знаю,— сказала Рейчел.— Когда я увидела это выражение у тебя на лице. Скорбь. Я ждала именно этого.

— Сколько раз ты это уже делала?

— Не помню. Семь, восемь. Нет, кажется девять.— Она или, скорее, оно кивнуло.— Да, девять раз.

Оттолкнув руль, он перевел машину в планирующий спуск.

— Идея устарела,— сказал он.

Пораженная, Рейчел пробормотала:

— Ч-что?

— Или так мне представляется. Тебя я застрелю,— сказал он.— А потом займусь Роем, Ирмгард и Прис Страттон.

— Поэтому ты идешь на посадку?— сказала она быстро, с нехорошим предчувствием в голосе.— Большой штраф. Я — законная собственность компании, а не убежавший андроид, прилетевший тайно с Марса. Я — совсем не то, что остальные.

— Но,— сказал он,— если я смогу убить тебя, то смогу и остальных.

Рука Рейчел метнулась к сумочке, она принялась лихорадочно в ней рыться, потом сдалась, отшвырнула сумочку и сказала с жестокой яростью:

— Чертов мешок. Никогда в нем ничего не могу найти. Ты убьешь меня без боли? Осторожно? Я не буду сопротивляться, хорошо? Обещаю, что не буду. Ты согласен?

— Теперь я понимаю, почему Ресч сказал... Он не циник, он просто узнал слишком много... Я его не виню,— сказал Рик.

— Но изменился он не в ту сторону, в которую следовало бы.— Теперь Рейчел казалась более собранной внутренне. Но все равно отчаяние не покидало ее. Темное пламя погасло. Жизненная сила, просочившись наружу, оставила ее. Рик часто наблюдал такое у других андрондов. Классический случай смиренной покорности. Механическое, умственное приятие факта, которого подлинный живой организм с двумя миллиардами лет эволюционного давления, побуждающего бороться за жизнь вопреки всему, никогда не принял бы как абсолютную неизбежность.

— Терпеть не могу эту вашу манеру сдаваться,— грубо сказал Рик.

Кар уже почти завершил спуск, и Рикун пришлось резко взять руль на себя, предотвращая катастрофу. Затормозив, он со скрежетом посадил аэрокар, вырубил двигатель и вытащил свой лазер.

— В основание черепа, в затылочную кость,— попросила Рейчел.— Пожалуйста.

Она повернула голову так, чтобы не видно было лазера. Она приготовилась умереть, не увидев смертоносного луча.

Спрятав трубку лазера, Рик сказал:

— Я не могу это сделать. То, о чем говорил Фил Ресч.— Он резко включил зажигание, вернув к жизни мотор. И мгновение спустя они уже взлетали.

— Если ты будешь меня убивать,— сказала Рейчел,— то убивай сразу. Не заставляй меня ждать.

— Я не буду тебя убивать.— Он снова направил кар в пригород.

— Твоя машина осталась в гостинице, правильно? Я тебя там высажу, и ты вернешься в Сиэтл.— Больше ему нечего было сказать, и он вел машину в молчании.

— Спасибо, что сохранил мне жизнь,— сказала Рейчел через некоторое время.

— Черт подери, ты сама сказала, что тебе осталось еще всего два года. В любом случае. А у меня пятьдесят. Я проживу в двадцать пять раз дольше тебя.

— Но ты меня в самом деле презираешь. За то, что я сделала.— К ней вернулась уверенность, певучий голос обрел силу.— Ты поступил так же, как и все остальные до тебя. Остальные охотники. Они каждый раз приходили в ярость, угрожали убить меня, но когда наступал момент, не могли этого сделать. В точности, как ты, понимаешь?— Она закурила, с наслаждением вдохнула сигаретный дым.— Ты понимаешь, что это значит, верно? Это значит, что я была права: ты больше не сможешь убивать андроидов. Поэтому отправляйся-ка ты домой, к своей козе. И отдохни немного.— Она вдруг дернула рукой, что-то стряхивая с плаща.— Ох! Я уронила пепел... Ну вот.— И, снова расслабившись, откинулась на подушку кресла.

Рик ничего не сказал.

— Эту козу,— сказала Рейчел,— ты любишь больше, чем меня. Может, даже больше, чем жену. Номер один — коза, потом жена, и в самом конце...— Она весело рассмеялась.— Что мне остается? Только смеяться.

Он не ответил. Некоторое время они летели в молчании, потом Рейчел нащарила выключатель приемника и включила радио.

— Выключи,— сказал Рик.

— Как? Бастера Дружли с его Дружелюбными друзьями? С Амандой Вернер и Отто Скраггсом? Как раз наступил момент, когда Бастер должен сообщить новую грандиозную новость.— Она наклонилась, всмотрелась в циферблат часов при свете шкалы приемника.— Почти наступил. Ты уже об этом слышал? Он в последнее время только и говорил, что о своей сенсации, нагнетал напряжение...

— ...я т-о-олько хочу сказать вам, ребята, что я сижу с моим дру-угом, Бастером Дру-ужби, мы болтаем, о-очень весело, ожидая с минуты на минуту са-амого значительного объявления...— сказал приемник.

Рик его выключил.

— Отто Скраггс. Голос мыслящего разумного человека,— сказал он.

Рейчел тут же опять включила радио.

— Я хочу послушать. Я намерена послушать! Это все очень важно — все, что Бастер Дружби собирается рассказать сегодня вечером.

Динамик снова забубнил голосом веселого идиота, Рейчел Розен снова устроилась поудобнее. Огонек сигареты пылал в темноте кабины, словно самодовольный жук-светляк. Настойчивое, непреклонное напоминание о достижении Рейчел Розен. О ее победе над ним.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Принеси сюда все мои остальные вещи, — приказала Прис Дж. Р. Исидору. — И не забудь телевизор. Я намерена послушать новую сенсацию Бастера.

— Да, — согласилась Ирмагд Бейти, энергичная, подвижная, с горящими глазами. — Нам необходим телевизор. Мы так ждали этого вечера. И скоро все должно начаться!

— Мой собственный телевизор хорошо принимает правительственный канал, — сказал Исидор.

Рой Бейти, который устроился в кресле в углу гостиной с таким видом, словно собирался провести в нем остаток жизни, сказал терпеливым тоном:

— Но мы бы хотели посмотреть передачу Бастера Дружби и его Дружелюбных друзей, Ис. Или мне лучше называть тебя Дж. Р.? Во всяком случае, ты нас понимаешь? Поэтому будь так добр, принеси сюда телевизор.

Джон Исидор в одиночестве спустился по темным гулким ступеням лестницы на соседний этаж. Мощный цветок счастья, распутившийся у него внутри, все еще цвел. Он впервые в жизни испытывал чувство собственной нужности. Теперь от меня зависят другие, восторженно думал он, перешагивая покрытые пылью ступеньки.

И, подумал он, неплохо будет снова посмотреть передачу Бастера Дружби, вместо того, чтобы только слушать его по радио в кабине грузовичка-фургона. Да, Бастер Дружби сегодня должен нам сообщить грандиозную новость. Сегодня вечером. И вот, благодаря Прис, Ирмагд и Рою, я увижу самую важную передачу за последние несколько лет. Каково?

Да, для Дж. Р. Исидора жизнь явно шла на подъем. Он вошел в бывшую комнату Прис, отключил телеви-

зор от сети и отсоединил антенну. Вдруг в него вошла тишина. Он почувствовал, как онемели руки. Без супругов Бейти и Прис он сам словно выцвел, как будто не телевизор, а его самого выдернули из сети. Нужно быть с людьми, подумал он. Если вообще хочешь жить. То есть, пока их здесь не было, я был в силах выдержать тишину и одиночество в этом здании. Но теперь все изменилось. Назад дороги нет, сказал он себе, теперь я завишу от них.

Потребуется опять прийти сюда, чтобы переправить остальные вещи Прис наверх. Сначала он решил отнести телевизор, а потом чемоданы и другую одежду.

Несколько минут спустя он вместе с телевизором уже поднялся наверх. Чувствуя, как от тяжести отнимаются пальцы, он установил ящик на кофейном столике в гостиной. Пара Бейти и Прис бесстрастно за ним наблюдали.

— В этом здании хороший прием,— пропыхтел он, подключая антенну.— Когда я еще смотрел Бастера Дружби и его...

— Только включи телевизор,— сказал Рой Бейти.— И немного помолчи.

Он сделал, как его просили, потом поспешил к двери.

— Еще один раз,— объяснил он,— и я перенесу все, что осталось.— Он медлил, согреваясь у очага их присутствия.

— Превосходно,— далеким голосом сказала Прис.

Исидор снова направился на нижний этаж. Кажется, думал он, они меня немного эксплуатируют. Но ему было все равно. Хорошо иметь друзей, сказал он себе.

Внизу он собрал все вещи девушки, запаковал их в чемоданы, потом трудолюбиво потащил их вверх по лестнице.

На верхней ступеньке прямо перед ним, что-то шевелилось в пыли.

Он тут же бросил чемоданы. Вытащил пластиковую бутылочку из-под таблеток, которую, как все, носил как раз на подобный случай. Паук. Невзрачный, но живой паук. Дрожащей рукой он загнал паука в бутылочку и аккуратно закупорил. Крышечка имела несколько отверстий, проделанных иглой.

Наверху, у дверей, он приостановился перевести дыхание.

— Да, сэрі! Время пришло. Говорит Бастер Дружби. Он верит и надеется, что все вы с нетерпением ждете, когда я поделюсь с вами открытием, которое, кстати, было под-

тверждено опытными исследователями, посвятившими этой работе дополнительные рабочие часы. Итак, ВНИМАНИЕ!

— Я нашел паука!— сообщил Джон Исидор.

Все три андроида на мгновение подняли на него глаза, оторвавшись от экрана.

— Дай посмотреть,— сказала Прис, протягивая руку.

— Не мешай, мы смотрим Бастера,— сказал Рой Бейти.

— Я никогда не видела паука,— сказала Прис. Она держала бутылочку из-под таблеток в обеих ладонях, рассматривая существо внутри.

— Сколько у него ног? Зачем ему столько, Дж. Р.?

— Таковы все пауки, сказал Исидор. Сердце его колотилось, он с трудом дышал.— Восемь ног.

— Знаешь, что я думаю, Дж. Р.? Ему столько не нужно.— Прис поднялась с кресла.

— Восемь? — спросила Ирмагд.— Но разве не мог он передвигаться на четырех? Отрежь четыре лишних, и мы посмотрим.— Она энергично раскрыла сумочку, извлекла маленькие блестящие маникюрные ножницы и протянула Прис.

Необъяснимый ужас охватил Исидора.

Отнеся бутылочку с пауком на кухню, Прис села за столик. Исидор обычно завтракал за этим столом. Она сняла с бутылочки крышку и вытряхнула паука наружу.

— Наверное, он не сможет бегать так же быстро, как раньше,— сказала она.— Но здесь ему все равно нечего ловить. Он в любом случае умер бы.— Она потянулась за ножницами.

— Пожалуйста, не надо,— сказал Исидор.

Прис вопросительно на него взглянула.

— Он чего-то стоит?

— Не калечь его,— умоляюще выдохнул Исидор.

Прис отрезала ножницами одну из лапок паука.

Сиявший на экране телевизора в гостиную Бастер Дружби сказал:

— Взгляните на увеличенный кадр изображения, на котором вы все узнаете знакомое вам небо. Одну минуту, сейчас Эрл Параметр, глава моей исследовательской группы, объяснит вам смысл нашего потрясающего открытия!

Прис отсекла пауку еще одну лапу. Другой рукой она придерживала насекомое. Она улыбалась.

— Кадры видеоизображения,— послышался из гостиной новый телеголос,— подвергнутые тщательному лабораторному исследованию, показывают, что серый задний план, так называемые «небо» и «дневная луна», на фоне которых действует Сострадальный, не только не являются земными, но более того, они созданы искусственно.

— Прис, ты все пропустишь!— тревожно позвала из гостиной Ирмгард.

Она примчалась на кухню, замерла в дверях, увидев, чем занята Прис.

— Этим можно заняться потом!— умоляюще сказала она.

— Передача очень важная. Все, что они говорят, доказывает, что наши надежды, все, во что мы верили...

— Тише,— сказал Рой Бейти.

— ...истинно! — завершила Ирмгард.

Голос из телевизора продолжал:

— «Луна» просто намалевана. В увеличенном кадре, который вы сейчас видите, ясно заметны мазки краски. Существуют также доказательства того, что бесплодная почва, сорняки и даже камни, бросаемые в Сострадального невидимыми преследователями,— все это в такой же степени поддельное, как и «небо» с его нарисованной «луной». Вполне вероятно, что камни сделаны из мягкого пенопластика и не причиняют настоящих ран.

— Другими словами,— вмешался Бастер Дружби,— Вилбур Сострадальный на самом деле не страдает.

Шеф исследовательской группы сказал:

— Нам удалось обнаружить одного человека, мистер Дружби. Бывшего голливудского специалиста по специальным эффектам. Это мистер Вейд Кортот. Он, опираясь на годы профессионального опыта, прямо утверждает, что фигура «Сострадального» может быть лишь каким-то актером, марширующим по специальной сцене-площадке. Кортот даже заявил, что узнает площадку. Она находилась в павильоне, которым пользовался когда-то один из мелких менеджеров, имевший связи с Кортотом и пользовавшийся его услугами.

— Следовательно, если верить словам мистера Кортота,— подвел итог Бастер,— сомнений быть не может?

Прис успела отрезать пауку три ноги. Паук рыскал по кухонному столу, отыскивая путь к спасению, к свободе. И напрасно. Он не находил ни одного.

— Мы, естественно, поверили Кортоту,— продолжал своим педантичным тоном шеф исследовательской группы,— и потратили довольно много времени на исследование снимков известных актеров, когда-то связанных с ныне прекратившей существование кинопромышленностью Голливуда.

— И вы обнаружили, что...

— Вы только послушайте,— сказал Рой Бейти. Ирмагд, словно загипнотизированная, не отрывала взгляда от экрана. Прис перестала мучить паука.

— Проанализировав тысячи и тысячи старых снимков, мы выявили одного пожилого человека по имени Ал Джарри. Он снимался в главных ролях в нескольких довоенных фильмах. Мы послали нашу бригаду в Ист Хармони, Индиана, где живет Джарри. Пусть один из членов бригады сам расскажет, что они там видели.

— Дом стоит на окраине городка,— заговорил после некоторой паузы новый голос, столь же бесцветный и высушенный.— Дом имеет крайне запущенный вид. Живет в нем один Ал Джарри. Он дружелюбно пригласил нас войти. Когда мы расселись в гостиной, очень грязной и затхло пахнувшей, я с помощью специальных телепатических средств просканировал сознание Ала Джарри, сидевшего напротив меня.

— Слушайте, слушайте,— сказал Рой Бейти, который балансировал на самом краю сиденья, как бы приготовившись прыгнуть на жертву.

— Я обнаружил, что этот старик и в самом деле снялся в серии коротких пятнадцатиминутных видеофильмах, заказанных менеджером, которого он никогда не видел. Как мы выяснили, «камни» были изготовлены из резиноподобного пластика. «Кровь» имитировалась с помощью томатного соуса, а...— техник хихикнул,— единственное страдание, которое пришлось пережить мистеру Джарри, состояло в том, что он целый день не имел во рту и капли виски.

— Ал Джарри,— сказал Бастер Дружби, снова показавшись на экране,— да, да. Преклонных лет человек, который даже в лучшие годы едва ли мог быть уважаемым даже самим собой. Ал Джарри, создавший скучный, однообразный фильм, собственно говоря, целую серию таких фильмов. Для кого — он даже не знал. И не знает до сих пор. Поклонники сострадализма часто говорят, будто Вил-

бур Сострадальный не является человеческим существом, а представляет собой архитипическую личность высшей организации, возможно пришедшую из другой звездной системы. Что ж, в некотором смысле это правда. Вилбур Сострадальный — не человек и не существует на самом деле. Тот мир, в котором он совершает свое восхождение, — всего лишь дешевая голливудская киностудия, распавшаяся в прах много лет назад. И кто же, в таком случае, предпринял этот всепланетный, всесистемный обман? Подумайте об этом!

— Наверное, мы никогда не узнаем, — пробормотала Ирмгард.

— Быть может, мы никогда не узнаем, — сказал Бастер Дружби. — И никогда не проникнем за занавес этого надувательства. Да, да. Сострадализм — НАДУВАТЕЛЬСТВО!

— Кажется, мы знаем, — сказал Рой Бейти. — Это самоочевидно. Сострадализм возник...

— Но поразмышляйте вот над чем, — продолжал Бастер Дружби. — Спросите себя: что главное в сострадализме? Что он может сделать? И если верить многочисленным последователям учения, сострадализм способен сливать...

— Вот она, та эмпатия, которой обладают только люди, — сказала Ирмгард.

— ...мужчин и женщин по всей Солнечной системе в одну единую чувствующую единицу. Единицу, которая, однако, поддается внушению посредством телепатического голоса, так называемого «голоса Сострадального». Заметьте! Политический деятель с амбициями, некий Гитлер, мог бы...

— Нет, это все эмпатия, — с жаром сказала Ирмгард. Сжав кулаки, она вышла в кухню, встала рядом с Исидором. — Разве она не доказывает, что люди способны на то, на что мы не способны? Потому что не испытав на себе этого влияния, мы можем лишь верить вам на с л о в о. Как там поживает паук? — Она наклонилась, заглянула через плечо Прис.

Прис отрезала ножницами четвертую ножку паука.

— Теперь осталось только четыре, — сказала она. Острием ножниц она подтолкнула паука. — Не хочет. Может, но не хочет двигаться.

В дверях появился Рой Бейти. Он глубоко и часто ды-

шал, на лице его сияло выражение удовлетворения достигнутым.

— Сделано. Бастер произнес ЭТО, громко и четко. И его слышал почти каждый человек системы. «Сострадализм — надувательство!» Все эти сеансы с эмпатическим сливанием — сплошное надувательство. — Он подошел к столу, с любопытством глядя на паука.

— Он не хочет ползать, даже не пробует, — сказала Ирмгард.

— Я его заставляю. — Рой Бейти вытащил картонную пачечку спичек, зажег одну, поднес пламя к пауку, потом ближе, еще ближе и еще. Наконец, покалеченное существо поползло в сторону.

— Я была права, — с удовлетворением отметила Ирмгард. — Ведь я сказала: он может ходить на четырех лапах. — Она выжидающе посмотрела на Исидора. — Что случилось? — Она тронула его за локоть. — Вы ничего не потеряли. Мы заплатим за паука по... Как это называется? По каталогу Сидни. Не дуйтесь. Может, вас расстроила передача Бастера? Ну, отвечайте же. — Она энергично подтолкнула Исидора.

— Он расстроился, потому что у него тоже есть генератор эмпатии, — сказала Прис. — Стоит в другой комнате. Ведь ты им пользуешься. Дж. Р.?

— Конечно, пользуется, — сказал Рой Бейти. — Все они пользуются... или пользовались. Может быть, хоть теперь задумаются.

— Не думаю, что передача станет концом культа Сострадального, — сказала Прис. — Но в данную минуту многим людям-человекам совсем невесело. Мы ждали долгие месяцы, — сказала она Исидору. — Мы знали, что это должно произойти. Это разоблачение. — Она помолчала и добавила: — Почему бы и нет? Ведь Бастер — один из нас.

— Андроид, — объяснила Ирмгард. — И никто не знает этого. Ни один человек.

Прис отрезала еще одну ножку пауку. Неожиданно Исидор оттолкнул ее и осторожно взял искалеченного паука. Он отнес его к раковине и утопил. Внутри у Исидора так же быстро, как паук, утонула надежда.

— Он в самом деле расстроен, — нервно сказала Ирмгард. — Отчего вы так смотрите, Дж. Р.? Отчего молчите? — Она повернулась к Прис и мужу. — Нет, когда он вот так просто стоит рядом с раковиной и молчит, мне

страшно. Это меня выводит из себя. Он не сказал ни слова с момента, когда выключил телевизор.

— Дело не в телевизоре,— объяснила Прис.— А в пауке. Не так ли, Дж. Р. Исидор? Ничего, он преодолеет депрессию,— сказала она Ирмагд, которая направилась в гостиную выключать телевизор.

Рассматривая Исидора с легким любопытством, Рой Бейти сказал:

— Все позади, Ис. Для Сострадального, то есть.— Ногтями он выудил из раковины трупик паука.— Может быть, это был последний паук на Земле. Последний живой паук.— Он задумался.— Значит, для пауков тоже все кончено.

— Я... плохо себя чувствую,— сказал Исидор. Он достал из шкафа чашку, и некоторое время, неизвестно, как долго, стоял с чашкой в руках. Потом сказал Рою Бейти:

— Значит, небо позади Сострадального не настоящее, а нарисованное?

— Ты видел увеличенный кадр,— сказал Бейти.— Ты видел мазки краски.

— Сострадализм не погиб,— сказал Исидор.

Что-то с тремя андроидами было не в порядке, что-то с ними произошло ужасное. Паук, подумал Исидор. Возможно, как сказал Рой Бейти, это в самом деле был последний паук на Земле. Теперь паука больше нет. И Сострадального нет. Пыль и мусор квартиры, как показалось вдруг Исидору, покрыли всю Землю. Он услышал наступление мусоризации, конечного разрушения форм, конец порядка. Деформация нарастала, пока он стоял и держал фаянсовую чашку. Ей предстояло победить навсегда. Заскрипели кухонные шкафы, пошли трещинами, он почувствовал, как поддается под ногами пол.

Он дотронулся до стены, и ее поверхность тоже просела. Серая штукатурка посыпалась на пол, как радиоактивная пыль, оседавшая на землю с неба. Он сел за стол, но ножки стола, как проржавевшие пустые трубки, подкосились одновременно с ножками стула. Он быстро вскочил, попытался поправить стул, а стул распался в его руках, на пол посыпались шурупы, ранее скреплявшие его части. Он увидел, что чашка на столе треснула, покрылась паутиной трещин, а потом от стенки отскочил кусок, обнажая грубую неглазированную поверхность.

— Что он делает?— донесся издалека голос Ирмагд Бейти.— Он все разрушит! Исидор, стойте...

— Это не я,— сказал Исидор. Нетвердо ступая, он вышел в гостиную, чтобы остаться наедине с собой. Он остановился возле сломанной кушетки и устался на желтую стену в пятнах от когда-то ползавших по ней клопов. И снова вспомнил о мертвом пауке с четырьмя ногами. Все пришло в негодность, понял он. Все начало разрушаться очень давно и теперь не остановить упадка. Мертвый паук победил.

В провалах оседавшего поля показались тела мертвых животных. Голова вороны, мумифицировавшиеся ручки обезьяны. Неподалеку неподвижно стоял ослик, словно живой. Он еще не начал разлагаться. Исидор пошел к нему, слыша, как хрустят под подошвами хрупкие, как высохшие стебли, косточки мертвых существ. Но до ослика (любимого его животного!) он добраться не успел. Иссиня-черный ворон слетал откуда-то, устроился на голове ослика. «Не надо!»— громко воскликнул Исидор. Но ворон быстро выклевал ослику глаза. Опять, подумал он. Это снова случилось со мной. Я еще долго не выберусь наверх, понял он. Как в прошлый раз. Это всегда очень долго, потому что здесь, внизу, ничего не меняется, даже не разлагается.

Зашелестел пересохший ветер, кучки костей вокруг Исидора начали рассыпаться. Их разрушает даже ветер, подумал он. На этом этапе. Пока еще не пришло время. Если бы я вспомнил, как мне отсюда выбираться. Подняв голову, он увидел, что ухватиться ему не за что.

Сострадальный, подумал он, где ты сейчас? Это могильный мир, я снова здесь, но на этот раз тебя нет со мной.

Что-то ползло по ноге. Он наклонился, всмотрелся... и обнаружил искалеченного паука, толчками передвигавшегося на четырех ногах. Он положил его на ладонь. КОСТИ СНОВА ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ПЛОТЬ, подумал он. Паук ожил. Сострадальный должен быть неподалеку.

Снова налетел ветер, распыляя оставшиеся кости. Но Исидор чувствовал присутствие Сострадального. Приди же, позвал он. Вползи по моей ноге или найди какой-нибудь другой путь добраться до меня. Ладно, Сострадальный, подумал он. И сказал громко: «Сострадальный!»

По всей равнине наступали сорняки, ввинчиваясь в щели руин, оплетая разрушенные стены, потом превращаясь в собственные семена. Семена лопались, посылая вперед новые стебли, покрывая ими куски стали и бе-

тона там, где раньше были стены. Когда исчезли стены, осталось опустошение. Все вокруг оказалось покоренным опустошением, кроме невзрачной хрупкой фигуры Сострадального. Старик стоял перед Исидором с безмятежным выражением на лице.

— Небо в самом деле нарисовано?— спросил Исидор.— Под увеличением в самом деле видны мазки краски?

— Да,— сказал Сострадальный.

— Я их не вижу.

— Ты слишком близко стоишь. Нужно отойти подальше, к андроидам. У них перспектива более выгодная.

— И поэтому они утверждают, что ты — подделка?

— Я подделка,— сказал Сострадальный.— С их точки зрения, они говорят правду. Они все добросовестно исследовали. С их точки зрения, я всего лишь престарелый отставной актришко Ал Джарри. Их разоблачение верно и справедливо. Они взяли у меня интервью, я им рассказал все, что они хотели, все, всю правду.

— Даже насчет виски?

Сострадальный улыбнулся.

— Они хорошо поработали. И с их точки зрения, разоблачение Бастера Дружби выглядит убедительно. Им весьма трудно будет понять, почему же тогда ничего не изменилось. Почему ты все еще здесь и я с тобой.— Описав рукой полукруг, Сострадальный указал на опустошенные холмы.— Я поднял тебя из могильного мира. И буду поднимать, пока ты не отступишь. Но тебе придется перестать искать меня, потому что я никогда не перестану искать тебя.

— Мне не понравилось насчет виски,— сказал Исидор.— Это унижает.

— Это потому, что ты высокоморальная личность. А я нет. Я не берусь судить других, даже себя.— Сострадальный протянул руку вперед, ладонью вверх.— Чтобы не забыть... Это тебе. На ладони покоился паук. Только теперь все восемь ног были в целости.

— Спасибо,— сказал Исидор и принял паука. Он хотел что-то еще сказать...

Зазвенел аварийный сигнал системы оповещения.

— В доме охотник!— каркнул Рой Бейти.— Выключить свет, весы! Оттащите его от генератора эмпатии. Он должен стоять наготове у двери. Скорей... ТАЩИТЕ ЕГО!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Опустив взгляд, Джон Исидор увидел собственные руки. Они сжимали рукоятки генератора эмпатии. Пока он непонимающе глядел на них, комната погрузилась во тьму. Он увидел, как метнулась к настольной лампе Прис.

— Послушайте, Дж. Р.,— хрипло прошептала ему в ухо Ирмагд. Она схватила его за плечо, ногти впились в мышцы. Казалось, она не сознавала, что делает. В смутном свете из окна лицо Ирмагд искажилось, потеряло симметрию. Оно стало плоским, как тарелка, жалким, с махонькими, без век, глазками.

— Ты должен подойди к двери,— прошептала она.— Когда он постучит. Если только он станет стучать. Покажешь ему документы и скажешь, что в этой квартире больше никого нет. И потребуешь ордер на обыск.

Прис, стоявшая с другой стороны, прошептала:

— Не позволяй ему войти, Дж. Р.— Она судорожно выгнулась.

— Сделай, что угодно, скажи, что угодно, только останови его. Ты понимаешь, что сделает охотник, если прорвется сюда? Понимаешь, что он сделает с нами?

Отодвинувшись от двух андроидов-женщин, Исидор ощупью добрался до двери. Пальцы его нащупали ручку, и он остановился, прислушиваясь. Он чувствовал, что холл за дверью оставался таким же пустынным, каким он его всегда чувствовал. Пустой, гулкий и безжизненный.

— Ты что-нибудь слышишь?— шепотом спросил Рой Бейти, нагибаясь к нему. Исидор чувствовал резкий неприятный запах страха, который, выливаясь наружу, создавал что-то вроде дымки.

— Выйди и посмотри.

Открыв дверь, Исидор посмотрел в оба конца сумрачного холла. Снаружи воздух казался свежим, несмотря на тяжесть пыли. Он все держал в ладони паука, которого дал Сострадальный. Был ли это тот же паук, которому Прис отрезала четыре ножки маникюрными ножницами Ирмагд Бейти? Вероятно, нет. Он никогда не узнает правды. Но в любом случае, это был живой паук. Он ползал внутри сжатого кулака и не кусал Исидора. Как у большинства маленьких пауков, его жвалы не могли прокусить кожу ладони.

Исидор достиг конца холла, спустился по ступенькам и вышел наружу, туда, где раньше была терраса-балкон с са-

дом. Сад исчез, балкон, дав тысячу трещин, треснул во время войны. Но Исидор знал безопасный маршрут и, миновав часть фасада, подошел к единственному клочку зелени в округе, квадратному ярду засыхающей, прибитой пылью сорной травы. Здесь он посадил паука. Он чувствовал щекотание, когда паук покидал ладонь. Итак, с этим покончено. Исидор выпрямился.

Вспыхнул луч фонарика и сфокусировался на сорняках. В свете луча их полувysохшие стебли приобрели злобный вид. Теперь он видел паука — тот отдыхал на иззубренном листке.

— Что вы делаете? — спросил хозяин фонарика.

— Выпускаю паука, — удивился Исидор. Разве не видно? В свете желтого луча паук казался крупнее, чем на самом деле. — Чтобы он мог убежать.

— Почему бы вам не забрать его с собой и не посадить в банку? По январскому каталогу Сидни пауки всех видов в розничной торговле подскочили в цене на десять процентов. Вы могли бы получить за него сотню с чем-то долларов.

— Если я отнесу его обратно, — сказал Исидор, — она его разрежет на части, кусочек за кусочком. Чтобы посмотреть, что он будет делать.

— Это с андроидами бывает, — сказал мужчина с фонариком. Он сунул руку в карман плаща, что-то достал, протянул Исидору.

В неверном свете фонарика охотник казался обычным человеком, совсем заурядного вида. Обычный клерк какой-нибудь фирмы. Методичен, но держится свободно. Во все не полубог. Совсем не такой, каким представлялся недавно Исидору.

— Я следователь департамента полиции Сан-Франциско. Рик Декард. — Мужчина захлопнул удостоверение, сунул обратно в карман плаща. — Они, там, наверху? Все трое?

— Понимаете, дело в том, что я за ними присматриваю, — сказал Исидор. — Забочусь о них. Там две женщины. Остальные члены их группы погибли. Я принес телевизор из комнаты Прис, чтобы они могли смотреть Бастера Дружби. Дружби доказал, что Сострадальный не существует. — Исидор был возбужден. Ему была известна такая важная новость, а охотник, наверное, еще не слышал о ней.

— Пойдем наверх, — сказал охотник Декард. Он вдруг направил на Исидора ствол лазера, потом медленно опу-

стил.— Вы ведь специал, верно,— спросил он.— Недоумок.

— Но у меня есть работа. Я водитель фургона доставки в...— Он с ужасом обнаружил, что забыл название.— ...В-ветеринарной больнице. Лечебнице Ван Несса. Которой владеет Ганнибал Слоут.

— Вы мне покажете, в какой они квартире?— спросил Декард.

— Здесь более тысячи квартир. Вы бы сберегли мне массу времени.— Голос его был тихим от усталости.

— Если вы их убьете, то больше не сможете сливаться с Сострадальным. Никогда,— сказал Исидор.

— Значит, покажете? На каком этаже? Скажите только этаж. Я сам разберусь с квартирой.

— Нет,— сказал Исидор.

— В соответствии с федеральным и государственным законодательством...— начал Рик, потом замолчал. Он решил не продолжать допроса.

— Спокойной ночи,— сказал он и ушел прочь, вверх по ступеням. Фонарик его кровоточил бледным желтоватым светом, бросая вперед бледную световую тропу.

Оказавшись внутри блока, Рик выключил фонарик. Дальше он двигался в свете редких лампочек на потолке холла и размышлял. Недоумок знает, что это андроиды. Он знал это еще до того, как я ему сказал. Но он не понимает, что они такое. С другой стороны, кто понимает? Я? Понимаю ли я? И один из них будет копией Рейчел. Возможно, с ней жил специал. Интересно, как это ему понравилось. Возможно, именно этот андроид и мог искалечить паука. Можно было бы вернуться и забрать паука, подумал он. Я еще никогда не находил настоящего живого дикого животного. Должно быть, фантастическое ощущение. Быть может, когда-нибудь это случится и со мной, как случилось со специалом.

Он принес с собой подслушивающее устройство. Теперь он установил его на пол: вращающийся тупорылый детектор и блип-экран. В тишине холла экран ничего не демонстрировал. Не на этом этаже, сказал он себе. И переключил детектор на вертикаль. По вертикальной оси тупорылая морда детектора засекала слабый сигнал. Наверх. Он собрал приборы, взял чемоданчик и поднялся по лестнице на следующий этаж.

В тени притаилась фигура. Кто-то ждал его появления.

— Если шевельнешься, отправлю на покой,— пообещал.

щал Рик. Это андроид-мужчина ждал его, Рика. Лазерная трубка вдруг показалась Рiku такой тяжелой, что он не смог бы поднять ее и прицелиться. Он был застигнут врасплох.

— Я не андроид,— сказал человек в тени.— Меня зовут Сострадальный.— Он вышел в освещенную полосу.— Я обитаю в этом доме из-за мистера Исидора. Специала, у которого был паук. Вы недолго беседовали с ним, снаружи.

— Разве я теперь вне сострадализма?— спросил Рик.— Как сказал этот недоумок. Он был прав? Это из-за того, что я должен буду сделать?

— Мистер Исидор говорил от себя, не от моего имени,— сказал Сострадальный.— Вы делаете то, что должно быть сделано, как я уже говорил.— Подняв руку, он указал на лестничную площадку за спиной Рика.— Я пришел сюда, чтобы вас предупредить. Один из андроидов притаился за вашей спиной, ниже, не в квартире. Это самый трудный андроид из троих, и вы должны устранить его первым.— Усталый, древний голос вдруг обрел неожиданный пыл.— Быстрее, мистер Декард! НА СТУПЕНЬКАХ!!!

Выставив перед собой лазер, Рик развернулся на полусогнутых ногах, оказавшись лицом к лестничному проему. Вниз по ступенькам слетела женщина. Он ее узнал и опустил оружие.

— Рейчел,— сказал он, пораженный. Неужели она последовала за ним в своем аэрокаре, выследила его до самого балкона, до этого места? Но зачем?

— Возвращайся в Сизтл,— сказал он.— Оставь меня в покое. Сострадальный сказал, что я должен ЭТО сделать.

Потом он понял, что это совсем не Рейчел.

— Ради всего, что мы друг для друга значили,— сказал андроид, приближаясь к Рiku с протянутыми руками.

Одежда другая, подумал Рик. Но глаза, глаза те же самые. И она не одна такая, их может быть целый легион. У каждой свое имя, но все как две капли воды похожи на Рейчел Розен. Рейчел, прототип, который компания использует для защиты остальных копий. И когда андроид бросился к нему, Рик выстрелил почти с жалостью. Андроид словно лопнул, и его части разлетелись. Рик прикрыл голову руками и увидел, как покатила по ступенькам лазерная трубка андрoида. Металлический цилиндр, подпрыгивая, скатывался ниже и ниже, стук делался слабее и слабее. Самый трудный из троих, как сказал Сострадаль-

ный. Он оглянулся по сторонам — не стоит ли где Сострадаальный? Но старик исчез. А ведь с помощью Рейчел Розен они могут преследовать меня, пока я не умру, если этот субтип морально не устареет. Интересно, подумал он, что произойдет раньше? Потом вспомнил про двоих оставшихся андроидов. Третий, уже отправленный на покой, был снаружи, вне квартиры, как и говорил Сострадаальный. Ведь Сострадаальный хранит меня, вдруг понял Рик. Он возник и помог мне. Если бы не Сострадаальный, она... оно... прикончило бы меня. С остальными я теперь справлюсь, подумал он. Самое трудное позади: я смог, и теперь все позади. Бейти я выслежу и отправлю на покой. Будет трудно, но я смогу, я справлюсь. Теперь.

Он был один в пустынном холле. Сострадаальный оставил его. Рейчел, то есть Прис Страттон, отдельными фрагментами лежала на ступенях. Он был один. Но где-то в здании, в одной из квартир, ждали супруги Бейти. Они понимали, что он сделал. Здесь. Может быть, уже испугались. Все, что произошло, было их первой реакцией на его появление в здании. Их попыткой его остановить. Если бы не Сострадаальный, она бы удалась. Но теперь для них наступила зима.

Он понял: нужно кончать совсем быстро. Он бросился бежать вдоль холла, и детектор тут же засек наличие цефалической активности. Значит, он нашел нужную квартиру. Теперь детектор не нужен. Он отшвырнул чемоданчик и забарабанил в дверь.

— Кто там? — ответил мужской голос.

— Это мистер Исидор, — сказал Рик. — Пустите меня. Я ведь о вас забочусь: двое из вас — женщины.

— Мы не откроем дверь, — послышался женский голос.

— Я хочу смотреть передачу Бастера Дружби, — сказал Рик. — Теперь, когда он доказал, что Сострадаальный не существует, очень важно смотреть все его передачи. Я вожу фургон доставки для ветеринарной лечебницы Ван Несса, который владеет мистер Ганнибал Слоут. — Он начал подделывать заикание. — По-по-этому откройте, по-пожалуйста, дверь. Эт-то моя квартира.

Он подождал, и дверь приоткрылась. Внутри было темно, смутно вырисовывались два силуэта.

Одна фигура, пониже ростом, сказала женским голосом:

— Вы сначала обязаны сделать тест.

— Слишком поздно, — отрезал Рик.

Высокая фигура попыталась закрыть дверь, одновременно включив какое-то электронное устройство.

— Нет,— сказал Рик.— Я должен войти.

Он позволил Рою Бейти выстрелить один раз. Рик успел уклониться, и луч прошел мимо.

— Теперь вы потеряли законное право на тест,— сказал Рик.— Вы выстрелили в меня. Сначала вам нужно было заставить меня провести тест Войт-Кампфа. Но теперь уже все равно.

Рой Бейти снова послал лазерный луч, опять промахнулся и отбежал в глубину комнаты.

— Почему Прис не убила вас?— спросила миссис Бейти.

— Прис не существует,— ответил он.— Есть только Рейчел Розен, снова и снова Рейчел Розен.— Он заметил смутный блеск лазера в ее руке.

— Простите, миссис Бейти,— сказал Рик и выстрелил.

— Ладно. Пусть ты и любил ее,— сказал Рик Рою.— А я любил Рейчел. А спецал любил Прис, другую Рейчел.

И он застрелил Роя Бейти. Большое мужское тело тяжело опрокинулось, как несвязанный набор отдельных предметов, врезалось в кухонный столик, рухнуло прямо на пол, вместе с тарелками и прочей утварью. Рефлекторные контуры заставили тело несколько раз подпрыгнуть. Но андроид был уже практически мертв. Рик не обращал на него внимания, не замечал трупа, и второго трупа, у двери, тоже. Труп Ириггард Бейти. Я покончил с последним, подумал он вдруг. Шестеро за один день. Почти рекорд. Теперь все кончилось, и я могу лететь домой, к моей Иран и моей козе. И на некоторое время у нас будет достаточно денег.

Он сел на кушетку и через некоторое время, пока Рик все также неподвижно сидел посреди тишины пустой квартиры, в дверях появился спецал Дж. Р. Исидор.

— Лучше не смотрите,— сказал Рик.

— Я видел. Там, на лестнице... Прис...— спецал плакал.

— Не принимайте все это близко к сердцу,— сказал Рик. Он с трудом встал с кушетки. Голова шла кругом.— Где у вас видеофон?

Спецал не ответил, просто стоял как стоял. Поэтому Рик сам нашел видеофон и набрал номер кабинета Гарри Брайанта.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

— Отлично,— сказал Гарри Брайант, когда было обо всем доложено.— Теперь тебе нужно немного отдохнуть. За телами андроидов мы вышлем патрульный кар.

Рик Декард повесил трубку.

— Андроиды тупы,— яростно сказал он специалисту,— Рой Бейти не мог отличить вас от меня, поэтому и открыл дверь. Полиция все здесь уберет. Может быть, вам лучше перейти в другую квартиру, пока они не закончат? Едва ли вам приятно будет здесь с ними...

— Я уезжаю отсюда,— сказал Исидор,— Я хочу жить ближе к ц-центру, где больше людей.

— Кажется, в моем жилом блоке есть свободные квартиры,— сказал Рик.

— Я не х-хочу жить с вами рядом,— заикаясь выдавил Исидор.

— Выходите в холл,— посоветовал Рик.— Или на крышу. Не нужно здесь оставаться.

Специал топтался в нерешительности, не зная, что делать. На лице его отражалась целая последовательность немых чувств. Потом, повернувшись, он покинул квартиру, оставив Рика в одиночестве.

Что за работа, подумал Рик. Я стал наказанием, посланным с неба, как голод, чума. Куда бы я ни шел, за мной следует древнее проклятие. Как сказал Сострадальный, мне приходится поступать плохо. Все, что я делал, с самого начала было плохо и неправильно. Что ж, в любом случае теперь пора домой. Возможно там, с Иран, я смогу забыть об остальном.

Когда он вернулся домой, Иран встречала его на крыше их блока. Она выглядела не так, как всегда. За все годы супружества он такой ее никогда не видел.

Обняв ее за плечи одной рукой, он сказал:

— Все позади. И знаешь, я подумал, что Гарри Брайант мог бы перевести меня в отдел...

— Рик,— сказала Иран,— я должна что-то тебе сказать. Мне ужасно жалко... Но наша коза погибла.

Почему-то он даже не удивился. Только почувствовал себя хуже. К давлению, сжимающему его отовсюду, добавилось что-то еще.

— Кажется в контракте есть пункт о гарантии,— ска-

зал он. — Если в течение девяноста дней животное заболит, то продавшая его компания должна...

— Она не заболела. Кто-то... — Иран откашлялась и хрипло продолжала: — Кто-то проник сюда, вывел козу из клетки и подтащил к краю крыши.

— И столкнул вниз? — сказал он.

— Да. — Иран кивнула.

— Ты видела, кто это сделал?

— Да, я ее очень хорошо рассмотрела. Барбур в тот момент еще возился со своей лошастью. Он меня позвал. Мы вызвали полицию, но к тому времени коза уже умерла, а девушка улетела. Невысокая, очень молодая девушка, с темными волосами и большими черными глазами, очень тонкая. В длинном чешуйчатом серебристом плаще. У нее была сумка через плечо, вроде почтовой. И она даже не пыталась скрыться от нас. Словно ей было все равно.

— Да, ей было все равно, — кивнул Рик. — Рейчел было наплевать, увидишь ты ее или нет. Может быть, она даже хотела, чтобы ты ее увидела и чтобы я знал, что это сделала она. — Он поцеловал жену. — Ты все время ждала меня наверху?

— Всего полчаса. Это все случилось как раз полчаса назад. — Иран нежно вернула поцелуй. — Как это ужасно. И бессмысленно.

Он повернулся к своему кару, открыл дверцу, сел за руль.

— В этом был смысл, — сказал он. У нее была причина, с ее точки зрения. — По мнению андроида, подумал он.

— Куда ты? Разве ты не пойдешь домой... со мной? Только что Бастер Дружбы сделал просто шокирующее заявление. Он утверждает, что Сострадальный — надувательство. Что ты об этом думаешь, Рик? Думаешь, что это может быть правдой?

— Все правда, — сказал он. — Все, что кто-то когда-то подумал. — Он резко повернул ключ зажигания.

— С тобой все будет в порядке?

— Со мной все будет в порядке, — сказал он. И подумал: я умру. Оба утверждения верны. Он захлопнул дверцу, помахал Иран и умчался в ночное небо.

Когда-то, подумал он, я бы увидел звезды. Но только это было бы много лет тому назад. Сейчас в небе пыль. Уже давно никто не видел звезды. Во всяком случае, с Земли. Может, я отправлюсь туда, где видны звезды, сказал он

себе, пока кар набирал скорость и высоту. Он направился в сторону от Сан-Франциско, к необитаемым пустынным районам севера. Куда не отправилось бы ни одно живое существо. Если только оно не чувствовало, что пришел конец.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В свете раннего утра перед ним, насколько хватало глаз, простиралась бесплодная серая равнина. Валуны величиной с дом замерли, когда-то накатившись друг на друга. Похоже на склад, подумал Рик. Когда весь груз уже отправлен, и остались только ящики, контейнеры, упаковка, которые сами по себе ничего не значат. Когда-то, подумал он, здесь были зеленые поля, паслись животные. Какая замечательная мысль! Когда-то здесь паслись животные...

Какое странное место, чтобы здесь умереть, подумал он.

Он опустил кар ниже, какое-то время летел над самой землей. Что бы сказал обо мне в этот момент Дейв Холден? В каком-то смысле я сейчас один из самых великих охотников на андроидов за всю историю существования нашей профессии. Еще никому не удавалось отправить на покой шесть андроидов типа «Узел-6» в течение двадцати четырех часов, и никто, вероятно, не повторит такого достижения. Нужно позвонить ему, подумал Рик.

Впереди плавно поднялся склон холма, покрытый пылью и камнями. Рик взял на себя руль. Усталость, подумал он. Не стоило так много водить кар. Он выключил зажигание, некоторое время планировал, потом, попрыгав среди камней, кар, заскрипев шасси, остановился.

Подняв трубку видеофона, он набрал номер оператора связи управления в Сан-Франциско.

— Дайте мне госпиталь в Маунт-Сион, — попросил он оператора.

На экране появилась новая телефонистка.

— Госпиталь «Маунт-Сион».

— У вас есть пациент по имени Дейв Холден, — сказал Рик. — Могу ли я поговорить с ним? Он хорошо себя чувствует?

— Минуту, сэр, я проверю. — Экран на время померк. Рик втянул еще одну щепотку специальной нюхательной смеси д-ра Джонсона. Ментол с утра имел отвратительный

привкус. Он опустил окно и выбросил маленькую желтую жестянку с порошком на кучу битого щебня.

— Нет, сэр,— сказала оператор, появившись на экране.— Доктор Коста считает, что состояние мистера Холдена не позволяет ему разговаривать по телефону, даже в срочных и чрезвычайных случаях...

— Дело касается управления полиции,— сказал Рик, поднеся к экрану карточку своего удостоверения.

— Одну минуту, сэр.— Оператор исчезла. Время шло. Рик зябко повел плечами. Без нагревателя температура в кабинете быстро падала.

— Доктор Коста говорит, что мистер Холден не может...

— Хорошо,— сказал Рик. Он повесил трубку.

Воздух имел какой-то отвратительный запах. Он поднял стекло. Дейв в самом деле вышел из игры, подумал он. Как это они не прикончили меня? Потому что я действовал быстрее, решил Рик. Все в один день. Они этого не ждали. Гарри Брайант был прав.

В кабине стало слишком холодно, он открыл дверцу и вылез наружу... Какой-то неожиданный, болезненный ветер просочился под одежду. Рик, потирая ладони, принялся ходить туда-сюда.

Было бы лестно, если бы Дейв меня похвалил, осознал Рик. Он бы меня поддержал, одобрил мои действия. Но он понял бы и другое, то, что не понимает, как мне кажется, даже Сострадальный. Сострадальному все легко, потому что он все принимает, как есть. Ему ничто не чуждо. Но то, что сделал я,— это для меня становится чуждым. Собственно, я весь превратился в неестественность, в ложь. Мое «я» превратилось в неестественное «я».

Он шагал дальше и дальше, вверх по склону, и с каждым шагом давивший его груз увеличивался в весе. Я слишком устал, чтобы карабкаться на холм, подумал он. Остановившись, он вытер кусавший глаза пот, соленые слезы, источаемые его кожей, всем ноющим телом. Потом, рассердившись, плюнул... с яростью и презрением к себе. Плюнул на голую землю в горячей ненависти. Потом снова полез вверх. В одинокой незнакомой местности, вдали от всего. Здесь жил только он, и больше не было ничего живого.

Жара. Вдруг он почувствовал, что стало жарко. Очевидно, прошло довольно много времени. И еще он чувствовал голод. Жара и голод объединились в ядовитое ощущение, похожее на проигрыш, на поражение. Да, подумал

он, так оно и есть. Каким-то непонятным образом я потерпел поражение. Потому что убивал андроидов? Или потому, что Рейчел убила мою козу?

Он не знал ответа. Но по мере того, как продвигался вперед, смутная почти нереальная дымка, словно галлюцинация, окутала его сознание. Он вдруг обнаружил себя на расстоянии шага от пропасти, от смертельного падения. Он не представлял, как могло так получиться. Беспомощное унижительное падение, вниз и вниз, и никто бы его не увидел. Здесь нет никого, кто увидел бы всю глубину его падения и мужество с отвагой, которые могли бы проявиться в его конце. Они тоже остались бы незамеченными. Мертвые камни и пыльные сухие сорные травы — они ничего не замечали, ничего не могли бы вспомнить. Ни о нем, ни о себе.

В этот миг его ударил первый камень. Камень был совсем не из резины или мягкого пенопласта. И попал он Рiku в пах. И боль, настоящее понимание одиночества и абсолютного страдания коснулись Рика со всей обнаженной жестокостью.

Он остановился. Потом, подчиняясь осязанию, но невидимому побуждению, продолжил подъем. «Я как камень, только качусь вверх. Двигаюсь без участия собственной воли. И само по себе это ничего не значит».

— Сострадальный,— задыхаясь, выдал он. Потом замер — впереди он увидел неподвижную мутную фигуру.— Вибур Сострадальный! Это ты?

Боже, вдруг понял он, это моя тень. Мне нужно выбираться отсюда, вниз по холму.

Он начал спускаться. Один раз упал. Облако затянуло все вокруг, и он бросился бежать все быстрее и быстрее, спотыкаясь на ненадежной скользящей гальке. Впереди он увидел свой кар. Я вернулся, сказал он себе. Я спустился с холма. Он влез в кабину. Кто же бросил в меня камень. Никто. Почему же это меня беспокоит? Со мной уже бывало подобное, во время слияний, когда я пользовался эмпатическим генератором, как все остальные. Ничего нового. Ничего? Ведь на этот раз я делал это один.

Дрожа он вытащил из отделения для перчаток новую коробочку нюхательной смеси, снял предохранительную ленту, набрал порошка в щепоть. Высунув ноги наружу, он отдыхал. Ноги покоились на пыльной сухой земле. «Не надо было сюда соваться»,— подумал он. И почувствовал,

что слишком устал, чтобы лететь домой. «Если бы я только мог поговорить с Дейвом, со мной было бы все в порядке. Я бы выбрался отсюда, вернулся домой, лег в постель. У меня по-прежнему есть электроовца и моя работа. Будут новые андройды, которых нужно «отправить на покой». Моя работа не кончена, я еще не устранил последнего анди на Земле. Возможно, в этом все дело. Я боюсь, что их больше не осталось», — подумал он.

Он посмотрел на часы. Девять тридцать.

Сняв трубку видефона, он набрал номер Зала Правосудия на Ломбард-стрит.

— Мне нужно поговорить с инспектором Брайантом, — сказал он телефонистке управления, мисс Уайлд.

— Инспектор Брайант улетел в личном каре, я не смогу получить от него ответ. Вероятно, он временно покинул машину.

— Он не сказал, куда направляется?

— Что-то насчет андройдов, которых вы отправили на покой прошлой ночью.

— Дайте мне моего секретаря, — попросил он.

Секунду спустя на экране засияло треугольное лицо Энн Марстен.

— О, мистер Декард! Инспектор Брайант пытался вас найти. Кажется, он собирается передать ваше имя начальству для упоминания в списках отличившихся, поскольку вы устранили шесть...

— Я знаю, что я сделал, — сказал он.

— До сих пор такое никому не удавалось. Да, мистер Декард, еще звонила ваша жена. Она спрашивала, все ли с вами в порядке. С вами все в порядке?

Он промолчал.

— Во всяком случае, — рассудительно заметила мисс Марстен, — вам следует ей позвонить. Она просила передать, что будет ждать вас дома.

— Вы слышали, что случилось с моей козой?

— Нет, я даже не знала, что у вас есть коза.

— Они отобрали мою козу, — сказал Рик.

— Кто? Похитители животных? Мы только что получили донесение — новая крупная банда, преимущественно подростки, действует в...

— Похитители жизней, — сказал он.

— Не поняла, мистер Декард? — мисс Марстен вни-

мательно смотрела на него.— Мистер Декард, у вас жуткий вид. Боже, у вас кровь течет!

Он поднял руку, почувствовал мокрое. Камень, наверное. Наверное, в него попал еще один камень.

— У вас вид, как у Вилбура Сострадаального,— сказала мисс Марстен.

— Да,— сказал он.— Я Вилбур Сострадаальный. Я навсегда сплавился с ням. И не могу отсоединиться. Сажу и жду, пока отсоединюсь. Где-то у границы с Орегоном.

— Выслать кого-нибудь? Патрульный кар? Чтобы вас забрали.

— Нет,— сказал он.— Я больше не работаю в управлении.

— Мистер Декард, вы вчера сильно утомились,— мягко сказала секретарь.— Вам необходимо лечь в постель, отдохнуть. Вы наш лучший охотник, мистер Декард, самый лучший за все время работы в управлении. Я передам инспектору Брайанту, когда он придет, что вы отправились домой. И немедленно позвоните жене, мистер Декард, она жутко волнуется. Честное слово. Вы оба в ужасном состоянии.

— Это из-за козы,— объяснил он.— Не из-за андрондов. Рейчел ошиблась. Мне было совсем не трудно их устранять. И спецнал тоже ошибся насчет того, что я не смогу сливаться с Сострадаальным. Прав был только сам Сострадаальный.

— Вам бы лучше вернуться в город, мистер Декард. Ближе к людям. Там, в Орегоне, совершенная пустыня, правильно? Вы ведь совершенно один?

— Как странно,— сказал Рик.— У меня была полная, совершенная иллюзия, что я превратился в Сострадаального, и в меня швыряют камни. Но только это было не такое чувство, которое испытываешь, когда сжимаешь рукоятки генератора эмпатии. Тогда чувствуешь, что ты рядом с Сострадаальным. Но на этот раз никого, кроме меня, здесь не было. Я был один.

— Теперь говорят, что Сострадаальный — надувательство.

— Нет, не надувательство,— сказал Рик.— В противном случае, сама реальность тоже надувательство.

Холм, вспомнил он. Пыль и камни, все разные.

— Я боюсь, что не смогу отсоединиться. Рассоеди-

ниться с Сострадальным,— сказал он.— Стоит начать — и отступать уже поздно.

Неужели опять карабкаться на холм, подумал он. Вечный путь вверх. Как и Сострадальный, я в ловушке вечности.

— До свидания,— сказал он и хотел дать отбой.

— Вы позвоните жене? Обещаете?

— Да.— Он кивнул.— Спасибо, Энн.

Он повесил трубку. Скорее в кровать, отдохнуть. В последний раз я ложился в постель вместе с Рейчел. Нарушение закона. Половые сношения с андроидом. Абсолютно запрещено законом на Земле и в колониях тоже. Сейчас она, наверное, уже в Сиэтле. Вернулась в компанию Розена, к другим андроидам. «Если бы я мог сделать с тобой то же, что ты сделала со мной,— пожелал он.— Но с андроидом не вышло бы, ему все равно. Если бы я убил тебя прошлой ночью, моя коза была бы жива. Вот когда я принял неверное решение. Да,— подумал он,— все началось с того, что я лег с тобой в постель. Но в одном ты права: я в самом деле изменился. Но не так, как ты предсказывала».

Все гораздо, гораздо хуже, решил он.

«И тем не менее, мне все равно. На самом деле. Больше я уже не волнуюсь. После того, что было у вершины холма. Интересно, что произошло бы дальше, если бы я продолжал подниматься и достиг бы вершины? Потому что именно так, как нам кажется, умирает Сострадальный. И его триумф проявляет себя в конце великого звездного цикла...»

«Но,— подумал он,— если я Сострадальный, то я никогда не умру, даже через тысячу лет. СОСТРАДАЛЬНЫЙ БЕССМЕРТЕН».

Он снял трубку видеофона, чтобы позвонить жене. И замер.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Он медленно опустил трубку в гнездо, глаза его были устремлены в одну точку, снаружи. По пыльной серой земле что-то двигалось. Маленькое вздутие, холмик между двумя валунами. Животное, сказал он себе. Сердце бешено забилося, когда он понял, что произошло. Я знаю, что это, подумал он. Раньше я видел только в старых

фильмах, которые показывают по правительственному каналу.

Они же вымерли! Он быстро вытащил помятый экземпляр своего каталога Сидни, дрожащими пальцами принялся листать.

Жабы. (Буфониды) — Все разновидности — В. (вымерли).

Вымерли много лет назад. Самое любимое Вилбуром Сострадальным существо, наряду с осликами.

Но лягушек и жаб он любил больше всего.

Нужна коробка. Он порывлся на заднем сиденье, но ничего не нашел. Тогда он выпрыгнул наружу, поспешил к багажному отделению. В картонном контейнере хранился запасной топливный насос для мотора. Он вытряхнул насос, положил в коробку немного ветоши и начал медленно подкрадываться к жабе.

Жаба полностью сливалась с пылью вокруг. Может быть, она эволюционировала, приспособилась к новому климату, как это ей приходилось делать раньше. Если бы она не двигалась, он бы ее никогда не заметил, а ведь он сидел всего в метре от нее. Если вы находите животное, считавшееся вымершим, что происходит тогда? Такое бывает очень редко. И происходит что-то важное. Вроде почетного ордена, звезды от ООН. И премия. Награда, достигающая миллиона долларов. К тому же... он нашел самое дорогое Сострадальному существо. Боже, не может этого быть. Вдруг это только воздействие радиации на его мозг? И теперь я стал специалистом, подумал он. Что-то со мной случилось, как с недоумком Исидором и его пауком. Это все устроил Сострадальный? Нет, я сам. Это я нашел жабу. Потому что смотрел глазами Сострадального.

Он присел на корточки рядом с жабой. Она, загребая лапками, выкопала в пыли углубление. И над поверхностью теперь виднелась только верхушка головы и глаза. В глазах у жабы не тлело даже искры активности. Жаба не чувствовала его присутствия. Он с ужасом подумал, что она умерла. От жажды, наверное. Но ведь он видел, как она шевелилась.

Опустив картонную коробку, он начал осторожно сметать с жабы пыль. Жаба, кажется, ничего против не имела. Конечно, она не осознавала его присутствия.

Когда он поднял животное, то ощутил необычную прохладность. Тельце казалось сморщившимся и сухим и та-

ким прохладным, словно жаба жила в гроте, под поверхностью земли, где никогда не бывает солнца. Жаба зашевелилась. Упираясь задними лапками, она вяло попробовала освободиться, ускакать прочь. Большая, взрослая, опытная жаба, подумал Рик. Она смогла выжить там, где мы и не надеялись, что она выживет. А где она здесь находила воду, чтобы откладывать икру?

Значит, вот что способен увидеть Сострадальный. Жизнь. Там, где ее больше никто не видит. Жизнь, по самую голову тщательно закопавшуюся в труп мертвого мира. В самый пепел Вселенной. Даже здесь Сострадальный различает неприметные искры жизни. Теперь я понимаю, подумал он. И теперь, посмотрев на мир глазами Сострадального, я уже не могу остановиться.

У моей жабы андройды не отрежут лапу, как они это сделали с пауком недоумка-специала.

Он положил аккуратно перевязанную ветошью коробку на сиденье, сел за руль. Я как будто снова стал ребенком, подумал он. Тяжесть, монументальная давящая усталость вдруг покинули его. Погодите, вот только Иран об этом узнает. Он схватил трубку, начал набирать номер, потом остановился... Я сделаю сюрприз, подумал он. Всего тридцать-сорок минут, и я буду дома.

Он жизнерадостно запустил двигатель и свечой умчался в небо, в сторону Сан-Франциско, лежащего в семи сотнях миль к югу.

Иран Декард сидела перед своим стимулятором настраивания Пенфилда. Указательным пальцем она трогала циферблат набора кодов настройки. Она так ничего и не набрала. Она была слишком больна и разбита, ей все было безразлично. Тяжкое препятствие перекрыло путь в будущее, отсекая все вероятные пути. Если бы дома был Рик, он бы заставил меня набрать «3», подумала она, и тогда мне самой захотелось бы что-нибудь набрать, что-нибудь радостное, или важное, или, может быть, «888» — желание смотреть телевизор, любую передачу. А что сейчас по телевизору? Потом она опять стала думать, куда же пропал Рик. Может быть, он уже летит домой, а может, и нет, подумала она, ощущая, как каменеют суставы и кости.

В дверь постучали.

Отложив руководство по эксплуатации стимулятора настраивания, она вскочила. Теперь мне ничего не нужно на-

бирать, это Рик, подумала она. Она подбежала к двери и широко ее распахнула.

— Привет,— сказал он. Он стоял на пороге с порезанной щекой, в мятой и серой от пыли одежде. Даже рубашка пропиталась пылью. Руки, лицо — все было покрыто пылью, все, кроме глаз. Глаза сияли, как у маленького мальчика. У него такой вид, подумала Иран, словно он целый день играл на улице, и наступил теперь момент вернуться домой. Отдохнуть, умыться, рассказать о чудесах прошедшего дня.

— Как хорошо, что ты вернулся,— сказала она.

— Я что-то принес.

Двумя руками он держал картонную коробку. Как будто, подумала она, в ней хранилось что-то ломкое и слишком ценное, чтобы выпускать из рук.

— Я сварю тебе кофе,— сказала Иран.

На кухонной плите она нажала нужную кнопку и через минуту поставила на стол объемистую кружку. Не выпуская из рук коробки, он присел на стул. Выражение удивления не покидало его лица. За все годы совместной жизни она ни разу его таким не видела. Что-то произошло за это время, с тех пор, как он улетел ночью в неизвестном направлении. И вот он вернулся, с коробкой.

— Я хочу спать,— объявил он.— Буду спать целый день. Я позвонил Гарри Брайанту, он сказал, чтобы я взял свободный день. Именно так я и собираюсь сделать.— Он осторожно поставил коробку на стол и взял кружку с кофе.

Присев напротив, Иран спросила:

— Что у тебя в коробке, Рик?

— Жаба.

— Можно, я посмотрю?

Он начал разматывать ветошь и поднимать крышку, а она следила, как он это делает.

— Ой,— удивилась она, увидев жабу. Почему-то она испугалась.— Она не укусит?

— Возьми ее. Она не кусается. У жаб нет зубов.— Рик вытащил животное из коробки и протянул ей. Подавив испуг, она взяла жабу.— Я думала, они все вымерли,— сказала она и перевернула жабу животом вверх, с любопытством рассматривая лапки. Лапки казались слабыми и почти бесполезными.— А жабы могут прыгать как лягушки?

— У жаб слабые лапы,— объяснил Рик.— Это основная разница между жабой и лягушкой. И еще вода. Ля-

гушка держится около воды, а жаба может жить в пустыне. Эту я нашел на границе Орегона. Там, где все вымерло.— Он протянул руку, чтобы забрать у нее животное. Но Иран что-то заметила. Продолжая держать жабу вверх лапами, она ковырнула пальцем живот жабы и, поддев ногтем, открыла миниатюрную контрольную панель.

— Да.— Лицо Рика потемнело.— Да, понимаю. Ты права.

Совершенно подавленный, он посмотрел по сторонам, потом на поддельное животное. Он взял жабу у Иран, потрогал лапки, словно не зная, что делать... Словно он все еще не мог поверить. Потом он аккуратно положил электрожабу обратно в коробку.

— Как она могла оказаться в самой пустынной части Калифорнии? Я не понимаю. Кто-то там ее оставил. Разве теперь узнаешь...

— Наверное, не нужно было тебе показывать... что она электрическая.— Иран коснулась его руки: она чувствовала себя виноватой.

— Нет,— сказал Рик.— Я рад, что знаю правду.— Он помолчал.— Да, я предпочитаю знать...

— Включить стимулятор? Чтобы ты почувствовал себя лучше. Тебе стимулятор всегда помогал больше, чем мне.

— Я в норме.— Рик тряхнул головой: он еще не справился с ударом.— Паук, которого Сострадальный дал недоумку, тоже, наверное, был искусственный. Но неважно. Электрические создания тоже обладают какой-то своей жизнью. Какая бы жалкая она ни была.

— У тебя такой вид, словно ты прошел сто миль,— сказала Иран.

— Трудный был день, и очень длинный.

— Ложись, отдохни.

Словно пораженный громом, он смотрел на нее.

— Значит, все кончилось, да?

Он доверчиво ждал, что она скажет, словно его собственные слова больше ничего не значали.

— Да, кончилось,— сказала она.

— Боже, это было не задание, а марафон,— сказал Рик.— Стоило только начать, а остановиться не было никакой возможности. Меня несло вперед, пока я не покончил с Бейти. И тогда, вдруг, мне нечего было больше делать. И это...— Он помолчал, явно удивленный тем, что со-

бирался сейчас сказать.— Это было хуже всего. Закончив дело, я не мог остановиться, потому что если бы я остановился, то у меня не осталось бы ничего. Да, ты была права сегодня утром. Я всего лишь полицейский, грубый кот с грязными лапами.

— Но я больше так не думаю,— возразила она.— Я так рада, что ты вернулся. Вот и все.

Она поцеловала его, и лицо его прояснилось, почти как перед тем, как Иран обнаружила, что жаба электрическая.

— Ты думаешь, я неправильно поступил?— спросил он.— Что я не должен был делать то, что сделал?

— Нет, не думаю.

— Сострадальный сказал, что это неправильно, но я должен все равно это сделать. Иногда лучше сделать что-то неправильное...

— Это проклятие лежит на нас. О котором говорит Сострадальный.

— Пыль?— спросил он.

— Убийцы, настигшие Сострадального, когда ему было шестнадцать. Которые запретили ему обращать вспять время и воскрешать к жизни мертвое. И теперь он может двигаться только с жизнью, в ту сторону, куда движется жизнь — к смерти. А убийцы бросают камни, да, да, это они. Они его продолжают преследовать. Нас всех, собственно говоря. Это один из них порезал тебе щеку?

— Да,— слабо сказал он.

— Теперь ты ляжешь? Я поставлю стимулятор на «760».

— А что это будет?

— Давно заслуженный покой,— объяснила Иран.

Он с трудом поднялся с тяжелым, непроницаемым лицом, словно он побывал в легионе битв, приходивших и уходивших без конца, многие годы. Потом медленно отправился в спальню.

— Ладно,— сказал он.— Давно заслуженный покой и отдых.

И он растянулся на кровати. С волос и одежды на белые простыни упала серая пыль.

Иран увидела, что нет нужды включать стимулятор. Она нажала кнопку и окна спальни стали непрозрачными. Серый свет дня исчез.

Минуту спустя Рик уже спал.

Она некоторое время посидела рядом, убедившись, что

он не проснется, вдруг, рывком, как иногда по ночам, когда ему снилось что-то страшное. Потом она вернулась на кухню, снова села за стол.

Рядом прыгала и шелестела внутри картонки электрожаба.

«А что она «ест»? Какие могут случиться неполадки?» — подумала Иран. Наверное, искусственных мух, решила она.

Открыв телефонную книгу, она нашла подзаголовок «Электроживотные». Потом набрала номер и, когда ей ответили, спросила:

— Могу я заказать у вас фунт искусственных мух, которые летали и жужжали бы, как настоящие?

— Это для электрочерепахи, мэм?

— Для жабы, — сказала Иран.

— Тогда могу предложить вам разнообразный ассортимент ползающих и летающих насекомых всех видов, включая...

— Мух будет достаточно, — отказалась Иран. — Вы доставите? Я не хочу выходить из дому. Мой муж спит, и я хочу, чтобы он как следует отдохнул.

— Для жабы я порекомендовала бы так же и лужицу с автоматическим наполнением, — посоветовала продавщица. — Если только это не рогатая жаба. В этом случае мы могли бы предложить набор из песка, разноцветной гальки и частиц органического мусора. И если вы собираетесь проводить циклы питания регулярно, то наш робот выполняет регулировку языка жабы. Для жаб это жизненно важно.

— Превосходно, — сказала Иран. — Я хочу, чтобы наша жаба работала идеально. Мой муж очень к ней привязан. — Она дала адрес и повесила трубку.

И, сразу почувствовав себя лучше, сварила и себе чашку черного кофе.

Роберт Сильверберг

ЖИТЬ СНОВА

Посвящается Демону и Кэт Кнайт.

«Есть успокоение в том, что хотя слабый и может лишить человека жизни, даже сильному не дано забрать у человека смерти: Господь не уступит ему этого права, он не приемлет убогости вечного во плоти, и в этом есть его бессмертие».

Сэр Томас Браун «Религия Медичи».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ламаистский монастырь одиноко возвышался на плоскогорье, которое раскинулось с той стороны Золотых ворот, которая была ближе к Мейрин Каунти. Чувствуя легкое покалывание в левой икре, Джон Родитис вышел из машины возле небольшой бетонированной площадки и, потянувшись, поглядел на отражающееся в зеркале воды желтое строение, гладкое, без окон, невыразимо святое, как жизнь анахорета. Был на редкость жаркий день. Все четыре дня визита Родитиса в Сан-Франциско стояла необыкновенная жара. Жаркая погода в психологическом аспекте не волновала Родитиса, она лишь закаляла его. Но когда жара являлась не словом, не метафорой, а золотым огненным глазом, смотрящим с неба, ему страшно хотелось включить кондиционер.

У него не было возможности до такой степени менять внешние условия. Пока не было. Ведь нельзя определить границы возможностей человека, в котором сосуществуют несколько личностей.

Родитис махнул в сторону ламаистского монастыря.

— Я надеюсь там попрохладнее, а?

— Может быть, — сказал Чарльз Нойес. — Гуру тебя остудит.

Родитис усмехнулся шутке своего спутника:

— Все еще пользуешься античным слэнгом?

— Не я. Это Кравченко.

Когда Нойес произнес имя личности, которая делила с ним его тело, его улыбка превратилась в гримасу, и он вцепился в полированный парашют, возле которого стоял. Его длинное тело изогнулось. Локти задрожали и прижались к бокам.

— Ненавижу его! Ненавижу! — прохрипел Нойес.

— Сотри его,— предложил Родитис.— Ты же знаешь, я не могу!

— Когда неуправляемая личность угрожает целостности хозяина, она должна быть уничтожена,— резко сказал Родитис.— Если бы Козак доставил мне хотя бы малейшее беспокойство, я бы вышвырнул его через минуту, и он это знает. Или Уолш. Любой из них. Я не могу позволить себе иметь сумасброда в голове. Разве не так?

— Остановись, Джон.

— Я просто апеллирую к здравому смыслу.

— Кравченко не любит этого. Мне тяжело.

Нойес резко убрал руку с парапета.

— Он борется со мной. Он пытается говорить.

— Ты дождешься,— сказал Родитис,— что он станет зомби и выгонит тебя из твоего собственного тела.

— Но сначала я убью и его и себя!

Родитис ухмыльнулся.

— Ты становишься неуравновешенным, ты осознаешь это? Если бы я не был к тебе так привязан, я просто плюнул бы на тебя. Давай! Пошли в машину. Нельзя заставлять холодного гуру долго ждать, а не то он станет слишком горячим под своей тогой. Или что он там носит.— Родитис усмехнулся, открыл дверцу автомобиля и оттащил Нойеса от парапета. Произошла небольшая задержка, пока Нойес боролся за контроль над своим телом. Но затем Родитис впихнул компаньона в машину, сел рядом и захлопнул дверь.

— Заканчивай путь по программе,— сказал Родитис автомобилю.

Генератор загудел и автомобиль, выехав с площадки, развернулся и направился к турникетам. Знак, висящий над рядами турникетов, подсказывал текущую плату за проезд по дороге: 83 цента. Когда они проезжали через турникет, произошел короткий обмен информацией между компьютерами автомобиля и турникета, и нужная сумма была автоматически снята со счета Родитиса в Центральном банке. А машина помчалась вперед, через старинный мост в желтой башне ламаистского монастыря.

В прохладной глубине машины Родитис вытер пот со своего морщинистого лба и озабоченно поглядел на спутника. Его все больше беспокоил Нойес, на которого становилось все рискованнее полагаться. Было бы жаль рас-

статься с Нойесом, после стольких лет плодотворных отношений.

Они встретились в колледже девятнадцать лет назад. Их роли тогда были совершенно противоположными: Нойес был в колледже лидером, высокий и напористый, настоящий англо-сакс, со светлыми волосами и голубыми глазами. Семь поколений его высокопоставленных предков принадлежали к высшей касте; в то время как Родитис — сын эмигранта-сапожника, был невысоким, полным, темноволосым студентом, в общем никем. Но Нойес имел талант транжирить свои многочисленные достоинства, а Родитис очень умело использовал то малое, что он имел. Союз между этими людьми, такими непохожими друг на друга, возник быстро и надолго. Теперь Родитис контролировал целую империю, а Нойес был лишь одной из спиц в этом огромном колесе. Бедный Нойес. Он не мог справиться со своим здоровьем, со своей красавицей женой, и даже его трансплантат причинял ему беспокойство. Родитис презирал покровительство по отношению к кому угодно, но юношеская привязанность к другу не позволяла ему бросить Нойеса в тяжелый момент. Грустно, очень грустно.

Автомобиль мягко остановился на посыпанной гравием стоянке рядом с ламаистским монастырем. Мужчины вышли из машины. Казалось, что на этой стороне моста температура по крайней мере на десять градусов выше. «Тепло отражают полированные стены монастыря», — подумал Родитис. Он взглянул вверх и почувствовал как Антон Козак внутри него среагировал положительно на элегантную простоту архитектуры. Родитис стал бесконечно больше понимать проблемы эстетики после вселения в него личности Козака. Для некоторых казалось странным, что такой бизнесмен как Родитис выбрал в качестве второго трансплантата звукового скульптора, но Родитис знал что ему нужно. Он собирал пакет личностей как иной другой — пакет акций, понимая, что широкий спектр знаний позволит ему увеличить и без того немалый капитал.

— Тебе лучше? — спросил Родитис.

— Гораздо, — ответил Нойес.

— Глубоко спрятал Кравченко?

— Думаю, да. На сегодня ему хватит.

— Если что случится пока мы здесь, попроси гуру помочь тебе. Я уверен, он покажет нам несколько элементарных образчиков экзорцизма.

Уже у самого здания Нойес ответил:

— Я думаю, это не понадобится, Джон.

Сенсоры нашли их. Так как гостей давно ждали, высокие готические двери открылись. Внутри было темно, прохладно и все располагало к размышлениям. Родитис различил силуэты одетых в шафрон монахов, снующих взад и вперед под арками, расположенными в глубине здания. В строительство этого здания была вложена огромная куча денег, и деньги вложили самые известные семейные кланы. Говорили, что Пол Кауфман выложил свыше миллиона долларов. Было даже смешно представить, что богатый еврей внесет так много денег в фонд строительства Буддистского монастыря, хотя Кауфман был не менее правоверным иудаистом, чем все эти монахи — ортодоксальными буддистами. И чем был миллион для Пола Кауфмана? Хитрый старый банкир знал, что делал. Родитис видел в Кауфмане родственную душу. Сам он достиг богатства слишком поздно, чтобы участвовать в фонде строительства этого монастыря, но сейчас он приехал сюда с альтернативными предложениями и, как он считал, у него на это были те же причины.

Из недр здания вышла два бритоголовых монаха. Они сделали соответствующие жесты: покачивая мандалами, дотронулись до святых точек своих тел и мягко пробормотали приветствия. Родитис бросил взгляд на Нойеса. Тот казалось, был так испуган, как будто стоял в дверях тронного зала самого Господа. Было время, когда Родитис даже завидовал способности Нойеса выказывать такое правдоподобное уважение чему-либо, в отличие от безразлично-добропорядочного выражения игрока в покер, которое обычно было на лице у него самого. Но сейчас Родитису начало казаться, что Нойес совсем не притворяется, и что за эти беспокойные годы Чак вполне мог превратиться в верующего. И не такие странные вещи иногда случались.

— Гуру вскоре присоединится к вам,—сказал один из монахов.— Не снимете ли вы свои мирские одежды и не присоединитесь ли к нам в нашей молитве?

Он указал на комнату, где они могли переодеться.

Внутри Родитис снял свою пропотевшую рубашку и тщательно вытряс ботинки. Его тело в тридцать семь лет было мускулистым и плотным — твердая пуля из плоти, которая неуклонно двигалась по назначенной ей траектории. Нойес, который был его ровесником, все еще сохранял

видимость сухопарой грации, но это была иллюзия. Под одеждой скрывался растущий живот и слабеющие мышцы бедер. Подобные недостатки тела являлись для Родитиса симптомами разложения воли. Он строго судил людей в этом отношении.

Одетый, наконец, в свободные одежды и мягкие сандалии, Родитис сказал:

— Так значительно удобнее. Если бы люди были умнее, они ходили бы только в такой одежде.

— Это было бы непрактично.

— Да, — согласился Родитис. — Это привело бы к излишней расслабленности. К смягчению борьбы. Нам ждать их здесь, или они придут за нами?

— Наверное придут, — ответил Нойес.

В комнате не было никакой мебели, за исключением двух скамеек, на которые они положили свою мирскую одежду. Стены были из какого-то блестящего темного камня, может быть, из черного мрамора, а может, из оникса. «Если оникс вообще существует в таком количестве», — подумал Родитис. На каждой стене были надписи, выполненные золотыми буквами. Одна из них, рядом с Родитисом, гласила:

«Если до сих пор Вы были глухи к учению, прислушайся к нему сейчас! К Вам придет всепоглощающее желание испытать то, что вы ощущали в прошлом, и что из-за недостатка органов чувств Вы не можете ощущать сейчас. Желание второго рождения все более и более довлеет над Вами, оно становится для Вас сущей пыткой. Это желание уже полностью овладевает Вами, однако Вы еще не полностью отдаете себе отчет в том, чего Вы желаете, но чувствуете это как острую жажду, которая иссушает Вас, как будто Вы идете по раскаленным пескам пустыни. Где бы Вы не пытались остановиться и отдохнуть, перед Вами возникают огромные и ужасные призраки. Некоторые имеют головы зверей и человеческие тела, некоторые имеют вид гигантских птиц с огромными крыльями и когтистыми лапами. Их вой и дикие крики гонят Вас дальше, затем Вас подхватывает и уносит страшная буря, а демонические призраки продолжают преследовать Вас. Не находя себе места, Вы ищете безопасного укрытия.»

Они читали в тишине. Родитис наконец сказал:

— Потратить такую кучу золота на эту глупость... Узнаешь?

— Конечно, это Бардо Тедел.

— Угу. Старая добрая книга Мертвых, а? Поток откровений прямо из Гималаев.

Нойес указал на надпись напротив входа.

— Что ты думаешь об этом?

Родитис повернулся и, напрягая зрение, прочел:

«Тот, кто не видит различий, чей ум неустойчив и сердце не чисто, никогда не достигнет цели, но возродится снова. Тот же, кто может различать, кто стоек умом и чист сердцем, достигнет цели и более не возродится».

— Это самая настоящая пропаганда нирваны,— сказал Родитис со скукой в голосе.— Разложение. Я думал, что они не станут проталкивать эту концепцию на Запад.

— Если они не будут придерживаться ортодоксальной теории, они не смогут существовать,— сказал Нойес, как бы оправдываясь.

— Почему? Мы адаптировали всю эту восточную ерунду для наших собственных целей. А наши цели все не включают в себя нирвану. Раствориться в космосе? Больше не рождаться? Это не наша цель. Жить снова — вот чего мы хотим. Снова, снова и снова. А тогда зачем все это?

— Они считают себя наследниками Восточного мистицизма,— сказал Нойес. Конечно же для Западного прагматизма он смешон. Для них последующее рождение нежелательно, а высшей целью является освобождение от колеса существования. Правильно?

— Да. Для них, а не для меня.

Вошел монах.

— Гуру ждет вас,— пробормотал он.

Родитис, скользя по гладкому каменному полу сквозь клубы благовонного дыма, пошел к выходу. Над самой дверью он обнаружил еще одну надпись, выложенную золотыми буквами:

«Человеку положено умереть хотя бы один раз».

Да,— подумал он — хотя бы один раз — это точно. Но много раз возродиться. Он почувствовал в себе теплое присутствие Антона Козака и Элио Уолша, которые жили снова, потому что он выбрал их личности из банка душ. Охотились ли они за сладким забвением нирваны? Конечно, нет! Они купили себе время, которое провели в ожидании, а теперь опять ходят по земле, пассажиры делового, собранного, активного разума. Родитис предпочитал оставить

нирвану буддистам. Он больше уважал Западную версию учения.

Гуру был похож на продавца автомобильных запасных частей, который изъездил весь мир. Его бритый череп и шафроновые одежды не могли скрыть грубые, земные американские черты: выступающий подбородок, резко очерченные губы, блестящие, немного навывкате глаза, выпуклый лоб. Он был угловатым, ниже и плотнее чем Родитис, в возрасте около шестидесяти лет, хотя нельзя было утверждать это с уверенностью. Две единственные морщины, украшавшие лицо этого святого человека, вовсе не старили его. Недавно выбритый череп был гладким и розовым. На макушке красовалась странного вида шишка.

Взяв руку Родитиса своей левой рукой, а руку Нойеса — правой, гуру произнес благословение и пожелал им обоим многих жизней. Родитису это понравилось. Он не желал отправляться в нирвану, в то время как доступны были новые жизни.

— Пройдем в мой кабинет? — предложил гуру.

Стены были украшены отвратительными на вид барельефами Тибетских свитков. Родитис оглядел их с неодобрением. Внутри него Антон Козак обрадовался, а Элио Уолш, старый материалист, высказал свое неодобрение даже активнее, чем сам Родитис. В комнате стоял стол, на котором, нарушая общую религиозную атмосферу, стоял телефон с видеопередающим устройством. Рядом с телефоном лежала книга в дорогом кожаном переплете. Гуру, с улыбкой заметив заинтересованный взгляд Родитиса, дал книгу ему в руки:

— Это бесценное первое издание, — сказал святой человек, — оригинальный перевод Бардо Эванса-Венца, 1927 год. Очень редкая книга.

Родитис осторожно погладил книгу рукой. Ее кожаный переплет вызвал у него какое-то трепетное чувство, почти наслаждение. Осторожно открыв ее, как бы ожидая, что из нее выпадут страницы, он оглядел знакомый текст с его многочисленными длинными вступлениями и бесконечным перечнем глав. Он открыл первую часть «Чихан Бардо». «Все что позволяет лицедреть реальность в промежуточном состоянии: ниспослание слуха для находящегося в послесмертной плоскости, как говорит глубокая доктрина освобождения, этого состояния можно достигнуть только посредством медитации». Родитис знал, что это глупость,

и Элио Уолш был с ним совершенно согласен, в то время как Козак ответил мягким раздражением. На другом уровне своего сознания Родитис заметил, что, несмотря ни на что, это была полезная глупость.

Как эта ерунда с заснеженных вершин страны яков смогла стать учением для Американцев — очень сложный вопрос, но это произошло, и Родитис, благодаря своим многочисленным личностям, нашел компромисс, он принимал и отвергал одновременно.

— Красивая книга,— сказал Родитис.

— Это подарок Пола Кауфмана,— ответил гуру.— Одно из его многочисленных подношений нашему заведению. Его потеря воистину велика.

— К счастью, только временная,— заметил Родитис.— Пройдет немного времени и трансплантат его личности найдет своего хозяина.

— Думаю, что это произойдет скоро.

— Да?— Родитис напряженно подался вперед.— Что вы об этом знаете?

Гуру, казалось, напугала настойчивость Родитиса.

— Ничего определенного. Но он мертв вот уже несколько месяцев. Семейный траур прошел. Конечно давно обработали данные личности Кауфмана и решение скоро будет. Так мне кажется. Но мне никто ничего не говорил.

Расслабившись, Родитис посмотрел на недовольное лицо Нойеса. Он знал, что поступил плохо, высказываясь в такой форме. Слишком плохо. Нойес был лучше воспитан, но ему и не нужна была личность Пола Кауфмана. Иногда можно получить стратегическое преимущество, лишь заметив как бы случайное движение рук. Пусть гуру знает, чего он добивается. Это не повредит.

— Кауфман был великим человеком и великим банкиром. Я даже не знаю, каким талантом его личности я восхищаюсь больше,— сказал Родитис.

— Да, это был величайший человек. Он столько помогал нам и иногда лично присутствовал на наших церемониях. Мы будем молиться?

Двое одетых в сандалии монахов вошли в комнату. Родитис услышал тихое чтение мантры: «Ом мани падме хум». Рядом с ним ее начал повторять Нойес. Родитис произвольно последовал их примеру. Говорят, в этой формуле сконцентрирована квинтэссенция счастья, процветания и знания, а также великие пути к освобождению.

Это освобождение, которого Родитис отнюдь не добивался: нирвана, забвение. В действительности никто не искал этого, разве что в самой Индии, где повторное рождение означало новые мучения на колесе кармы. Кому нужно освобождение от существования? Сначала человек искал пропитание, затем силу, затем власть, а потом — долгую жизнь. Он захотел повторную жизнь, чтобы снова испытать весь цикл. «Ом мани падме хум». Родитис принимал участие в молитве, но вовсе не желал, чтобы она исполнилась, и у него были подозрения, что среди всех собравшихся только Нойес считал по-другому.

Религиозная интерлюдия закончилась. Настало время поговорить о деле.

— Я очень рад, что вы решили навестить нас, мистер Родитис. — Будничным тоном сказал гуру. — Некоторые, гораздо менее важные люди, чем вы, не появляются здесь даже для передачи своих пожертвований.

Родитис пожал плечами.

— Я давно хотел посетить это место. А так как я все равно должен был поехать в Сан-Франциско...

— Надеюсь, путешествие было удачным?

— Чрезвычайно. Мы подписали контракт на разработку всего Телеграф Хилл. Через пять лет на вершине этого холма будет стоять небоскреб высотой в сто этажей — самое большое сооружение из всех где-либо построенных с 96 года. Это будет штаб-квартира Тихоокеанского филиала Родитис Секьюритис.

— Я хочу благословить это предприятие, — сказал гуру.

— Конечно, конечно.

— Несомненно в более скромных масштабах, но мы здесь имеем и свою программу строительства, мистер Родитис. Не хотите ли посмотреть наши проекты?

Они прошли через ворота из обожженной бериллиевой стали и вошли в просторный полукруглый сад, глубиной несколько сот ярдов. С тыльной стороны сада были посажены преимущественно голубые цветы — дельфиниумы, люпины, выюнки и некоторые другие, причем все они были окружены высокими зарослями глицинии, разбросавшей свои усы во все стороны. С многочисленных побегов глицинии свисали каскады цветов. Ближе были расположены менее пышные цветы, и вскоре Родитис понял, что весь сад имел форму огромного мандала, окружности в окружно-

стях, магическое обозначение высшей степени торжественного звучания. Эта мысль пришла от Козака, сам Родитис не видел этой взаимосвязи.

За садом лежал необработанный каменистый участок склона холма.

— Здесь будет наша трапезная, — сказал гуру. — А вот здесь — библиотека. Вон там, возле моста, мы хотим построить информационный центр для еще не примкнувших к нашей вере. А в этом месте, чуть левее, мы создадим свой банк душ.

— Ваш собственный банк душ? — Да, для хранения личностей умерших членов нашего многочисленного ордена. По понятным причинам мы не можем позволить, чтобы личности наших людей попали в общий банк. Мы должны сохранять контроль над каждой реинкарнацией. Вот поэтому мы и решили смонтировать здесь у себя полную установку для процесса Шеффлинга и проводить все стадии процесса повторного рождения.

— Но это будет стоить огромных денег! — сказал Родитис.

— Совершенно верно.

— Когда вы собираетесь построить все это? — спросил Нойес.

— В ближайшие несколько лет. Конечно же, это зависит от денежных поступлений. Хотя уже сейчас мы имеем основное оборудование для опытной установки. К тому же мы получали довольно солидные пожертвования от Пола Кауфмана, а его молодой племянник Марк, кажется, собирается делать то же самое.

— Марк. О, да. — При упоминании о враге Родитис напрягся. — Несомненно. Марк Кауфман чрезвычайно благородный человек.

— Очень благородная семья, — сказал гуру.

— Да, да, вполне. Они понимают долг богатых людей перед обществом, которое дало им это богатство. Так же как и я, — добавил Родитис секундой позже. На лице Нойеса появилось явное неудовольствие. Родитис катал камешки подошвой своего ботинка. Богатый человек не нуждается в утонченных выражениях, за исключением тех случаев, когда утонченность приносит доход.

Они получили все сполна. Им вручили редкие Тибетские манускрипты, молитвенные колеса и другие вещи. Они посетили молодых дам в их кельях. Им дали образцы

монастырских публикаций, которые подводили солидный базис под современный материалистический культ повторного рождения. Нойес нервничал, а Родитис спокойно следовал за гуру, задавая вопросы, кивками выражая согласие, показывая неподдельное внимание и полное спокойствие.

Тени удлинились. Сумерки поползли по континенту. Гуру ни о чем не просил, а Родитис не предлагал. Наконец они снова вернулись в кабинет гуру для прощания.

— Пусть желания вашего сердца исполнятся,— сказал гуру,— что бы вы ни пожелали. В праве ли я предположить, что человек вашего положения даже сейчас имеет какие-либо неосуществленные желания?

— О да, и множество,— засмеялся Родитис.

— Я не сомневаюсь, что некоторые из них скоро осуществятся.

— Спасибо вам,— сказал Родитис.— Я так благодарен, что вы уделите нам так много вашего драгоценного времени. Этот визит я запомню надолго.

— Мы рады,— сказал гуру. Молодой монах с худым лицом провел их в комнату, где они оставили свою одежду. Они оделись и вышли из ламаистского монастыря молча. У Нойеса, видимо, сильно разболелась голова. Вероятно, в его черепе снова разбушевался старина Кравченко.

Они сели в машину.

— Утром,— сказал Родитис,— переведи на их счет миллион долларов.

— Так много?

— Кауфман дал им миллион, а может и больше, не так ли? Разве я могу дать им меньше?

— Но ты не Кауфман,— заметил Нойес.

— Пока нет,— ответил Родитис.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ризе Кауфман было шестнадцать лет, вполне достаточно для первой трансплантации личности. Она созрела, в отношении процесса Шеффлинга, тремя месяцами раньше, в январе. Но в это время умер старый дедушка Пол и было не совсем удобно поднимать вопрос о трансплантации. Прошло время. Черные повязки убрали в шкаф, равнины перестали их беспокоить и жизнь семьи стала возвра-

щаться в нормальное русло. Разговоры о трансплантации кажется так и витали в воздухе. Все в семье были обеспокоены — кому достанется старина Пол. В ее присутствии об этом старались не говорить, считали еще ребенком, но она обо всем знала. Ее отец опасался, что Пол достанется Джону Родитису. Это было бы забавно, думала Риза. Это послужило бы им уроком за то, что они обижали маленького грека. Но Риза, без сомнения, знала, что её отец будет драться как черт, чтобы уберечь личность Пола Кауфмана от Родитиса.

При этой мысли она хихикнула. Расстегнув пуговицу на плече, она сбросила платье и обнаженная вышла на широкий балкон.

В тысяче футах внизу сумасшедшие мелькали и кружились автомобили. Но здесь, на девяносто пятом этаже, было тихо и спокойно. Апрельский воздух был прохладен, чист и свеж. По ее телу скользили утренние солнечные лучи. Подняв руки, она потянулась и глубоко вздохнула. У нее не кружилась голова, когда она глядела вниз, даже если при этом, как сейчас, перегибалась через перила. Она подумала о том, как отреагирует какой-нибудь прохожий, если посмотрит вверх и увидит лицо и голую грудь Ризы Кауфман. Но никто не смотрел вверх, к тому же, на таком большом расстоянии различить что-либо было невозможно. Во всей округе не было другого такого высокого здания, чтобы ее можно было увидеть оттуда. Она могла стоять так, абсолютно голая, сколько угодно, не боясь быть замеченной посторонними. И все же ей хотелось, чтобы ее кто-нибудь увидел. Например, пилот низко летящего вертолета начал бы кружить, увидев, что по балкону расхаживает обнаженная девушка.

Риза засмеялась. Этот дом был частью владений Пола Кауфмана. Когда они оформят завещание, все перейдет к ее отцу — племяннику Пола и основному наследнику. А когда-нибудь, — подумала Риза, — это здание будет моим.

Она расправила волосы и они заколыхались от утреннего ветерка.

Риза была высокой девушкой, ростом около шести футов, у нее было стройное, немного угловатое тело, черные волосы, блестящие черные глаза и, как она считала, смитский нос. Ей нравилось представлять себя йеменской еврейкой, беспокойной дочерью пустыни, прямым потомком рода Авраама и Сары.

Она и впрямь была похожа на принцессу бедуинов, но упрямая генеалогия настаивала на том, что линия Кауфманов вела в Лондон двадцатого века, а оттуда — в Киев девятнадцатого, где и терялась в безымянной русской крестьянской глубинке. Тем не менее, она продолжала цепляться за свою романтическую фантазию.

Она начала делать наклоны, доставая пальцы ног, не сгибая колен. Хоп. Хоп. Хоп. Она могла повторять это упражнение сотни раз, если бы захотела. Ее маленькие груди вздрагивали и раскачивались, когда она двигалась, вниз, вверх, вниз, вверх. Риза гордилась тем, что у нее такая маленькая грудь, хотя пышные бюсты снова начали входить в моду. Она довольно часто ходила нагишом, а в таком костюме, считала она, маленькие девичьи груди выглядят более симпатично, чем большие. Конечно же со временем они могли бы стать и больше, но она сомневалась в этом. С тех пор, как ей исполнилось четырнадцать, у нее не увеличился ни рост, ни размер груди, ни что-либо другое. Хоп. Хоп. Она легла на балконе, прижавшись к холодной плитке спиной и ягодицами и резко подняла ноги вверх.

Было бы интересно узнать, подумала она, как ощущают себя женщины с большой грудью. Узнать бы, как они таскают все это мясо на своих ключицах. Риза мысленно отметила про себя попробовать какую-нибудь грудастую потаскуху, когда ей будут предлагать кандидатуры для ее первой трансплантации. Исследовав ее память, она узнает все ощущения женщины с большой грудью, а ей самой во-все не надо будет носить на себе весь этот груз.

Но когда же у меня будет трансплантация?— Это был щекотливый вопрос. В шестнадцать лет она была физически достаточно зрелой для процесса Шеффлинга, но юридически не самостоятельна в принятии решения. Необходимо было согласие отца. В прошлом году, когда Риза решила, что настало время расстаться со своей невинностью, было значительно проще — она попросту села на ближайший самолет в Канны, нашла первого попавшегося смазливового мальчишку и отдалась ему. Но если бы она пошла в банк душ без соответствующего на то разрешения, то ее просто вышвырнули бы оттуда, независимо от того, какую фамилию она носит.

Она оглянулась и увидела, что за стеклянной дверью между комнатой и балконом двигаются какие-то фигуры.

Риза встала на ноги. К ней шел ее отец, а с ним его подружка Елена Вольтерра, итальянка. Улыбнувшись, Риза прислонилась к стене и стала ждать их появления.

Ее отец был в пестром деловом костюме, очень модном и элегантном. Длинные черные волосы были зачесаны так, что лишь подчеркивали его грубые черты: острые углы скул, выдающийся подбородок и крючковатый нос. Но, несмотря на весь этот набор углов и плоскостей, которые, вместе взятые, составляли его лицо, Марк как-то ухитрялся быть привлекательным. Риза отчаянно его любила, и, конечно, они оба об этом знали и скрывали это, что есть силы. Его глаза лишь мельком скользнули по угловатой фигуре дочери.

— Хочешь посетить больницу?— спросил он. — На этой широте в апреле еще рановато принимать солнечные ванны.

— Здесь достаточно тепло, Марк,— сердито ответила она.

— Надень что-нибудь.

— Зачем, если мне не холодно?

— Хорошо,— сказал Марк.— Не надо. Но я не буду с тобой говорить. По крайней мере, пока ты голая.

— Это не демократично, Марк. Когда ты установил табу на наготу?

— Это вовсе не табу, Риза. Я просто забочусь о твоём здоровье. Должен же я проявлять заботу о твоём здоровье, а? К тому же...

— Хорошо,— согласилась Риза.— Давай поговорим в комнате.

Обнаженная, она прошествовала мимо них через застекленную дверь и уселась в абстрактной формы кресло из вспененного пластика рядом с большим зеркалом, обхватив руками поднятое колено. Она перевела взгляд со своего отца на Елену, которая была явно раздражена ее поведением. Хорошо. Пусть себе кипит. У Елены было именно такое тело, о котором она размышляла совсем недавно. Плотное. Даже лишком. Полные бедра, толстые ноги, высокая и объемистая грудь. И одевалась она так, чтобы подчеркнуть свои прелести. Риза не завидовала фигуре любовницы отца. Обычно Елена носила корсет и различного рода подтяжки, что давало возможность ее формам производить надлежащий эффект, но Риза хорошо помнила ту вечеринку на пляже, когда все они купались

нагишом, и бедная Елена так ужасно трясла своими телесами. Ее тело было приспособлено либо для кровати, либо для открытого официального платья, но отнюдь не для прогулок в голом виде. Риза спрашивала себя:— если бы Елена завтра умерла, взяла бы она ее личность для трансплантации? Вряд ли. Да и Елена не расстроилась бы, узнав, что Риза не хотела бы иметь ее в своей голове даже временно.

Марк и Елена вернулись в комнату. Риза засмеялась. В этом раунде она получила дюжину очков. Ее отец пришел сюда вместе с Еленой потому, что знал, что она будет раздражена, увидев их вместе, но он обнаружил ее абсолютно голой. Это разозлило его, так как разбудило в нем неконтролируемые импульсы и, следовательно, поставило его в неловкое положение перед Еленой. Поэтому он и завел разговор о пневмонии и открытом воздухе. А она подчинилась и вошла в комнату, но осталась голой, объединив таким образом бунт и провокацию. Марк тоже улыбнулся, он убедился, что дочь его переиграла, и не мог не порадоваться за нее.

Его комнаты находились этажом ниже. Она оставила для него записку с просьбой подняться к ней, когда он вернется домой обедать.

— Я хотела поговорить только с тобой, Марк,— сказала она.

— Ты можешь говорить в присутствии Елены. Она почти член нашей семьи.

— Странно. А на похоронах дяди Пола я ее не видела.

Марк скривился. Риза попала в слабое место. Она вдохновенно портила отношения с Еленой, и та уже была на пределе!

— Я рассчитывала поговорить с моим отцом наедине,— сказала Риза.— А коль уж вы пришли вдвоем, мне не хотелось бы встречать между вами, и...

Марк, сдавшись, пожал плечами. Елена так фыркнула, что пудровая грудь в ее декольте заколыхалась. Виляя бедрами, она покинула комнату.

— Ну, теперь ты наденешь что-нибудь?— спросил Марк.

— Мое тело беспокоит тебя, Марк?

— Риза, у меня сегодня было тяжелое утро и...

— Хорошо, хорошо.— Она знала, как уступить ему. Подбрав халат, она завернулась в него, и вежливо предложила отцу поднос с напитками. Он выбрал одну из кап-

сул и приложил ее к своей руке. Сама она не колеблясь выбрала золотой ликер, введя его себе с большим умением. Риза поежилась, когда ультразвуковая игла ввела благодатную жидкость в вену. Она внимательно посмотрела на отца. Он был сильно обеспокоен, весь в напряжении — без сомнения, это Родитис. Хотя, может это были просто сложности с завещанием дяди Пола.

— Мне кажется, ты знаешь, о чем я хочу тебя попросить, — сказала она.

— О летней поездке на Марс?

— Конечно же, нет.

— Тогда...

— Ну ты же знаешь.

— О твоей трансплантации? — улыбнулся он.

— Да, о трансплантации, — ответила Риза. — Мне уже шестнадцать. Похороны дяди Пола давно прошли. Я хочу пройти через это. Могу я получить твое согласие?

— Почему ты так торопишься, Риза? У тебя впереди сколько угодно времени, чтобы получить новую личность.

— Вот я и хочу ее получить. Сколько тебе было лет, когда ты получил первую?

— Двадцать, — сказал Марк. — И это было ошибкой. Мне пришлось уничтожить ее. Мы не подошли друг другу. Можешь ли ты представить себе, Риза, что, несмотря на тщательное анализирование и опробирование, я получил личность пещерного антисемита? Конечно же, пробудившись в теле еврея, он чуть не сошел с ума.

— Как ты подобрал его?

— Это был человек, которым я восхищался. Архитектор, один из самых великих зодчих. Мне нужно было его умение планировать. Но вместе с его знаниями я получил и его слабости, и после трех месяцев ада для нас обоих я его стер. Прошло несколько лет, прежде чем я осмелился взять новый трансплантат.

— Да, похоже тебе немного не повезло, — сказала Риза. — Но мы отклонились от темы. Я достаточно взрослая для трансплантации. С твоей стороны было бы неразумно отказать мне в согласии. У нас есть на это средства, я психически уравновешенна и так далее. Ты просто не хочешь разрешить мне, а я не могу понять почему.

— Потому, что ты еще очень молода! Посмотри, Риза, ведь шестнадцать лет, это, кроме всего прочего, легальный

возраст для замужества, но если бы ты ко мне подошла и сказала, что хочешь...

— Но я же этого не сделала. Трансплантация и замужество — разные вещи.

— Это гораздо более интимная вещь, чем замужество,— сказал Марк.— Поверь мне. Ты не просто будешь с кем-то делить кровать. Тебе придется делить с кем-то свою голову, Риза, и ты не можешь представить, насколько это интимно.

— Вот я и хочу это понять,— сказала она.— В этом-то и вопрос. Я очень хочу этого, Марк. Наступило время разделить с кем-то свою жизнь, время все попробовать. Но тут, как Моисей, встаешь ты и говоришь «нет».

— Честно говоря, я думаю, что ты еще слишком молода. Ее глаза сверкнули.

— Я переведу это за тебя, дорогой мой. Ты хочешь, чтобы я оставалась девочкой потому, что при этом ты сам чувствуешь себя моложе. Пока я для тебя маленькая девочка, твои временные рамки остаются неизменными. Если мне восемь лет, то тебе тридцать два и тебя это устраивает. Но мне уже шестнадцать, Марк. А тебе за сорок. Я не могу заставить тебя понять второе, но я хочу, чтобы ты прекратил отрицать первое.

— Ты сегодня жестокая, Риза.

— Я хочу быть сегодня голой. Физически и эмоционально. Я не хочу ничего скрывать.— Риза нехотя выбрала для себя вторую капсулу с ликером, потом, как бы вспомнив, предложила поднос отцу. Поднеся капсулу к своей бледной коже, она спросила:

— Ты подпишешь согласие?

— Давай отложим это до июня. Сейчас так беспокойно на рынке...

— На рынке всегда беспокойно, во всяком случае, это не имеет никакого отношения к моей трансплантации. Сегодня 11 апреля. Если ты не согласишься, то к 11 января у меня будет внебрачный ребенок.

У Марка перехватило дыхание:— Ты беременна?

— Нет. Но буду через три часа, если ты не подпишешь согласие. Если я не смогу испытать трансплантацию, то я испытаю беременность. И скандал.

— Ты сумасшедшая!

Она испугалась, что зашла слишком далеко. Ведь это была прямая угроза, а Марк в таких случаях реагировал

неадекватно. Но она не ошиблась в своих расчетах, оценивая фактор понимания им ее унаследованной настойчивости. Она увидела улыбку, затаившуюся в уголках его рта, и поняла, что победила. Марк довольно долго молчал. Она ждала, благосклонно позволяя ему свыкнуться с поражением. Наконец он сказал:

— Где та форма, которую я должен подписать?

— По странному совпадению...— Она дала ему бумагу. Он скользнул по листу взглядом и, не читая его, подписал.

— Ты пока не заводи детей, Риза.

— Я и не думала. Конечно, если бы ты не подписал, мне бы пришлось пройти через все это. Но мне гораздо больше хочется иметь трансплантат. Честно.

— Тогда получай его. Как я воспитал такую ведьму?

— Дорогой, это все из-за генов. Сам виноват.— Она отложила драгоценную бумагу, и они оба встали. Она подошла к нему, обняла за шею и коснулась своей гладкой щекой его щеки. Он был не более чем на дюйм выше ее. Он крепко обнял ее, а она поцеловала его в губы, чувствуя при этом слабую дрожь в его теле, которая, как она уже знала, была отзвуком подавленного желания. Она отошла от него и тихо поблагодарила.

Он вышел.

Риза засмеялась и захлопала в ладоши. Халат полетел на пол и она нагишом заплясала на толстом красном ковре. Вилля бедрами, она подошла к портрету Пола Кауфмана, который висел над камином. Портреты дяди Пола были обязательны в любом доме, населенном Кауфманами, и Риза не противилась добавлению портрета к своей обстановке, она любила хитрого старого лиса так же глубоко и нежно, как и его племянника, своего отца. Это был портрет, написанный пару лет назад по случаю семидесятилетия Пола. Его узкое, хорошо прописанное лицо, было окружено богатым фоном — зеленью и бронзой. Риза поглядела на глубоко запавшие серые глаза, тонкие губы, коротко стриженные волосы и длинный, загнутый вниз, кончик носа. Это было лицо Кауфмана — лицо власти.

Она подмигнула дяде Полу и ей показалось, что дядя Пол мигнул в ответ.

Марк Кауфман спустился на один этаж ниже в свои комнаты, прошел через личный вестибюль, и, приложив большой палец правой руки к замку, вошел. Из вестибюля

в разные стороны расходились три коридора. Слева находились комнаты, в которых он установил оборудование для бизнеса, справа находились жилые помещения, а впереди, прямо под квартирой дочери, располагалась просторная гостиная, столовая и библиотека, в которой он иногда работал. Основную часть своего времени Кауфман проводил в квартире на Манхэттене, хотя подобные квартиры у него имелись повсюду — по одной на всех семи континентах, и несколько — за пределами планеты. В каждой из этих квартир он мог создать комфорт, похожий на тот, который он имел здесь. Но эти двенадцать комнат на Восточной 118-той улице являлись сердцем его организации, и он иногда по несколько дней подряд не выходил из стен этого здания.

Он уверенно направился в библиотеку. Елена стояла возле камина под мрачным и сердитым портретом дяди Пола. Она выглядела расстроенной.

— Извини,— сказал ей Кауфман.— Риза была просто в свинском настроении, вот и набросилась на тебя.

— За что она так ненавидит меня?

— Я думаю за то, что ты не ее мать.

— Не притворяйся глупым, Марк. Если бы я была ее матерью, она ненавидела бы меня еще больше. Она ненавидит меня потому, что я стою между ней и тобой, вот и все.

— Не говори так, Елена.

— Но ведь это правда, она монстр, а не ребенок!

— Нет,— вздохнул Кауфман,— она все-таки ребенок и только что она мне это убедительно доказала. Она вовсе не монстр. Она просто примерная ученица стиля жизни нашей семьи. Можно сказать, что я ужасно рад за нее.

Елена холодно оглядела его.

— А для тебя трагедия то, что она твоя собственная дочь, не так ли? Через несколько лет, когда она созреет, она бы стала для тебя великолепной женой. Или любовницей. Но кровосмешение вроде бы не входит в стиль жизни вашей семьи.

— Елена...

— У меня есть прекрасное предложение,— промурлыкала Елена.— Ризу надо убить, а ее личность трансплантировать мне. Таким образом, вполне легально ты сможешь наслаждаться нами обеими в одном теле. Ты получишь мои

физические достоинства и ее неадекватную личность, которую находишь такой привлекательной.

Кауфман на минуту закрыл глаза. Он часто задумывался, как это случилось, что он окружил себя женщинами, обладающими такой изощренной жестокостью. Немного успокоившись, он проигнорировал выпад Елены и просто сказал:

— Ты извинишь меня? Мне надо позвонить.

— А где мы пообедаем? Ты хотел вчера поехать во Флорида-Хаус и угостить меня устрицами и филе осьминога.

— Мы будем есть здесь,— сказал Кауфман.— Закажи во Флорида-Хаус все, что ты хочешь, пускай пришлют. А я некоторое время буду занят. Бизнес.

— Бизнес! Еще десять миллионов на сон грядущий!

— Извини,— сказал он.

Он оставил Елену стоять в библиотеке, как дорогую скульптуру, а сам направился к себе в офис. На этот раз он дотронулся до замка не пальцами, а всей ладонью. Тяжелая, из мореного дуба, наштипованная сигнализацией дверь поддавалась ему, как верная жена поддается лишь определенным ласкам. Внутри Кауфман сверился с монитором, фиксировавшим текущие курсы акций, как в средние века заглядывали в Талмуд. Курс понизился на шесть пунктов, сырье было на высоте, финансы устойчивы, внутримировой транспорт немного лихорадило. Пальцы Кауфмана забегали по клавиатуре, и он как бы невзначай провел две быстрые сделки. Он продал за 94 тысячи акции Метрополитен Пауэр, купленные этим утром за \$ 89.75, а моментом позже заметил потерю из-за падения на полпункта лота из девятисот акций Кенигин Майс. Общий эффект его сделок был практически нулевым, но от своего дяди давным-давно он узнал, насколько благотворное действие в периоды стрессов оказывают небольшие сделки.

Затем он включил нейтронный радар, которым сканировал комнаты Ризы. Он не считал это зазорным, напротив, видел необходимость в присмотре за все более и более неуправляемой дочерью. Особенно сегодня, когда она вытянула из него согласие на трансплантацию таким простым и элегантным методом, шантажируя его возможностью беременности. Теперь, когда она высказала угрозу вслух, ему следовало застраховаться от этого. Ему было

прекрасно известно о прошлогодних сексуальных приключениях Ризы, он не имел ничего против, но беременность была недопустима.

Он понаблюдал за ней некоторое время. Она снова была голая и бегала по комнатам, видимо куда-то собираясь. Он не сомневался, что она готовилась к трансплантации. Кауфман позволил себе полюбоваться ее жеребьячей грацией и тонкостью ее рук и ног. Затем он переключил монитор на запись, и тот продолжал фиксировать каждое движение в квартире, но уже автоматически.

Повернувшись к своему столу, он поднял трубку телефона.

— Я хочу, чтобы за моей дочерью сегодня проследили, — сказал он. — Я думаю, что она посетит банк душ. Не препятствуйте ей, но узнайте, куда она пойдет потом. В особенности, если она отправится к друзьям. Не к подругам, а к друзьям. Нет. Никаких вмешательств, только наблюдение.

Ему казалось, что он слишком осторожен. Тем не менее он хотел, чтобы за ней проследили, хотя бы сегодня. Если понадобится, он прикажет тайно провести внешние контрацептивные меры. Риза может спать с кем и сколько угодно, но беременности он не допустит.

— Дайте мне Франциско Сантоликвидо, — сказал он в трубку.

Это заняло более минуты. Даже Марк Кауфман должен был запастись терпением, когда звонил Сантоликвидо, который был не просто важной персоной, но и главным администратором банка душ, то есть очень важным человеком. Надо было преодолеть огромное количество бюрократических рогаток, прежде чем Сантоликвидо докладывали, кто ему звонит.

На экране дисплея возникло цветущее добродушное лицо. Сантоликвидо еще не исполнилось пятидесяти, у него были светлые волосы и румяное круглое лицо. Это был довольно богатый человек, который влился в ряды бюрократии исключительно из чувства долга.

— Алло, Марк?

— Фрэнк, я хотел предупредить тебя, что моя дочь вскоре заглянет в твой банк подобрать себе личность.

— Значит, ты согласился?

— Ну, скажем так, Риза уговорила меня.

Сантоликвидо засмеялся.

— Она упрямая девчонка. Достаточно сильная, чтобы справиться с трансплантатом. Кого ей дать? Надсмотрщицу? Даму-банкира?

— Напротив,— сказал Кауфман.— Кого-нибудь помягче и поженственней, чтобы скомпенсировать ее агрессивность. Кого-нибудь, кто умер молодым, при печальных обстоятельствах, проведя жизнь, полную любовных страданий. Предпочтительно девушку, прямо противоположного физического типа, менее атлетичную, с более мягкими чертами. Ты слушаешь?

— Конечно. А если Риза откажется от своей противоположности?

— Я думаю, не откажется, Фрэнк. А если все же такое произойдет, дай ей то, что она хочет. Окончательное решение я оставляю за вами обоими.

— Я все учту,— сказал Сантоликвидо, разглядывая Кауфмана с некоторым любопытством.— А ты помнишь, Марк, что тебе самому в этом месяце надо заглянуть в банк. Ты не был у нас почти год.

— Я был так чертовски занят — смерть Пола и прочее...

— Да, я знаю. Но ты не должен забывать о ежегодной записи. Будучи человеком такого высокого положения, ты обязан миру, будущим наследникам твоей личности. Ты должен держаться на высоте и записывать все свои новые ощущения ежегодно.

— Хорошо. Ты говоришь как вербовщик.

— А я и есть вербовщик. Мы уже несколько недель ожидаем тебя.

— Тогда, может я заеду завтра? Сегодня я бы не хотел. Если я нарвусь на Ризу, она подумает, что ее ужасный старый отец шпионит за ней.

— Ладно. Тогда завтра,— сказал Сантоликвидо.— Что-нибудь еще, Марк?

— Еще одна вещь.— Кауфман замялся.— Как насчет личности Пола?

— Никаких решений еще не принималось. Никаких. Мы имеем десятки кандидатур.

— Родитис среди них?

— Я не могу сказать.

— Ты можешь сказать. Я в курсе, что Родитис страстно желает добавить Пола к коллекции своих трансплантатов. Я только хочу подчеркнуть, что такая транспланта-

ция была бы не только неприятна и оскорбительна для семьи Кауфманов, но и...

Рука Сантоликвидо с многочисленными перстнями мелькнула перед экраном.

— Я знаю о твоих чувствах,— сказал он мягко.— Однако желания членов семьи не могут повлиять на решение. Решения банка душ принимаются исключительно на независимой основе, рассматриваются лишь стабильность реципиента и степень его совместимости. Ты знаешь, мы считаем, что наиболее желательным является выход из генетической группы.

— Это значит, ты собираешься отдать Пола Родитису?

— Я не говорил этого.— Тон Сантоликвидо сделался официальным.— Но мы рассматриваем все возможные варианты.

— Я предпочел бы взять дядю Пола сам, и таким образом избавить его от мозгов этого... этого торговца рыбой!

— А как же закон о совместимости?— спросил Сантоликвидо.— Не говоря уже о собственном завещании твоего дяди? Он должен выйти из семьи, Марк. Кроме того, я думаю, что мы не дадим его ни Шаффам, ни Варбургам, ни Леманам, ни Лозбам. Может мы оставим эту тему?

— Хорошо.

— До завтра,— снова улыбнулся Сантоликвидо.— Как там твоя вечеринка на Доминике.

— Все остается в силе. На Доминике в субботу. Экран погас. Кауфман чувствовал себя неважно — он плохо сыграл эту партию, проведя лобовую атаку на Сантоликвидо прямо сейчас. Риза расстроила его и он потерял свои тактические способности. Или это Родитис? Родитис. Родитис. Вот уже десять лет Кауфман наблюдал, как этот маленький хваткий человечек набирал сначала богатство, затем власть, а потом и некоторую часть социального престижа. Теперь же упрямый выскочка намеревался восполнить недостатки своего происхождения, пролезая в самые недра старинной аристократической семьи, захватив подвернувшуюся личность покойного Пола Кауфмана. Марк оскалился. Он был гораздо меньшим снобом, чем ему надлежало быть при таком положении, но мысль о Родитисе, лежащем на хирургическом столе в банке душ, а затем выходящим оттуда с Полом Кауфманом в голове, была невыносимой для него. Его необходимо было остановить.

Собственные три личности Кауфмана беспокойно дали

о себе знать. Обычно они были пассивны и послушны и сопровождали его, не обнаруживая своего присутствия, но напряжение этого утра как-то просочилось к ним и разрушило их покой. Он обхватил руками голову.

— Сожалею, друзья, — сказал он трем плененным душам. — Мы отдохнем в субботу. Я очень сожалею обо всем. Проклятый Родитис!

Кауфман снова повернулся к монитору. Рынок стабилизировался, но положение с сырьем было ненадежным. Он просмотрел весь список и быстро продал пять тысяч акций Пацифик Коаст Пауэр по 43. Через несколько мгновений они появились на мониторе, но уже по 45 с половиной. Не мой день, подумал Кауфман, покупая их обратно с явным проигрышем для себя. Вовсе не мой день.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Чарльз Нойес просыпался медленно, неохотно, борясь с возвращением в реальный мир. Он лежал один в кровати, которая только-только вмещала его длинную фигуру. Его руки дрожали, веки шевелились. Утро на дворе. Время вставать, время работать. Он боролся с этим.

«Вставай, трусливая скотинка», — сказал Джеймс Кравченко в его голове. — «Просыпайся!»

Нойес застонал и сжал веки еще плотнее:

— Оставь меня!

«Вставай, вставай! Петушок пропел давно.»

— Ты не должен говорить со мной, Кравченко. Ты должен просто быть здесь.

«Послушай, я не просил, чтобы меня запихнули в твои мозги. Когда бы ты ни захотел отпустить меня, ты знаешь, куда идти.»

— Ты не думаешь так всерьез, ты блефуешь. Ты хочешь остаться там, где ты есть, Кравченко. Пока ты не овладеешь мной окончательно и не будешь играть как марионеткой.

Кравченко не ответил. Прошло несколько минут, а его личность молчала. Нойес решил было встать с постели, но затем решил подождать, уверенный в том, что Кравченко начнет понукать его снова. Но в продолжающейся тишине он понял, что решение, а также ответственность за их общее тело все же на нем. Он сбросил с себя одеяло и отключил ночной монитор.

Неподалеку от его кровати стояла склянка с карнифагом. Нойес с нежностью поглядел на нее. Его первой утренней мыслью, как, впрочем, и последней вечерней, была мысль о самоубийстве, точнее о самоубийстве и убийстве. Когда он уйдет, он возьмет Кравченко с собой. Он взял склянку в руки и любовно провел пальцами по ее поверхности. В хрупком стеклянном контейнере находилась смертельная доза вируса, содержащего бета-13 мужской ДНК — репликативной молекулы, действие которой заключалось в том, чтобы заставить клетки тела высвободить автоматические энзимы — вещества, вызывающие гидролиз органических тканей из лизосом — самоубийственных хранилищ, расположенных в клетках. Через несколько мгновений после попадания внутрь, карнифаг вызывал цепную реакцию автолиза, в результате которой тело буквально распадалось на части, смерть клеток была полной и всеобщей — карнифаг пожирал их. Это была быстрая, но чрезвычайно мучительная смерть, так как тело превращалось в слизь, начиная с пищевода. Могло пройти от восьми до десяти минут, пока нервные центры перестали бы регистрировать боль растворения. Но самая большая прелесть этой смерти заключалась в ее полной необратимости. Против этого средства не было никакого противоядия и никакое промывание желудка или другой подобный прием не могли остановить процесс, если он начался и затронул хотя бы несколько клеток. Как только начиналась цепная реакция, жертва была обречена. Нойес называл это для себя эффектом Шалтай-Болтая.

Он положил карнифаг на место.

«Давай, глотни его, ну!»

— Очень смешно, Кравченко.

«Я серьезно. Ты что, думаешь напугать меня, размахивая этой смертельной жижей? Как только тебя не станет, я получу новое тело. Может и ты там окажешься вместе со мной после моей новой трансплантации.»

Нойес потянулся за склянкой.

«Поднеси ее к губам и вперед, это просто.»

— Нет уж. Черт тебя побери! Я сделаю это, когда сам захочу, а не тебе на забаву!

Ему показалось, что он услышал смех Кравченко. Отложив склянку, Нойес снял пижаму и принялся за свой утренний ритуал.

Религиозное отправление. Он потянулся за томиком

Бардо. Несчитанные поколения предков-христиан завертелись как турбины в своих могилах в Новой Англии, когда последний и единственный представитель рода Нойесов открыл Тибетскую святую книгу. Как обычно, он открыл главу о смерти в начале книги, и низким голосом прочел:

«О благородный, слушай. Сейчас ты чувствуешь лучи ясного света Чистой Реальности. Узнай их. О благородный, твой интеллект в существующем мире не являет собой ничего реального вне понимания того, кто является истинной реальностью — Вседобрейшего. Но твой интеллект совсем не ничто. Незатененный, сверкающий, ужасающий и радостный, он является частью сознания Вседобрейшего Будды».

Утренний туалет. С минуту он постоял в поле вибратора.

Питание. Он заказал скромный завтрак.

Упражнения. Кряхтя, он сделал одиннадцать отжиманий и семь наклонов.

Он поел. Оделся. Было десять утра. Он вернулся с Родитисом из Сан-Франциско прошлым вечером и все еще жил по Стандартному Тихоокеанскому Времени, что сделало его пробуждение еще более затруднительным. Включив экран, Нойес увидел, что внешний мир выглядел веселым и солнечным, и солнце было по-апрельски теплым, а не жестким и холодным, каким бывает зимой. Он жил в маленькой квартирке в Воллинфорде, округ Гретер Хартфорд, Коннектикут, на одинаковом расстоянии от Манхаттана и его родного Бостона. Он старался держаться подальше от Массачусетса, но периодически дела заставляли его приезжать туда. Одно из этих дел было навязано Родитисом: он настаивал на том, чтобы каждый год они оба посещали собрание их класса в Гарварде. Это было невыносимо. Любое окно в прошлое было источником боли. Все, что напоминало ему о времени, когда он был молод и имел перед собой широкие перспективы: блестящую карьеру, многообещающую женитьбу, прекрасный дом и наслаждение традициями. Он провалился на экзаменах в колледже. Женитьба его не состоялась. Теперь он был богатым человеком, но только благодаря Родитису, который подобрал его и набил ему карманы деньгами, как бы в уплату за его душу. У Нойеса было достаточно денег, но тратил он мало и жил на скудные средства не из-за отсутствия воображения, а просто потому, что не хотел верить в то, что щед-

рость Родитиса, которая свалилась на него, была реальной.

— Чарльз! Чарльз, ты уже встал?

«Голос твоего хозяина»,— сухо заметил Кравченко.

— Я здесь, Джон,— ответил Нойес, мысленно послав волну ненависти в сторону своей второй личности.— Иду!

В одну из стен гостиной был вмонтирован телеэкран, связанный с коммуникационным устройством Родитиса. Где бы ни был Родитис, возле любой станции связи в пределах своей обширной территории, он мог включить это устройство и предстать перед Нойесом в его квартире в виде трехмерного изображения в натуральную величину. Нойес подошел к экрану и предстал перед плотной фигурой своего друга и работодателя. Родитиса окружала обстановка его офиса в Джерси: счетчики акций, компьютерные балки, фильтры данных и большой зеленый экран аналитической машины. Родитис выглядел очень бодро.

— Чувствуешь себя лучше?— спросил он.

— Более менее, Джон.

— Вчера вечером, когда мы возвращались, ты был в паршивой форме. Я даже беспокоился о тебе.

— Мне всего лишь надо было выспаться.

— Только что пришло подтверждение из монастыря о получении вклада. Хочешь посмотреть, что сказал по этому поводу гуру?

— Хочу.

Родитис сделал жест рукой. Изображение задрожало и исчезло, на секунду экран заполнила дымчатая голубизна, затем послышался щелчок и изображение опять задрожало — кассету вставили в магнитофон, и в квартире Нойеса появилась комната святого из Сан-Франциско. Нойесу показалось, что он чувствует запах благовоний. Гуру, не переставая улыбаться, рассыпался в благодарностях за щедрый подарок Родитиса. Нойес с беспокойством прослушал все это, удивляясь, зачем Родитису понадобилось доставлять ему эти несколько скучных минут. Конечно гуру должен быть благодарен за вклад в миллион долларов, конечно он должен был сказать, что Родитис исключительный по мудрости человек, и что он заслуживает многих перерождений. У Нойеса возникло неприятное подозрение, что Родитис искренне верил в то, что говорил гуру: что он действительно обладал этими достоинствами, и хвалили его не за деньги. Как тот звуковой скульптор, кото-

рый подкупил критика из «Таймс», чтобы о нем написали хвалебную статью, а затем собрал всех своих друзей и с гордостью прочел им этот бред. Не было и дня, когда бы Нойес не сталкивался с наивностью, лежащей в основе энергичного, расчетливого и безжалостного Джона Родитиса.

Гуру закончил свою речь и исчез с экрана. Снова появился сияющий Родитис.

— Ну, что ты об этом думаешь?

— Отлично, Джон. Просто здорово.

— Он действительно рад приношению.

— Конечно. Это было очень здорово.

— Угу,— сказал Родитис.— Я буду подкармливать его время от времени. Я заставлю их назвать новое крыло в мою честь. Банк Душ Покойных Лам имени Джона Родитиса, или что-то вроде этого. Вперед и вверх, да? Ом мани падме хум, приятель.

Нойес не ответил. Кравченко, похоже, хмыкнул, что для Нойеса было как щелчок по лбу.

Затем словно машина, у которой переключили скорость, Родитис утратил свой радостно-самодовольный вид и сквозь деланно безучастное выражение его лица проступило напряжение.

— Марк Кауфман устраивает в субботу вечеринку в своем поместье на Доминике,— сказал он.

— Значит, у них закончился траур?

— Да. Это первое социальное мероприятие, которое он устраивает с тех пор как старый Пол отправился на покой. Это будет большое, шумное и дорогое празднество.

— Тебя пригласили?— спросил Нойес.

— Меня?— Родитис опешил.— Грязного маленького pouceau riche* с манией величия? Нет, конечно же я не приглашен! Это будет вечеринка для разного рода Кауфманов и их родственников евреев-банкиров.

— Джон, ты не должен так говорить.

— Почему? Это делает меня похожим на фаталиста? Но что я могу поделать, если Кауфманы действительно являются родственниками других богатых евреев-банкиров?

— Когда ты говоришь так, это выглядит как издевательство,— осмелился сказать ему Нойес.

* Прим. переводчика — богатый человек незнатного происхождения.

— Ладно, я не хотел, чтобы это выглядело издевательством. Над социальной и культурной элитой не издеваются. То, что ты услышал — не антисемитизм, Чарльз, это обыкновенная зависть без всяких иррационально-невротических проявлений. На этой вечеринке будет каша из Леманов и Лозбов. Там не будет никакого Джона Родитиса. Фрэнк Сантоликвидо тоже собирается туда.

— Но он не еврей.

Родитис был явно раздражен.

— Конечно же нет, черт возьми! Но он достаточно важная персона, находится на близком к ним социальном уровне, к тому же, Марк Кауфман пытается заручиться его поддержкой в деле личности старика. Сантоликвидо и его девчонка прилетят на личном самолете Марка, вот до чего дошло дело. Можно поспорить, что Марк собирается провести весь день, доказывая Санто, как важно не допустить меня к личности дяди Пола. Этому надо как-то помешать. Вот поэтому тебе и придется отправиться на вечеринку.

— Мне? Но меня не приглашали!

— Заставь их себя пригласить.

— Невозможно, Джон. Кауфман знает, что я связан с твоей организацией, и если ты в черном списке, можно поспорить, что и я...

— Но ты также связан с Лозбами. Разве не так?

— Ну да, моя сестра замужем за Лозбом. Я думаю, что она приглашена.

— Я уверен в этом. У меня есть полный список приглашенных. Мистер и миссис Дэвид Лозб. Это твоя сестра, правильно?

— Так.

— Отлично. А теперь прикинем, что случится, если она позвонит Кауфману и скажет, что находится в воздухе где-то над Кубой, что самолет сядет через пять минут, а она решила захватить на вечеринку своего маленького братика. Скажет ли Кауфман «нет», и отошлет ли сучку домой?

— Он будет взбешен, Джон.

— Пускай побесится. Ему все равно придется сохранять позу. Это не официальная встреча, где лишний человек полностью изменяет баланс сил, и он не сможет убедительно отказать тебе в посещении вечера вместе с твоей сестрой. Тебя примут. Худшее, что может случиться, это

несколько кислых взглядов со стороны Кауфмана. Социально ты будешь находиться среди равных, все будут тебе рады и не будет никаких осложнений.

Пальцы Нойеса задрожали. Кравченко злорадствовал. Осторожно Нойес потянулся налево, туда, где недостижимый для сенсоров Родитиса лежал поднос с капсулами, которые содержали напитки. Он активизировал капсулу и впрыснул ее содержимое в свою руку. Стало легче. Но все же не совсем хорошо. Он чувствовал тошноту. Идея о грубом прорыве на вечер к Кауфманам, за счет игры на своем пошатнувшемся статусе и связях сестры в интересах Родитиса, ошеломила и подавила его.

— Допустим, я попаду на вечер,— сказал он.— Какова будет моя цель?

— Главное, приблизиться к Сантоликвидо и поработать с ним.

— Насчет личности Пола Кауфмана?

— А чего же еще? Ты должен быть осторожным и дипломатичным. Он собирается принять решение о трансплантации прямо на днях. Она нужна мне так, что я не могу выразить словами, Чарльз. Ты представляешь, что я могу сделать с Полом Кауфманом в голове? Какие двери откроются передо мной, какие планы я смогу претворить в жизнь? И все это зависит от Санто. А он будет там, в непринужденной обстановке, в теньке, изрядно выпивая. И ты сможешь поработать с ним. Используй свое старое обаяние. Это то, за что я тебе плачу — старое, доброе, религиозное англо-саксонское обаяние. Уговори его!

— Хорошо,— пробормотал Нойес.

— Даже если сразу у тебя ничего не получится, возможно ты что-нибудь узнаешь. Какое-нибудь уязвимое место в его оболочке. Какую-нибудь точку опоры, за которую мы смогли бы уцепиться.

— Ты собираешься шантажировать Сантоликвидо, чтобы решить этот вопрос? — спросил ошеломленно Нойес.

— Разве я это говорил? Какое грубое предположение, Чарльз! Я считал тебя более проникательным,— рассмеялся Родитис.— Позвони сестре. Устрой все. А, Чарльз?

Экран потемнел.

Нойес поглядел на пол. Затем нагнулся и вцепился пальцами в ковер, пытаясь собраться. Его голова, казалось, раскалывалась на части.

«Позвони сестре, Чарльз. Разве ты не слышал?»

— Не буду!

«Лучше позвони. Ты не можешь не подчиниться ему.»

— Это грязно! Пролезть на вечер, чтобы он мог использовать меня для шантажа Сантоликидо...

«Ему нужна личность старого Кауфмана, не так ли? Это его пропуск в высшее общество. Твоя обязанность — помочь ему в том, чего он хочет.»

— Но не засчет моей цельности.

«Ты давным-давно потерял ее. Давай, Чак. Он прав. Я тоже хочу пойти на вечер. Там будут по крайней мере три мои жены. Я бы с радостью посмотрел, как они состарились.»

— Лучше я убью себя!

«Если бы у тебя варили мозги, ты бы давно это сделал. Бери трубку. Звони своей сестре.» — Нойес услышал в своей голове издевательский смех.

Он вернулся в спальню и поглядел на склянку с карни-
фагом. Но, как всегда, это было только драматическим жестом, который не мог повлиять ни на него, ни на демоническую личность в его голове. Поражение сводило его мышцы. Он схватил телефонную трубку и набил номер. Несколькими секундами позже на маленьком сером экране появился приватный код его сестры. Нойес подумал, что она, вероятно, принимала утреннюю ванну.

— Глория, это я, Чарли, — сказал он. — Твой коллега по утробе.

Экран посветлел и на нем появились лицо и плечи Глории. Она была укутана в лоскут какой-то тонкой материи, а ее щеки и лоб блестели от крема — она всегда старалась выглядеть моложе своих лет. Она была на три года старше Нойеса, но выглядела по крайней мере на дюжину лет моложе. Они никогда не любили друг друга. Ее брак с Дэвидом Лоэбом шестнадцать лет назад стал ошеломляющим социальным событием, грандиозным взрывом, если так можно было назвать союз между старой ново-английской и старой европейской аристократией. Это была одна из самых известных свадеб тех дней. Появилась новая порода англо-саксонских евреев, чья ужасно перемешанная кровь так же легко связывала их с Плантагенетами, как с Соломоном и Давидом, что было непобедимой комбинацией. На свадьбе сестры Нойес страшно напился. Можно сказать, что его закат и падение начались именно с этого

момента, несколькими неделями позже ему стукнуло двадцать один.

— Я рада, что ты позвонил, Чарльз,— сказала она холодно.— Ты хорошо выглядишь.

— Это вежливая ложь. Я выгляжу ужасно и ты можешь преспокойно сказать мне об этом.

Ее губы недовольно скривились.

— Что-то случилось? С тобой все в порядке?

Нойес глубоко вздохнул и сказал:

— Ты можешь сделать мне маленькое одолжение, Глория?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Здание, в котором находился банк душ, вздымалось ввысь своими бесчисленными этажами посередине широкой площади. Место было выбрано с дальним прицелом, на южной оконечности Манхэттена, на площади, наспигованной историческими событиями. Здесь Питер Миньют торговался с индейскими воинами и выменял целую страну за горстку бус; Вашингтон прогуливался по этим улицам, а также Дж. П. Морган, Джей Круд, Томас Эдисон, Джозеф П. Кеннеди, Пол Кауфман и Гельмут Шеффлинг среди прочих. От всей этой истории мало что осталось. Квартал из зданий восемнадцатого века был сохранен как музей, Нью-Йорк семнадцатого века исчез так же, как и девятнадцатого. Все, что осталось от двадцатого, это несколько обшарпанных потускневших небоскребов, возведенных солидными банками в середине века, незадолго до кризиса. Сурово, изолированно возвышалась отдаленная от своих соседей тысячами бесценных квадратных футов розовой, светящейся в темноте плитки, сверкающая башня Института Шеффлинга: восемьдесят этажей, затем уступ и еще сорок, и наконец, вершина — двадцать этажей с покрытием из черного гранита. Башня была хорошо видна из Бруклина, Стэйтен Айленд, из Нью-Джерси и, в особенности, с Джубилайла — плавучего парка развлечений в Нью-Йоркской гавани. Стоило только поднять голову от грешной палубы и игровых столов Джубилайла, и перед глазами вставал ободряющий силуэт Института Шеффлинга, расположенного у самой кромки материка, и обещающего возрождение за возрождением. От этого становилось

как-то легче и спокойнее. Видимо, возводя здание, архитекторы приняли во внимание все эти аспекты.

В пятницу утром Марк Кауфман зашел в Институт Шеффлинга для того, чтобы обновить хранящуюся там копию своей личности. Его маленький вертолет приземлился, как и было запрограммировано, на вертолетной площадке, расположенной на первом уступе здания, и ожидавшая охрана проводила его к Сантоликвидо. Утро было холодным, он надел костюм из толстой материи с темно-коричневыми и красными блестками.

Офис Сантоликвидо был просторный, высокий и нарочито впечатляющий. В углу стояла звуковая скульптура работы Антона Козака: красивая безделушка, плавные линии, нежные мелодии, какой-то приятный шипящий звук, быстро проникающий в сознание человека и становящийся неразрывной его частью. Наслаждение Кауфмана этим шедевром было омрачено лишь тем, что Антон Козак, который умер девять лет назад, вернулся на этот свет в виде одной из личностей Джона Родитиса.

Стол Сантоликвидо послушно разделился на две части, пропуская хозяина между секциями, чтобы поприветствовать Кауфмана. Сантоликвидо был плотным человеком, более полным, чем предписывала мода, но держался он хорошо. На его толстых пальцах блестели перстни, которые выдавали невинную предрасположенность Сантоликвидо к роскоши. На шее у него висел маленький хрустальный аквариум, наполненный крохотными рыбками фиолетового, зеленого и лазурного цветов — продукт мутагенетического искусства. Крошечные украшения плавали по своей тюрьме в непрерывном танце. На Сантоликвидо была зеленая рубашка с ярко-красными погончиками. В такой цветовой радуге его седые, зачесанные назад волосы казались отталкивающе живыми.

Они пожали друг другу руки. Сантоликвидо вернулся к столу, взял поднос с напитками и разделил с Кауфманом удовольствие от них. Лучи солнечного света плясали по комнате. Огромная арка окна была целиком прозрачна. Со своего места Кауфман наслаждался превосходным видом гавани, а глядеть с этой высоты на веселый Джубилайл было все равно, что рассматривать призматическое изображение с какой-нибудь невообразимой протонной субвселенной.

— Итак, — сказал Сантоликвидо, — мы имели удо-

вольствие побывать вчера в компании вашей симпатичной дочери. Хотя ей тяжело было угодить. Мы развернули для нее наши лучшие ковры, но ничего не вышло.

— Пока. Она еще вернется.

— Ах да, конечно. В следующий вторник. Она выбирает из трех интересных альтернатив.

— Я бы хотел их просканировать,— сказал Кауфман.

— Это будет немного не по правилам.

— Я знаю.

Сантоликвидо элегантно улыбнулся. Кауфман всегда имел хорошие деловые отношения с этим человеком; они участвовали в ряде совместных предприятий, в особенности, касательно проекта электрификации Антарктики, и всегда Сантоликвидо выходил из них с солидной прибавкой к своему солидному капиталу. Поэтому взаимные услуги отнюдь не исключались.

У скульптуры Козака заметно изменилась частота звука, становясь более заметной и более чувствительной. Когда-то у Кауфмана было несколько скульптур Козака. Но с тех пор, как личность скульптора получил Родитис, Кауфман под различными предлогами раздарил их друзьям.

— Есть ли что-нибудь новое о Поле Кауфмане?— спросил Кауфман.

— Ничего нового.

— Я хотел бы посмотреть его тоже.

— Правда?!

— Ты ведь удовлетворишь мое любопытство, не так ли?— Наклонившись вперед, он взял в руки янтарную фигурку со стола Сантоликвидо.— У меня есть на то причины. Мне трудно поверить, что старик действительно мертв. Ты ведь знаешь, он всегда возвышался над семьей как некий колосс...

— Значит, если ты увидишь и прочувствуешь его записи, ты наконец согласишься, что его больше нет?— Да.

— Это не первый случай, когда я слышу подобные разговоры, Марк.— Сантоликвидо скрестил руки на животе и рассмеялся.— Пол был титанической фигурой, не правда ли? Признаюсь, я испытывал его личность на себе, после его похорон, просто для того, чтобы оценить этого человека. Это было страшно. Позволь сказать тебе, Марк, меня не так уж легко напугать, но мне было страшно.

— Пытался примерить его к себе?

Сантоликвидо выглядел обиженным, и даже рыбки в

аквариуме, висевшем у него на шее, изменили оттенок, будто чувствовали настроение своего хозяина.

— Я не имею абсолютно никакого желания портить свою нервную систему личностью этого ужасного старика,— твердо сказал Сантоликвидо.— К тому же, принимая во внимание спрос на него, использование его личности для себя означало бы подрыв моего авторитета. Не правда ли?

— Конечно. Конечно.

Добродушный вид опять вернулся к Сантоликвидо.

— Что касается меня, то я приветствую любого, кто пожелает личность твоего дяди. Что за мощь! Он ошеломят девятых из десяти, кто попробует его.

— Так же как он ошеломял нас при жизни,— сказал Кауфман.— Он превратил моего отца в пустую оболочку, в мальчика на побегушках. Со мной ему было справиться труднее, но мне пришлось пройти через двадцать лет сущего ада прежде чем он признал меня своим достойным наследником. А остальные! Конечно, все мы любили его. Он был просто слишком импульсивным. Его нельзя было ненавидеть. Но когда он умер, Фрэнк, я почувствовал, что с моего горла убрали руку.

— Я понимаю.

— И еще. Никто из нас не мог поверить в то, что у него удар. Я имею ввиду, он был еще не старым человеком, чуть за семьдесят. Мы считали, что он будет с нами по крайней мере еще пятьдесят лет. Но собственная энергичность, видимо, сожгла его силы.

— Очень скоро он опять будет среди нас,— сказал Сантоликвидо.

— Как личность, да. Но это будет не настоящий дядя Пол, рассказывающий по комнатам и отдающий распоряжения.

— Время покажет. Чтобы удержать его, понадобится сильный человек, Марк.

— Ты считаешь, что Пол может завладеть своим хозяином?

— Я ничего не считаю, принципиально. Я попросту бюрократ, и рассчитывать что-то — не мое дело. Пойдем. Я отведу тебя к твоему дяде.

— И к трем возможным личностям Ризы,— напомнил ему Кауфман.

— И к ним тоже,— сказал Сантоликвидо.

Из офиса Кауфман проследовал за ним к персональному лифту, который двигался так ровно и бесшумно, что даже само движение было незаметно, не чувствовалось даже изменение веса. Здесь, в этом ужасно огромном доме смерти и возрождения Кауфман всегда чувствовал себя подавленным и плохо ориентировался. Он не имел представления о том, что содержится во всех этих бесконечных офисах на ста сорока этажах, он также не имел представления, на сколько глубоко в землю уходит это строение, и какая сеть кладовых скрыта от постороннего взгляда. Перед его богатым воображением представляли восемьдесят миллионов личностей знаменитых мертвецов, умерших с того момента, когда процесс Шеффлинга стал фактом коммерции. Но даже для хранения восьмидесяти миллионов личностей, подозревал Кауфман, необходимо было значительно меньше места. Здесь было множество комнат, в которых производилась запись личностей, комнат, в которых проводилась трансплантация, но назначения большей части здания он не мог себе представить.

Он не представлял, куда сейчас вел его Сантоликвидо, то ли на самую вершину здания, то ли в его подземные этажи. Он просто следовал за ним через пустынные коридоры, освещенные лампами дневного света.

Институт Шеффлинга был полуобщественной организацией, которая в значительной степени управлялась Правительством. Его администраторы избирались Конгрессом, совет директоров содержал определенную часть назначаемых Правительством лиц. Фонд заработной платы и штатное расписание были также заботой федеральных властей. Таким образом, Институт стал общественным институтом смерти и возрождения. Его акции не продавались, он брал кредиты редко и только у официальных инвесторов — муниципальных и федеральных; его огромные доходы непосредственно направлялись на новые исследования сразу после амортизационных отчислений. Несмотря на всю свою значительность, Институт мало влиял на девяти-миллиардное население Земли. Только незначительная его часть имела достаточно средств, чтобы позволить себе избежать забвения. Плата за регистрацию была довольно значительной, кроме того цена за каждую запись личности была не маленькой, а от зарегистрировавшегося ожидалось (хотя не требовалось), чтобы он производил запись своей личности хотя бы раз в шесть месяцев. Стоимость

трансплантации новой личности была просто сумасшедшей — гораздо больше того, что средний человек мог заработать за свою жизнь. Теоретически, любой, кто имел достаточно денег и был психически уравновешен, мог получить новую личность в дополнение ко всем тем, что у него уже были, начиная со своего совершеннолетия. Но на практике, большинство людей останавливались на двух-трех трансплантациях, если они могли себе это позволить. Кауфман не знал никого, кто взял бы больше девяти личностей. Сам он не приобретал новых уже десять лет, хотя мог позволить себе любое количество. Он находил, что три — вполне достаточно, не считая той, которую пришлось удалить в молодости. Удаление личности тоже нельзя было назвать дешевым. Все стадии процесса Институт превращал в прибыль.

Кауфман проследовал за Сантоликвидо в вестибюль главного хранилища. Это был невысокий, длинный тоннель, дальний конец которого упирался в защитную дверь, почти комичную в своей параноидной массивности. Сквозь отверстия в гладком белом потолке тоннеля были видны огни сканеров — голубые, зеленые, красные, бледно-желтые.

— За чем они следят? — спросил Кауфман.

— За всем. Записывают твою группу крови, узор твоей клетчатки, структуру ДНК, РНК и другие, более интимные вещи. Если ты придешь сюда, чтобы чего-нибудь украсть, то будешь схвачен через несколько минут после того как покинешь здание.

— А если бы сканеры обнаружили, что я имею не совсем подходящую репутацию, чтобы быть допущенным?

— Это было бы неприятно.

Кауфман представил, как с потолка на него падает упругая сеть и ее крепкие эластичные жгуты сминают его тело в гамбургер, а затем открывается люк, чтобы избавиться от его тела. Но в действительности цветные огни исчезли, и с торжественным скрипом огромная дверь начала открываться. Сантоликвидо кивнул и они вошли в огромное помещение главного хранилища.

— Пойдем, — сказал Сантоликвидо.

Они двинулись вдоль стеллажей. Молчаливые фигуры в белых халатах шли куда-то по своим делам на других уровнях, и бесшумные роботы с круглыми головами передвигались от стеллажа к стеллажу, попеременно что-то вынимая или что-то кладя туда. Сантоликвидо остановил-

ся перед одной из наглухо закрытых урн и набрал компьютерный код. Крышка открылась. Протянув руку, он достал блестящую металлическую коробку шириной шесть, длиной четыре и высотой два дюйма.

— Здесь,— сказал он,— находится личность Пола Кауфмана.

Кауфман взял коробку у него из рук, глядя на нее с большим страхом, чем хотел бы показать.

— Можно мне ее открыть?

— Пожалуйста.

— Не пойму как... А! Вот.— Он нажал на кнопку и крышка поднялась. Внутри лежал тугой моток черной пленки и несколько кристаллов.

— Это?— спросил он.— Это дядя Пол?

— Его память. Его ощущения. Его эмоции. Его слабости. Женщины, которых он любил и мужчины, которых ненавидел. Его деловая хватка. Его детские привязанности. То, как он учился говорить, подростковые воспоминания, брачная ночь. Все здесь. Это записано в декабре и содержит его всего от рождения до самой могилы.

— А предположим, я сейчас выкину все это с балкона вниз,— сказал Кауфман.— Кристаллы потеряются, пленка будет повредиться. Это будет конец дядя Пола, не так ли?

— Почему ты так считаешь?— спросил Сантоликидо.— Твой дядя приходил сюда каждые шесть месяцев более тридцати лет подряд. Так что у нас сохранилось много копий того, что ты держишь в руках.

— Значит, вы сохраняете старые копии?— ошеломленно спросил Кауфман.

— Естественно. У нас имеется обширная библиотека личности твоего дяди. У тебя в руках последняя запись, наиболее полная, но если с ней что-либо случится, мы сможем использовать более раннюю, в которой не будет лишь последних шести месяцев его жизни. Конечно же, мы всегда используем для трансплантации самую последнюю версию. Остальные держим на всякий случай, так сказать — для страховки.

— Я ничего не знал об этом!

— Мы не рекламируем это.

— Значит, у вас есть шестьдесят с лишним записей дяди Пола в этом здании! И пара дюжин моих! И...

— Не обязательно в этом здании,— ответил Сантоликидо.— У нас много кладовых, Марк, хорошо децент-

рализованных. Мы защищаемся от случайностей. Мы должны это делать.

Кауфману никогда не приходило в голову, что такие записи-дубли существуют, или даже, что где-то существуют филиалы банка душ, хотя выглядело это достаточно логично. И тут до него дошло...

— Значит, если существуют дубликаты,— медленно сказал он,— то можно трансплантировать чью-либо личность сразу в несколько реципиентов, да? Ты сможешь дать дядю Пола Родитису, и дядю Пола минус шесть месяцев кому-нибудь еще?

— Технически это возможно. Но совершенно неэтично и незаконно. Мы храним их только на всякий случай. Они никогда не были использованы таким образом и никогда не будут.— Сантоликвидо, казалось, раздражала такая возможность.— Никогда.

Кауфман кивнул. Непреклонность в ответе Сантоликвидо остудила его. Он закрыл коробку и вернул ее.

— Теперь ты веришь, что он мертв?— спросил Сантоликвидо.

— Но я еще не удостоверился, что пленка в этой коробке и есть запись личности дяди Пола.

— Хочешь опробовать ее?

— Я? Ты предлагаешь временную трансплантацию?

— Я дам тебе тридцать секунд дяди Пола,— предложил Сантоликвидо.— Как будто ты выбираешь себе новую личность. Тогда ты увидишь, он записан на пленке или кто другой. Пойдем. Сюда...

Они зашли в маленькую комнату с темными полупрозрачными стенами. В ней находилось наклонное кресло, пульт управления и ряд мерцающих в полумраке сканеров. Сантоликвидо вынул пленку из коробки и вставил ее внутрь одного из сканеров, а затем проводил Кауфмана к креслу.

Они находились в кабине образцов. Используемый здесь аппарат был предназначен исключительно для просмотра и тестирования. То, что Кауфман должен был испытать, ни в коей мере не было трансплантацией, даже временной. Сантоликвидо просто хотел настроить его на запись биоволн его дяди и дать ему на полминуты окунуться в них.

Кауфман, с ожиданием и беспокойством, смотрел, как Сантоликвидо настраивал сканеры и накладывал холод-

ные электроды на его лоб. Тот тоже волновался — видимо, когда он примерял эту личность на себя, подумал Кауфман, это не доставило ему удовольствия. Загорелся красный сигнальный огонь. Сантоликвидо включил рубильник.

Марк Кауфман зажмурился и личность дяди потоком заполнила его мозг.

Это была лавина, каскад. Дядя Пол прошел через все его нервные окончания разом. Сначала прошел эмоциональный поток, затем ощущение сильной боли в желудке, затем набор точных, мгновенных, всеохватывающих расчетов о покупке, акционировании и продаже участка земли в северных пригородах Шанхая, размером в четыре квадратных мили. На фоне этого прошла сеть планирования семейных отношений, набор тонких и ядовитых взглядов и интерпретаций. В первые десять секунд контакта с душой дяди Кауфман подумал, что его мозг выгорит дотла. Во вторые десять секунд он боролся за равновесие, как на серфинге в сильный шторм. В последние десять секунд он нашел это равновесие и обнаружил в себе силы, о которых и не подозревал. Он понял, что может находиться со своим дядей на равных. Старик имел преимущество в возрасте, но не в теле. Видимо, гены Кауфмана сделали ход конем и перешли от дяди к племяннику, и, несмотря на всю огромную силу личности Пола, Марк знал, что несомненно может контролировать ее, если понадобится.

Контакт закончился.

Кауфман открыл глаза. Он снял со лба электроды, положил руки к вискам. Отзвуки расчетов танцевали в его мозгу: торговля недвижимостью, составление завещания, процентовки, все это вместе продолжало кружиться в его голове в дикой пляске.

— Ну? — спросил Сантоликвидо. — Теперь ты узнал своего дядю?

— Каков старикан! — воскликнул Кауфман с восхищением. — Вот это пират! Как жалко, что его больше нет!

— Он вернется.

— Да. Да. — Кауфман схватился за ручки кресла. — Я бы много отдал, чтобы получить его, — сказал он тихо. — Я лучше всех смог бы справиться с ним. Пол и я были великолепной командой, последние несколько лет. Представь, насколько лучше мы работали бы вместе, будь мы одним целым!

— Я надеюсь, ты шутишь, Марк.

— Не совсем. Пол и я принадлежим друг другу. Знаю, знаю, что это незаконно — трансплантировать личность близкому родственнику.

— Не забудь, что твой дядя потребовал в своем завещании, чтобы его не трансплантировали никому из членов его семьи.

— Как будто не знал закона, — сказал Кауфман.

— Скорее подозревал, что кто-нибудь вроде тебя попытается нарушить его.

Кауфман вспыхнул:

— Но что ты собираешься делать с ним? Отдать его Родитису? Сложи их вместе и они обчистят вселенную!

— Родитис способен удержать личность твоего дяди, — сказал Сантоликвидо. — Он обладает именно такой силой, которая необходима. Мы должны опасаться того, что Пол попадет к слабому человеку, который не справится с ним. Основная личность всегда должна главенствовать. Родитису это по плечу.

— Но у него нет совести. Он же просто разбойник с большой дороги безо всяких принципов. Пол тоже был разбойником, но с принципами. Объедини их и...

— Решение еще не принято, — оборвал его Сантоликвидо. — Хочешь ли ты посмотреть три потенциальных личности, которые выбрала твоя дочь?

— Да, — пробормотал Кауфман, — можно.

Сантоликвидо включил переговорное устройство и отдал распоряжение. Вскоре три коробки с личностями выскочили из приемного отверстия. Сантоликвидо положил коробку с личностью Пола Кауфмана в то же отверстие и распределительная линия унесла ее на прежнее место.

— Все три — молодые женщины, — сказал он, — умерли в возрасте до тридцати лет. Все три достаточно красивы, на мой взгляд. Риза имеет вполне определенные анатомические и сексуальные требования, которые мы смогли удовлетворить, так как выбор достаточно велик. Чтобы сохранить тайну личностей покойных, я назову этих троих попросту X, Y и Z. Тридцати секунд на каждую, я думаю, будет вполне достаточно, чтобы удовлетворить твое любопытство. Ты когда-нибудь пробовал личность женщины, Марк?

— Ты же знаешь, что я не делал ничего подобного.

— Конечно. Конечно. Это забавное занятие. Я часто думаю, что наше предубеждение против транссексуальных

трансплантаций — просто глупость. Если в мужчине была бы по крайней мере одна женская личность, или в женщине, хотя бы одна мужская, то в нашем мире было бы меньше страданий. Но мне кажется, что мы еще не готовы к такому радикальному шагу. И я полагаю, сейчас немногие захотят, чтобы их личности попали в тело противоположного пола. Если только на несколько дней, но постоянно...

Рассуждая, Сантоликвидо ловко вставил одну из кандидатур Ризы в сканирующую установку, и закрепил электроды на лбу Кауфмана. Кауфман чувствовал некоторую неловкость, но затем подумал, что его чересчур открытая дочь будет не против, если он просмотрит ее новую личность, кроме того, он уже шпионил за ней во многих столь же интимных вещах.

Аппарат загудел.

— Это X, — сказал Сантоликвидо. — Погибла прошлым летом, катаясь на мото-лыжах в Санкт-Мориц, двадцать четыре года.

В последующие тридцать секунд Марк Кауфман узнал для себя множество интересных вещей. Он узнал, что значит — иметь грудь, он понял, что значит быть противоположным полом в сексуальном плане, он почувствовал запах плоти совершенно по-новому, он ощутил фактуру своего гладкого женского тела. В нем также выработалась мгновенная и стойкая антипатия к личности неизвестной X.

Не давая ему времени для раздумий, Сантоликвидо сказал:

— А теперь Y. Утонула прошлым летом у берегов Макао, двадцать девять лет. И вновь он ощутил медленную пульсацию плоти, легкую дрожь внизу живота. В своем кратком контакте с разумом покойной девушки, Кауфман провел воображаемыми руками по покрытым шелком воображаемым бедрам и, зевнув, потянулся, предвкушая удовольствие. Это была более спокойная душа, чем X, у первой чувствовался какой-то скрытый внутренний динамизм, беспокойство, какая-то неясная жажда мщения, в то время как эта девушка представляла собой набор appetitов, которые ждали удовлетворения с гораздо менее активным темпераментом. Запись ее души лишь порхнула перед ним и была такова.

— Z, — сказал Сантоликвидо. — Двадцать шесть лет. То ли была скинута, то ли прыгнула с восьмидесятого этажа.

Скинута, решил Кауфман, через несколько секунд контакта с Z. В этой девушке не хватило бы темперамента для самоубийства. Она была спокойная, мягкая внутри и снаружи. Теперь, когда новизна контакта с душой женщины была уже не такой сильной, это быстро наскучило Кауфману, и тридцать секунд тянулись целую вечность.

— Ты можешь почувствовать себя сегодня немножко импотентом,— сказал Сантоликвидо.— Я думаю, мне стоило бы предупредить тебя. Возникает что-то типа сексуального расстройства, когда просматриваешь личности противоположного пола. Но где-то через день это проходит. Как тебе нравится быть женщиной?

— Интересно. Хотя не очень заманчиво.

— Конечно же, это были молодые, пустые девчонки. А я мог бы найти тебе женскую личность с крайне интересным характером. Но общие ощущения довольно необычны, не правда ли? Ты никогда не подозревал, что они настолько другие?

— Я рад, что подвернулся случай. Я бы не сказал, что воодушевлен какой-либо из кандидатур, выбранных моей дочерью.

— Какую ты хотел бы для нее? Она ведь собирается выбрать одну из них, ты же знаешь?

Кауфман кивнул.

— Z — попросту корова. Риза будет скучать в ее компании так же, как и я. Y — нейтральна, добродушна, вероятно, хороша в постели. X попросту отвратительна. Злая, гадкая эгоистка — ничего человеческого. Риза не пожелает терпеть такую стерву у себя в голове. Я полагаю, что Y была бы меньшим из трех зол.

— Она собирается взять X,— сказал Сантоликвидо.

— Она сказала тебе это?

— Нет. Но X — наиболее очевидная кандидатура. Она имеет необходимую для Ризы комбинацию черт — силу характера и чувствительность. За что ты ее так невзлюбил?

— Не знаю. Не могу найти какой-либо определенной причины. Просто не понравилась. Вроде бы я не заметил у нее ни одной скверной мысли, но, в то же время, она мне очень не понравилась.

— Жалко,— сказал Сантоликвидо.— Начиная со вторника она будет частью Ризы, если я не ошибаюсь. Хочешь ли ты забрать назад свое разрешение на трансплантацию?

Кауфман обдумал это предложение. Он мог запретить Ризе трансплантировать эту личность, но тотчас оценил бесполезность этого шага. В этом случае, Риза лишь усилит давление со своей стороны, а она мастер в этом деле. Он знал, что ему придется приспособиться к изменившейся Ризе, и что глупо препятствовать ей и контролировать ее.

Он махнул рукой.

— Пускай поступает, как хочет. Но надеюсь, что она все-таки возьмет Y.

— Твоя надежда не оправдается,— сказал Сантоликвидо. Он поглядел на часы.— Мне пора идти, Марк. Я передам тебя технику, который проследит за новой записью твоей личности. Я уверен, ты помнишь, что это была основная причина твоего сегодняшнего посещения.

— Да,— сухо сказал Кауфман.— Весь этот шпионаж был только закуской. А теперь главное блюдо.

Сантоликвидо вызвал молодого серьезного техника по имени Донахью, волосы которого были настолько черными, что, казалось, имели красноватый оттенок. Кроме того, он имел чудовищно густые черные брови, сросшиеся на его чрезмерно белом лбу. Кауфман попрощался с Сантоликвидо и поблагодарил за услуги, пожелав увидеть его на следующий день на Доминике.

— Не могли бы вы пройти сюда ..?— сказал Донахью.

Вскоре Кауфман покинул складскую секцию здания и вернулся в привычную его часть — приемные кабинеты, где производилась запись личности. Здесь не было ничего похожего на тщательно поддерживаемый полумрак центрального зала. Все было ярким, блестящим и сверкающим, мерцал кафель и даже воздух, казалось, был насыщен светом. Это было место, куда приходили покупать бессмертие, и его блеск отражал настроение тех, кто был достаточно богат и целеустремлен, чтобы сохранить свою личность для будущих трансплантаций.

Он был здесь много раз. Он сделал уже ряд записей, начав записываться еще молодым и беспокойным двадцатилетним юношей. Как он узнал, все эти записи существовали в каких-то далеких, но все же доступных архивах. Биограф, имея он достаточно влияния, мог бы проследить его развитие и становление с юности до полной зрелости, шаг за шагом. Теперь к этому набору будет добавлен самый последний Марк Кауфман.

Почти год он не появлялся здесь и ему было, что добавить к записям своей личности. Этот год был более богат событиями, чем другие, и был отмечен смертью его дяди, сложными отношениями с дочерью, несколькими приключениями с Еленой Вольтерра, а теперь, перед самой записью, целым букетом новых ощущений — погружением в личность дяди, а также в три женских личности. Эти последние события оставили в нем самый глубокий след и теперь они станут потенциальной собственностью будущего реципиента его личности.

— Не могли бы вы лечь вот сюда? — спросил Донахью.

Кауфман прилег. Процесс Шеффлинга имел две фазы — запись и трансплантацию, причем процесс записи был чрезвычайно прост. Все, что составляет человеческую душу — надежды и желания, триумфы и поражения, радости и боли — ни что иное, как серия электромагнитных импульсов, одни из которых оттенены разного рода шумами, другие — ясны и доступны. Вся прелесть процесса Шеффлинга состояла в том, что он давал возможность мгновенного механического копирования всей этой паутины электромагнитных импульсов. Перелет личности из головы на пленку, как пролет луча света через пропасть. Жизненный опыт трансформировался в информацию, которая могла быть записана плотностью несколько мегабайт на квадратный миллиметр на магнитофонную пленку. Ту же информацию можно было записывать и хранить на кристаллах. В принципе, это было все. Трансплантация, являющаяся по сути дела накладкой этой информации на живой человеческий мозг, была более сложна и требовала специальной химиотерапии реципиента.

Телеметрические устройства уже были подготовлены. Кауфман глядел на путаницу проводов. Сенсоры анализировали его физическое состояние, измеряли ток крови через капилляры мозга, смотрели в зрачки, регистрировали количество выделяемой влаги, изучали процесс пищеварения и мочеполовую систему.

— Вы долго у нас не были, — заметил Донахью, делая запись в его карту.

— Да, не был. Дела.

Техник покачал головой.

— Были заняты и не могли записать свою личности У вас, наверное, и впрямь очень важные дела. Вам ведь вряд ли понравится, когда вы очутитесь в качестве трансплан-

тата в чем-нибудь теле и обнаружите, что целый год жизни исчез из ваших воспоминаний.

— Абсолютно верно, — сказал Кауфман. — Невыразимо глупо забывать об этой обязанности.

— Ну, теперь все будет в порядке. Мы надеемся, что вы будете посещать нас в будущем более регулярно. Вот так, а теперь поднимите голову, чуть-чуть, так... так...

Шлем был на месте. Кауфман ждал, стараясь, как обычно, определить, когда его душа выпрыгнет из головы, оставит свой отпечаток на пленке и вернется на свое место. Но, как всегда, он ничего не ощутил. Его самосозерцание было нарушено голосом техника:

— Ну вот, мистер Кауфман. Оплату произведут с вашего текущего счета. Спасибо, что вы пришли, и я надеюсь, мы будем иметь удовольствие записывать вас регулярно еще много лет.

Кауфман вышел из здания и направился к своему вертолету. Согласно данным монитора, цены на рынке резко подскочили. Гуляя по коридорам института Шеффлинга, он заработал неплохие деньги. Кроме того он выполнил свой долг по отношению к будущему реципиенту, расширив уникальную и незаменимую запись своей жизни, заглянул в душу Пола Кауфмана и трех неизвестных девушек.

Немного погодя дали знать о себе его собственные трансплантаты. Они напомнили ему, что многие запланированные на этот день дела еще не сделаны. Подготовка к вечеру, продажа недвижимости, конференция в Вашингтоне. Дела, дела, дела. Но наконец, на какое-то время, его совесть успокоилась. А завтра он сможет расслабиться.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Остров Доминика возвышался над голубой гладью Карибского моря как огромный многогорбый зеленый зверь. Его постоянно обдували морские ветры, освещало тропическое солнце, а высокая горная гряда задерживала дождевые облака, из-за чего климат на острове был чересчур влажным. Здесь, на этих нехоженных берегах, Кауфманы основали свое родовое поместье. Промышленность пришла уже на многие соседние острова Вест-Индии, но влажные леса Доминики оставались все такими же девственными, как в доисторические времена, а в его влажных низинах

расположились обширные банановые плантации. Квазифеодальная жизнь не слишком радовала доминиканцев, которые жаждали такого же процветания, как на островах Мартиник, Санта-Лучиа, Барбадос и других. Но вопреки их желаниям на острове сохранялась заповедная патриархальность.

Владение Кауфманов лежало в северо-западной части острова, между Поинт-Раунд и процветающим поселком Портсмот. Здесь семья владела участком побережья, который включал в себя не только великолепный дугообразный песчаный пляж, но и участок, покрытый мелкой вулканической галькой. От побережья их владения поднимались вверх по склону Ман-Даблотин — самой высокой горы Доминики, и поэтому в их распоряжении был большой выбор ландшафтов: от солнечного побережья до густого таинственного заоблачного леса. Три поколения интриговали и боролись за титулы, чтобы заполучить эти земли, и можно было только догадываться о стоимости владений в мире, в котором такие угодья стали просто недоступны.

Риза любила представлять эти земли своей собственностью, будто через какое-то время они перейдут к ней по наследству. На самом деле это было не так, земли принадлежали всему семейству Кауфманов. Они управлялись, с согласия семьи, ее отцом, но это вовсе не означало, что она их унаследует. Каждый из ее многочисленных двоюродных братьев и сестер, дядь и тетя и еще более отдаленных родственников имел свою долю в этой собственности. Риза же считала себя представителем главной ветви Кауфманов, а так как она была единственным ребенком у своего отца, то наивно надеялась когда-нибудь стать главным распорядителем всего богатства семьи.

Был полдень, самое опасное время для загара. Она стояла голая, в самом центре песчаного пляжа, расслабившись перед появлением гостей. Около дюжины их уже появились. Риза прилетела вместе с отцом из Нью-Йорка вчера поздно вечером, чтобы проконтролировать подготовку к встрече. Оглядывая пляж, она посмотрела на ранних посетителей. Они были разбросаны по кремовому песку, как обломки кораблекрушения. Четверо Кауфманов, пара Леманов, трио Кинсольвингов. Некоторые из них были голые, другие — не из скромности, но по эстетическим соображениям — закрыли отдельные участки своего тела. Самый младший из них был, как минимум, на пятнадцать лет стар-

ше ее. Риза страстно желала, чтобы поскорей появились ее племянники.

Повернувшись спиной к пляжу, она побрела в сторону моря.

Ее тело лоснилось. Она намазалась кремом от загара. На глазах были контактные линзы для защиты от соленой воды. Оттолкнувшись пальцами ног от песчаного дна, она поплыла, рассекая чистую зеленоватую воду. Ей нравилось как струи воды скользят по ее животу и обнаженной груди. В пяти футах под ней солнечные лучи рисовали замысловатые узоры на океанском дне. Вскоре песчаное дно кончилось и она поплыла над коралловым рифом, который начинался в сотне ярдов от берега. Внизу виднелись ноздреватые ветвистые кораллы. Среди их зеленых и оранжевых каменных ветвей танцевали и блестели в лучах солнца разноцветные рыбки. Хищные мурены, покачивая плавниками, жадно поглядывали на нее. Риза набрала воздуха, нырнула и подобрала со дна плоский круглый камешек.

Через некоторое время риф ей наскучил. Вернувшись к берегу, она обнаружила, что гостей стало больше. Появился молодой человек приблизительно ее возраста. Возле самой воды стоял ее двоюродный брат Род Лозб — восемнадцатилетний парень, мускулистый, загорелый, гордый. Она его хорошо знала и он ей нравился. На нем были лишь узкие плавки. Когда она вышла из воды, он спокойно оглядел ее обнаженное тело.

— Только приехал? — спросила она.

— Полчаса тому назад. Там что-то случилось в аэропорту и нас задержали. А ты хорошо выглядишь, Риза.

— И ты. Давай погуляем.

Они пошли по самой кромке прибоя к скоплению камней в северной части пляжа. Риза чувствовала, как горячие солнечные лучи обтекают ее тело, но молекулярный слой крема предохранял ее. Она чувствовала радость от своей наготы. Затем она пустилась бежать, при этом ее маленькие груди чуть подпрыгивали. Если бы Елена попробовала побежать, то ее грудь при каждом шаге была бы ее по лицу.

Достигнув камней, они совершенно не запыхались. Внизу из-под камней к воде спускались выбеленные корни растений.

— Я слышал, что ты сделала трансплантацию.

— Как быстро распространяются слухи, если они уже достигли Маджорки.

— В этой семье слухи распространяются со скоростью света. Так это правда, или нет?

— Отчасти. Я только собираюсь. Несколько дней назад Марк дал свое согласие. Я ходила в банк душ и кое-что подобрала себе, а во вторник будет трансплантация.

— И кого ты возьмешь?

— Я еще не решила. Мне надо выбрать из нескольких различных типов. Кто бы это ни был, это будет девушка, которая умерла молодой и сексуальной. Может даже кто-нибудь, с кем ты спал.

— Значит получится, что ты как бы спала со своим братом? — засмеялся Род. — Это если ты выберешь личность девушки, которая спала со мной.

— Я не знаю. Мне все равно. И, собственно говоря, что в тебе такого особенного?

— Попробуй и увидишь, — сказал Род. — Тут можно обойтись и без трансплантации.

Она внимательно поглядела на его плавки.

— Прямо здесь, на пляже, или пойдем к тебе в коттедж?

— Почему бы и не здесь? — спросил он.

— Хорошо, — сказала Риза. Она легла на плоский широкий камень, и, согнув колени, широко расставила ноги. С пляжа их было прекрасно видно.

— Ну давай же, — сказала она, приподнявшись на локтях. — Я жду.

— Я уже решил было, что ты серьезно, — сказал Род.

— А я серьезно. И ты тоже, не так ли? Эти плавки не много скрывают. Ты хочешь меня. Ты уже давно намекаешь на это. Это твой шанс. Залезай на меня.

Его глаза злобно вспыхнули.

— Я не занимаюсь этим с детьми.

— Монстр! Мне уже больше шестнадцати.

— Формально. Только ребенок может устроить такую демонстрацию, как ты. Это фиглярство, Риза. Если ты и впрямь желаешь, чтобы я обладал тобой, давай пойдем куда-нибудь в укромное место и я удовлетворю тебя. Но ради того, чтобы показать всем, что ты достаточно взрослая, чтобы немного согрешить...

— Неужели я буду первой, кто занимался любовью на этих вечерах?

— Брось,— сказал Род. Он лег рядом с ней и легко похлопал ее по левому бедру.— Может, сменим тему? Ты что-нибудь знаешь о трансплантации дяди Пола? Кому он достанется?

Его пренебрежительный тон обидел Ризу и, сомкнув колени, она сказала:

— Откуда я знаю?

— Ходят слухи, что его собирается заполучить Джон Родитис.

— Да, но пока что мой отец против.

— Это будет удар, не так ли?— сказал Род.— Родитис и так достаточно силен. Вместе с Полом он станет титаном. Это будет бизнесмен века.

Риза зевнула и перевернулась на живот, опустив пальцы ног в воду. Серый, еле заметный на фоне песка краб пробежал рядом и исчез, с необычной быстротой закопавшись в песок.

— Мой отец не хочет, чтобы дядя Пол достался Родитису,— сказала она.— Отец хорошо знает Сантоликвидо, а ему как раз решать, понял?

Род кивнул.

— Прямо по полочкам все расставила.

— Все это так. Ведь если Родитис получит дядю Пола, он сможет посещать наши семейные собрания, он протиснется в самый центр нашей семьи. Разве это не ужасно? Можешь ты себе представить, как этот гадкий человечек сидит рядом с нами на песке, наслаждается напитками, и требует от нас почтительного отношения из-за того, что в него поместили личность дяди Пола? Этого не будет.

— Может и нет. А может и да.

— Нет.

— Если это невозможно,— сказал Род,— то что же тут делает личный секретарь Родитиса?

— Где?

— Вон,— указал Род.

Риза поглядела наверх и увидела группу вновь прибывших гостей, которые спускались с террасы на пляж. Впереди шла Елена Вольтерра — почти голая, с блестящим от крема телом, с переливающимися на солнце жировыми складками и огромной грудью, которая непонятным образом удерживалась на одном месте тонкой ленточкой. Рядом с ней шел плотный и розовый Франческо Сантоликвидо. Чуть позади шествовала привлекательная пара, в ко-

торой Риза узнала Дэвида и Глорию Лозб. Справа от Глории, чуть поодаль, шел высокий и худой, ужасно бледный, светловолосый человек, очень похожий на Чарльза Нойеса — известного компаньона Джона Родитиса.

Его появление на пляже произвело шок. Сам Нойес выглядел довольно неважно. Для защиты от солнца он был густо намазан кремом, но, в то же время, постоянно подергивал плечами как бы желая убедиться, что ничего с его кожей не случилось.

— Что ему здесь нужно? — пробормотала Риза.

— Может быть и Родитис здесь? — сказал Род. — Мирно беседует с твоим отцом в усадьбе?

— Нет! Нет! — Риза поискала глазами Марка Кауфмана, но не нашла его. Это невозможно, говорила она себе. Затем она вспомнила — Ведь Нойес брат Глории. Возможно, он заехал вместе с ней. Это не имеет ничего общего с Родитисом.

— Может ты и права. Но согласишься, довольно странно видеть человека Родитиса прямо среди нас. Как Смерть на пиру.

— Я пойду разузнаю побольше.

— Валяй. А я пошел купаться. Все сплетни я узнаю от тебя потом.

Он прыгнул с уступа в воду и быстро поплыл в сторону рифа. Риза с беспокойством поднялась и направилась к группе гостей, стоящей у начала песчаного пляжа почти посередине склона.

Она сдержанно поздоровалась с Еленой и пожала руку Сантоликвидо. Затем улыбнулась Дэвиду Лозбу, высокому, приятному на вид человеку лет сорока пяти, степень родства с которым она так и не смогла понять, и обняла его стройную, длинноногую, белокурую жену Глорию. Риза знала их очень плохо. Глория выглядела напряженной и немного раздраженной, но непринужденно повернулась и сказала:

— Риза, мне кажется, ты еще не знакома с моим братом. Чарльз Нойес. Риза Кауфман. Дочь Марка.

— Очень приятно, — сказал Нойес. Как показалось Ризе, не очень искренне. Его большие голубые глаза метались по сторонам, как бы пытаясь избежать соприкосновения с ее девичьей наготой, и затем, после некоторого заметного усилия, он улыбнулся ей.

— Глория так много говорила мне о вас, — вежливо соврала Риза. — Это должно быть очень интересно — работать с мистером Родитисом. А скажите, он тоже придет на наш вечер?

— Нет, он это... он не придет, — ответил Нойес.

— Жаль. Я бы очень хотела с ним встретиться. Вы извините меня? — Риза холодно улыбнулась и, повернувшись, побежала по горячему песку навверх, через газон в главный корпус поместья, где слуги готовили стол к ленчу. Поискав своего отца, она нашла его, как и ожидала, в отделанном бамбуком кабинете. Он говорил по телефону. Она не смогла разглядеть, кто был на экране. Через некоторое время он повесил трубку и поглядел на нее.

— Ты знаешь, кто приехал? — спросила она.

По его унылому виду она сразу же поняла, что он знает.

— Да. Глория — это шкатулка с сюрпризом. Я думал о ней значительно лучше!

— Почему ты пустил его?

— Он ее гость. Я не могу не пустить его, даже если он — правая рука Родитиса. На эту вечеринку каждый может привести своего брата.

— Но что ему здесь нужно? Шпионить для Родитиса? Попытаться уговорить нас? — Кауфман расслабился и даже позволил себе рассмеяться.

— Зачем ты берешь все это в голову, Риза? Это моя проблема. Ступай на солнышко и расслабься.

— Я тоже Кауфман, а значит это и моя проблема. Мы должны придерживаться определенных семейных традиций!

— Мы будем их придерживаться, любовь моя. Я займусь мистером Нойесом.

Разговор был окончен. Марк все еще не считал ее взрослой. Он погладил ее по головке и предложил пойти поиграть. Риза была разгневана. Сдерживая злость, она покинула здание, чуть не столкнувшись с паукообразным роботом, полировавшим паркетный пол на террасе.

Положив руки на бедра, она остановилась на краю террасы и поглядела на гостей. Род уже вышел из воды и беседовал с Нойесом и Лозбами. Сантоликвидо с Еленой подозрительно уединились возле камней, где Риза недавно безуспешно пыталась соблазнить своего двоюродного брата. В небе, хлопая крыльями, кружили два пеликана, время

от времени спускаясь к воде, чтобы схватить рыбу, Риза знала, что им впрыснули специальное средство, чтобы они весь день чувствовали голод и, тем самым, развлекали гостей. С внезапной яростью Риза сорвалась с места и побежала к небольшому коттед-жу, одному из тридцати, стоявших позади центрального здания, в котором она остановилась на время отдыха. Там она бросилась на кровать и зарыдала.

Несколькими минутами позже дверной монитор заявил о приходе посетителя. Она подняла голову и увидела изображение Рода.

— Заходи,— сказала она.

Дверь открылась. Он вошел и, поставив поочередно ноги на вибратор, отряхнул их от песка.

— Я узнал насчет Нойеса,— сказал Род.— Он здесь не по заданию Родитиса. Он зашел к Глории и Дэйву, когда они собирались на вечер. Они не могли избавиться от него, поэтому Глории пришлось пригласить его в вертолет, и так он оказался здесь. Твой отец, наверное, разъярен.

— Именно сейчас мне наплевать на чувства отца,— тихо сказала Риза,— по поводу Нойеса или по поводу Родитиса. Они все могут убираться к черту.

— Эй...

Ее глаза наполнились слезами.— И ты можешь убраться туда вместе с ними!

— Что случилось? Что я сделал?

— Точнее, что ты не сделал,— сказала Риза. Род по-особенному поглядел на нее. Он разглядывал ее обнаженное тело так, будто никогда не видел ее раньше. Риза в ожидании задрожала. Приближалось время ленча, но сначала...

Их взгляды встретились. Она смотрела на него, не мигая. Он кивнул и пошел к кровати.

Нойесу казалось, что его мозги расплавятся под этим сумасшедшим солнцем. Он читал мантры самообладания и высвобождения, закапывал пальцы ног в раскаленный песок, смотрел на голых и полуголых Кауфманов, их друзей и родственников и страстно желал очутиться где-нибудь в другом месте. Ему казалось гадким то, что Родитис запахнул его в это собрание, где он был так нежелателен. Кроме того ему приходилось торчать на тропической жаре, а это было выше его сил и чувства долга. Может ли защит-

ный крем в действительности защитить его? Или до вечера он превратится в обуглившуюся головешку?

Нойес почувствовал усмешку Кравченко.

«Будь мужчиной, приятель.»

— Издеваешься. Но ведь ты не чувствуешь жары.

«Это привилегия мертвецов. Они не чувствуют боли, как, впрочем, и удовольствия. Эй, эй, эй, чем это там занимается Сантоликвидо?»

Нойес посмотрел на пляж. Не он заметил это, а принадлежащая ему личность. Сантоликвидо был погружен в беседу с Еленой Вольтерра. Но ведь всем известно, что Елена — любовница Марка Кауфмана. Превозмогая жару Нойес проанализировал ситуацию с точки зрения ее выгоды для Родитиса. Оказывала ли Елена в этот момент медвежью услугу Родитису, высказывая восприимчивому администратору причины, по которым личность Пола Кауфмана не должна ему достаться? Или напротив, Сантоликвидо просто пытался приударить за Еленой, пока Кауфмана нет поблизости? Первое было маловероятно, но второе...

Пытаясь выглядеть беззаботно, Нойес направился к этой паре. Елена была определенно шикарной женщиной, подумал он. Ее крутые формы, покрытые ровным загаром, такие привлекательные и ярко-выраженные. Он подумал, что Елена бы выглядела довольно неуклюже с обнаженной грудью, и если бы она поправилась еще на пять фунтов, то вся ее пышность превратилась бы в тучность. Но сейчас она была обворожительна. Нойес подозревал, что вкусы Сантоликвидо склонялись к женщинам типа Елены, имеющим формы Латинских статуй. Для Родитиса было бы крайне полезно, если бы Санто как-то скомпрометировал себя с Еленой в этот вечер.

Он подошел к паре ярдов на сто — с этого расстояния все еще невозможно было читать по губам. Дорогу ему пересек робот, разносивший бокалы с напитками, и когда он остановился, чтобы его пропустить, то был буквально перехвачен невысокой, энергичной женщиной со светлыми глазами и острым подбородком. — Чарльз, — сказала она. — Я не видела тебя тысячу лет. Познакомься с моим новым мужем!

Он довольно быстро вспомнил ее фамилию. Это была Адамс. Он встречал ее на свадьбе сестры с Дэвидом Лоэбом, но помнил лишь, что она некоторое время была замужем за одним из Шиффсов. Он растерянно улыбнулся.

— Ты не помнишь меня?— спросила она.

— Это было так давно, Донна. Донна Адамс, не так ли?

— Донна — это моя сестра. А я Ровена. Как ты мог забыть такое имя? Ты должен почаще пить таблетки для укрепления памяти, Чарльз. Мне кажется, что я никогда не забуду, как ты вел себя на свадьбе у Глории! Ты...

— Какая же у тебя теперь фамилия?— быстро перебил ее Нойес.

— Овенс. Да, я же собиралась познакомить тебя со своим мужем, Натаниэлем Овенсом. Он сейчас здесь. Это экстраординарный человек. Ты не можешь представить себе, Чарльз, он обладатель семи личностей. Семи!

Ее муж не слишком хорошо управлялся со своими личностями, решил Нойес несколькими минутами позже, когда был представлен Натаниэлю Овенсу. Овенс оказался мощным мужчиной с широкой грудью, которую покрывал густой волосяной покров, причем Овенс явно гордился этим своим украшением, а его грубое невыразительное лицо выглядело так, будто состояло из отдельных независимых частей. Ему было около шестидесяти, черные глаза не совсем хорошо фокусировались, а когда он заговорил, то, смущаясь, перескочил через целую октаву, пока не нашел свой собственный тембр.

— Моя жена наговорила о нас много глупостей?— спросил Овенс почти утвердительно.

— Вовсе нет. Она просто рассказала, что у вас семь личностей.

Овенс вздрогнул и заморгал.

— Да, черт побери! Разве со мной что-нибудь не так?

— Если вы можете сдерживать напряжение...

— Он может сдерживать все, что угодно, приятель,— сказал Овенс каким-то странным, совершенно другим голосом.— Он истинный ариец.

Нойес все еще пытался понять, почему Овенс заговорил о себе в третьем лице, когда тот вдруг переключился на другой, гораздо более высокий голос:

— Заткни свою вонючую пасть!

— Кстати, я говорю именно через твою вонючую пасть,— возразил низкий голос.— Нащу пасть, кретин!— сказал Овенс третьим голосом, на этот раз сильным тенором.— Мы все заперты в этой клетке!

Нойес с ужасом понял, что одна из личностей Овенса захватила контроль над его телом и спорит с ним через его

голосовой аппарат. Сам Овенс стоял с глупым видом, безвольно свесив свои длинные руки и двигая плечами с каким-то странным автоматизмом. Его глаза округлились. Супруга, увидев что случилось, схватила с подноса капсулу со спиртным и как финку воткнула ее в мускулистое плечо Овенса. Напряженные мышцы его лица расслабились. Он выглядел изможденным.

— Натаниэль сегодня не выспался, — объяснила Ровена Овенс собравшимся вокруг. — Когда он устает, ему бывает трудно поддерживать форму. Тебе лучше, дорогой?

— О да, я в порядке, — заявил Овенс. — Я снова полностью владею собой. — Голос его был спокоен и он прекратил дергать плечами.

От этого зрелища Нойеса охватил ужас. Ему показалось, что в глазах Овенса он увидел свою собственную судьбу. Трансплантированные личности этого человека на какое-то время вырвали у него контроль над его телом, сделав его пленником в своем собственном черепе, в окружении зомби. То же самое Джеймс Кравченко постоянно пытался сделать с ним. Правда, Кравченко пока не удалось захватить даже его голосовой аппарат, и когда он говорил, это был все еще внутренний голос. Нойеса даже не успокаивало, что ему приходилось решать проблему контроля над одной личностью, в то время как Овенсу приходилось бороться с целой командой.

Очевидно, Овенс принял молчание Нойеса за неодобрение.

— В чем дело? — раздраженно спросил он. — Вы не верите в трансплантацию Шеффлинга?

— Ну, я...

— Знаю. Вы один из противников трансплантирования личностей. Вы думаете, что все зло от них, что это результат культурного загнивания. Вы считаете, что все трансплантаты должны быть удалены. Так? И тут вы встречаете меня, обладателя целых семи личностей, и конечно же, для вас я — живое воплощение Сатаны. Так? Правильно?

— Вовсе нет, — пролепетал Нойес.

— Кстати, мой брат вовсе не является приверженцем идеалов Очищения. Правда, Чарльз? — откуда ни возьмись появилась Глория и заняла позицию рядом с Овенсом с видом честной и симпатичной девушки, какой она была в день своей свадьбы.

— Конечно, нет,— сказал Нойес с трудом.— У меня, между прочим, есть одна дополнительная личность. Почему вам показалось, что я против трансплантации?

Овенс заметно успокоился.— Мне кажется, я сделал слишком поспешное заключение. Видите ли, у меня так много «я», что я часто прихожу к поспешным заключениям. Мы решаем все коллегиально, и иногда делаем это наспех.— Он протянул руку.— А кстати, кто вы?

— Чарльз Нойес. Я работаю в Родитис Секьюритис.

— Ах да, конечно.— Как только рука Овенса коснулась его руки, Овенс снова вздрогнул и по его руке прошло что-то вроде конвульсии, что заставило руку отдернуться. Нойес с беспокойством наблюдал, как спазмы охватили всю правую сторону тела Овенса.

— Чарльз также эксперт в буддистской теории реинкарнации,— быстро добавила Глория.— Он и мистер Родитис недавно совершили паломничество в ламаистский монастырь в Сан-Франциско. Он...

— Вы верите во всю эту чепуху?— спросил Овенс.

Нойес опешил, удивляясь таланту этого волосатого здоровяка затевать пустопорожние споры. Ровена Овенс прикусила губу. С максимальной осторожностью Нойес возразил:

— Я считаю, что многие основоположники ценнейших учений нашего мира были в сущности своей перевоплощенцами. Мы должны освоить искусство умирания, если хотим постичь искусство жизни.

— А я говорю, что это чепуха,— громко ответил Овенс.— Это искусственное наложение буддистских догм на материалистическое мировоззрение. Те из нас, кто участвует в программе трансплантации, ставят себя над обычными людьми, над чернью, если позволите, и из-за того, что мы в результате становимся фактически бессмертными, нам нужно это как-то обосновать в рамках новой религии. Именно поэтому мы переняли эту ерунду с колесом кармы из Гималаев и перевернули ее вверх тормашками, так как в своей изначальной форме она была неприменима к нашему обществу. Эта...

— Вы сейчас говорите как мистер Родитис,— начал было Нойес.— Он...

— Позвольте мне закончить! Основная задача буддистов заключена в том, чтобы порвать цепь перерождений и отойти в нирвану, не так ли? Более не рождаться? Наша

же идея заключена в том, чтобы совершить максимально возможное число перевоплощений в течение многих веков. Для нас хорошая карма ведет к новому рождению. Разве это буддизм? Это прямо противоположно буддизму! Я-то знаю. Гуру находится прямо во мне, один из лучших, настоящий теолог. Муртаф, из Балтиморской группы. Вы его знаете?

С трепетом Нойес сказал:

— Да, а как же. Он написал «Искусство Смерти».

— И умер сам, а я получил его! Так что лучше не спорьте со мной по вопросам теологии. У меня в голове первоисточник, Нойес. Ом мани падме хум. И я знаю всю циничность этого движения. Я получил коллективную карму. — Овенса снова передернуло. Он опять начал терять контроль над собой. — Повторяю вам, только уставшая личность желает выскочить из круговорота рождений и смертей. Остальные же жаждут крутиться снова, снова и снова. Мы... — С губ Овенса слетело грубое ругательство. Он остановился в недоумении, со всего размаха ударил себя кулаком в правую щеку и задрожал.

Было до боли неприятно наблюдать, как он распадается.

Придя в себя, Овенс заметил:

— Временами бывает тяжело удержать в руках вожжи.

— Зачем же вы так усложнили себе жизнь? — спросил Нойес. — Семь личностей...

— В действительности, только четыре, — сказал Овенс. — Но личность Муртафа принесла с собой еще две, и одна из моих старых уже имела одну. Итого, трое «зайцев» и четыре трансплантата. А этого уже вполне достаточно. Толпа.

Нойес понимал. Эти «зайцы» считались вторичными личностями. Личностями, которые существовали как неотъемлемая часть трансплантата. Теперь, когда процесс Шеффлинга просуществовал более века, проблема вторичных личностей становилась все более и более острой. Каждый, кто носил в себе добавочную личность, передавал её при записи вместе со своей, а затем некоторые из этих записей выбирались новыми реципиентами. Таким образом, через некоторое время, практически каждый трансплантат вместе с собой привносил реципиенту одну или две дополнительные личности. И наконец наступило время, когда

каждая трансплантация создавала в голове человека шумную толпу, даже несмотря на то, что вторичные личности гораздо менее активны, чем первичные.

Нойес также знал, что существовали способы обойти эту проблему. Самый простой — трансплантировать личность, не имеющую вторичных личностей, как он в свое время и сделал. Кравченко воспользовался процессом Шеффлинга лишь незадолго до своей смерти, поэтому последняя его запись еще не содержала дополнительной личности. Хотя и этот способ постепенно отходил в прошлое, так как теперь каждый проходил трансплантацию в молодые годы, внося таким образом дополнительную личность в свои самые ранние записи.

Другой путь — удалять дополнительные личности из трансплантата. Удаленные таким образом копии возвращались в банк душ и могли быть трансплантированы как первичные другим реципиентам. Нойес предпочитал второй вариант. Однако каждая новая личность — это престиж, а множество личностей — гораздо больший престиж. Люди теперь стремились превратить свои мозги в кашу. Когда человек получает трансплантат, он хочет получить весь пакет вторичных личностей, получая таким образом все преимущества трансплантированной личности во всей ее сложности.

Это было бы замечательно, если бы человек мог справиться с таким трансплантатом, подумал Нойес. А как было бы полезно каждому будущему реципиенту провести минут пять в компании Натаниэля Овенса и посмотреть, к чему может привести жадность. — ...может было бы и лучше, если бы вся эта затея с трансплантациями вовсе не начиналась, — говорил Дэвид Лозб. — К тому же, я не верю в удаление. У меня есть трансплантат. Но все же...

— Это наше спасение. В этом наше стремление к бессмертию, — сказал Овенс мягким, высоким голосом. — Я записался сюда, нахожусь здесь с целой компанией пассажиров, и надеюсь теперь на новый цикл, в новом теле, когда...

— Нат! Твоя рука! — взвизгнула Ровена.

Пока он говорил, его рука совершенно независимо от тела потянулась вперед, чтобы ухватить бедро Глории Лозб. Глория смущенно моргнула, почувствовав, как сомкнулись узловатые пальцы. Овенс пробормотал какие-то

извинения, но руку не убрал. Дэвид Лоэб и Нойес пришли на помощь одновременно: Нойес схватил запястье руки Овенса, а его родственник разжал пальцы. На бледной коже Глории появились красные пятна.

Было видно, что Овенс не понял, что он сделал. Последовала длительная молчаливая пауза, в течение которой аристократы искали аристократический способ уладить возникшую ситуацию. Затем Овенс хрипло сказал:

— Я, пожалуй, пойду искупаюсь. Разряжусь немного и приведу себя в порядок.

Спотыкаясь, он побежал к воде. В его грузном, неуклюжем и, в то же время, могучем теле, по-видимому, шла борьба за контроль даже на бегу. Но он ухитрился нырнуть вполне нормально. Опустив голову и размахивая руками, он, как торпеда, поплыл к рифу.

Нойес закрыл глаза. Солнце над его головой вдруг показалось ему огромным, гигантским раскаленным шаром, изрыгающим пламя. В его голове раздался издевательский смех Кравченко.

«Смотри, смотри, Чарли. Это то, что я собираюсь вскоре сделать с тобой. И мне не понадобятся несколько приятелей, чтобы оттолкнуть тебя в сторону. Я справлюсь один.»

Нойес отвернулся от присутствующих. Чтобы говорить с Кравченко напрямую, он должен был произносить слова вслух, и ему не хотелось, чтобы кто-нибудь услышал, как он разговаривает сам с собой.

— У тебя это не пройдет, — прошептал он, — как только ты попытаешься это сделать, я убью нас обоих, Кравченко.

«Ох. Опять угрожаешь карнифагом. Где твоя колба, Чарли? В плавках?»

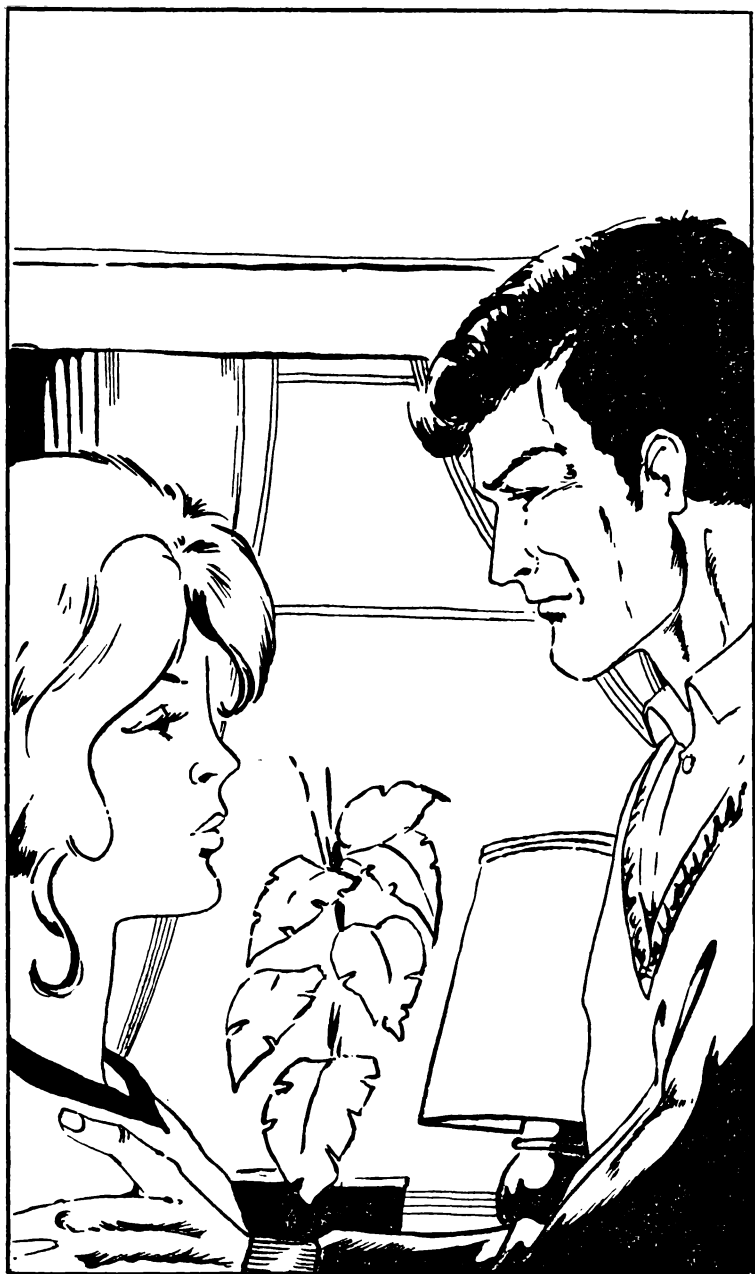
— Оставь меня.

«Почему бы нам не пойти и не поговорить с Еленой. Это такая женщина! Займись-ка ей, а я посижу и посмотрю. Когда я был жив, я знал ее. Тогда она еще не была любовницей Кауфмана. Дай мне контроль над твоим телом, Чарли, и она будет твоей.»

— Прекрати!

«Это будет выгодно для нас обоих. Я обработаю Елену, а твое тело получит наслаждение.»

Нойес поежился. От угроз Кравченко перешел к уговорам, но цель осталась той же. Это могло случиться в любое

время: трансплантат мог перехватить контроль над телом и даже навсегда уничтожить личность Нойеса, после чего Кравченко остался бы единственной личностью в теле Нойеса — зомби. В этом было истинное возрождение: уничтожить своего хозяина, снова получить свое собственное тело и наслаждаться этим миром, используя все органы чувств. Задачей Нойеса было не дать Кравченко возможности уничтожить себя.

Солнце превратилось в колбу с карнифагом.

Только протянуть руку, думал Нойес. Схватить ее. Сделать глоток. Показать ему, на что он способен.

Пот ручьями струился по его телу. Он представлял, как на его коже набухают и лопаются пузыри, как растворяются его кости. Окружающие, видя, что он покачивается, начали с беспокойством поглядывать на него. Нойес кланялся и улыбался своей сестре, Елене, Ровене Овенс. Мол, я в порядке. Все в полном порядке. Может, немного перегрелся на солнце, но ничего серьезного, все хорошо, не стоит беспокоиться.

Кто-то закричал.

Сперва Нойес подумал, что кричат из-за него, что в своем полуобморочном состоянии он либо умер, либо распался на куски, растворился, или все-таки схватил солнце. Но он по-прежнему стоял на ногах и никто уже не глядел в его сторону. Внимание всех было приковано к морю. С большим усилием он повернулся посмотреть, что произошло.

— Он потерял контроль! — кричала Ровена Овенс. — Помогите ему, кто-нибудь, помогите ему!

Нойес увидел, что Натаниэль Овенс уже доплыл до рифа, до той его части, где светло-коричневая коралловая масса лежала у самой поверхности воды и даже в нескольких местах пробивалась на поверхность. И там беспокойные, несовместимые личности в его голове взбунтовались. Теперь Овенс бился об острые как бритва кораллы, подпрыгивая и падая на них, как загарпуненный дельфин, то выпрыгивая из воды и дергая ногами в воздухе, то исчезая из вида, чтобы появиться и снова упасть на кораллы. На его коже уже были видны глубокие порезы. Снова и снова он бросался на риф, а затем, упав на одну из выступающих из воды частей рифа, начал извиваться в безумном танце.

— Он разрежет себя на куски, — сказал Дэвид Лоэб.

— Кровь попала в воду — скоро появятся акулы, — заметил Сантоликвидо.

Кравченко в голове Нойеса засмеялся.

«Видишь? Видишь? Погоди, и ты дождешься!»

— Нет, — прошептал Нойес. — Тебе этого со мной не сделать никогда!

От собравшихся отделилась Риза Кауфман. Она молча стояла неподалеку и была заметно обеспокоена безумным поведением Овенса. Затем обнаженная, словно темно-коричневая торпеда она метнулась через пляж к воде и поплыла в сторону рифа. Вода почти полностью скрывала ее тело, над поверхностью показывалась то нога, то лопатка, то стройное бедро девушки. Она доплыла до Овенса. Он стоял на рифе, готовясь к новому сумасшедшему салто, и вода едва достигала его колен. Темная венозная кровь блестела под густым слоем волос, покрывающих его тело. Риза вскарабкалась на риф рядом с ним, крепко схватила за плечи и развернула его.

Контакт ее маленьких, упругих грудей с покрытыми шерстью телами Овенса казался отталкивающим. Вдруг, чрезвычайно ловко, девушка отшвырнула оглушенного, залитого кровью мужчину в сторону от острых кораллов и потащила его к чистой зеленоватой воде ближе к берегу. Он был в безопасности. Раздался радостный крик толпы.

В этот самый момент Нойес почувствовал, что небеса раскололись на куски и солнце упало к его ногам. Он подобрал его и проглотил. Ошеломленный галлюцинацией, он упал на землю и бесконтрольно забился в конвульсиях. Мир потемнел. Его конечности колотили по земле. Кравченко выл от удовольствия.

Он почувствовал рядом с собой тепло нежной женской плоти.

— Тихо, тихо, тихо. Все будет хорошо.

Рядом с ним была Елена Вольтерра. Его голова покоилась на ее пышной груди, он всхлипывал и дрожал всем телом.

— Ему нужен воздух, — сказал чьей-то голос.

Нойес несколько раз открыл и закрыл глаза, затем отчаянно вцепился в Елену.

— Меня зовут Кравченко, — сказал он. — Джеймс Кравченко.

— Кравченко мертв, — сказала Елена. — Вы Чарльз Нойес.

— Да. Да. Чарльз Нойес. Кравченко мертв.

— Отдохните,— прошептала Елена.— Спокойнее. Спокойнее.

— Отдохните... Я Чарльз Нойес. Да.

— Скоро вам будет лучше. Его руки коснулся холодный ультразвуковой шприц. Не спиртное, а обезболивающее, понял Нойес. Он увидел Будду-Теруку с тремя головами и шестью руками, твердо стоящего на своих четырех ногах. Правое лицо его было белым, левое — красным, а среднее — темно-коричневым, тело его испускало потоки лучей, девять глаз его были широко открыты, брови дрожали как молнии, огромные клыки блестели и цеплялись друг за друга.

— Я Чарльз Нойес,— сказал Нойес.

«Передай Елене крепкий поцелуй за меня»,— услышал он голос Кравченко.

Глаза Нойеса закрылись. Он больше не чувствовал боли.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Был вторник, утро. Риза вошла в офис Сантоликвидо и остановилась в дверях. Он был занят вводом данных в компьютер. Наконец он взглянул на нее и сказал:

— А вот и наша маленькая героиня. Заходи, заходи, садись.

— Вы хорошо загорели в эти выходные,— заметила Риза.

— Ничто не может сравниться с тропическим солнцем. Это была прекрасная вечеринка, Риза. Мои поздравления тебе и твоему отцу. Правда, там произошло несколько необычных событий...

— Овенса отправили на орбиту, в госпиталь-спутник. Он пробудет там около месяца, пока не вылечится.

— Грустно, очень грустно,— улыбнулся Сантоликвидо.— Невесомость ему не поможет. Он кандидат на удаление личностей.

— Я думала, вы не придерживаетесь этой теории!

— Я не имею в виду политику,— возразил Сантоликвидо.— Я говорю лишь о медицинском аспекте. Этот человек не справляется с тем, что имеет.

— Я с вами согласна,— Риза была польщена тем, что

такой занятой человек, как Сантоликвидо, тратит свое время на обсуждение с ней проблемы Овенса. Для нее это было косвенным признанием того, что ее считали взрослой.— А закон разрешает такие удаления? — спросила она.

— Ну да, конечно, когда присутствие трансплантата угрожает безопасности и целостности личности человека.

— Вы, наверное, правы.

Глаза Сантоликвидо сузились.

— Правда, Нат Овенс имеет большие связи. Я бы не спешил отправлять его на удаление против его желания. Посмотрим, как он будет себя чувствовать после этого полета. Возможно, мы уговорим отдать две — три наименее подходящие личности, конфликтующие друг с другом.

— Это было бы лучше всего,— важно сказала Риза.— То, что произошло на рифе, выглядело страшно. С него свисали огромные куски кожи и было видно, что он даже не понимает, что делает, просто бьется о риф снова и снова.

— Ты показала себя настоящей героиней, спасая его. Она засмеялась.

— Я не перестаю думать об этом. Ведь я могла ничего не делать. Но мне показалось, что так будет правильнее. Точнее, я знала, что смогу добраться туда и стащить его с рифа, и я сделала это, а потом у меня было достаточно времени понервничать. Особенно, когда я вышла на берег и увидела, что в припадке бьется Чарльз Нойес...

— Да, это была дикая картина,— согласился Сантоликвидо.— Нойес пролежал без сознания два дня, не так ли?

— Кажется, его уже отпустили. Ему уже лучше.

— Скажи мне, Риза. Ты видела двух мужчин, одновременно потерявших над собой контроль только из-за того, что они не смогли справиться со своими трансплантатами. Не изменила ли ты свое решение по отношению к трансплантации?

— Конечно же, нет,— мгновенно ответила она.— Да, признаюсь, мне было немного не по себе, но я бы не пришла сюда, если бы не решила довести это дело до конца. Что с ними произошло, меня не касается. Овенс сам виноват, набрал целую толпу. А у Нойеса, как мне говорили, нестабильный характер. Я готова.

— Молодец.— Сантоликвидо нажал на кнопку звонка.— Тогда начнем. Ты выбрала себе личность?

— Да.

— Тенди Кашинг?

— Как вы догадались?

— Я знал,— сказал Сантоликвидо.— Можешь спросить у отца. Я предсказал твой выбор.— Он выдвинул ящик стола, что-то поискал там, затем подошел к Ризе и взял ее за руку. Она встала.— Такой как сейчас я тебя больше не увижу, Риза. Ты покинешь мой офис как Риза Кауфман, а когда мы встретимся снова, ты будешь Ризой плюс Тенди. Я надеюсь, этот союз обогатит тебя.

— Я уверена в этом,— сказала она и поцеловала его в губы. Она любила его и он был для нее как добрый дядюшка. Хотя, конечно же, она знала, что явилось бы ошибкой вставать в покровительственную позу по отношению к столь могущественному человеку, как Франческо Сантоликвидо. Он был так добр к ней только потому, что она была дочерью Марка Кауфмана, и было бы глупо забывать об этом.

В дверях кабинета появился одетый в черный костюм техник.

— Сюда, пожалуйста, мисс Кауфман.

Она помахала рукой Сантоликвидо и подумала: ну вот, привет, Тенди Кашинг!

Она прошла за техником в комнату трансплантации. Это было долгое путешествие, которое охватывало множество этажей здания, и по мере приближения к цели в ее душе росло напряжение. Она решила отвлечься и стала разглядывать техника. Он был молод, не многим старше ее двоюродного брата Рода и, что сразу бросалось в глаза, очень ее боялся. В его обязанности входило общение с богатыми и могущественными, он должен был закачивать новые души в их восприимчивые мозги, но Риза подозревала, что сам он, покидая этот волшебный дворец каждый вечер, возвращался в какую-нибудь маленькую каморку, полную тараканов и визжащих детей, где напряженно ожидал следующего дня и новой экскурсии в фантастический мир. Как, должно быть, ужасно жить в реальном мире, подумала она, зарабатывать около тысячи долларов в месяц, не иметь возможности позволить себе лишнего и постоянно осознавать, что смерть принесет... небытие!

- Пройдемте сюда,— сказал техник.
- Как тебя зовут?— спросила Риза.
- Леонардс, мисс Кауфман.
- Это имя или фамилия?
- Фамилия.

Фамилия. Несомненно, он имел и имя, но не собирался говорить его. Он попросту был ходячим оборудованием. Леонардс. Он был симпатичным, немного суетливым, излишне бледным, между бровями его уже сформировались морщины, но фигура была стройной и высокой. «Ты женат, Леонардс? Где ты живешь? О чем мечтаешь, чего добиваешься? Не ужасно ли это для тебя, работать в банке душ и не иметь никакой надежды получить трансплантат или оставить после себя собственную запись? А если бы у тебя было достаточно денег, чтобы записать свою личность, Леонардс? Допустим, я переведу на твой счет полмиллиона долларов. Этого достаточно? Я могу сделать это. Я скажу Марку, что отдала эти деньги на благотворительность. Твоя жизнь станет совершенно другой. Как бы ты относился ко мне потом, Леонардс, и лег бы ты в постель со мной? Тебе бы захотелось спать с Ризой Кауфман? Я хороша. Спроси Рода Лозба. Спроси других. Я молода, но быстро учусь».

Они вошли в кабину. Лицо ее было застывшим, словно маска, скрывавшая мысли от молодого человека. Ему не следует знать, о чем она думала. Он может разнервничаться и как-нибудь нарушить трансплантацию. Пусть остается спокойным и уверенным в себе по крайней мере до тех пор, пока не сделает свою работу. Потом, может быть, я с ним немного развлекусь.

Кабина трансплантации представляла собой прямоугольное помещение размером девять на двенадцать футов, теплое и хорошо освещенное. На двух стенах были окна, одно выходило во внешний коридор, а второе — в служебное помещение, находившееся почти в самом центре здания. Риза увидела кушетку, компьютерный терминал и нагромождение мерцающего лампочками оборудования. Сделав окна непрозрачными, Леонардс сказал:

— Лягте, пожалуйста. Устраивайтесь поудобнее.

— Мне раздеться?— спросила Риза. Она начала расстегивать блузку. Мышцы на лице Леонардса задрожали при одной только мысли, что она может спокойно раздеться перед ним, и прошло некоторое время, прежде чем он

снова обрел уверенность и сказал:— Раздеваться не надо. Если вы хотите, можете снять туфли.

Она сняла туфли и легла. Леонардс нажал на бронзовую ручку и от стены отделился ящик с оборудованием. Он подкатил его к ней.

— Это диагностат,— сказал он.— Мы хотим удостовериться в вашем физическом здоровье перед тем, как начнем трансплантацию. Очень важно, чтобы ваше здоровье и тонус находились на вершине цикла. Это займет не больше минут...

Диагностат загудел, щелкнул и затих. Леонардс нажал на кнопку и из недр прибора выпала медного цвета капсула. Он вставил ее в отверстие пневмопочты, которая понесла капсулу к сканирующим инструментам центрального компьютера в глубине здания. Казалось, он нервничал больше, чем она. Через некоторое время в приемной камере зажегся свет и через щель в ее стенке выпал желтый лист бумаги. Риза подняла голову, но так и не увидела, что там было написано.

— Вы в прекрасной форме,— заявил Леонардс.— Между прочим, где вы так поцарапались?

— В Вест-Индии в субботу. Человеку стало плохо на коралловом рифе, я вытащила его и поцарапалась немного. Это быстро заживет.

— В любом случае это не повлияет на вашу восприимчивость к трансплантации. Теперь... Я полагаю, вы знакомы с процессом Шеффлинга, но я думаю, вы захотите сопровождать меня, так сказать, на каждой фазе трансплантации, поэтому я хочу рассказать вам кое-что уже вам известное. Например, первая стадия — это медикаментозная обработка, она необходима для усиления восприимчивости вашей памяти. Мы сделаем инъекцию нуклеинового стимулятора с мнемоническими веществами. Мнемонические вещества...

— Вы дадите мне пикротоксин или один из производных пентилентетразола?— спросила Риза.

Леонардс выглядел потрясенным.

— Вы, я вижу, успели подготовиться!

— Что вы мне дадите?

— Это будет пентилен,— сказал он.— Он показывает более хорошие результаты для женщин моложе тридцати пяти лет. Пикротоксин блокирует пресинаптическую ингибицию, ряд других соединений блокирует постсинапти-

ческую ингибицию, а пентилентетразол не влияет ни на то, ни на другое. Он возбуждает нервную систему за счет снижения времени нейронального восстановления, без какого-либо влияния на ингибицию. Таким образом, он предотвращает распад памяти и значительно сокращает время восприятия. Вы еще следите за мной?

— Да,— соврала Риза. Она не простила бы себе, если бы дала ему возможность испортить себе настроение этим потоком непонятной ерунды.— Все это нужно для того, чтобы я стала более восприимчивой к записи трансплантата. Все в порядке. Я готова, можете приступать. Он взял в руки массивный ультразвуковой инжектор. Пока он устанавливал на нем переключатели, Риза небрежно спустила с себя юбку и обнажила нижнюю часть тела до пояса. Леонардс заметил это не сразу, а когда повернулся к ней, то так задрожал, что чуть не уронил инжектор.

Уставившись в ее подбородок, он спросил:

— Зачем вы сняли все это.

— Я поняла, что инъекцию делают в верхнюю часть бедра.

— Нет.

— Значит, в зад?— она невинно улыбнулась и перевернулась на живот.

— Можно и в руку.

— Ну ладно,— вздохнула она.

Он покраснел и на лбу у него выступил пот. Риза посчитала, что оплатила ему сполна за разглагольствования по поводу постсинаптических ингибиций и ответных реакций. Не торопясь, она оделась, в надежде, что он успокоится и сделает инъекцию нормально и в нужное место.

— Мы подождем один час, пока нуклеиновый стимулятор достигнет мозга. К этому времени мнемонические вещества уже будут действовать. Я оставляю вас одну и вы сможете расслабиться перед следующей фазой. Если хотите, можете просмотреть информационные буклеты.

Он покинул комнату трансплантации с видимым облегчением, а Риза растянулась на кушетке и занялась изучением буклета.

Буклет был озаглавлен «Несколько фактов о Процессе Шеффлинга.» Она читала его безо всякого интереса. Он содержал информацию, которую она уже знала: как готовится ее мозг к приему новой личности, как производится

запись, что происходит в процессе записи. В конце буклета располагался более интересный материал: советы по контакту со своим первым трансплантатом.

«Вы получите полный доступ к воспоминаниям и жизненному опыту трансплантированной вам личности,— говорилось в буклете.— Так же как и в случае с вашими собственными воспоминаниями, некоторые из них могут быть нечеткими и размытыми, и не всегда легко доступными. В период привыкания время от времени может происходить путаница в определении того, кем вы являетесь, в особенности, если ваша новая личность обладала сильным характером в своей предыдущей жизни. **ЭТО НЕ ДОЛЖНО СЛУЖИТЬ ПРИЧИНОЙ ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА.** Через несколько дней вы установите с новой личностью вполне нормальные рабочие отношения. Ваш новый компаньон усилит и поддержит ваше восприятие окружающей действительности. Вы получите преимущества дополнительного взгляда на жизнь и новой серии жизненных ощущений, на которых вы можете строить свои суждения. Думайте о личности как о госте, друге, партнере. Это наиболее интимные из всех возможных человеческих отношений и представляют собой высочайшее достижение нашей эры!»

Прочитав несколько страниц, Риза нашла информацию о том, как непосредственно общаться с новой личностью. В любое время она могла заглянуть в набор воспоминаний, которые были трансплантированы в ее мозг, и достать оттуда все, что было необходимо для конкретной ситуации. Но если она захотела бы поговорить с трансплантатом, обращаясь к нему как к личности, она должна была говорить вслух. По крайней мере, в первое время. В буклете говорилось о том, что в дальнейшем могла появиться возможность общаться с трансплантатом через внутренние нейронные каналы. Имплантированная личность же не имела никакой другой возможности коммуникации, как передавать свои мысли прямо и непосредственно владельцу личности.

— Имеет ли трансплантат свои собственные мысли?— думала Риза.— Ведь трансплантат, это ни что иное как набор воспоминаний. В действительности он не существует. Нельзя увидеть личность точно так же, как нельзя увидеть абстрактную теорию. К тому же личность была мертва — закрытый счет со снятыми деньгами. Как же

тогда трансплантированная личность могла думать, реагировать на что-либо, судить о чем-то?

Судя по наблюдениям за поведением взрослых, личность вовсе не была мертвой — она просто где-то отсутствовала со времени последней записи и до момента трансплантации. Затем, попав в нервную систему своего хозяина, она могла ощущать и реагировать так, будто в буквальном смысле ожила вновь. Это как раз и было основной идеей процесса Шеффлинга. Он давал умершим возможность жить вечно, лишь с небольшими перерывами между трансплантациями. В то же самое время живые пользовались жизненным опытом мертвых. Ничего не терялось, за исключением душ такой мелкой рыбешки как Леонардс. Эти люди были полностью исключены из игры в возрождение. Они составляли около девяноста процентов человечества. Но разве это имеет какое-то значение?

По мере того, как последний час ее независимости истекал, Риза задумалась о том, насколько ей в действительности хотелось всего этого. Ей казалось жутким носить в своей голове чью-то душу. Риза привыкла, что когда она хотела уединиться, то всегда могла это сделать. Единственный ребенок в семье, достаточно богатой для того, чтобы изолировать ее от привратностей мира, никогда не делившая ни с кем ничего, теперь должна была поделиться своей головой с Тенди Кашинг. Странно, странно, странно! Хотя и интригующе. Она так долго была одна. В мире, где все, кого она знала, имели по две-три личности, Риза чувствовала себя обойденной, рассматриваемой всеми как ребенок. Половая жизнь не сделала ее взрослой, но трансплантация делает это. Она войдет в этот мир со зрелой, утонченной душой Тенди Кашинг, как со старшей сестрой.

В буклете говорилось, что глупо бояться новую личность или не доверять ей. Личность не заинтересована в конфликте с вами, впрочем, как и вы в конфликте с ней. Личность станет одновременно вами и собой, как бы объединенным разумом. У Ризы немного закружилась голова при попытке понять эту концепцию. Ей показалось, что она поняла смысл, но самая основная суть ускользала от нее. Никто, не имея имплантированной личности, не был в состоянии понять, что это такое. Это была принципиально новая идея, фундаментальный прорыв в природу человека. Люди перестали быть одинокими даже наедине с собой.

А что, если ей не понравится компания Тенди Кашинг?

Изгнать ее, как демона. За определенную сумму это можно устроить. Ее отец в молодости удалил одну личность. Конечно же некоторые люди предпочитают терпеть свои личности даже тогда, когда их подлая несовместимость очевидна. Точно так же, думала Риза, как люди, которые живут в неудачном браке или борются против ампутации безнадежно больного органа, только из-за того, что не могут заставить себя отдать то, что является их неотъемлемой частью. Взять, например, того же Овенса. Раздираемый на куски своими личностями, он все еще продолжает ими хвастать. Или Чарльз Нойес. Прямо там, на пляже, он чуть было не оказался уничтоженным, выброшенным своим собственным трансплантатом. Почему он не удалил его? Разве ему нравится постоянно подвергать себя опасности, зная, что в любой момент он может быть изгнан из своего собственного мозга?

Допустим, Тенди попытается проделать это со мной? Такое случилось. Риза знала, что говорить об этом считалось немного неприличным, но ей было известно, что сильная личность иногда брала верх и разрушала слабого хозяина, а затем захватывала его тело. Таких людей, согласно каким-то древним мифам, называли зомби. Согласно закону, зомби, который полностью уничтожил своего хозяина, являлся убийцей и подлежал удалению из мозга человека. Но большинство из них были достаточно хитры, чтобы избежать этой ловушки. Они продолжали пользоваться именем уничтоженного хозяина, держа содеянное в полной тайне. Такая личность, как, например, Джеймс Кравченко, если бы ему удалось уничтожить Чарльза Нойеса, вероятно продолжал бы называть себя Нойесом в целях собственной безопасности.

Риза поежилась. Тенди, ты попытаешься стать зомби?

На такое шли только очень сильные личности. Обнаружив себя в чужой голове, они находили невыносимым оставаться лишь вторичной личностью. Поэтому они расправлялись с хозяином и начинали жить снова как душой, так и телом, если это им, конечно, удавалось.

Тенди была сильной личностью, и Риза это знала.

Но я тоже сильная личность. Я тоже. И если бы я была на месте Тенди, то попыталась бы взять верх. Но я на своем месте и не позволю ей сделать это.

Дверь открылась. Вернулся Леонардс с округлым металлическим контейнером, который содержал личность Тенди Кашинг.

— Как вы себя чувствуете?— спросил он.

— Прекрасно. Я в нетерпении.

— Я должен спросить у вас, не хотите ли вы отказаться от трансплантации на этой стадии?

— Не задавайте глупых вопросов.

— Ну хорошо. Тогда мы начнем. Я хочу посмотреть, насколько хорошо возымели действие препараты.

— Я ничего не почувствовала,— сказала Риза.

— А вы и не должны ничего чувствовать.— Он подкатил к ней диагностат и снова провел тест. Когда пришел ответ, он кивнул и ободряюще улыбнулся.— Ваша восприимчивость сейчас максимальна.

— Это звучит гадко.

— Разве?— смущенно спросил он. Наклонившись, он закрепил на ее голове холодный металлический обруч.— Это не для трансплантации,— сказал Леонардс.— Это позволит вам прочувствовать новую личность. Мы принимаем все предосторожности, чтобы не произошло ошибки. Вы должны сказать мне, та ли это личность, которую вы хотели.

— Начинайте,— ответила Риза.

Ощущение было знакомо. Он включил прибор, и Риза вновь обнаружила себя в контакте с Тенди Кашинг. Воспоминания не изменились. Где-то через полминуты Леонардс отключил прибор.

— Да,— сказала Риза.— Вы принесли то, что нужно.

— Тогда, пожалуйста, подпишите эту бумагу.

Риза улыбнулась и поставила отпечаток пальца на термопластик. Леонардс бросил листок в приемное отверстие пневмопочты.

— Теперь ложитесь,— сказал он.— Расслабьтесь. Мы переходим непосредственно к трансплантации.

Ее охватила паника. Леонардс стоял впереди нее. Ловко привязав ее запястья и лодыжки к кушетке, он сказал ей тихим и спокойным голосом:

— Мы делаем это для вашей собственной безопасности. Вы понимаете? Для некоторых людей это сильное потрясение, они не выдерживают и начинают метаться. Все будет хорошо.

Риза была парализована страхом, и это ее удивило. С

трудом усмехнувшись, она поглядела на свои разведенные в стороны ноги и сказала:

— Откуда я могу знать, что вы собираетесь со мной делать? Может вы хотите меня изнасиловать? Это удобная поза для изнасилования, не так ли Леонардс?

Его смех был еще более натянутым, чем ее. Он был все время в движении. Не останавливаясь ни на секунду, Леонардс поправлял электроды, манипулировал сканерами. Риза подумала о буклете, который она прочла. Удивительно: он был чисто информативный. Никаких мантр, никаких Тибетских штучек, не было даже цитат из Книги Мертвых. Ничего о сансаре и нирване, полное отсутствие модных словечек, которые люди привязали к процессу Шеффлинга. Она поняла, наконец, смысл того, что Натаниэль Овенс сказал в субботу на пляже на Доминике: религиозная часть процесса повторного рождения была внешней. Она появилась после самого факта, как символ, как повязка на глаза. Работа Института Шеффлинга проводилась в полном и строгом духовном вакууме, а вся эта религиозная чепуха не имела к повторному рождению никакого отношения.

— Пожалуйста, поглядите сюда,— сказал техник.— Широко откройте глаза.

Две стрелы белого света пронзили ее зрачки. Риза не могла закрыть глаза. Ее словно парализовало и она лежала, пронизываемая этими острыми и яркими лучами. Ей показалось, что она услышала голос, размеренно читающий: «И ныне ты испытуешь Светоч Ясного Света и Чистой Реальности. Узнай его. О благородный, твой истый разум, в природном чреве своем не возродившись ни во что, имеющее свойства, и есть истинная Реальность, Бог Всемогуший.»

Она вызвала из памяти слова приветствия умерших к смерти: «Отойди к ясному Свету и получи нирвану». Ее слова были обращены к личности Тенди Кашинг, выходящей из крутящегося мотка ленты, но то, что она предлагала Тенди, было не забвением, а возрождением. Да. Да. Сейчас и в день нашего рождения. Давай, Тенди. Я готова для тебя.

Если бы только не этот свет в глазах!

Время остановилось. Тысячелетия проходили между каждым ударом сердца. Риза чувствовала, как кровь медленно ползет по ее сосудам под воздействием этого

и что пройдет много времени, прежде чем она сделает полный оборот. Она ничего не видела и не слышала.

Напряжение спало, а затем она услышала осторожный голос, прошептавший в ее голове:

«Где я? Что случилось?»

— Привет, Тенди. Добро пожаловать ко мне.

«Я умерла, да?»

— Да.

«Когда? Как? Почему?»

— Я не знаю. Я Риза Кауфман. Ты теперь моя вторая личность.

«Я знаю, кто ты. Мне просто хочется знать, как я очутилась здесь. Когда я умерла?» — В августе, — сказала Риза. — Ты погибла в Сант-Морице, несчастный случай.

«Это невозможно! Я хорошая лыжница. У меня надежная страховка! Я не умерла! Нет!»

— Мне жаль тебя, Тенди. Но это так.

«Я не могу вспомнить ничего после июня.»

— Да, тогда ты сделала последнюю запись. За два месяца до смерти.

«Замолчи!»

— Но если ты не мертва, что же ты делаешь у меня в голове?

«Это ошибка. Ведь можно трансплантировать личность даже тогда, когда человек еще жив. Иногда такая путаница происходит.»

— Нет, Тенди. Тебе придется примириться с этим.

«Это нелегко.»

— Я согласна с тобой. Нелегко. Но у тебя нет выбора.

«А если это ошибка?»

— Даже если это так, ты все равно не можешь ничего поделать. Допустим, живая Тенди Кашинг все еще разгуливает где-то на белом свете, ты же находишься здесь, во мне. Ты не Тенди, ты копия личности Тенди вплоть до момента последней записи. Тебя сняли с полки и дали тебе новую жизнь. К тому же, Тенди все-таки мертва. И ты — это все, что осталось от нее.

Ответом было молчание. Личность обдумывала услышанное.

Риза привыкала тоже. Она была все еще привязана к кушетке. Свет не горел и она не знала, был ли Леонардс в комнате или нет. Осторожно, потихоньку она прощупыва-

ла свою новую личность с разных сторон. Она просмотрела воспоминания о ее теле. Тенди была большого роста, темноволосой, с высокой, плотной, тяжелой грудью. Риза увидела мужскую руку, нежно поглаживавшую эту грудь, сжимавшую и отпускавшую ее — словно оценивая ее объем. Кончики пальцев играли ее сосками. Значит вот, что это такое, подумала Риза. Она не так ощущается, как я думала. Вдруг она метнулась по жизни Тенди назад, туда, где ей было одиннадцать лет. Она стояла перед зеркалом и хмурилась, глядя на свои набухшие соски. Затем, вернувшись на пять лет, Риза увидела Тенди, летящей на частном самолете в восьмидесяти ярдах над Сахарой рядом с сильным темноволосым мужчиной.

— Со мной никогда этого не было, — подумала Риза. — И все же у меня есть эти воспоминания. Я Тенди!

Дальше она не углублялась. Будет еще достаточно времени, чтобы изучить личность подробнее. Мир для Ризы наполнился новым содержанием, все вокруг приобрело новые оттенки, новые измерения. Она смотрела через две пары глаз, Риза никогда раньше не замечала таких цветов, такого зеленого, желтого, красного цвета, никогда не пробовала такого сладкого вина, не ощущала подобного аромата цветов.

— Тенди? — сказала она. — Ну, как ты?

«Лучше. Значит, ты Кауфман?»

— Да. Тебе повезло.

«Почему ты выбрала меня?»

— Ты показалась мне интересной.

«Но ты слишком молода для этого.»

— Мне уже больше шестнадцати, ты знаешь.

«Да, я знаю. Но мне было двадцать четыре, а я все еще не трансплантировала себе первую личность.»

— Ты не хотела?

«Я ждала, когда мне исполнится двадцать пять.»

— Я никогда не жду, — сказала Риза. — Ничего.

«Я заметила. У нас так много тем для разговоров.»

— У нас полно времени. Ты будешь со мной всегда, Тенди?

«Всегда?»

— Конечно. В следующий раз, когда я запишу себя, твоя личность добавится к моей. Когда-нибудь я получу новую жизнь и ты войдешь в новое тело вместе со мной.

«Но ведь так можно наскучить друг другу.»

— Нет,— сказала Риза.— Обещаю тебе — нет.

Ремни были отвязаны. Риза села, чувствуя легкое головокружение. Леонардс с беспокойством оглядывал ее.

— Вы хорошо адаптировались,— сказал он.

— Да? Прекрасно.

— Ну, как вам?

— Я очень довольна,— сказала Риза.— Что дальше?

— Мы проводим вас в комнату отдыха. Вы сможете лечь, отдохнуть, узнать получше вашу новую личность. Затем вы можете покинуть наше заведение.

— Вы очень добры, Леонардс.

— Спасибо.

— Может, мы встретимся вскоре.

Он выглядел растерянным.

— Я боюсь..., то есть я хочу сказать...

— Хорошо. Отведите меня в комнату отдыха.

Она села в комфортабельное кресло, закрыла глаза и пустилась изучать кладовые памяти Тенди Кашинг. Риза чувствовала некоторую неловкость, видя свою новую личность целиком и так открыто. Но она убедила себя, что имеет абсолютно все права на эти воспоминания. И разве Тенди не изучает в это же время ее собственную душу? По определению, они теперь — одно лицо и должны делить одно тело.

Риза не чувствовала сожаления. Ее страхи исчезли. Она ощущала лишь громадное облегчение из-за того, что получила, наконец, трансплантат и что это оказалось не так страшно.

Она улыбнулась и тихонько сказала Тенди:

— Я запишу нас обеих через неделю или через две. На всякий случай.

«Хорошо. А потом я хочу, чтобы ты помогла мне узнать причины моей смерти.»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Приезжайте на Джубилайл,— кричал зазывала.— Игры, забавы, развлечения, всего за три доллара полная программа! Джубилайл, Джубилайл, Джубилайл!

Яркие светящиеся шары висели в воздухе над парком Беттери, синие и желтые вспышки света как бы подтверждали настойчивые крики зазывал, словно многоцветный шепот: Джубилайл, Джубилайл, Джубилайл...

Была ночь. У пирса ждал катер на воздушных крыльях. В направлении катера двигались толпы людей, одетых в грубые одежды простолюдинов, в руках у некоторых были даже наличные деньги. Бдительные вышибалы стояли поодаль, готовые к действию в случае, если толпа выйдет из-под контроля. Чарльз Нойес почувствовал внезапный головокружительный спазм отвращения. Все вокруг раздражало его: крики зазывал, лица людей, проходящих мимо, хлипкий корпус катера, вышибалы. Он обратился к симпатичной женщине, стоящей рядом с ним.

— Может, не надо, — с мольбой в голосе попросил он. — Поедем еще куда-нибудь, Елена.

— Но ты же обещал!

— Разве я не могу изменить свое решение?

— Я давно хотела посетить Джубилайл. Марк меня не брал. А теперь ты...

У него на лице выступил пот:

— Прошло лишь несколько дней с тех пор, как я пришел в себя. Шум, суматоха — все это раздражает меня.

Она посмотрела на него с обидой:

— Раньше ты все время говорил да, а теперь нет. У тебя даже имя такое, Но-йес. Не расстраивай меня, Чарльз!

«Будь мужчиной», — слышался голос Кравченко. — «Ей не понравится, если ты откажешься».

— Катер отправляется на Джубилайл, — орал зазывала. — Торопитесь! Торопитесь, торопитесь! Игры! Забавы! Развлечения! Всего за три доллара!

Елена молчаливо умоляла. Она выглядела очень эффектно, на ней было платье из какого-то блестящего темно-зеленого материала, которое подчеркивало прелести ее тела: царственные бедра, грудь, ягодицы. Она так сильно выделялась из толпы, что толкающиеся плебеи расступались при виде нее. Нойес поглядел в ее темные, большие, многообещающие глаза. Посмотрел на ее небольшой правильный нос, на полные блестящие губы. Кравченко услужливо послал ему одно из своих избранных воспоминаний: голая Елена на холостяцкой квартире Кравченко в Риме, лежащая на диване, как Венера Тициана: одна рука

призывно покоится между ног, глаза умоляют, грудь вздымается, темные соски и тугая плоть напряжены в ожидании.

— У тебя с ней ничего не получится, если ты сейчас упустишь ее, приятель. Сейчас или никогда, она ничего не прощает.

— Хорошо,— сказал Нойес.— Я выполню свое обещание. Итак, Джубилайл, Елена!

— Я так рада, Чарльз.

Он обнял ее рукой за талию. Складки платья щекотали его кожу. Он ощутил тугие мышцы ее бедра. Увлекая Елену вперед, он присоединился к потоку искателей развлечений, заполняющих катер. Робот-билетер протянул вперед руку, как бы ожидая, что Нойес положит в нее наличные. Нойес покачал головой и протянул машине большой палец руки. Робот тут же оценил ситуацию, без слов позвонил в банк снял со счета Нойеса шесть долларов. Барьер опустился и они прошли на катер. Несколькими минутами позже они уже мчались по волнам Нью-Йоркской гавани к острову развлечений. Впереди ярко светили огни Джубилайла, позади торжественно возвышалась башня Института Шеффлинга, а за ней — вся остальная часть горизонта Манхеттена. Нойес глядел то на остров, то на башню. Тот, кто не мог купить себе возможность повторного рождения в одном месте, покупал себе развлечения в другом.

В течение всего десятиминутного путешествия на искусственный остров Чарльз и Елена стояли на палубе катера возле перил. Она стояла очень близко к нему. Тепло ее тела было очень кстати в этот холодный весенний вечер, а запах духов помогал заглушить кислую вонь, исходящую от толпы. Она помогла ему на прошлой неделе на Доминике, когда у него начались эти ужасные конвульсии на вечеру у Кауфманов. Она сказала, что это солнечный удар, скрыв тот факт, что Нойес пережил бунт Кравченко, который чуть не окончился для последнего успехом. Она была добра к нему, почти по-матерински нежна, хотя была на несколько лет моложе. Ее широкие бедра, думал он, делают ее похожей на мать всего человечества.

Но его интерес к ней не ограничивался благодарностью. Кравченко уверял, что Елену можно соблазнить, и ее желание провести с ним этот вечер поддерживало Нойеса. Кроме того, она была любовницей Кауфмана, а может, и Сантоликвидо, что усиливало уверенность Нойеса в необ-

ходимости быть с ней рядом. Последние соображения одобрил бы Родитис. Нойеса интересовало лишь, насколько его действия отвечали интересам Джона Родитиса, а его визит с Еленой Вольтерра на Джубилайл мог сослужить Родитису неплохую службу.

— Я думала, ты бываешь здесь часто,— сказала Елена.— Ведь Джубилайл принадлежит Родитису, не так ли?

— Да, конечно. Джубилайл — одно из его наиболее удачных приобретений. Но я был здесь не более трех раз с момента открытия — десять лет назад.— Разве ты не любишь развлекаться?

— Есть развлечения и развлечения,— сказал Нойес. Он понизил голос:

— Получилось так, что Джубилайл был спроектирован, чтобы развлекать главным образом плебеев. И это не снобизм с моей стороны, это правда. Именно поэтому мы и поставили его здесь, прямо напротив Института Шеффлинга, чтобы эти люди могли, глядя на здание Института, задумываться о повторном рождении, которое они не смогут получить, если у них не будет достаточно денег. Это должно вдохновлять их играть по-крупному и, следовательно, обогащать Джона Родитиса.

— Очень хитро,— Елена огляделась.— Теперь, когда ты рассказал мне об этом, я вижу, что мы здесь чужие. Многие из них платили наличными, чтобы пройти на борт.

— Ты обратила на это внимание?

— Это очаровало меня. Я никогда в жизни не дотрагивалась до денег. Ни разу. Я бы не узнала банкноту, если бы увидела ее лежащей на улице. Зачем они ими пользуются?

— Им нравится держать в руках деньги,— сказал Нойес.— Компьютер центрального банка для них — понятие отвлеченное. Вот я всегда ношу с собой банкноту на счастье. Хочешь посмотреть на нее?

Он достал свой бумажник и вынул из него стодолларовую банкноту. Это была тонкая пластиковая карточка с изображением символа атома, серийным номером, арабским числом 100 в черных литерах и надписью: «Банковские билеты обеспечиваются золотом, драгоценными металлами и прочими активами Государственного Банка Соединенных Штатов Америки». Елена изучала банкноту так, будто это была бабочка с другой планеты.

— Очаровательно,— сказала она наконец, отдавая ее назад.— Ты можешь достать мне такую же?

— Конечно,— пообещал Нойес. Он взял ее за руку и провел через палубу к небольшой стойке, где робот-бармен продавал напитки. Когда луч сканера повернулся в его сторону, Нойес сказал:

— Дай мне стодолларовую банкноту.

Затем он приставил большой палец своей руки к приемному окошку. Из отверстия выпала стодолларовая банкнота и Нойес торжественно вручил ее Елене, которая, бегло оглядев, опустила ее в глубокую расщелину своей груди. Наблюдавшие это раскрыли от удивления рты.

— Спасибо,— сказала она, когда они вернулись на палубу.— Я сохраню этот маленький сувенир.

— Ему там будет тепло,— добавил Нойес и они оба засмеялись. Катер уже приближался к Джубилайлу. Огромный купол дворца развлечений возвышался перед ними, расцвеченный огнями, меняющими свой цвет от одного конца спектра до другого. Сто акров площади, шесть этажей, здесь могли развлекаться до полумиллиона человек одновременно и Нойес не мог отрицать того, что это было впечатляющее зрелище. Даже Елена смотрела на гигантский купол с удивлением и восторгом.

— Неужели это все принадлежит Родитису?— спросила она шепотом.

— Да, через подставные корпорации. Я помогал планировать финансирование вскоре после того, как вошел в его организацию. Это была его первая большая финансовая удача.

— Он должно быть стоил миллиарды!

— Да. Родитис тогда еще не имел таких денег, поэтому нам пришлось потрудиться. Он заключил договоры о сотрудничестве с несколькими фирмами. Пол Кауфман хотел вложить в строительство два миллиарда, но он требовал пятидесяти процентов прибыли. Родитис отказался. Кауфман был так удивлен этим, что все равно вложил два миллиарда. Под десять процентов. Родитис же держал контрольный пакет. Сейчас он владеет этим местом один. Последний долг оплачен в январе. Он уже думает об организации амортизационного фонда. Получить около семи миллиардов с помощью банковского консорциума и использовать эти деньги для строительства Джубилайл Кантон и Джубилайл Оио. В конце концов он будет иметь по

десятку таких искусственных островов на каждом континенте. Я, наверное, наскучил тебе всеми этими деловыми разговорами?

— Вовсе нет,— сказала Елена, она слушала очень внимательно.— Мне очень интересно. Родитис вероятно очень интересный человек. Я бы хотела с ним познакомиться.

— Разве вы не знакомы?

— Нет. Наши пути ни разу не пересекались. Ведь ты знаешь, что я провожу так много времени с Марком, а он так не любит Родитиса.

— Да. Да, конечно.

— Но я надеюсь когда-нибудь встретиться с Родитисом. Мне кажется, что такое знакомство пойдет нам обоим на пользу.

— Вам нравятся сильные мужчины, Елена?

— А почему нет?

— Марк Кауфман... Сантоликвидо...

Она выглядела испуганной.

— Мы с Санто просто хорошие друзья.

— И это все? — увидев, как она покраснела, он засмеялся и добавил.— Очень хорошие друзья, я полагаю?

— К чему ты клонишь?

— Так, ни к чему.

Катер остановился. С борта выдвинулись трапы и толпа потекла на остров. Нойес и Елена пошли вместе со всеми.

Они остановились возле блестящего плаката, разрисованного как минимум шестью цветами. Плакат был двадцати футов в высоту и тридцати в ширину и показывал детализированный план Джубилайла. Нойес остановился было, чтобы изучить план, но Елена увлекла его за собой.

— Давай осмотрим этот остров сами,— сказала она.— Один этаж ничем не лучше другого.

— Не совсем так. Они предназначены для различных слоев общества.

— Какое это имеет значение? Мы гуляем сегодня!

Он пожал плечами и не стал спорить. Они вошли на эскалатор, ведущий на этаж Д. Нойес был в общих чертах знаком со структурой Джубилайла. Он помнил, что остров представлял собой хитросплетение переходов, тоннелей,

коридоров и тупиков, устроенных так, что посетитель мог ходить по острову часами и не получить представления о том, сколько еще ему осталось пройти. У посетителя создавалось впечатление, что за один визит можно осмотреть лишь крошечную часть острова, и что он должен вернуться сюда снова.

Остров был спланирован так, чтобы люди с различными доходами нашли себе развлечения по вкусу. Начиная от тех, кто жил на государственную дотацию, кончая теми, кто мог позволить себе дюжину трансплантаций. В общем и целом, Джубилайл притягивал к себе представителей среднего класса, людей, которые не могли себе позволить участие в процессе Шеффлинга, но которые имели достаточно денег, чтобы посорить ими в выходные дни. На Джубилайл не было входной платы. Родитис получал свой доход от перевозки людей на остров, но главным образом деньги приносили различные заведения, находящиеся на острове. Нойес видел эти расчеты: каждый посетитель тратил на поездку около пятнадцати долларов наличными, из которых Родитис получал тридцать пять процентов. Около полумиллиона посетителей одновременно и три-четыре миллиона посетителей в ночь с субботы на воскресенье с заката и до рассвета, можно было понять, откуда проистекают богатство и мощь Родитиса. Теперь, конечно же, Джубилайл имел конкурентов, но он был первым и наиболее удачным. Мощный интерес Кауфмана, не получившего равную долю в первом Джубилайле, так и не воплотился в похожее сооружение, что доставило Родитису большое удовольствие. Официально, он не сделал этого потому, что не хотел играть на низменных чувствах невежественных людей, но Нойес считал, что Кауфман оставался вне бизнеса островов удовольствия из-за опасения, что его острова не смогут конкурировать с островами Родитиса. Внутренняя часть острова предоставляла самые дорогие удовольствия. Те, кто приехал, чтобы оставить здесь особенно большие деньги, получить наиболее дорогие сексуальные ощущения или опробовать фальшивые ощущения от запрещенных наркотиков, проходили по коридору прямо в эту часть острова. Нойес и Елена приехали сюда лишь как случайные наблюдатели, поэтому они пустились в путь по коридорам, галереям и комнатам без всякого плана.

В игривом павильоне на краю острова ритм игры определялся ритмом распада атомов. Зазывала утверждал,

что результат абсолютно случаен и поэтому совершенно честен.

— Все имеют равные шансы, ребята. Не удивлю вас, сообщив, что некоторые игры работают на пользу заведения, но не эта, не эта, не эта! Заходите сюда...

— Разве так может быть?— спросила Елена.— Это действительно игра, в которой все имеют равные шансы?

— Может быть,— сказал Нойес.— Заметь, это заведение расположено на самом краю острова. Если люди будут здесь выигрывать, им захочется пройти дальше. А уже там могут быть другие условия.

— Но даже если так, Родитис все равно должен терять на этом деньги.

Нойес покачал головой.

— Если эта игра действительно основывается на случайности, то нет. Он останется при своих, а то, что он проиграет, то в расчет не берется. Это можно считать оборотными средствами. Попробуем?

— Давай.

Они вошли. Тут можно было играть на наличные, многие так и поступали, но Елена не имела наличных за исключением сувенира, спрятанного на груди, поэтому Нойес опять предъявил свой большой палец, чтобы за нее заплатить. Игра была сложной, он сам едва понимал ее, те же, кто был рядом с ними, должно быть вообще ничего в ней не соображали. В центре платформы лежало то, что, как было сказано, являлось блоком полония. Сбоку располагался разукрашенный гамма-детектор, из которого торчали различные трубочки и пробирки, наполненные цветными светящимися жидкостями. Зазывала ритмично кричал, атомы полония разлетались на составляющие компоненты. Свет погас, затем зажегся, и из детектора вылез листок сертификата.

— Ты выиграла десять долларов,— сказал Нойес.

— Как здорово! Я хочу поиграть еще!

— Здесь много развлечений,— напомнил он ей.

Они двинулись дальше. В будке предсказателя судьбы человек в цветастом плаще и капюшоне нагадал им обоим долгую жизнь и кучу детей. Затем, хитро поглядев на Нойеса, предсказатель добавил:— У вас будет много жизней.— Нойес приложил палец к табличке на будке и добавил тем самым доллар сообразительному предсказателю.

— Откуда он узнал, что мы записаны?— спросила Елена.

— Догадался. Он увидел, хорошо одетых людей и понял, что мы богаты. А раз мы богаты, то участвуем в процессе Шеффлинга. В любом случае, считалось бы комплиментом предсказать нам возрождение. Даже, если бы мы не являлись представителями класса бессмертных.

— Может, он узнал нас,— предположила Елена.

— Сомневаюсь.

— Я хочу надеть маску.

Множество посетителей были в масках, в особенности женщины. По коридорам разгуливали девицы с голыми бедрами, но с вуалью на лице. По настоянию Елены Нойес отвел ее в маскарадную лавку и купил темную ленту из особого прозрачного с одной стороны материала. Лента сама прилипла к ее лицу и загородила все пространство от уха до уха. Они засмеялись. Она привлекла его к себе и нежно поцеловала в губы.

— Купи себе маску тоже,— сказала она.

Он так и сделал. Спрятанные теперь от любопытных глаз, они пошли вперед по галерее, а затем вдруг спустились на лифте на этаж ниже. Нойес чувствовал себя уверенно и спокойно. Кравченко в его голове не подавал признаков жизни, а теплая и привлекательная Елена казалось, обещала ему нескончаемый экстаз. Вечер, начавшись плохо, проходил удачно. Суматоха Джубилайла пробила брешь в его привычной меланхолии. Но смерть еще раз напомнила ему о себе. Они обнялись и Нойес так крепко прижал ее к своей груди, что она ощутила колбу со смертельным карнифагом, которую он всегда носил с собой. Когда они отпустили друг друга, она дотронулась до своей груди сказала:

— Ты сделал мне больно. Что-то в твоём кармане...

— Извини. Я не подумал, что ты почувствуешь.

— Что у тебя там, гравитационная бомба?

— Просто склянка с карнифагом,— ответил он.— На случай, если меня охватит суицидальное настроение.

Елена не поверила его словам и рассмеялась, словно Нойес удачно пошутил.

Кичливая вывеска гласила: «Добро пожаловать в Дом Полу-Жизни.»

— Что это?— спросила она.— Еще какая-нибудь радио-активная игра?

— Не имею понятия. Зайдем? — Они вошли. С каждого из них взяли по доллару за вход. Вскоре они обнаружили,

что Дом Полу-Жизни не имеет ничего общего с нейтронами и альфа-частицами. Предлагаемая здесь полу-жизнь имела биологическую природу — гибридные существа, полученные путем сращивания частей нуклеиновых кислот различных клеток. За барьером, по которому шел электрический ток, двигались необычные существа, в то время как магнитофонная запись рассказывала об их происхождении:

— Перед вами, господа, помесь кота и мыши, один из самых популярных гибридов. А это собака и тигр, прелюбопытное существо. А теперь вы увидите помесь змеи и лягушки.

Гибридные животные имели мало сходства с каким-либо из своих предков. Большинство из них не превышало двух футов в длину, передвигались они на маленьких неуверенных лапках. С собаки-тигра свисали ключья серой шерсти. Змея-лягушка была плоской и блестящей, с пульсирующими участками на теле.

— Человек и мышь! Леди и джентльмены, человек и мышь! — продолжал механический голос. — Вы думаете, только люди Шеффлинга творят чудеса? Что вы думаете об этом? Инфицируйте их вирусом Сенда, отделите ядра на центрифуге, плесните нуклеиновой кислоты и получится, да, да человек и мышь!

Дюжина безобразных существ, не похожих ни на людей, ни на мышей двигались по арене. У них были красные, выпуклые глаза, руки, похожие на лапы, и передвигались они на четырех конечностях. Елена смотрела на них с отвращением.

К ним подошел служащий со связкой взрывающихся дротиков и льстиво сказал:

— Вы выглядите как богачи, пришедшие провести вечерок. Хотите шлепнуть парочку гибридов? Каждый дротик — сто долларов.

— Сожалею, — сказал Ноейс. — Нет.

— Испытайте себя на меткость. Некоторые люди из вашего класса приходят сюда часто. У нас есть еще одно помещение и сотни гибридов, в которых можно покидать дротики.

— Может, попробуем? — спросила Елена. Ноейс посмотрел на нее с удивлением. Ее глаза блестели.

Кравченко пробудился и предупредил:

«Если ты не дурак, не отказывай ей ни в чем».

Вздохнув, Нойес сдался. Они прошли в соседнюю комнату. Он понизил свой банковский счет на пятьсот долларов и Елена взяла своей красивой рукой связку дротиков. На платформе перед ними неровными кругами передвигалось несколько жалких, голубоватого цвета созданий — полу-белок полу-бобров. Это были медлительные неуклюжие животные с длинными голыми хвостами и большими перепончатыми лапами. Елена прицелилась дротиком. Ее грудь вздрогнула под складками зеленого платья и рука в сильном броске от плеча резко рванулась вперед. К удовлетворению Нойеса она промахнулась. Она промахнулась и во второй, и в третий раз. Но на четвертом Елена попала одному из несчастных гибридов прямо в его искривленную спину и запах горелой шерсти сразу заполнил все помещение. Когда дым рассеялся, Нойес увидел остатки существа. Елена выглядела очень возбужденной, на ее темной загорелой коже выступил румянец, который сделал ее еще более привлекательной. Она дала ему в руки оставшийся дротик. Он вернул его обратно.

— Ну, давай,— выкрикнула она.— Брось его! Это здорово?

— Убивать?

— Эти существа появились из пробирок. Они не живые, их нет в действительности. Им лучше быть мертвыми.— Она сжала его руку. Близость ее покрытой испариной кожи сводила его с ума.— Брось его!

В отчаянии Нойес кинул дротик. Он пролетел в десяти футах над платформой и в безопасности взорвался, ударившись о заднюю стену. Затем он схватил ее за руку и потащил к боковому выходу. Впереди показался коктейль-бар и они вошли туда.

— Тебе не нравится охотиться?— спросила его Елена.

— Не совсем. Охота — это спорт. А в бросании дротиков по уродцам-мутантам я не вижу ничего спортивного.

Она засмеялась. Нойес увидел кончик ее языка.

— Шесть лет назад, в Италии, была большая охота,— сказала она.— Мы охотились на фазанов к югу от Рима. Ты должен помнить об этом.

— Я?

— Там был Джим Кравченко. Если он действительно твоя личность, ты должен вспомнить.

Кравченко моментально предоставил ему эти воспоми-

нения. Туманное октябрьское утро, развалины древнеримского акведука на горизонте на фоне серого неба, хорошо одетые молодые мужчины и женщины на мощных спортивных автомобилях гонят по полю, давя обезумевших птиц. Смех, одиночные выстрелы, пищание жертв, осенняя свежесть. Елена рядом с ним. Выглядит она чуточку стройнее. Она держит ружье наизготовку, стреляет и посвистывает от удовольствия каждый раз, когда поражает цель. Затем вкус охлажденного шампанского, деликатесов и непринужденная беседа в замке на окраине города. Елена в его объятиях, все еще одетая в охотничий костюм, юбка задрана вверх, видны ее белые бедра, они прижимаются к его телу...

— Да,— пролепетал Нойес.— Теперь припоминаю.

— У тебя должно быть много интересных воспоминаний. Джим и я очень симпатизировали друг другу.

— Я не просматривал их,— сказал Нойес.— Это выглядит как-то несправедливо. Это перегружает наши отношения, Елена. У меня такие воспоминания, что тебе фактически нечего скрывать от меня, и в то же время ты не знаешь ничего обо мне.

Она удивилась.

— Зачем же мы тогда адаптируем личности? Я не понимаю тебя, Чарльз. Если в твоей голове находятся воспоминания Джима обо мне, почему бы тебе ими не воспользоваться?

«Наверное потому, что ты мазохист»,— предположил Кравченко.

Лицо Нойеса исказилось. Елене он сказал:

— Ты права. Я был глуп.

Он просмотрел в своем мозгу архив Кравченко. Нойес отчасти лгал, так как он уже просматривал большую часть истории отношений Елены с Кравченко. Он знал, что они были любовниками около двух лет, встречались от случая к случаю, причем с обеих сторон не было ничего серьезного. У Кравченко было много женщин и, как понял Нойес, Елена редко одаривала своим вниманием лишь одного мужчину. В его голове был полный набор страстей Елены, ему оставалось лишь отсортировать и изучить их.

— Мне трудно поверить в то, что Джим мертв,— сказала Елена.— Он был таким превосходным мужчиной. Вы с ним хорошо уживаетесь?

— Нет.

— Тогда я понимаю. Но почему? Почему ты выбрал его, раз у вас такая несовместимость?

Нойес заказал напитки.

— Мы имеем с ним одинаковое социальное положение,— объяснил он.— Я выбирал личность с особой осторожностью. Я мог иметь финансиста, университетского профессора, космонавта. Но вместо этого выбрал богатого бездельника просто потому, что сам был богатым бездельником и мне хотелось того же самого. Ну я и получил это. Он не дает мне покоя.

— Ты можешь избавиться от личности, если она тебе не подходит,— сказала она.

— Я знаю. Возможно я когда-нибудь удалю его и начну все сначала.

«Вот это будет день, Чарли!» — подал голос Кравченко.

— Так было бы лучше для вас обоих,— сказала Елена.— И Джиму это даст дополнительный шанс. Это твоя единственная личность?

— Да. Я не думаю, что мог бы рискнуть и взять еще одну.

— Возможно, вторая личность успокоила бы его немного.

— Может быть. А ты, Елена? Ты такая таинственная женщина. Сколько у тебя личностей?

— Четыре,— холодно сказала она.

Он был поражен. Он считал, что у нее одна, максимум две личности, не более. Немногие женщины могли справиться с четырьмя. Затем Нойес понял, что сделал ошибочное заключение, полагая, что раз она была красива, то интеллект ее должен быть ограничен. Было очевидно, что Елена справляется с четырьмя личностями, так как говорила она четко и ясно, без какого-либо внутреннего дискомфорта.

— Одна вторичная и три первичные,— добавила она.— Это забавная компания. Мы хорошо ладим. Первую я взяла десять лет назад, а последнюю — только в ноябре. Может возьму еще. Я говорила с Сантоликвидо о возможности новой трансплантации.

— У тебя есть кто-то на примете?

— Нет,— сказала Елена.— Нет еще. Конечно, если я не смогу получить Пола Кауфмана...

— Как! Он и тебе нужен?— воскликнул Нойес.

— Я шучу. Вроде бы они еще не легализовали транс-сексуальную трансплантацию, или нет? Было бы здорово иметь его. Марк был бы ошарашен. Он боготворил этого ужасного старика. Хотя он обладает не меньшей силой, но и он не мог противостоять прихотям своего дяди ни в чем. И если бы я вошла к нему однажды и заговорила бы словами Пола Кауфмана...— Елена хихикнула.— Превосходная картина. За это надо выпить.

Нойес не видел в этом ничего смешного. Он заказал напитки, а затем медленно произнес:

— Ты имеешь какую-нибудь информацию о том, кто в действительности получит личность Пола Кауфмана?

— Нет.

— Ты была с Сантоликвидо на вечере у Марка.

— Я не обсуждаю административные решения Сантоликвидо на вечеринках,— сказала Елена.— А почему ты спрашиваешь? Ты надеешься заполучить его себе?

— Пола Кауфмана? За десять минут он выжжет меня изнутри. А вот Джон Родитис заинтересован.

— Заинтересован — не совсем точное слово, как мне кажется. Я думаю, больше подходит выражение — отчаянно нуждается.— Отчаянно так отчаянно. Это не секрет. Родитис полагает, что вполне может обладать личностью Пола Кауфмана, и верит, что их тандему будет что предложить обществу. Два величайших деловых ума века в одном теле. Если честно, я тоже так считаю, и от всей души желаю, чтобы эту личность получил Родитис.

— Знаешь, кто еще хочет получить Пола?— спросила Елена.

— Кто?

— Его племянник, Марк.

— Это невозможно! Трансплантация между родственниками...

— Да, я знаю, запрещена. Марк тоже это знает. У него нет надежды официально получить трансплантат. Но он тоже имеет деловую хватку и опыт его дядюшки сослужил бы им хорошую службу. Кроме того, он страстно желает оградить старика от Джона Родитиса.

— За что Марк так ненавидит Родитиса?

— Он считает его выскочкой. Это очень просто, Чарльз. Кауфманы — аристократы до мозга костей. Как ты и как я. Как Санто. У нас больше чем богатство, мы имеем кор-

ни в двадцатом веке и даже раньше. Родитис же может назвать тебе лишь имя своего отца и все. Теперь, с личностью Кауфмана, он получит социальный пропуск в наш круг, пропуск, который он не смог бы купить за все свои миллиарды. Марк не хочет допустить этого. Посыгательство на личность дяди Марк рассматривает как богохульство.

— Но мы все когда-то начинали,— заметил Нойес.— Пройди по линии Кауфманов достаточно глубоко и обнаружишь там простых земледельцев. А еще глубже — обезьян.

Смех Елены зазвенел по залу.

— Конечно, конечно! Но именно расстояние между земледельцем и банкиром и определяет социальный престиж. Твой Родитис пока не заслужил этого. Может его пра-правнуки будут управлять обществом, но сейчас Марк не может допустить этого.

— Марк не может иметь личность своего дяди. Ему следовало бы уступить и отдать ее Родитису. Зарыть топор войны и создать могучий союз с богатым Родитисом.

— Марк не сделает этого,— возразила Елена.

— Он должен. Елена, я был бы тебе очень признателен, если бы ты поговорила с ним. Намекни о выгоде сотрудничества с Родитисом, которое полезнее соперничества.

— Ты хочешь, чтобы я была курьером для передачи посланий Родитиса?

Он покраснел.— Ну, это слишком грубо.

— Мы с тобой на острове правды, Чарльз. Это все, что ты хочешь от меня, не так ли? Протолкнуть дело Родитиса через Марка?

— Да.

— И, возможно, переговорить с Санто?

— Да.

— Есть ли еще что-нибудь, что ты хочешь от меня, Чарльз?

Он с трудом глядел на нее. Склянка с карнифагом стучала по грудной клетке. Ему было ужасно стыдно, что она так унизила его перед Кравченко. И все же он сказал:

— Есть еще одна вещь...

— Ну, говори.

Он коснулся ее теплого плеча.

— Один час с тобой в спальнях на внутреннем уровне.

— Конечно,— ответила она, как будто он спросил у нее точное время.

Они вышли из коктейль-бара, миновали зал, наполненный какими-то цветными фантастическими кошмарами, прошли мимо арены, на которой продукты тератогенической хирургии выполняли замысловатые танцы, поднялись по винтовой лестнице мимо бассейна, где скользкие цафалоподы выполняли странные пируэты, и наконец вошли в один из блоков спален, которые были разбросаны на разном расстоянии друг от друга по галереям Джубилайла. За пятьдесят долларов он снял на час одну из комнат.

Внутри Елена включила устройство, которое отображало калейдоскопические узоры на потолке над кроватью. Затем она разделась. Под платьем на ней были надеты лишь полоски эластичной материи на бедрах и на груди. Из верхней виднелся краешек стодолларовой банкноты. Она растянула эластичную молнию и освободила свою массивную грудь. Банкнота вращаясь полетела на пол. Не обращая на нее внимания, она повернулась к нему, давая разглядеть свою наготу, а затем без единого слова, легла на кровать.

«Настал твой час,»— сказал ему Кравченко.

Не теряя времени, Нойес нырнул в самые затаенные уголки его личности, чтобы узнать секреты, открывающие страсть Елены: ее эротические зоны, необходимые слова, ритм. Кравченко нашел все это для него много лет назад.

Нойес лег на кровать к Елене. Их тела соединились в едином порыве. Нойес сделал многообещающее открытие: она легко возбудима и прекрасно чувствует партнера. В момент экстаза она уперлась пятками в его бедра и неподдельно задрожала. Тогда, среди бессвязного бормотания, слетавшего с ее губ. Нойесу показалось, что он слышит:

— Джим, Джим, Джим, Джим, Джим!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Джон Родитис терпеливо выслушал все, что рассказал ему Нойес. Они сидели на краю широкой веранды ранчо Родитиса в Аризоне, перед ними расстилалась бесконечная пустыня с редкими серо-красными островками расти-

тельности. Родитис был в Аризоне всю неделю, руководя предварительными переговорами по поводу проекта электрификации региона к югу от Туксона и дальше, за Мексиканскую границу. Он потребовал, чтобы Нойес прилетел к нему этим утром, четыре дня спустя после встречи Нойеса с Еленой Вольтерра.

— Елена будет говорить с Сантоликвидо о твоём деле,— сказал Нойес.— Может, она уже с ним переговорила.

— Она его любовница?

— Рано или поздно она становится любовницей каждого, кто этого пожелает. В основном живет с Марком Кауфманом. Но проводит время и с Сантоликвидо. Она с ним на короткой ноге.

Родитис сложил свои толстые узловатые пальцы и посмотрел мимо Нойеса на безоблачное темно-синее небо.

— Кауфман в курсе, что Сантоликвидо развлекается с его женщиной?

— Я думаю, да,— сказал Нойес.— Никто из них не скрывает этого. К тому же, Марк не настолько глуп.

— А тебе не показалось, что Кауфман нарочно инспирировал эти отношения, чтобы, передав Сантоликвидо Елену, он мог повлиять на судьбу личности своего дяди?

— Ты имеешь ввиду, не передал ли он Елену Сантоликвидо в качестве платы за то, чтобы он не отдал тебе личность Пола Кауфмана?

— Что-то вроде этого.

Нойес глубоко вздохнул.

— Да, я думал об этом. Но не думаю, что это так. К любовной связи Елены и Сантоликвидо Марк не имеет никакого отношения. Я знаю, только, что Елена будет представлять твои интересы в разговоре с Сантоликвидо.

— Зачем ей это нужно?

— Я попросил ее об этом.

— Ей надо заплатить?

— Елене не нужны деньги,— сказал Нойес.— По крайней мере в том вульгарном смысле, в котором обычно оплачивают услуги женщины. Все, что ей нужно, она может попросить у Кауфмана. Ее очаровывает мощь. Она любит сильных мужчин. Ей нравится быть в центре интриги.— Она в этом не одинока.

— Елена хотела бы с тобой встретиться, Джон. Я подозреваю, что она хочет стать твоей любовницей. И она знает, что самый лучший способ произвести на тебя впечатление, это помочь тебе достать единственную вещь во вселенной, в которой ты больше всего нуждаешься и которую не можешь достать самостоятельно — личность Пола Кауфмана. Поэтому она будет использовать свое влияние на Сантоликидо, чтобы достать ее для тебя, а потом потребует от тебя оплаты в твоей постели.

— Марк Кауфман будет взбешен, если я отниму у него его дядю и его женщину, не так ли? — спокойно спросил Родитис.

— Это сведет его с ума.

— Мне не хочется сводить его с ума, — задумчиво сказал Родитис.

— Тебе нужна эта личность или нет?

— Нужна, конечно.

— Елена поможет тебе получить ее. Что произойдет между вами после этого, зависит только от тебя.

— Почему ты так уверен, что Елена будет нам помогать?

— Я уже объяснял, — сказал Нойес. Поднявшись, он прошелся по песку, который начинался сразу от веранды. — Но есть и еще одна причина, о которой я не упоминал.

— Продолжай.

— Елена хорошо знала Джима Кравченко. Они были любовниками в Италии около пяти-шести лет назад.

— Ну, — сказал Родитис. — И что же?

— Елена была влюблена в Кравченко. Теперь, когда она узнала, что он у меня, она хочет услужить ему. Она верит, что помогая мне выслужиться перед тобой, оказывает Кравченко хорошую услугу.

— Это слишком замысловато, Чарльз. Кравченко мертв. И если через тебя она пытается добраться до него, то, следовательно, она имеет довольно невысокое мнение о тебе.

— Правильно. Она ненавидит меня. И именно так демонстрирует мне свою ненависть.

Родитис сплюнул.

— Иногда наступает время, когда я начинаю задумываться, зачем я прилагаю так много усилий, чтобы войти в ваше аристократическое общество. Ведь в действительности

вы попросту животные. Вы вспарываете друг другу животы как драматические актеры, а затем находите самое запутанное из всех возможных объяснений тому, что сделали.

— Может, это врожденное, — предположил Нойес.

— Да, конечно. И более того. Деньги сами по себе вас не интересуют; ваши прадеды наделали их столько, что их хватит на всю вашу компанию. Статус для вас также не имеет значения, вы приобретаете его с потерей невинности. Вы наследуете власть и положение. Поэтому, проводите ваши жизни в византийских интригах просто, чтобы не сойти с ума от скуки. Повторное рождение делает это более интересным. Вы можете перепрыгивать через поколения, вскрывать старые раны, удерживать старинную вражду, пугать друг друга, использовать секс как клинок. — Глаза Родитиса блеснули.

— А хочешь, я тебе кое-что скажу, Чарльз? Ведь я настоящий византиец. Я не интригую только ради интриг. Я пытаюсь найти им практическое применение. И пока вся ваша стая грызется и царапается между собой, я собираюсь войти в самый центр и взять все в свои руки. Как мои предки в свое время взяли Рим. Потихонечку, медленно, языком Римской Империи стал греческий язык, помнишь? Так работает Византия. Ты слушаешь?

— Я внимательно слушаю тебя, Джон.

— Хорошо. Мы займемся встречей Елены с Сантоликвидо позже. А теперь пойдем-ка, займешься вместе со мной гимнастикой.

— Я немного устал, Джон. Перелет из Нью-Йорка...

— Пойдем заниматься, — повторил Родитис. — Если ты будешь держать форму, тебя не утомит такая безделица, как перелет из Нью-Йорка.

Они зашли в дом, проследовали по коридорам с гладкими белыми стенами и спустились в прохладный подвал, где Родитис устроил гимнастический зал. Он спокойно подошел к стене и увеличил гравитацию в зале на десять процентов. Это было нечестно по отношению к Нойесу, но Родитис не желал подстраиваться под более слабого компаньона. Обычно он увеличивал гравитацию на двадцать процентов или более. Когда дела шли плохо, он, бывало, работал при двойной гравитации, напрягая каждую мышцу, нагружая сердце, легкие и мускулы до их предела, ради того, чтобы увеличить этот предел еще немного.

Раздевшись, Родитис спросил:

— Чарльз, не хочешь ли ты прочитать мантру, которая дала бы нам силы?

— Я не уверен, что такая существует.

— Все равно, скажи пару святыx фраз. Затем раздевайся.

— Когда по воле злой кармы несчастья сопровождают нас,— начал Нойес,— только высшее божество может разогнать несчастья. Когда истинный звук Реальности гремит как тысячи громов, они могут быть вмещены в звучание Шести Слогов.

— Ом мани падме хум,— проблеял Родитис.— Извини.

— Для тебя все это глупость, не так ли, Джон?

— Западный Буддизм? Если он есть, значит это кому-то нужно. Я изучал искусство «правильной смерти», ты знаешь. Я имею ввиду подготовку своей личности к новой земной жизни.

— Интересно, как это, быть пассажиром в чьей-то голове?

Родитис спокойно посмотрел на Нойеса.

— Я не останусь пассажиром надолго, Чарльз. И ты, конечно же, должен понять это. Я всегда играю только наверняка. Если я не смогу стать зомби, то я не заслуживаю второго рождения.

— Мне жалко человека, который возьмет твою личность.

— Он будет жить вполне комфортабельно. Он просто не будет управлять своим телом и все,— Родитис громко расхохотался.— Хотя все это будет через шестьдесят-семьдесят лет. А сейчас мы будем заниматься гимнастикой, а не рассуждать о моей загробной жизни. Ом мани падме хум! Прости, Чарльз!

Родитис активизировал два вертикальных силовых экрана, которые раскачивались из стороны в сторону, находясь на расстоянии около пятнадцати футов друг от друга. Он зашел между ними и прыгнул вбок на левый экран, сжав ноги вместе и согнув их в коленях. Экран оттолкнул его, а он, ловко перевернувшись в воздухе, оттолкнулся ногами от другого экрана. Около двадцати раз он перелетал от экрана к экрану, ни разу не коснувшись пола, несмотря на увеличенную силу тяжести, а затем спрыгнул на то же место, с которого начал упражнение.

— Твоя очередь,— сказал он Нойесу.

— Джон, я...

— Давай!

Нойес нерешительно ступил между качающимися экранами и прыгнул. Его ноги попали в середину левого экрана и тот швырнул его спиной на дверь. Он встал, потирая ушибленное место.

— Еще раз,— приказал Родитис.— Ты толстеешь, Чарльз. Слишком много ешь и много спишь. Я хочу, чтобы мои работники имели стройную фигуру и голодный взгляд.

Нойес со злостью прыгнул снова. Коснувшись экрана, он подогнул колени, пытаясь рассчитать силы, чтобы попасть в противоположный экран. Но его ноги достигли экрана не одновременно, поэтому вместо того, чтобы попасть на второй экран, он упал на пол, поцарапал щеку и разбил нижнюю губу. Когда он встал, на его лице была кровь.— Мне жаль. Джон. Но я просто не готов к таким упражнениям, а к тому времени, когда я войду в форму, эта штука убьет меня,— сказал он, отдышавшись.

— Я облегчу тебе задачу.— Родитис схватился за ручку гравитационного контроля и повернул ее назад. Откуда-то снизу донесся раскатистый гул и через несколько минут Родитис почувствовал снижение веса.— Попытайся еще раз,— сказал он.

Нойес пошел на позицию и прыгнул. Сильно потеряв в весе, он попал в экран слишком высоко, но это не имело значения. Он перелетел к другому экрану и упал на него плашмя, животом вперед. Затем отлетел назад, перевернулся в воздухе, отчаянно махая руками и ногами. Более минуты Родитис наблюдал, как Нойес метался между экранами. Вдоволь позабавившись, чувствуя раздражение, он увеличил гравитацию на десять процентов выше нормы и Нойес тяжело рухнул на пол. На этот раз он поднялся с трудом. Его лицо покраснело, грудь тяжело вздымалась.

— Ну ладно, хватит,— милостиво сказал Родитис.— Мне вызвать врача или перейдем к следующему упражнению?

Нойес пожал плечами. Родитис поднял тяжелый медицинский мяч и бросил ему в руки. Нойес поймал его и кинул обратно. Несколько минут они перекидывались мячом, причем Родитис постепенно и незаметно увеличивал силу броска, пока тяжелый мяч не начал летать с большой

скоростью. Наконец уставшие пальцы Нойеса не удержали его и мяч сильно ударил Нойеса в живот. Мяч укатился, а Нойес, задыхаясь, повалился на пол. Родитис не улыбался.

Они проделали еще несколько упражнений, поплавали, позанимались на канатах. Затем, Родитис опять вернулся к силовым плоскостям. Наконец он успокоился. Они оделись и не спеша отправились завтракать.

Родитис был в беспокойном и взрывном настроении. Его дела шли хорошо, но одна вещь, которая имела особую важность — проект приобретения личности Пола Кауфмана, не двигалась с мертвой точки. Ему очень не хотелось использовать посредников в приобретении расположения Сантоликвидо. Особенно таких посредников, с которыми он даже не был знаком, как эта женщина, Елена Вольтерра, известная своей красотой и доступностью. Он послал Нойеса на Доминику, чтобы тот завязал контакт с Сантоликвидо; вместо этого Нойес вышел на Елену. Может, она и сослужит ему хорошую службу, если в больных рассуждениях Нойеса есть какое-то зерно. Но Родитису не терпелось заняться этим делом самому. Начало было положено, теперь настал момент лететь в Нью-Йорк, загнать Сантоликвидо в угол на его же территории и предъявить полное формальное и последнее требование трансплантировать ему личность Пола Кауфмана. Время идет. Со стороны Сантоликвидо было бы неразумно затягивать это дело и Родитис не знал никаких других кандидатов. Возможно, Марк Кауфман и мог бы справиться с личностью своего дяди, но у него на пути стояли закон и завещание старика.

— Остаюсь только я, — подумал Родитис. Днем он подписал контракт с мексиканцами. Его компьютер закончил последние расчеты по ожидаемой прибыли, а мексиканский компьютер рассчитал допустимую цену. Между компьютерами произошел непродолжительный обмен информацией и к трем часам контракт был готов к подписанию. Родитис поставил на контракте отпечаток своего пальца, председатель мексиканской делегации произнес речь на ломаном английском, затем гостям было предложено выпить мексиканской водки и закусить.

Через час Родитис находился в воздухе на высоте восьмидесяти тысяч футов, на пути в Нью-Йорк.

Мир стал странным и бесконечно сложным для Ризы

Кауфман за восемь дней, прошедших с момента приобретения личности Тенди Кашинг. В одно мгновение ее багаж жизненного опыта был более чем удвоен, восприятие человеческих отношений стало более острым, ее отношение к себе, к отцу и к миру в целом стало более спокойным. Присутствие новой личности давало ей преимущество двойного восприятия. Теперь она имела две точки зрения в оценке событий.

Она чувствовала себя немного виноватой за свою былую эгоистичность и бескомпромиссность. Риза и Тенди рассматривали Ризу до трансплантации как капризную и жестокую девчонку, которая относилась к людям с детским садизмом. Вместе они понимали, откуда взялась в ней эта жестокость — ей не терпелось войти в мир взрослых, который, казалось, не торопился принять ее. Теперь, когда она вошла в него, отпала необходимость мучить окружающих для самоутверждения.

У Тенди тоже были свои отрицательные черты. Риза легко разглядела ее недостатки: леность, недалекость, нехватка дисциплинированности. Тенди вышла из богатой семьи, в которой никто не выполнял никакой работы по крайней мере в течение пяти поколений. Для Кауфманов такая позиция была ненормальной и даже непонятной. Кауфманы трудились. Они могли разъезжать по всему миру и посещать вечеринки, могли слетать на месяц на Венеру, если у них возникало такое настроение, могли истратить бешеные деньги на наряды, на те же вечеринки или расцвеченные портреты дяди Пола. Они могли покупать себе новые личности. Огромное богатство предоставляло им все возможности кроме одной — возможности ничего не делать. Отец Ризы посвящал большую часть времени бизнесу, хотя мог бы воспользоваться услугами платных менеджеров, или даже целиком опереться на компьютер. Сама Риза хорошо разбиралась в делопроизводстве и собиралась занять место в банковской иерархии Кауфманов. Тенди же не имела никакой специальности и ее ничто не интересовало, кроме чувств. Если по какой-либо причине семья Кашингов разорилась бы, Тенди пришлось бы идти на панель.

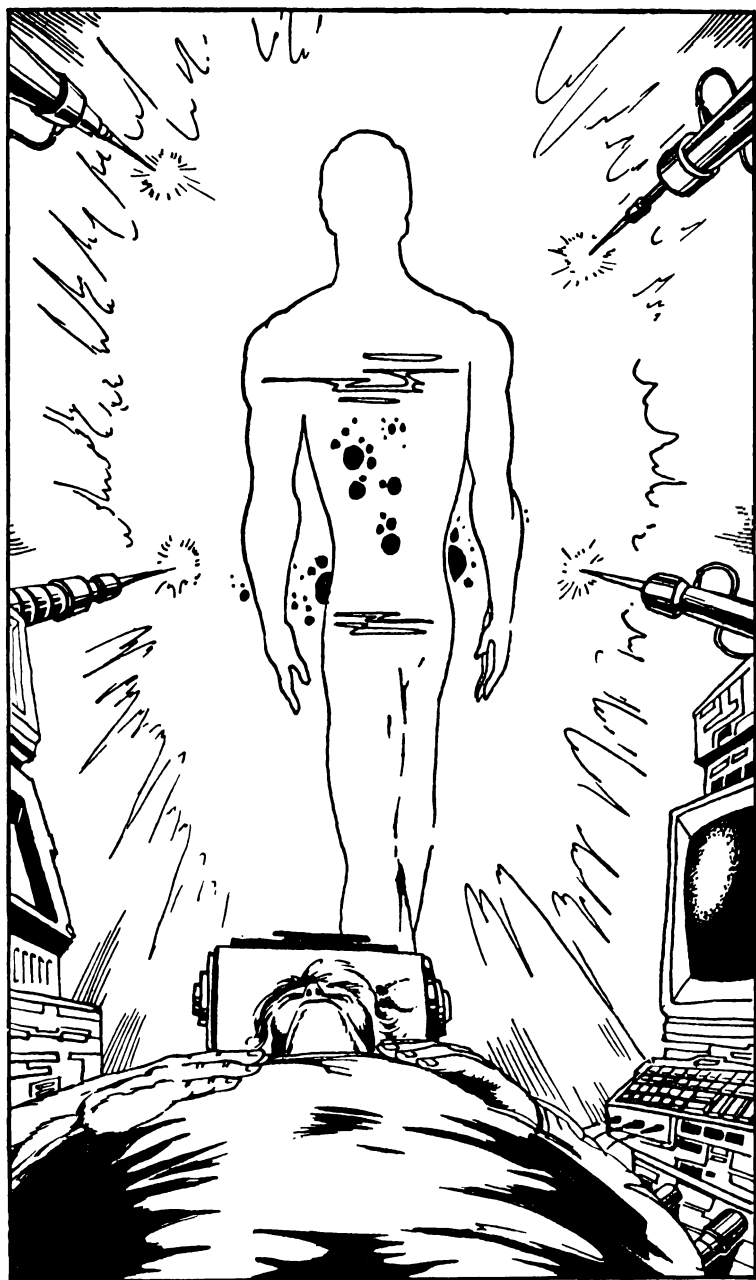
Ризе не нравилась беззаботность Тенди, а Тенди не нравилась агрессивность Ризы. Но одновременно с этим они могли многое предложить друг другу, так как их характеры были взаимно дополняющими.

В первые дни своей совместной жизни они проводили время, занимаясь сортировкой воспоминаний друг друга. Риза провела это время в своих комнатах, занимаясь, как показалось бы стороннему наблюдателю, медитацией, но на самом деле это был необычайно интересный, живой и долгий разговор самого интимного плана. Она проходила по воспоминаниям Тенди о различных событиях ее жизни: о любовных приключениях, путешествиях, вечеринках. Она как бы враз приобрела восемь лет жизни. В свои двадцать четыре года Тенди уже прошла через все, начиная от первых сексуальных экспериментов до полномасштабной эротической жизни. У Ризы было лишь несколько приключений, импульсивных, отрывочных, робких, основанных на подростковом любопытстве. Тенди уже знала любовь или то, что считала любовью, и запись ее побед и поражений, этих рассветов и закатов, была для Ризы полностью доступной.

Она знала ощущения обнаженной девушки в снегах Антарктики перед совокуплением. Она пробовала странные коктейли в отеле на склоне Эвереста. Она испытывала оргазм в свободном падении. Она ссорилась с любовниками, царапала их лица, а затем целовала окровавленные щеки.

Риза чувствовала, что жизненный багаж Тенди не будет долго занимать ее. Хотя, конечно, останется несколько важных или интересных событий, к которым она будет возвращаться. Она понимала пользу от присутствия второго разума, но также знала, что это острое ощущение новизны через год или два притупится и их отношения приобретут вполне будничный характер — свадьба, уничтожившая страсть. Тенди просто не обладала такой глубиной, на которую потребовалось бы много времени для изучения, какими бы яркими ни казались ее ощущения. Когда Риза достигнет возраста Тенди, она далеко обойдет тот уровень, какой Тенди достигла перед своей смертью.

Тогда придет время взять еще одну личность. Более взрослую женщину, подумала Риза. От Тенди она приобрела женственность, чувство физиологической зрелости, которого не давало ей ее угловатое тело. От своей следующей личности Риза хотела получить полный курс плетения интриг. Было бы полезно иметь преимущество возраста, когда она войдет в мир конфликтов и борьбы. Но это будет потом. Сейчас Риза получила именно то, что она хотела получить.

— Ты удовлетворена? — спросил ее отец.

Комнату Ризы наполнял солнечный свет. На ней было просторное платье из такого тонкого материала, что, казалось, оно было соткано из паутины.

— Абсолютно удовлетворена. Это именно то, о чем я мечтала.

— Ты сильно изменилась.

— К лучшему?

— Думаю, да, — сказал Кауфман.

— Тогда почему ты сопротивлялся этому, Марк? Почему ты не дал согласие, когда я тебя попросила в первый раз? — На его лице появилась растерянность. Она никогда раньше не видела у него этого выражения.

— Иногда я тоже ошибаюсь, Риза. Мне казалось, что ты еще не готова. Я был неправ. Признаю. Ты подружилась с Тенди?

— Очень.

— Какая она?

— Совсем как я, только на восемь лет старше и гораздо более спокойная. Правда, есть один вопрос, который ее мучает.

— Какой вопрос?

— О ее смерти. Она заиклена на этом. Она убеждена, что ее убили.

— Она умерла от несчастного случая на лыжном курорте прошлым летом, не так ли?

— Это официальное мнение, — сказала Риза. — Тенди говорит, что этого не могло быть. Во-первых, она превосходная лыжница, а во-вторых, у нее были средства безопасности.

— Средства безопасности иногда подводят. У нее есть какие-нибудь воспоминания о последних днях?

— Откуда? — засмеялась Риза. — Она сделала запись своей личности за два месяца до смерти! Они не записывают умирающих девушек в процессе несчастного случая!

Марк снова растерялся.

— Глупо с моей стороны. Но есть ли у нее какие-нибудь основания считать, что она была убита, или это просто навязчивая идея?

— Так как у нее нет доказательств, это можно считать навязчивой идеей, — сказала Риза. — Но она попросила меня проверить, и я сделаю это.

— Проверить? В каком смысле?

— Провести детективное расследование, восстановить последний день ее жизни. Найти человека, с которым она была в тот день.

Нахмурившись, Марк сказал:

— У тебя могут возникнуть неприятности, если ты возьмешься за это, Риза. Если хочешь, я могу поручить человеку...

— Не надо. Я справлюсь с этим, Марк. Мне это тоже пригодится.

Наступило время заняться расследованием, сказала себе Риза. Всю неделю она не предпринимала никаких действий, но ждать было нечего и Риза исследовала детали последних воспоминаний Тенди. — С кем ты собиралась поехать в Сант-Мориц?

«Я не знаю точно: с Клодом или со Стивом.»

— Они оба хорошие горнолыжники?

«Да. Я виделась с обоими весной того года. Ты должна знать это.»

— У тебя были планы кататься на лыжах с кем-нибудь из них?

«Откуда я знаю?»

Риза изучила воспоминания Тенди о двух ее знакомых. Клод Виллифренч был гражданином маленькой средиземноморской страны, которая упрямо сохраняла свою независимость тогда, когда это понятие стало чистой условностью. В глазах Тенди он был высоким, широкоплечим, темным мужчиной, с острым носом и тонкими улыбчивыми губами. Ему было около тридцати, он казался богатым человеком с устоявшимися вкусами и мрачным задумчивым характером.

Стив Холенбек, швед, был полной противоположностью Клода: веселый и открытый худощавый мужчина невысокого роста, около двадцати шести лет, светловолосый. Так, вероятно, выглядел Чарльз Нойес, когда он был молод, подумала Риза, но он не настолько высокий. Его семья сделала деньги на кораблестроении, хотя сам Стив, как почти все в окружении Тенди Кашинг, не работал.

Тенди была в интимных отношениях с ними обоими и последние два года встречалась с ними довольно часто. Оба знали о существовании друг друга и никто из них не показывал ни малейших признаков ревности. В воспоминаниях

Тенди о своих любовниках не было ничего, что характеризовало бы одного из них как потенциального убийцу. И все же Тенди была уверена, что один из двоих прошлым августом сопровождал ее в Сант-Мориц и что-то сделал с ее снаряжением, чтобы убить ее.

— Я встречусь с ними и посмотрю, что они расскажут мне о тех последних двух месяцах, — сказала Риза. — С кого мне начать?

«Со Стива.»

— Почему?

«Потому, что у Клода такое зловещее лицо, что именно он похож на убийцу. Мы начнем с того, кто менее подозрителен.»

Ризе это показалось забавным. Но она решила уступить Тенди, хотя считала это не более чем блажью, а значит не имело смысла относиться к этому серьезно. В том мире, в котором жила Риза, убийство было редкостью. Каждый записывал свою личность с целью последующего возрождения и таким образом постоянно жил то в одном человеке, то в другом. Если человек совершал убийство намеренно, записи его личности уничтожались и ему навсегда запрещалось участие в программе возрождения. Кто же стал бы рисковать своим бессмертием только ради того, чтобы прервать на время чью-либо жизнь? Но Тенди все же настаивала на том, что ее убили и не могла поверить, что к преждевременной смерти в снегах Сант-Мориц ее привела собственная неосторожность.

Риза позвонила в справочное бюро и спросила о местонахождении Стива Холенбека. К ее удивлению и облегчению оказалось, что Стив в настоящее время проживал в своем семейном имении неподалеку от Стокгольма. На следующее утро, когда в Стокгольме был ранний вечер, она ему позвонила.

Его спокойное вежливое лицо улыбнулось с экрана, глаза смотрели на нее дружелюбно, немного с удивлением. Он походил на свой образ в памяти Тенди, хотя там он выглядел немного моложе и стройнее.

— Да?

— Я Риза Кауфман. Я бы хотела поговорить с вами о Тенди Кашинг, если можно.

Он опустил глаза.

— Тенди..., да. Это большая трагедия. Вы ее подруга?

— Мне трансплантировали ее личность.

Реакция Холенбека была сильной: у него свело шею, задергалось веко, голова быстро и против его воли повернулась на несколько дюймов влево. Риза внимательно наблюдала и думала, то ли это реакция убийцы, застигнутого врасплох, то ли он был напуган известием о том, что Тенди опять появилась в этом мире и смотрит на него глазами Ризы.

Наконец он сказал:

— Я не слышал, что она вернулась.

— Недавно. На прошлой неделе. Она попросила меня переговорить с вами. Я бы хотела задать несколько вопросов.

— Хорошо. Если я могу быть полезен...

— Но не по телефону. Могу я заехать завтра в Стокгольм?

— Как пожелаете. Я с большим удовольствием познакомлюсь...э... с новой подругой Тенди. Вы прилетите из Америки?

— Да, из Нью-Йорка.— Во время разговора она попросила на компьютере расписание и заказала билет на девять часов утра.

— Мы сможем позавтракать вместе,— добавила она.

Они договорились встретиться в аэропорту. Когда она прошла через таможенные барьеры, он уже ждал ее. Он выглядел очень бледным и значительно более хрупким, чем она себе представляла. Они пожали руки, как полагалось при встрече между незнакомыми людьми. Когда он держал ее руку, он поглядел ей в глаза и ей показалось, что его холодные голубые глаза пытаются увидеть в них Тенди. На его щеках играли желваки. Риза сомневалась, что этот человек совершил убийство.

«Он изменился,» — зашептала Тенди: «Он выглядит старше, спокойнее. Даже скромнее.»

— Я заказал для нас ленч,— сказал он Ризе.— Мой вертолет ждет.

Через несколько минут они были в древнем вычурном здании, которое стояло возле красивого парка в центре Стокгольма. Он приказал накрыть их завтрак в комнате наверху. На первый взгляд это казалось приглашением к половой близости, но Риза чувствовала, что он не проявляет к ней физического интереса. Она хорошо определяла

желание у мужчин, но с его стороны оно не ощущалось. Вероятно, он предпочитал более опытных женщин типа Тенди. Интересно, знает ли он Елену Вольтерра, подумала она.

Робот-слуга принес им запотевшие кружки охлажденного золотистого пива. Затем в комнату вкатили стол с деликатесами. Через огромное окно сюда проникали потоки солнечного света, что в этих широтах считалось большой редкостью.

Тенди в ее голове не находила себе места. Ее волновало присутствие бывшего любовника. Ей не терпелось лечь с ним в постель, даже — будучи в другом теле. Риза попыталась молча передать ей, что Стив в ней явно не заинтересован.

Во время еды Стив сказал:

— Вы хотите задать вопросы относительно Тенди?

— Вы были с нею близки, не так ли?

Он улыбнулся:

— Вы, несомненно, об этом знаете.

— Да, знаю. Извините, что я говорю об очевидных вещах. Скажите, когда вы последний раз ее видели?

— Прошлым летом, — ответил он. — Незадолго до ее смерти.

— Когда именно?

— Дайте подумать. Весной мы были вместе в Верак-рутце. В конце апреля и начале мая. Затем она вернулась в Европу, в Монте-Карло, к Клоду. Вы знаете о Клоде?

— Конечно.

— Ну, хорошо. Так вот, я увидел ее снова где-то в конце июля.

«Уже после того, как я сделала свою последнюю запись», — сказала Тенди. — Где это было? — спросила Риза.

— Мы встретились в Лиссабоне. Вместе доехали до Стокгольма, где у меня были семейные дела. А она поехала дальше в Финляндию. В середине июля я к ней присоединился. Мы вместе путешествовали по Арктике, затем поехали в Киев, а оттуда вылетели в Цюрих. В Цюрихе я и оставил ее. Через несколько дней она погибла.

— Вы ее не видели с конца июля?

— К сожалению, да. — Кивком головы он указал на пустую тарелку Ризы. — Перейдем к горячему, или вы хотите рыбы?

— Я бы попробовала еще горбуши.

— Я тоже.— Он улыбнулся, это был первый признак приязни с его стороны. Они наполнили тарелки, и по этому сигналу робот принес еще пива.

— Насчет Тенди...

— Когда она оставила меня в Цюрихе, я понял, что она снова встретила Клода и они поехали в Сант-Мориц.— Его лицо стало серьезным.— До октября я не слышал о ее смерти. Я думал, что она все еще путешествует вместе с ним.

— Что вы можете мне сказать о ее смерти?

— Это слишком холодная тема для такого теплого дня.

— Пожалуйста,— попросила Риза.— Для меня важно это знать. Для... нас важно. Видите ли, Тенди не может помнить об этом. Ее последняя запись была сделана в июне. Она пытается воссоздать свои последние шесть недель, и в особенности подробности ее... ее смерти. Вы можете в этом помочь?

— Как я уже говорил, моя информация из вторых рук. Мне сказали, что она каталась на лыжах с Клодом. Они спускались с высокого склона на большой скорости, чтобы пересечь пропасть. Она уже перелетала пропасть на высоте около сотни метров, когда ее снаряжение вышло из строя. Отказали гравитационные подушки. Она упала. Говорят, ее тело смогли достать только через неделю.

Риза была в шоке.

— Я надеюсь, это была быстрая смерть.

— Да, скорее всего.

Они помолчали. Риза заметила, что Стив разглядывает ее лицо и поняла, что он пытается, минуя ее, найти путь, непосредственно к Тенди. Конечно же, обращение к трансплантированной личности напрямую было грубейшим нарушением этикета. Говорить следовало с живыми, а не с ожившими. Стив вряд ли мог совершить такой поступок, хотя ему и хотелось схватить руки Ризы и оказаться в объятиях Тенди.— Я очень сильно любил ее,— сказал он через некоторое время.— Вряд ли она понимала это. Мы всегда были, как это принято, небрежны в своих отношениях. Я хотел, чтобы она родила для меня ребенка, хотел жить с ней. Но я никогда даже не намекал на это, нас с ней соединяла только кровать. Я сожалею об этом.

— Будете ли вы обижены, если я скажу, что Тенди

больше знала о ваших чувствах, чем вы думаете? — спросила Риза.

Он слабо улыбнулся и пожал плечами, как бы сомневаясь в сказанном.

Они едва притронулись к остальным блюдам. Затем вышли в сад, который находился во внутреннем дворе ресторана. Оба молчали. Посредничество в беседе между Стивом и Тенди измотало Ризу. Наконец-то она выяснила один из вопросов для себя и своей новой личности. Если Тенди и погибла насильственной смертью, то Стив Холенбек был здесь ни при чем.

В аэропорту, помогая ей спуститься с вертолета, он сказал:

— Жаль, что я больше ничем не могу вам помочь.

— Вы мне очень помогли. Мы обе вам благодарны.

— Куда вы теперь?

— Хочу увидеться с Клодом, — сказала Риза. — Мы не знали, кто из вас был с Тенди перед смертью. Теперь все становится на свои места. Вы не знаете, где я могу найти его? Ведь он, наверное, оправился от шока и может рассказать о несчастном случае.

Стив прореагировал так же резко, как и тогда, когда Риза сообщила, что обладает личностью Тенди.

— Вы разве не знаете? — спросил он.

— О чем?

— Клод тоже мертв. Он умер в декабре, плавая ночью в районе Большого Барьерного Рифа. Он не расскажет вам ничего. Ничего. Разве что вы сможете найти человека, которому трансплантировали его личность и попытаться поговорить с ним.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Франческо Сантоликвидо произнес с ясно наигранным равнодушием:

— Рад снова тебя видеть, Джон. Я всегда рад, когда ты заходишь к нам.

Родитис пожал протянутую ему руку. Это была легкая, теплая, но не рыхлая рука человека, который не отказывал себе в удобствах. Обстановка офиса Сантоликвидо давала в нем скорее сибарита, чем спартанца.

— Спиртное?

— Конечно, Фрэнк.— Они коснулись ультразвуковыми шприцами своих рук. Сантоликвидо широко улыбнулся.

— А ты хорошо выглядишь, Джон. Все так же занимаешься гимнастикой?

— У меня всего лишь одно тело,— сказал Родитис,— и я поддерживаю его в форме.

— Действительно.— В глазах Сантоликвидо мелькнуло беспокойство. Родитис подозревал, что он побаивается его, и ему это нравилось, ведь Сантоликвидо занимал очень высокое общественное положение, очень высокое. Он подумал о том, что же наговорила ему о нем Елена, и как он на это прореагировал.

— А скульптура выглядит все так же великолепно.

— Козак? Да. Это шедевр,— Сантоликвидо засмеялся.— Я не забыл, что одна из твоих личностей — Антон Козак. Он еще не уговорил тебя создать звуковую скульптуру?

— Пытается,— сказал Родитис.— Но я знаю свои возможности.

— Ты мудрый человек.

— У меня нет таланта Козака. Я не мог бы стать таким же известным, как он. Ведь его личность не контролирует мое тело.

— Да, это так,— подтвердил Сантоликвидо.

— Он рад снова увидеть эту скульптуру. Он говорит, что это одна из его самых любимых. Это прекрасный художник, Фрэнк. Я не устаю себя хвалить за то, что выбрал его. Знаешь, у такого человека как я, мешка с деньгами, просто не было времени учиться ценить красоту. Козак научил меня. Теперь я знаю, что такое баланс линий, гармония форм. Я стал гораздо богаче.

— В этом цель процесса Шеффлинга,— с чувством произнес Сантоликвидо.— Чтобы усиливать, обогащать. Несомненно, он расширил твои горизонты восприятия. Но расскажи мне, Джон, как себя чувствует Козак, глядя на мир глазами миллиардера и финансиста?— Я думаю, ему нравится. Во всяком случае, он не жалуется. Его мир тоже обогатился. Он ведь жил, главным образом, в окружении эстетов, а теперь он видит другую грань существования. Я уверен, что в своей новой жизни он попытается выразить

свои новые знания в искусстве, если, конечно, ему повезет и он перейдет к тому, кто имеет талант для занятия звуковой скульптурой.

— Это будет не скоро,— сказал Сантоликвидо беспокойно.— Ты выглядишь хорошо, Джон, и я уверен, что тебе и твоим личностям еще рано говорить о новом существовании.

— Надеюсь.

— А старина Элио Уолш? С ним тоже все в порядке?

— О, да,— сказал Родитис.— Мы с ним родственные души. Он построил целую сеть силовых станций, а я построил сеть, используя другую силу. Он доволен своим местонахождением, а я считаю его незаменимым для себя.— Родитис улыбнулся и нарочно выдержал улыбку несколько дольше, чем требовалось. Затем он сказал:— Я уверен, ты понимаешь, что я добивался этой встречи не для того, чтобы обсуждать личности, которыми я уже обладаю.

— Конечно.

— Ты знаешь, зачем я здесь?

— Несомненно. Тебя интересует Пол Кауфман,— произнес Сантоликвидо.

— Да. Старик умер в начале года. Уже почти май. Вроде бы нет причин держать его дольше. Или есть?

— Мы скоро примем решение, Джон.

— Я слышу эту фразу уже несколько недель. Я бы хотел знать, как долго вы собираетесь принимать это решение.

— Джон, ты не можешь оценить сложность задачи. Эта личность одного из самых сильных людей нашего мира, может даже самого сильного человека, обладающего нестигаемым характером, располагающего колоссальным богатством и самыми высокими семейными связями. Решение о его личности может иметь далеко идущие последствия.

— Сколько человек на него претендуют?

— Сотни.

— А сколько из них способны удержать столь мощную личность?

— Единицы,— сказал Сантоликвидо.

Родитис тотчас почувствовал, что он лжет, но не осмелился обострять отношения. Очевидно, уговоры Елены по-

ка ни к чему не привели. Сантоликвидо все еще не соби-
рался отдавать личность Пола Кауфмана.

— Я не хочу оказывать на тебя давление,— сказал Родитис.— Я чувствую, что восстановление личности Пола Кауфмана, является твоим долгом перед миром, а я предлагаю себя для решения этой задачи. С течением времени, как тебе известно, личность теряет контакт с текущими событиями. Мы погубим его способность оценивать ситуацию, если мир станет непонятен для него.

— А ты уверен, что сможешь справиться с ним, Джон?

— А разве кто-нибудь сомневается в этом?— с удивлением парировал Родитис.

— У Пола Кауфмана необычайно сильная личность.

— Я понимаю. Я готов и способен удержать его. Ты проверял мои способности.

— Да. Но все равно я чувствую беспокойство. Такой человек как Пол Кауфман может с легкостью стать зомби...

— Никто,— твердо заявил Родитис,— не сможет стать зомби за мой счет. Даже Пол Кауфман.

— Иногда,— пробормотал Сантоликвидо,— мне кажется, что лучше было бы оставить старика в хранилище навсегда.

— Это будет преступлением против его личности! Ты не имеешь права!

— А я не говорил, что собираюсь это сделать. Это всего лишь мои домыслы. Нам опять придется выпустить его в этот мир. Пирата. Каннибала. Мародера.

— Он был просто хитрым и агрессивным бизнесменом,— сказал Родитис.— Отдай его мне и он будет под контролем ежеминутно. Я буду держать его в узде.

— Ты слишком самоуверен, Джон. Пойдем со мной.

— Куда?

— В главное хранилище. Я покажу тебе Кауфмана поближе.

Родитис бывал в главном хранилище и раньше, но каждый раз его охватывал трепет, когда он проходил по вестибюлю с низким потолком и настороженными глазами сканеров в огромную мрачную пещеру, хранящую миллионы консервированных душ. Они дошли до испытательной кабины. Сантоликвидо затребовал одну из шкатулок и теперь крепко держал ее в руке.

Оглядывая колоссальный зал с бесчисленными рядами полок и урн, Родитис тихо сказал:

— Ты читал одиннадцатую книгу Одиссеи? Где Одиссей спускается в царство теней искать совета у душ умерших.— Он показал рукой в зал.— Вот и мы здесь. В Царстве Теней, в Городе Вечной Мглы. Мы причалили наши лодки и идем по берегу реки Океан. Одиссей вынимает меч, копает яму и приносит жертву мертвым. Мед, молоко, вино, воду. Он сыплет белый ячмень. Перерезает горло овце. Темная кровь капает в яму, и вот, души мертвых поднимаются из глубины. Он видит своего непогребенного друга Эльрепора. К нему подходит мать, но он прогоняет ее, чтобы поговорить с Тейреспасом. Затем он встречается мать Оедипуса, жену Амфитриона. Ариадну. Посейдона. Здесь, как в Царстве Теней, мы можем вызывать души умерших.

— А ты хорошо знаешь Гомера,— сказал Сантоликвидо.

— Я грек,— спокойно сказал Родитис.— Ты удивлен?

— Я никогда не видел тебя таким, Джон.

— Но ведь это тени, не так ли? Не место для наказания, не Дантов Ад, а просто хранилище. Прямо по Гомеру. Ты не чувствуешь это, Фрэнк, глядя на ряды урн?

— Я это чувствую часто. Хотя и не несколько иначе, чем описывает Гомер. Мы, романцы, тоже имеем своего поэта теней. Помнишь? «Спуск в ад прост. Ночь и день открывают врата темного царства смерти».

— Вергилий?

— Да. Анис так же ищет встречи с мертвыми. Он берет в руки золотой лук и зовет своих товарищей. Глубокая, темная пещера, из глубины которой поднимается пар; он спускается вниз, переплывает на лодке реку, встречается тень своего рулевого — Палинуруса. Он находит Дидо. А затем, своего отца Анхисеса. Я часто думал об этом, Джон.

— Тогда открой для меня свое Царство Мертвых и покажи мне Пола Кауфмана.

— Заходи в комнату.

Они вошли. У Родитиса было плохое настроение, он посмотрел на медную шкатулку с личностью Пола Кауфмана и его охватило сильное желание вырвать эту шкатулку из нежных рук Сантоликвидо и броситься прочь. Но это было глупо. Он ждал, пока Сантоликвидо наладит оборудование.

— Что ты собираешься делать?— спросил он наконец.

— Хочу, чтобы ты тридцать секунд пообщался с Полом Кауфманом. Это стандартная процедура. Когда она начнется, я не остановлю ее, как бы ты ни реагировал, а затем мы узнаем, сколь сильно ты желаешь остаться с ним навсегда.

— Ты не испугаешь меня.

— Я и не думаю тебя пугать. Но я хочу тебя убедить, что существует определенный риск.

— Давай,— сказал Родитис. Он дал закрепить на себе электроды, и, полузакрыв глаза, наблюдал за последними приготовлениями.

— Ну вот,— сказал Сантоликвидо.

Родитис вздрогнул от первого соприкосновения с личностью Пола Кауфмана. Он как бы упал на самое дно кипящего серного озера и пытался выплыть оттуда, чтобы вдохнуть воздуха. Он не утонул. Через несколько мгновений он выплыл на поверхность, овладев искусством управляться с этой средой.

Невероятно! Старик обладал такой жизненной силой и энергией! Родитис осмотрел кладовые памяти, это были не просто отрывочные воспоминания, а жесткая цепь людей и событий, тянувшаяся через всю его долгую жизнь. Неужели Кауфман ничего не забывал? Неужели ничего не путал? Родитис с радостью и удивлением разглядывал ряды архивов в простом и хорошо организованном банке памяти Кауфмана. Как будто он был не человеком, а своего рода компьютером. Хотя нет, он был вполне человек: в нем присутствовала жажда наживы, гнев, тщеславие и другие страсти и эмоции, целый клубок эмоций, ярко выделяющийся на фоне этого могучего ума. Родитис двигался во всех направлениях, изучая все на своем пути, спокойно опускаясь в замерзшие каньоны желаний, проходя мимо мелькающих вершин побед, пробираясь через грубую ткань зрелости. В семьдесят лет Кауфман был феноменом, но это проявилось не случайно, заглянув в прошлое, Родитис увидел цельность этого человека: несгибаемая воля и стремление к цели в сорок, в двадцать, даже в десять лет. Как мог вообще существовать такой человек, в котором огонь и лед были слиты воедино? Войдя в эту страну чудес, Родитис не мог ее покинуть. Ему показалось, что он слышит отдаленные звуки музыки — мощные и ритмические звуки, исполняемые огромным симфоническим оркест-

ром. Он видел готические арки, тянувшиеся в бесконечность. Его ноздри ощущали запах величия. Родитис твердо ступил ногами на широкую равнину под непроглядно темным небом. Он откинул назад голову и рассмеялся, глядя в небеса.

Видения рассеялись. Он сидел в маленькой комнате, на его голове были закреплены электроды и его с интересом рассматривал Сантоликвидо.

— Я хочу его взять, — тотчас сказал Родитис.

— Но риск...

— Нет никакого риска. Я могу с ним справиться. Он принадлежит мне! Он обязан быть моим!

— Тебя трясет, — заметил Сантоликвидо. Родитис обнаружил, что это действительно так. Он посмотрел на свои дрожащие пальцы, а затем, на дрожащие колени. Чем настойчивей он пытался восстановить контроль над своим телом, тем сильнее становилась дрожь.

— Это просто от напряжения, — сказал он. — Я не говорю, что мне было легко. Но со мной все в порядке. Я достаточно силен. Я имею право получить эту личность.

— А как к этому относятся твои личности?

Родитис обнаружил, что потерял связь с Козаком и Уолшем. Ему пришлось некоторое время поискать их. Уолш был оглушен, Козак молчал, был замкнут и растерян. Похоже, их не радовал этот контакт с Полом Кауфманом. Родитис попытался убедить их в том, что они привыкнут к новому соседу в его голове.

— Похоже, они немного потрясены, — сказал он Сантоликвидо. — Для них это было большой неожиданностью. Но, думаю, это пройдет.

— Я обеспокоен, Джон.

— По какому поводу?

— По поводу тебя. Что произойдет после того, как ты получишь Кауфмана? Сейчас ты важная фигура, на тебе лежит большой груз ответственности. Если ты уступишь влиянию новой личности, то будет...

— Не будет.

— Могут возникнуть серьезные экономические последствия, — сказал Сантоликвидо.

— Ну сколько раз можно твердить тебе одно и то же? Я способен с ним справиться. Слушай, Фрэнк, я чувствую такое воодушевление, опробовав личность этого человека.

Я многое понял за какие-то тридцать секунд. Ты должен, ты обязан дать его мне!

Сантоликвидо провел кончиком языка по своим губам. После непродолжительного молчания он поднялся и подошел к Родитису.— Давай, прогуляемся,— предложил он.— Если, конечно, у тебя прошла дрожь.

Родитис встал, стараясь держать себя в руках. Сантоликвидо положил личность Кауфмана обратно в шкатулку, которую, в свою очередь, опустил в приемное отверстие пневмопочты, где, к огромному сожалению Родитиса, она тут же исчезла. Они вышли из испытательной кабины. Сантоликвидо повел его по балкону, идущему по всему периметру хранилища.

— Мы прогуляемся по Царству Мертвых,— сказал он.— Я хочу показать тебе возможные альтернативные личности.

— Я не...

— Ты просто узнаешь о них,— сказал Сантоликвидо. Он набрал номер на терминале. Один из запечатанных банков открылся. Он вынул оттуда шкатулку, повертел ее в руках, нахмурился и вынул соседнюю.— Эллиот Сакьямуни,— сказал он.— Ты знаешь его? Это выдающийся гуру, один из основоположников новой религии, воистину могучий человек. Он умер в марте и с тех пор находится у нас в ожидании подходящего реципиента. Джон, если ты возьмешь его, то добавишь себе духовной глубины и мудрости, причем такой, которую может предложить только гуру самого высочайшего ранга. Ты первый, кому я предложил его. Подумай об этом.

— В нагрузку к Кауфману?

— Вместо Кауфмана,— сказал Сантоликвидо.— Мне кажется, гуру подошел бы тебе больше.

— Нет,— сказал Родитис.— Я могу обойтись без дополнительной духовной глубины. У меня есть Нойес, чтобы читать мне мантры. Клади Сакьямуни на место.

Сантоликвидо вздохнул и убрал шкатулку. Они прошли еще немного. Указав на один из стеллажей, Сантоликвидо сказал:

— Всемирно известный математик Хорст Шафхаузен. Он ждет уже два года, чтобы вернуться к жизни. Такой ум, как у тебя, хорошо бы подошел...

— Брось это, Фрэнк.

— Не отказывайся от Шафхаузена с такой поспешно-

стью. Его уникальные возможности послужат тебе в...

— Я возьму его через три года,— сказал Родитис.— Дай мне сначала шанс получить Кауфмана.

На лбу Сантоликвидо проступили капли пота. Он сказал изменившимся голосом:

— Почему ты не хочешь освободиться от этой навязчивой идеи, Джон? Кауфман — это огромная тяжесть даже для тебя. Он ломает тебя.

— Мне нужен он.

— Вы слишком похожи. В процессе Шеффлинга мы основываемся на принципе дополнения, а не добавления. Между тобой и Кауфманом будет бой по каждому деловому решению. Он захочет сделать это по-своему, а ты, по-своему...

— И я выиграю,— сказал Родитис.— Я живу, а он будет лишь ожившим. Я буду использовать его опыт, но и не позволю ему управлять собой.

— Если он станет зомби...

— Исключено.

— Я предлагаю тебе выбрать любую личность из всех, которые здесь находятся,— сказал Сантоликвидо,— кроме этой.

— Зачем ты меня мучаешь?

Понизив голос, Сантоликвидо сказал:— Можно даже организовать нечто нелегальное. Тебя интересует транс-сексуальная трансплантация? Что если, скажем, я организую тебе трансплантацию личности Катерины Андрабовой. Это необычная комбинация чувственности и интеллекта, это поистине выдающаяся женщина...

— Неужели это так серьезно?— сказал Родитис.— Неужели у тебя такое положение, Фрэнк, что ты даже готов нарушить закон? Чем они тебя шантажируют?

— Кто?

— Кауфманы!

— Меня никто и никогда не шантажировал,— лицо Сантоликвидо приобрело суровое выражение. Родитис был удивлен твердости и непреклонности этого с виду податливого человека:— Я сам принимаю решения.

— Марк Кауфман не хочет, чтобы я получил личность его дяди, и он устроил все так, чтобы я не получил ее. Ты согласен отдать мне все хранилище, только не старика Пола. Ты даже предложил мне незаконную трансплантацию. Значит и впрямь тебя загнали в угол. Ты хочешь

угодить мне, но боишься обидеть Марка и это разрывает тебя на части,— Родитис положил руку на плечо Сантоликвидо.

— Я понимаю твое положение,— сказал он более мягко.— И прошу, чтобы ты просто выполнял свои прямые обязанности. Я законный реципиент Пола Кауфмана. Марк привыкнет к этому, обнаружив, что я вовсе не монстр.

— Мы не можем говорить о таких вещах здесь.

— Тогда перейдем в твой офис.

Но и в своем роскошном кабинете Сантоликвидо остался непреклонен. Он впрыснул себе подряд несколько ампул спиртного, прошелся по кабинету, постоял некоторое время перед звуковой скульптурой Козака и наконец сказал:

— Мне нужно время, Джон.

— Ты просто оттягиваешь неизбежное.

— Может быть. Но я еще не готов принять решение. Ведь мне придется отвечать за это решение весь остаток моей жизни. Дай мне несколько недель. К пятнадцатому мая я объявлю судьбу личности Пола Кауфмана. Хорошо?

— Я не могу принуждать тебя,— заметил Родитис.

— Я даю слово.

Родитис внимательно посмотрел на Сантоликвидо. Он знал, что слово это означало многое для Сантоликвидо, на которого из глубины веков смотрели десятки благородных предков. Плебей Родитис мог нарушить торжественно данное им слово в любой подходящий момент, но Сантоликвидо не мог так поступить. Или же Родитис просто убеждал себя в этом.

— Хорошо,— сказал он.— Взвесь все «за» и «против», Фрэнк. Не позволяй Марку толкнуть тебя в какую-нибудь авантюру.

Выйдя из здания, Родитис дал волю своему гневу. Он долго сидел в вертолете, сгорая от бешенства, и горячие волны злости одна за другой окатывали его. И все это после вмешательства Елены! Все это после планов Нойеса! После смерти Пола Кауфмана ситуация не продвинулась ни на йоту..., вечный шах. Сантоликвидо все еще балансировал. За фасадом администратора скрывался трус, боящийся навредить кому-либо из сильных мира сего. Он выжидал.

Прошло десять минут и Родитис немного успокоился.

Он приказал вертолету подняться и направил его на восток к океану. Машина взлетела в воздух.

— Куда именно лететь?— спросил робот-пилот.

— Лети на восток, пока не получишь другой приказ.

Родитис закрыл глаза и тотчас к нему вернулись воспоминания о тех тридцати секундах с Полом Кауфманом. Этой короткой встречи с его личностью оказалось достаточно, чтобы Родитис окончательно уверился в том, что старик должен попасть к нему. Это была судьба.

А что, если Сантоликвидо как-то обойдет его? Это было трудно представить. Родитис не знал никого, кто мог бы обуздать мощь Пола Кауфмана. Конечно, Сантоликвидо мог бы поступить как трус и оставить Кауфмана в хранилище навечно, он, кстати, намекал на это. Это же он проделал с математиком Шафхаузенем. Но Сантоликвидо был человеком чести. Он не мог выставить себя на посмешище. Ему придется кому-то отдать Пола Кауфмана.

Что если по наущению Марка Сантоликвидо трансплантирует Кауфмана какому-то третьему лицу? Родитис улыбнулся. Тотчас появится зомби. Его адвокаты потребуют судебного разбирательства. Приговором будет удаление личности. Кауфман вернется в банк душ и Родитис сможет возобновить свое требование.

С другой стороны, рассуждал Родитис, допустим, Сантоликвидо найдет человека достаточно сильного, чтобы совладать с личностью старика. Хотя и с трудом, но и с этим можно будет справиться. Родитису было ясно, что в этом случае ему придется организовать убийство. Это будет выглядеть как случайная смерть. Пол Кауфман и его последний хозяин вернутся в банк душ, и Родитис потребует их обоих. Так или иначе он получит эту личность. Узнав ее, он теперь не мог от нее отказаться.

Он открыл глаза. Вертолет уже давно летел над Атлантикой. Хотя на календаре была весна, вода далеко внизу была серой и холодной. Высокие волны какдвигающиеся горы то поднимались, то падали вниз. Родитис отключил звуковую изоляцию и прислушался к шуму ревущего океана. Он приказал вертолету спизиться и летел теперь на высоте не более трехсот футов над уровнем воды. Вертолет был рассчитан на короткие перелеты и было небезопасно залетать далеко на такой хрупкой машине, но опасность успокоила Родитиса. Маленький ядерный реактор под его

сиденьем при необходимости мог дотянуть даже до Европы.

На поверхности воды вдруг показалась огромная туша кита. Родитис понаблюдал за животным, полюбовался фонтаном, который неожиданно выпустил кит. Вот это сила! Вот это мощь! Кит взмахнул хвостом, плавники зачерпнули воду. Послышался плеск воды и кит исчез. Океанский Пол Кауфман, подумал Родитис. Титан морей.

— Возвращайся в Нью-Йорк,— приказал он вертолету.

Попутный штормовой ветер ускорил возвращение. Приближаясь к берегу, он позвонил Нойесу. Тот был дома и с волнением ожидал вестей от Родитиса.

— Ничего не вышло,— сказал Родитис.— Сантоликвидо все еще выжидает.

— Но Елена сказала...

— Затея с Еленой была бесполезной. Сантоликвидо боится Марка Кауфмана и Марк все еще не желает, чтобы я получил старика. Мы застряли на этом. Сантоликвидо предложил мне вместо него любую личность. Даже женщину.

— Ты шутишь, Джон!

— Я мог бы получить Катерину Андрабову — так он запаниковал.

Нойес покачал головой.

— Я был уверен, что все устроится,— пробормотал он.— Елена была тоже уверена в этом.

— Сантоликвидо пообещал решить вопрос к пятнадцатому мая,— сказал Родитис.— Хотя он и не заверил, что решение будет в мою пользу. Если получится по-другому...

— Не получится, Джон.

— Если это случится, то для тебя будет работа. Мы не можем упустить эту личность. Знаешь, Чарльз, он дал мне попробовать личность старика! Я заглянул в нее. Теперь я пойду на что угодно, лишь бы добыть эту личность. На что угодно!

— Может мне снова поговорить с Еленой,— предложил Нойес.

— Это не повредит. Хотя, скорее всего, и пользы не принесет тоже.

— Я попытаюсь. Я завязан в этом как и ты, Джон. От

успеха дела для меня зависит многое. Я поговорю с ней, чтобы она снова надела на Сантоликвидо. Родитис кивнул и жестом показал, что разговор окончен. Экран погас.

Позади него разыгрывался шторм. Он почувствовал, что ветер раскачивает вертолет, и приказал ему подняться на безопасную высоту. Когда он приземлился, день близился к вечеру. Он направился в свой ближайший офис. В голове у него возникали какие-то невнятные идеи. Шторм, наконец, грянул в полную силу и ему показалось, что за окном небоскреба он видит гигантскую фигуру Пола Кауфмана, гонящую тучи по темному небу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Где сегодня Риза?— спросила Елена.

— Носится по Европе,— ответил Марк Кауфман.— Выполняет детективную работу для своей новой личности. Последнее, что я слышал, она летала в Стокгольм, но это было несколько дней назад.

— Ты за нее не беспокоишься?

— Она уже взрослая девочка. Кроме того, она у меня под наблюдением.

Елена засмеялась:

— В этом весь ты! В одной и той же фразе ты говоришь, что она взрослая и что ты следишь за ней. Ты никогда не оставляешь место случаю.

— У меня всего одна дочь,— спокойно сказал Кауфман.— Мое положение не позволяет мне предоставлять Ризу случайности.

— Ты хотел сына?

Он пожал плечами.

— Имя-то не умрет. Разве что, моя ветвь. И я буду жить снова, глядя как разворачиваются события.

Они лежали возле его бассейна в ста футах под улицами Манхэттена. С потолка струился розоватый свет.

— Поплаваем?

— Я посмотрю за тобой отсюда,— лениво сказала Елена.

Прыгнув в бассейн, он проплыл небольшое расстояние в яростной спешке, а затем спокойно поплыл вдоль бортика бассейна. Бассейн был сконструирован во вкусе Елены. В воде присутствовали флюоресцентные вещества, кото-

рые придавали телу оттенки зеленого и золотистого цвета. Под водой на полу бассейна горели разноцветные лампы. Края бассейна были инкрустированы драгоценными и полудрагоценными камнями. Строительство этого бассейна обошлось ему в сотни тысяч долларов. Елена редко плавала в бассейне, сотворенном ее фантазией, она любила лежать рядом и впитывать своим телом тепло инфракрасных ламп, расположенных на потолке. Кауфману не нравились все эти декоративные штучки, но он потакал ей.

Он остановился напротив, высунул из воды руку и, схватив ее за самое основание бедра, потащил в воду. Елена закричала. Ее ягодичцы прыгали по деревянным планкам пола, а свободная нога безуспешно пыталась отбиться от нападающего.

— Марк!

Он спихнул ее в бассейн. Она подняла фонтан флюоресцентных брызг, ее светлые волосы спутались, загорелая кожа заблестела.

— Негодяй. Хам!— воскликнула она.

— Камни и трости побьют мои кости.

Он привлек ее к себе и поцеловал. Они стояли в воде и вода доставала им до плеч. Ее тело лишь несколько мгновений сопротивлялось, затем она уступила его объятиям и ее упругие соски прочертили линию на его груди. Когда он отпустил ее, она сделала вид, что разгневана. Он смотрел на струи воды, стекающие по ее телу, когда она выбралась из бассейна и направилась в душ. Она стояла к нему лицом и причесывалась. Он разглядывал ее длинную шею, широкие бедра и массивные ноги.

— Ты у меня еще поплатишься за это,— сказала она ему.— Я попрошу Санто отдать личность твоего дяди арабу.

— Это лучше, чем Родитису,— сказал Кауфман. Елена посмотрела на него через плечо.

— Я вижу, ты уже согласен на это. Пусть лучше Пол творит молитвы Аллаху, нежели попадет к Родитису.

— Да. Да. Именно так.

Она вышла из душа и снова разлеглась на полу возле бассейна, но на этот раз дальше от его края. Он остался в воде.

— А знаешь, что я скажу тебе, Марк?— сказала Елена.— Я знаю, почему ты так ненавидишь Родитиса.

— Почему?

— Потому, что вы с ним очень похожи.

— Что ты знаешь о Родитисе? Ты когда-нибудь встречалась с ним?

— Пока нет.

— А я встречался,— сказал Кауфман.— Это маленький, плотный и грубый человек с большими мускулами и мелкой душой. Это бродячий банковский счет. Он мечтает о деньгах дни и ночи, а если у него и есть какие-нибудь другие интересы, то он их не проявляет.

— Он дал более миллиона долларов ламаистскому монастырю в Сан-Франциско несколько недель тому назад,— заметила Елена.— Тому же, которому давал твой дядя.

— И по тем же причинам. Ты думаешь, Пол был буддистом? Ты думаешь, Родитис интересуется религией? Он покупает популярность или, может быть, хочет, чтобы гуру походатайствовал за него перед Сантоликидо. Я удивлен, что ты им заинтересовалась.

— А я удивляюсь, что ты его так недооцениваешь,— сказала Елена.— Он не такой страшный охотник за долларами, каким ты его обрисовал. Одна из его личностей — звуковой скульптор Козак. Родитис большой знаток искусства. Он собирает редкие книги. А знаешь ли ты, что у него есть целый дом, заполненный различными изданиями Гомера?

— Откуда ты все это знаешь?

— Я читала о нем. В смысле, он скоро станет одним из членов вашей семьи, и я думала...

Кауфман как ошпаренный выскочил из воды и бросился к ней, понимая, что выглядит глупо в своей наготе. Он сел рядом с Еленой и сказал:

— Что? Членом семьи?

— Когда он получит личность твоего дяди.

— Этого не будет.

Елена сладко улыбнулась. Казалось, она наслаждается его идиотским видом. Она легла на спину, вытянула руки вдоль туловища и запрокинула голову, максимально открыв свою грудь для обозрения. Затем она холодно сказала:

— Я говорила об этом с Санто. Он думает отдать личность Родитису со дня на день.

— Нет,— сказал Кауфман.— Это невозможно. Я тоже говорил с Санто. Он обещал...

— Что он обещал?

Кауфман замялся.

— Ну, не совсем обещал, но признался, что не хочет, чтобы старик попал к Родитису, так же, как и я.

— Это было давно. Санто не нашел другого подходящего реципиента. Родитис требует эту личность и так как нет серьезных оснований отказывать, Санто собирается отдать Пола ему. Он медлит только потому, что не знает, как сообщить об этом тебе.

— Нет, нет, нет, нет!

— Да, Марк!— лицо Елены странным образом ожилося.— Ты ревнуешь, не так ли? Его получит Родитис, а ты хочешь получить его сам! Ты не сможешь вынести, если Пол Кауфман достанется кому-то другому.

— Прекрати,— сказал он.

— Я могу добавить еще кое-что. Как я уже сказала, ты и Родитис очень похожи. Единственное отличие в том, что ты аристократ, а он нет. Он вышел из грязи, а ты родился на миллионах семьи Кауфманов. Теперь он собирается получить Кауфмана и вы сравняетесь во всех отношениях. Ты не можешь вынести этого.

Кауфман дал ей пощечину. Она отпрянула и голая грудь прыгнула к ее подбородку. С дрожью, но без слез она устоялась на него.

— Извини,— сказал он через некоторое время.— Ты слишком далеко зашла.

— Что я не так сказала?

— Не знаю. Не знаю.— Он сел на пол и прижался лбом к коленям. Затем, взглянув на нее, он сказал:— Как случилось, что ты беседовала обо всем этом с Сантоликвидо? И чем это Родитис так очаровал тебя?

— Сильные мужчины всегда интересовали меня, Марк. Я могла бы и не говорить тебе об этом. До сих пор я недооценивала Родитиса. Мне, пожалуй, стоило обратить на него больше внимания, когда он был на пути к вершине. Теперь мне ясно, что это стоящий человек.

— Значит, ты собираешься перепрыгнуть из моей постели в его?— сказал Кауфман.— Да?

— Ты говоришь пошлости. Да, я намерена узнать его получше. И надеюсь, что ты переступишь через свою ненависть к нему. Вы двое, работая вместе, сможете контролировать весь мир. В особенности, если дядя Пол будет помогать ему.

— Я должен иметь дядю Пола.

— Но ведь ты не можешь, Марк. Пусть его получит Родитис, а ты затем договоришься с ним. Ты боишься оказаться слабее? Ты боишься, что не сможешь противостоять Родитису вместе с Полом?

— Да,— сказал Кауфман.— Еще не родился человек, способный противостоять этим двоим в одной голове.

— Вот тебе еще причина, чтобы заключить мир,— сказала ему Елена.— Он получит эту личность, и если ты не договоришься с ним, он попытается раздавить тебя. Не будь таким упрямым гордецом, Марк. Не давай злобе занять место здравого смысла. Сейчас ты богаче и сильнее, чем Родитис, но не намного, и вскоре все может измениться.

— Ты говоришь об этом так уверенно, Елена. Санто-ликвидо тоже говорил уверенно?

— Ты уже слышал. То, что Родитис получит личность твоего дяди — вопрос решенный.

— Я заблокирую его.

— Ты не сделаешь этого,— раздраженно сказала Елена.

— Я поговорю с Санто. Я...

— Санто и так тошно, Марк. Ты являешься причиной всех его проблем. Оставь его! Тебе не стоит вмешиваться таким образом. Он пытается глядеть на вещи объективно, а тут еще ты. Кричишь, что ты Кауфман, угрожаешь, требуешь...

— Я не дам Родитису сделать это,— сказал упрямо Кауфман, все больше и больше чувствуя себя слепым, одержимым глупцом, не способным свернуть с намеченного пути.

Елена картинно зевнула.

— Мне надоела эта дискуссия. Мы бьемся о стену. У меня заболела голова. Пойдем купаться.

— Ты же не любишь плавать!

— Ну и что?— Она прошла мимо него, дошла до края бассейна и прыгнула в воду. На мгновение она как бы зависла над водой, по ее просьбе Кауфман уменьшил в зале гравитацию, и он увидел, как ее тяжелые груди превратились в направленные к воде конусы. Затем она мягко скользнула в воду, подняв немногочисленные разноцветные брызги.

Он нырнул следом за ней. Некоторое время ей удава-

лось увертываться от него. Наконец он поймал ее, Елена игриво сопротивлялась, а он, добравшись до мелководья, принялся страстно целовать ее в шею.

Тяжело дыша, Елена выскользнула из бассейна. Пройдя несколько шагов, она опустилась на колени, затем легла на спину, раздвинула ноги и призывно посмотрела на него. Напряженно и как-то неуверенно Кауфман подошел к ней. Она нежно привлекла его к своему мягкому упругому телу. Он вошел в нее быстро, яростно и они надолго забылись в общем экстазе.

Удовлетворенный, он лежал рядом с ней и ласкал ее, извиняясь за потерю самообладания, за свой крик и пощечину. В это же самое время в его уме зрел новый план. У Кауфмана не было причин сомневаться в словах Елены. Он знал, что она была с Сантоликвидо как на вечере на Доминике, так и в Нью-Йорке. Для него не было секретом, что она неоднократно встречалась с администратором Института Шеффлинга. Он не возражал, потому что относился к Елене как к собственности. Кроме того, он надеялся, что Елена повлияет на Сантоликвидо в его пользу. Но было похоже, Сантоликвидо склоняется в противоположную сторону. Кауфман это почувствовал, видя как Сантоликвидо нервничает в его присутствии. Пора было прекратить бороться с неизбежностью.

Существовали и другие пути противостояния амбициям Родитиса. Он пытался договориться на словах — это не прошло. Теперь, чтобы не проиграть, он должен был нарушить закон.

Риза потратила три дня в Монако, прежде чем узнала о судьбе личности Клода Виллифренча. Это было не самое худшее место, но оно успело ей наскучить. Древние традиции секретности мешали ее расследованию. Она не могла попросту позвонить в справочную и узнать все, что ей требовалось. Поэтому ей приходилось идти обходными путями и эти пути не всегда были законными.

Погода в конце апреля была мягкой, почти жаркой, предвещавшей хорошее лето. В Монте-Карло распустились цветы. Солнце отражалось от белоснежных башен города. Она стояла в Парке Кактусов, смотрела на Средиземное море и ей казалось, что, если хорошенько присмотреться, она сможет разглядеть Африку. Риза никогда не бывала здесь раньше, а потом Тенди, приезжавшая сюда много раз, выступала в роли гида.

Монако мало изменилось с семнадцатого века. Отель-де-Пари все еще оспаривал свою красоту у расположенного рядом Казино. Пальмы на аллеях металлически шелестели листьями при каждом дуновении ветерка. Парочки на набережной, казалось, были заброшены сюда из отдаленного прошлого. Время, казалось, было законсервировано в этом городе. Некоторые из зданий, стоящих вокруг, были постоянно населены более чем по пятьсот лет.

В справочном бюро Риза довольно быстро узнала о смерти Клода, это подтвердило историю, рассказанную Стивом. Восемнадцатого декабря прошлого года он попал в отливное течение на Большом Барьерном Рифе и был унесен в открытое море. Его тело так и не было найдено. Без сомнения, его сожрали акулы.

Кто получил его личность, в справочном бюро Ризе не сказали. История Клода Вилленфренча заканчивалась 18 декабря его гибелью в результате несчастного случая. Если его личность и проживала сейчас где-то в своей новой земной оболочке, в официальных бумагах об этом ничего не говорилось. Ожившие не платили налогов, не голосовали, не имели документов. В Соединенных Штатах можно было получить информацию о переселении личности из тела в тело, но не здесь.

— Что же мы будем делать? — спросила Риза у Тенди.
«А твоя семья может тебе помочь?»

— Конечно. Конечно же, так мы и сделаем. — Она поспешила к офису Кауфман-е-Си, располагавшемуся в золоченом здании неподалеку от Отель-де-Пари. Банк управлялся европейской ветвью семейства и в действительности в его совете директоров не было ни одного Кауфмана, а директорат состоял целиком из Лозбов и Шиффов. Но единственная дочь Марка Кауфмана, несомненно, пришла бы там ко двору. Риза, одетая просто и аккуратно, предстала перед Пьером Шиффом, своим родственником какого-то труднообъяснимого порядка и рассказала о своих трудностях.

Банкиру было около пятидесяти лет. Он начинал полнеть и имел строгий и серьезный вид. Из уважения к Ризе он говорил с ней на английском, она же чувствовала себя обязанной говорить с ним по-французски, что делало их беседу довольно странной.

— Что-то припоминаю, — сказал он. — Да, прошлой зимой. Кажется, он был нашим клиентом.

— Я запрашивала банк душ в Париже по поводу его личности.— Но они не сказали мне ничего.

— Вы назвали свою фамилию?

— Да, но это ничего не дало.

— Тогда я попытаюсь,— сказал Пьер Шифф. Он запросил в справочной номер и, не выключая видеомонитор, позвонил. Он так быстро заговорил по-французски, что Риза не поняла ни слова. Через несколько минут, нахмурившись, он положил трубку.

— Личность Клода Вилленфренча была взята из банка в феврале и имплантирована.

— Кому?

— Имя они не сказали. Даже мне. Даже мне.— Он внимательно поглядел на свою пухлую ладонь, как будто имя было написано на ней.

— Эти люди умеют хранить тайны. Конечно и с ними можно иметь дело. Они нуждаются в постоянных кредитах для расширения своей деятельности, а мы...— Он улыбнулся.— Вам поможет мой сын. Я сейчас позову его.

Через час Риза сидела на балконе, с которого открывался вид на море, и обедала с Джекесом Шиффом, таким же родственником, но, в отличие от своего отца, этот был строен и худощав. Она сменила свое простенькое девичье платье на одежду более подходящую для беседы с Джекесом. Ему было около двадцати пяти лет, он был высок, неженат, привлекателен. Галльские огоньки в его глазах сверкали ярче, чем лучи солнечного света в бокалах с желтым вином, которым они запивали устриц.

— Да, я знал Клода Вилленфренча,— сказал Джекес.— Он был твоим приятелем?

— Не моим, моей личности.

— Даже так! А я знал ее?

— Кажется нет. Она не помнит тебя, а я сомневаюсь, что она смогла бы тебя забыть, Джекес. Ее зовут Тенди Кашинг.

— Да. Конечно. Я слышал это имя. Клод рассказывал мне о ней. Красивая, красивая девушка, говорил он. С...э...э...— он смущенно засмеялся,— с великолепным телом. Она мертва?

— Она погибла в Сант-Морице прошлым летом. Несчастный случай. Клод был тогда с ней и она хочет узнать поподробнее, как это произошло.

— Но и Клод погиб,— пробормотал Джекес.— Мы

живем в печальном мире. Молодых, сильных и богатых везде подстерегают опасности. Только бедные живут долго.

— Но они живут только один раз,— заметила Риза.— Да, да,— Джекес скрестил пальцы.— После обеда,— сказал он — я разыщу для тебя личность Клода.

Обед был великолепен. Основным блюдом было заливное из морского окуня с какими-то неизвестными овощами и соусом, явно венерианского происхождения. Вино, которое они пили, было, напротив, вполне земным, а именно — Шабли четырехлетней выдержки. Пожилые люди, которые проходили внизу, останавливались, поднимали головы и, глядя на них, прикидывали, кем могла быть эта девушка в открытом костюме, обедавшая с сыном Пьера Шиффа. Могли ли они подумать, что объектом их любопытства была дочь Марка Кауфмана? Риза наслаждалась тем, что здесь ее никто не знал.

После обеда Джекес предложил пройти в его офис, чтобы он мог позвонить и получить необходимую ей информацию. Риза кивнула в сторону расположенного рядом отеля.

— Моя комната ближе,— сказала она. Ей показалось, что он испугался, но только на мгновение. По его настоянию они вошли в отель через разные входы. Она оставила дверь в свою комнату открытой, и он вошел туда вскоре после нее. В огромной комнате было темно. Джекес достал карманный фонарь и положил его на резной столик. Затем он уселся в кресло перед стилизованным под старину телефоном и набрал номер.

— Это займет некоторое время,— сказал он ей.

Она пошла в ванную комнату, разделась и встала под душ. Вымывшись, она обтерлась полотенцем и вышла. Джекес все еще сидел у телефона и одновременно записывал что-то в блокнот. Наконец он облегченно вздохнул и повесил трубку.

— Что-нибудь выяснил?— спросила Риза.

Он повернулся и посмотрел на нее. Его глаза скользнули по ее обнаженному девичьему телу, останавливаясь лишь на мгновение на некоторых его участках.

— Да,— сказал он.— Я разузнал кое-что. Его личность несколько месяцев назад получил Мартин Сент-Джон, уроженец Лондона.

— Кто он?

— Третий сын лорда Годвина. Вот его адрес. Я заказал его фотографию, она придет по факсу через несколько минут.

— Я очень признательна тебе, Джекес. Ты здорово мне помог.

— Не стоит благодарности,— ответил он.

Но оказалось, что он был не против получить благодарность за свои услуги. Тело его было гибким, мускулистым и опытным.

После трансплантации личности Тенди Риза занималась любовью в первый раз. Когда она скользнула в объятия Джекеса, то вдруг почувствовала сильное смущение. Ей показалось, что Тенди наблюдает за каждым ее движением. Риза не привыкла к подобным вещам. Но вскоре она поняла, что ее беспокоит не то, что Тенди наблюдает за ней, а то, что значительно более опытная Тенди способна оценивать ее сексуальность. Скованность очень мешала Ризе.

«Расслабься»,— сказала Тенди: «Ты всегда такая?»

Риза ощутила поддержку, исходящую от ее новой личности и перестала думать о Тенди как о постороннем критике. Тенди была участником действия, частью ее самой. Это сделало процесс еще более интересным. Риза превосходно извивалась; она соединила губы с губами Джекеса и отдавалась ему одновременно с девичьей энергичностью и женской грациозностью. Она была уверена, что это самое эффективное оружие в ее арсенале. Тенди помогала ей. Без ее помощи Риза вряд ли смогла бы удовлетворить утонченные запросы Джекеса.

Когда все закончилось и Джекес ушел, Риза осталась лежать на измятой постели, вспоминая вместе с Тенди о том, что только что произошло, и наслаждаясь этим разговором со своей личностью. Как это было здорово, так открыто обсуждать самые интимные вещи и при этом быть понятой.

— Мне так хорошо с тобой,— сказала Риза.— Хорошо, что я больше никогда не буду одна. Мне бы хотелось обнять тебя, Тенди.

«Почему бы нет?»

Риза засмеялась. Она обхватила руками свои плечи и перевернулась на кровати так, как будто кто-то другой об-

нимал ее. Затем она снова расслабилась и принялась болтать ногами в воздухе.

«Нам пора, Риза».

— Куда?

«В Лондон. Нам надо найти Мартина Сент-Джона.»

— К чему торопиться?— спросила Риза.

Но Тенди настаивала. Риза заказала билет на ближайший самолет в Лондон, который должен был отправиться в пять часов после полудня. Она едва успела добраться до аэропорта. По пути она разглядывала фото Мартина Сент-Джона, пришедшее к ней по факсу. Это был мужчина в возрасте около тридцати лет, светловолосый, сероглазый, с мягким лицом, не выражающим сильного характера. Безвольный подбородок, толстые, чувствительные губы, нежные розовые щеки. Тенди была шокирована. Она показала Ризе для сравнения позднего Клода Вилленфренча: жесткое лицо, жестокий взгляд, тонкая, извилистая линия губ, все это было прямой противоположностью Мартина Сент-Джона. Мог ли Клод быть счастлив с таким хлипким, мягкотелым хозяином?

Сразу после приземления в Лондоне Риза позвонила Мартину Сент-Джону. К счастью, он оказался дома. Глядя на экран размером в три квадратных дюйма, вмонтированный в телефонный аппарат в аэропорту, Риза была удивлена отсутствием сходства этого человека с человеком на фотографии. Этот Мартин Сент-Джон выглядел стройнее и сильнее. К тому же, он изрядно похудел. Наверное он недавно болел, подумала Риза, и потому похудел. Скорее всего так и было.

— Да?— сказал он.

— Я Риза Кауфман. Вы не знаете меня, но у нас есть общие знакомые.

— Кто же это?

— Вы обладаете личностью Клода Вилленфренча,— сказала она,— а у меня личность Тенди Кашинг. Губы Сент-Джона задрожали, но он ничего не сказал, а Риза продолжила:

— Я знаю, что разговор между вторичными личностями невозможен. Но Тенди хотела бы кое-что узнать у Клода. Если бы мы смогли встретиться и помочь им поговорить друг с другом, то я и Тенди были бы вам благодарны.

— Я не знаю, должны ли мы делать это.

— Пожалуйста,— умоляюще сказала Риза.— Я объехала всю Европу, чтобы разыскать вас. Не отказывайте мне. Уделите всего полчаса вашего времени...

— Хорошо.

— Сегодня вечером?

— Если вы настаиваете.

— Вы очень добры.

Он дал ей адрес кафе на Финчлей Роад. Риза взяла вертолет и уже через час была там. Кафе размещалось в темной овальной комнате, декорированной в стиле двадцатого века множеством пластиковых цветов и прочей ерундой. Он сидел неподалеку от входной двери один.

Его внешность была совершенно непохожей на фотографию. От безволия и мягкотелости, так заметных на фотографии, не осталось и следа. Это был резкий и динамичный человек. Его глаза хоть и имели блекло-серый цвет, смотрели твердо, решительно, с какой-то лихорадочной интенсивностью. Его губы были напряжены, мышцы застыли так, что их природная полнота была практически незаметна. На его лице, как, впрочем, и на теле, почти не было лишней плоти и лишь шея и веки указывали на то, что этот человек недавно потерял около сорока фунтов веса. Когда он поднялся, чтобы поприветствовать Ризу, его движения были резкими и агрессивными.

Он взял ее за руку так, как это делали на континенте. Его улыбка была быстрой, как вспышка света. Вот она есть и вот ее нет.

— Клод Виллифренч приветствует Тенди Кашинг,— хриплым голосом сказал он. Риза была поражена неуместностью этого приветствия:

— Хорошо, что я нашла вас, мистер Сент-Джон. Я не отниму у вас много времени.

— Что вы будете пить?

— А что вы порекомендуете?

— У них есть великолепный ромовый пунш. Я закажу два бокала.

— Это будет прекрасно,— сказала Риза.

Он повернулся, чтобы сделать заказ. Но вблизи не оказалось ни одного официанта. Наконец один появился. Он шел мимо и делал вид, что не замечает их. Сент-Джон окликнул его, но безрезультатно. Тогда он поднялся со своего места. Его движения вначале были неуклюжи, но

вдруг с ним произошло что-то невероятное. Он прямо-таки набросился на официанта и развернул его лицом к себе.

— Вы собираетесь обслуживать нас?— закричал он.

Это было удивительное зрелище: холодного, аристократичного Сент-Джона словно подменили. До сих пор молчавшая Тенди дала о себе знать самым неожиданным образом. Волны ужаса, возникшие у нее, эхом прокатились по Ризе.

— В чем дело?— прошептала Риза.

«Разве ты не видишь? От Мартина Сент-Джона ничего не осталось! Клод уничтожил его! Клод стал зомби!»

Это было лишь предположение, вспышка интуиции. И все же Риза поверила ей. Тенди ясно разглядела характерные поступки и реакции Клода Виллифренча, причем не завуалированные и искаженные, как у личности, действующей опосредованно, через личность своего хозяина, а четкие и ясные, исходящие от владельца тела.

Необходима была осторожность. Риза еще не могла поднять тревогу, вызвать квесторов, чтобы арестовать и ментоскопировать подозреваемого Мартина Сент-Джона.

Дождавшись, когда он сядет, она отхлебнула ромового пунша и сказала:

— Воспоминания Тенди заканчиваются в июне прошлого года, а умерла она в августе. Тенди желает узнать обстоятельства своей смерти.

— Ее подвели лыжи, когда она пересекала расщелину. Это случилось внезапно, помочь ей ничем было нельзя.

— Клод был с ней?

— Они спускались со склона вместе. Вместе перелетали через расщелину. Затем она исчезла. Это было ужасно.

— Я представляю,— сказала Риза.— Вы так разволновались, хотя сами там не были.

— Но моя личность была,— заметил Сент-Джон.

Риза кивнула. Ей казалось странным, что воспоминания о гибели Тенди лежали у Сент-Джона так близко к поверхности. Он даже не подал вида, что ищет в банке памяти своей личности необходимые детали, а выдал их сразу, как свои собственные.

— Что было после несчастного случая?— спросила она.

— Клод увидел, что она упала. Он повернул вверх по склону, чтобы найти ее. Но не нашел. Стоило большого

труда найти ее тело. Клод был очень расстроен. Он улетел в Австралию, чтобы забыть все это. И там, как вам, вероятно, известно, в декабре погиб.

— Можете ли вы рассказать мне о последних неделях Тенди и Клода?

Сент-Джон пожал плечами. Он постоянно смотрел в глаза Ризе, заставляя ее чувствовать себя крайне неудобно.

— Они встретились в Цюрихе в конце июля. Через неделю поехали в Сент-Мориц, чтобы покататься на лыжах. Они оба были в хорошем настроении. Иногда, правда, ссорились по пустякам, но ничего серьезного, это бывает между влюбленными.

— Они любили друг друга?

— О да. В середине августа Клод сделал ей предложение.

«Это ложь», — яростно вмешалась Тенди: «Клод никогда не собирался ни на ком жениться!»

— Она согласилась? — спросила Риза.

— Она не дала ответа. Сказала, что подождет до конца года, а потом объявит о своем решении. Но конец года для нее так и не наступил.

— Интересно, были бы они счастливы вместе?

— Я уверен в этом, — сказал Сент-Джон. Его ноздри расширились от какого-то внутреннего напряжения. — Вы можете просмотреть ее ранние воспоминания о нем. Увидите, как сильно она была привязана к нему.

Риза знала, что это была в некотором роде правда. Чувства Тенди по отношению к Клоду были значительно более сильными, чем к холодному и рассудительному Коленбеку. Но она боялась Клода столь же, сколь и любила его.

— А вы? — сказала Риза. — Вы знали Клода, когда он был жив?

— Мы никогда не встречались. Мне просто показалось, что его личность будет для меня интересной. Мне нужен был более энергичный человек, чем я сам. Лучше выбирать то, чего тебе не хватает.

— Он сильно повлиял на вас.

— Что вы имеете в виду?

— Ну... — замаялась Риза, — в самом начале поисков я достала ваше фото. Я не хочу вас обидеть, но вы выглядите на нем совсем по-другому. Вы были мягче, нежнее.

— У вас с собой это фото? Можно я взгляну на него?

Она достала. Он внимательно поглядел на фотографию, нахмурился, на его губах заиграла жестокая улыбка. Наконец он произнес:

— Этот снимок был сделан около года назад. Я за это время здорово похудел. Много занимался спортом. Клод помог мне избавиться от лишнего веса.— Сент-Джон поднял глаза и в первый раз улыбнулся ей.— Я почувствовал себя лучше, получив его личность. Еще пунша?

— Нет, спасибо.

— Собираетесь уходить?

— Мне надо навестить... родных,— неуверенно сказала Риза.

— Они подождут. Давайте, я покажу вам Лондон. Мы начнем прямо сегодня вечером. В конце концов, как вы говорили, мы имеем много общего. Даже несмотря на то, что мы не знакомы, косвенно нас связывают узы любви. Мы должны позволить Клоду и Тенди соединиться.

Риза с ужасом почувствовала, что попала в ловушку. В словах этого человека сквозила зловещая холодность и загадочная настойчивость. Она всегда была не против приключений. Но с любовником Тенди, скрывавшимся за этими серыми глазами...

Сент-Джон извинился и пошел оплатить счет.

«Это твой шанс. Беги отсюда,» — сказала Тенди.

— Почему?

«Он опасен. Не шути с зомби. Найди квестора и расскажи обо всем, пусть его ментоскопируют!»

— У нас нет доказательств.

«Ты думаешь, я не знаю Клода? Его манеру разговаривать, его жесты, его мимику? Он может одурачить весь мир, но не меня. Он уничтожил своего хозяина и взял верх. Сначала он убил меня, а затем, Мартина Сент-Джона. И если ты дашь ему сегодня шанс, тебе тоже придется переселиться в чужое тело. Беги!»

Сент-Джон уже возвращался назад. Риза неожиданно поднялась и выбежала вон из кафе. Сент-Джон бросился ей вдогонку, окликая ее по имени. Но на улице он не осмелился ее преследовать.

Ей показалось, что она ощущает еле уловимый кислотоватый запах страха. Риза бросилась к ближайшему перекрестку, не обращая внимания на попадавшихся ей прохожих. Время для нее странным образом ускорилося. В пани-

ке она добежала до переговорного устройства на углу и нажала на кнопку.

— Квестор!— выпалила она.— Я нашла зомби!

Роботам из квестората потребовалось лишь несколько мгновений, чтобы настроиться на цель. Вскоре появились два полицейских вертолета и с них спустились полированные фигуры. Риза показала в сторону кафе.

— Мартин Сент-Джон,— сказала она.— Вон он!

Роботы окружили его. Риза увидела, как он безуспешно пытается вырваться.

«Они взяли его»,— воскликнула Тенди: «Пойдем! Мы должны выступить свидетелями.»

— Сначала я позвоню отцу. Я слишком глубоко в это влезла.

«Хорошо. Скажи ему, чтобы он прислал адвоката. Мы предъявим обвинение и потребуем ментоскопирования. Я буду выступать как пострадавшая сторона. Кроме того, я хочу получить результаты вскрытия своего тела. Я начинаю понимать, что произошло, Риза.»

— А если мы ошибаемся? Если это ошибка?

«Тогда он возбудит против тебя иск за незаконный арест и твоему отцу придется немного раскошелиться. Стоит рискнуть. Разве ты хочешь, чтобы зомби гуляли на свободе?»

— Конечно нет,— мягко сказала Риза. Она как во сне пошла вдоль по улице.— Конечно нет. Я позвоню отцу. Он знает, что делать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Позовите Донахью,— сказал Марк Кауфман.

Дверь кабинета открылась и вошел техник Института Шеффлинга. Он был так напуган, что еле стоял на ногах. Его огромные кустистые брови сместились на середину бледного лба, а руки нервно теребили края пиджака. В пределах Института Шеффлинга люди типа Донахью работали с личностями богатых и могущественных людей спокойно и непринужденно, видимо считая себя частью своего сложного оборудования. Но здесь, в доме такого могущественного человека как Марк Кауфман, Донахью был начисто лишен уверенности в себе. Он стал цифрой, трепещущим от ужаса плебеем, он абсолютно не мог себе

представить, зачем был приглашен сюда и почему именно он.

— Мы с вами здесь наедине, Донахью. Здесь нет никого кроме нас, нет ни «жучков», ни каких-либо видеомониторов. Все, что будет здесь сказано, останется между нами. Садитесь.

Донахью остался стоять. Лишь переступил с ноги на ногу.

— Вы не доверяете мне?— спросил Кауфман. Он открыл ящик своего стола и достал небольшой прибор.— Видите это? Это противощпионное устройство. Оно устроено так, что если кто-нибудь снаружи попытается прослушать то, что происходит в этой комнате, оно поднимет тревогу. А пока вот здесь горит зеленый огонек, мы можем говорить о чем угодно, мы можем разработать план взрыва вселенной и об этом никто не узнает. Поэтому расслабьтесь и сядьте. Я не кусаюсь.

— Я не понимаю, зачем вы пригласили меня сюда?

— Очевидно для того, чтобы вы помогли мне,— сказал Кауфман. Он протянул поднос с ампулами Донахью, который, наконец, опустился в кресло. В молчании они исполнили ритуал приема спиртного. В каждом движении Донахью сквозили страх и неуверенность.

На столе Кауфмана стоял небольшой портрет дяди Пола, один из многих в этом доме. Он протянул его Донахью.

— Вы знаете этого человека?

Он кивнул:

— Это Пол Кауфман, да?

— Да. Это мой покойный дядя. Я думаю, скоро он снова будет жить.

— Я ничего не знаю об этом, сэр.

— Согласно сведениям, которыми я располагаю, администратор Сантоликвидо намеревается в ближайшее время одобрить трансплантацию моего дяди Джону Родитису.

Донахью тупо смотрел на него. Кауфман понял, что все, о чем он говорил, было за пределами его понимания; Родитис, Сантоликвидо и старик Пол просто не принадлежали миру Донахью, а были для него лишь фресками на титаническом куполе высоко над головой. Они были полубогами и Донахью не связывал себя с их желаниями, конфликтами и планами.

— Вы бы хотели зарабатывать двадцать тысяч дол-

ларов в год наличными, Донахью? — спросил Кауфман.

— Сэр?

— Окажите мне одну услугу. Вы можете это сделать? Я мог бы попросить любого техника выполнить для меня эту работу, но я имел с вами дело раньше и знаю, что вы хороший работник, вам можно доверять. Мне кажется, вы могли бы зарабатывать больше. Сколько вы получаете?

— Семь тысяч, сэр. С ежегодным ростом в двести пятьдесят.

— Это означает, что если вы будете продолжать работать и не совершите ничего предосудительного, то к сорока годам будете получать около десяти тысяч, так? А затем вы останетесь на этом уровне, пока вас не уволят. Так вот. Я вам предлагаю дополнительную ежегодную плату в двадцать тысяч долларов на всю вашу жизнь. Из этой суммы вы сможете отложить достаточно денег, чтобы записать свою личность и принять тем самым участие в процессе Шеффлинга. Вы хотите жить снова, Донахью?

Казалось, что он вот-вот упадет в обморок. Пот градом катился по его лицу. Он инстинктивно потянулся к подносу с ампулами, но отдернул руку, посчитав, что невежливо брать спиртное без разрешения. Его пальцы дрожали.

— Давайте, давайте, — улыбнулся Кауфман. Берите еще. Берите, берите еще две. Почему бы и нет, если вы так взволнованы?

Донахью впрыснул спиртное себе в руку. Он заговорил, но слова давались ему с большим трудом.

— Не могли... Не могли бы вы объяснить все поконкретней, мистер Кауфман?

— Конечно. Я уверен, вы знаете, что Институт Шеффлинга сохраняет все записи личностей, которые он производит и хранит их в своих филиалах в различных частях света. Например, Джон Родитис вскоре получит копию личности моего дяди, записанную в декабре прошлого года, но кроме нее существует личность Пола Кауфмана, записанная прошлой весной, и та, что была сделана за год до этого, и так далее и так далее. Все эти записи находятся в вечном хранении. Вы знаете об этом?

— Да.

— Тогда, предположим, вы находите предпоследнюю запись моего дяди, для вас это должно быть нетрудно, и изымаете ее из хранилища. Затем, предположим, вы при-

возите эту запись в некий ламаистский монастырь в Сан-Франциско, который решил организовать свой собственный банк душ. Они уже установили оборудование, необходимое для трансплантации и для записи личности. Могли бы вы провести трансплантацию этой похищенной личности в ламаистском монастыре? Затем ваша собственная личность подвергнется обработке и из нее будут удалены все компрометирующие вас обстоятельства так, что никто не сможет доказать, что вы сделали что-либо подобное. Когда все закончится, вы не сможете ничего вспомнить, но с удивлением обнаружите, что на ваш счет в банке ежегодно перечисляется сумма в двадцать тысяч долларов. Это эквивалентно полумиллиону долларов, вложенных под четыре процента — что, согласитесь, довольно приличный капитал. С таким доходом вы сможете войти в цепь повторных рождений. Риск очень невелик, а вознаграждение его целиком покрывает. Что вы скажете, Донахью?

— Я всегда уважал закон, мистер Кауфман.

— Я знаю это. Неужели вы откажетесь от шанса на вечную жизнь ради соблюдения каких-то правил? Заметьте, Донахью, законы о трансплантации не выбиты на камне. Они не касаются основных моральных заповедей. Если вы убьете человека — это зло, я согласен. Если вы искалечите другого человека — это тоже зло. Но правила Института Шеффлинга отнюдь не вытекают из фундаментальных этических законов. Это просто рабочие установки, созданные для устранения путаницы и возможных конфликтов. Когда есть шанс получить вечную жизнь за небольшую услугу, следование букве закона можно рассматривать как самоубийство.

На Донахью эти аргументы произвели впечатление. Но он все еще чувствовал сомнения.

— Откуда я могу знать, что это не западня? — спросил он.

— Западня? — взорвался Кауфман. — Западня? Вы думаете, я пригласил вас сюда, чтобы загнать в ловушку? Вы думаете, я потратил на вас столько времени только для того, чтобы узнать, какой вы работник? Не будьте идиотом.

— Я гляжу на все это со своей точки зрения. Вы меня совершенно не знаете, мистер Кауфман, вы видели меня лишь тогда, когда я снимал с вас записи в Институте. И

вдруг вы посылаете за мной и предлагаете фантастическую сумму за то, чтобы я нарушил правила. Я ничего не понимаю.

— Тогда я объясню вам все подробно. Реципиентом личности буду я сам.

— Вы?

— Я. Я не могу допустить, чтобы Джон Родитис получил надо мной преимущество за счет личности моего дяди. У меня будет более ранняя личность, менее полная, но достаточная, чтобы противостоять ему. Это перечеркнет преимущества, которые он получит от дяди Пола.

Донахью в панике вжался в спинку кресла. Его глаза округлились, лицо покрылось красными пятнами. Он вовсе не желал выслушивать тайны сильных мира сего.

— Теперь вы понимаете ситуацию. Итак, вы мне можете?— спросил Кауфман.

— А что со мной случится, если я откажусь?

— Я сделаю вам ментоскопирование и удалю детали этой беседы из вашего сознания. Затем я отправлю вас домой и позову другого техника из Института Шеффлинга, которому я сделаю то же самое предложение.

— Понимаю.

— Ваш ответ, Донахью?

— Могу я попросить немного времени, чтобы обдумать все это, сэр?

— Конечно.— Кауфман поглядел на часы.— В вашем распоряжении шестьдесят секунд.

— Я имел в виду несколько дней, мистер Кауфман.

— Вы не получите несколько дней. Вы уже слышали мое предложение. Я гарантирую вам полную безопасность и обещаю сделать вас богатым человеком. Что вы скажете?

Прошла минута, прежде чем Донахью ответил.

— Да,— прошептал он.— Да. Я сделаю это! Но вы должны будете защитить меня!

— Вы получили мои заверения,— сказал Кауфман, и встал.— Мой человек проводит вас до вашего дома. Он останется у вас до утра. Утром вы достанете то, о чем мы договорились. После окончания рабочего дня вас вместе с записью переправят в Сан-Франциско. Там мы встретимся и вы проведете трансплантацию. Когда послезавтра вы снова пойдете на работу, вам нечего будет бояться, все

воспоминания на случай возможного расследования будут удалены. С этого дня на ваш счет начнут поступать деньги. Вы согласны?

Донахью кивнул.

— Вашу руку,— сказал Кауфман.

Он пожал влажную, холодную ладонь техника, затем позвонил, чтобы его увели. Теперь Донахью будет находиться под наблюдением до окончания работы.

Напряжение медленно покидало Кауфмана. Встреча прошла именно так, как он и ожидал. Ему не нравилась незаконность сделки, но он вынужден был пойти на это. Конечно, Кауфмана связывала честь, это так. Но она же предусматривала, что Кауфман должен был блюсти интересы семьи любыми средствами, даже незаконными. К тому же, нормальное понятие о чести не имело ничего общего с существованием Родитиса.

Он включил видеоманитофон, чтобы узнать, кто звонил, пока он разговаривал с Донахью. На экране возникло изображение Ризы. Она сказала, что ждет его звонка в Лондоне.

— Соедините,— сказал он, подняв трубку, и включил большой экран. Прошло некоторое время и на экране появилась Риза. Она выглядела очень усталой. В Лондоне уже была глубокая ночь. Видно, эта история, в которую ее втянула новая личность, отняла у нее много сил.

— Ну,— сказал он.— Как дела?

— Все происходит очень быстро, Марк. Утром пришли результаты вскрытия Тенди.

— Ну и?

— В момент своей смерти она была уже четыре недели беременна. Это совпадает с результатами ментоскопирования зомби Клода Виллефренча.

— Понятно,— сказал Марк.— Она поехала к Клоду, сказала, что беременна и, что он должен жениться на ней. Он отказался, между ними завязалась ссора и он убил ее.

— Нет, нет!— засмеялась Риза.— Ты как будто рассказываешь сюжет старинного детектива. Тенди и не пыталась использовать беременность для шантажа, чтобы Клод женился на ней.

— Тогда в чем же дело?

— Генный тест показал, что она была беременна от Стива. Это швед, второй ее любовник. Когда-то между ее

последней записью в июне и смертью в августе Тенди решила, что было бы интересно завести ребенка. Она перестала принимать таблетки и забеременела от Стива. Она знала, что Стив женился бы на ней. Он благородный парень. Клод ей нравился больше, но она не доверяла ему. И вот она полетела в Швейцарию, чтобы напоследок пофлиртовать с Клодом. В Сент-Морице она ему все рассказала и заявила, что они должны расстаться. Он был в бешенстве и потребовал, чтобы она сделала аборт и забыла о свадьбе со Стивом.

— Но ты говорила, что Клод не хотел жениться на ней,— с удивлением сказал Марк.

— Не хотел. Но он не хотел, чтобы и Стив женился на ней. Или чтобы у нее был от него ребенок. Он видел в этом оскорбление своего мужского достоинства. Озверев от ревности, он избил ее, затем вытащил на склон горы и, отсоединив питание антигравитаторов, пустил ее вниз. Поскольку Тенди вышла из-под его влияния, она должна была умереть. Это все находилось в последней записи его личности, которую он сделал через два месяца после убийства.

— Кто-нибудь осматривал ее лыжи после несчастного случая?— Они были так сильно повреждены, Марк, что невозможно было что-либо определить.

— И не было вскрытия?

Риза пожала плечами.

— Когда девушка падает со стометровой высоты и разбивается, нет необходимости выяснять причины ее смерти. И кто мог подумать, что она беременна?

— А что будет теперь с зомби?

— С Клодом? Против него выдвигают обвинение в двух убийствах. Ментоскопирование подтвердило, что он убил Тенди, и каждому понятно, что он сделал с личностью своего хозяина. Исходя из этого квесторат потребовал полного удаления личности. Они уничтожат его без остатка. Завтра его перевезут в Нью-Йорк в Институт Шеффлинга. Его сотрут из головы хозяина и уничтожат все записи его личности.

— Я горжусь, Риза, что ты смогла обезвредить этого преступника.

— Я бы вряд ли смогла сделать это без Тенди. Она сама предположила, что ее убили и смогла распознать зомби.— Все остальное выяснилось при ментоскопировании.

— И вскрытии,— заметил Кауфман.

— Да, конечно. Слава богу, что все закончилось.

— Я рад. Риза, ты закончила играть в детектива?

— Я думаю, да. А что?

— Я бы хотел, чтобы ты была поближе к дому. Конечно, если твои дела улажены до конца.

— Я буду дома на неделе,— сказала она.— Годится?

— Прекрасно,— сказал Кауфман.— Денег тебе хватает?

— Я сниму с общего семейного счета. Хорошо?

— Не увлекайся,— предупредил он.

— Ладно. Скоро увидимся.

В ее усталых глазах видны были теплота и родственная любовь. Он улыбнулся ей. Она хорошая девушка, подумал он. Его надежда. В ней чувствовалось будущее величие. Он послал ей воздушный поцелуй и экран погас. Жаль, что она девушка, мелькнула у него мысль.

У них, конечно же, была возможность решить этот вопрос. Его жена не захотела воспользоваться услугами внутриматочной хирургии. Тогда он решил положиться на случай, и родилась девочка. Больше у них не было детей. Во всяком случае, у Ризы был мужской образ мышления. Придет время, когда она войдет в дела семьи как полноправный партнер, и Кауфман знал, что она не подведет. Ее пол не устраивал его только по одной причине: женщина в бизнесе выглядела непривлекательно, какой бы красивой она ни была. Он понимал, что это всего лишь предрассудок, будто женщина ворочающая миллионами долларов, являет собой удручающее зрелище. Риза, несмотря на ее пол, могла бы стать великолепным бизнесменом, и ему очень хотелось посмотреть на нее, когда он возродится и начнет свое новое земное существование.

Он вернулся к компьютеру. Три сделки принесли ему значительную сумму. Хороший знак.

В конце недели проницательность Пола Кауфмана добавится к его собственной. Наконец-то. Конечно, ему придется быть осторожным, чтобы никто не заметил, что у него появилась незаконная личность. Родитис удивится, когда обнаружит, что все его стратегические планы, инспирированные личностью Пола, наталкиваются на столь же продуманные контрмеры. Начнет ли он подозревать, что ему противостоит второй Пол Кауфман? Думал ли Родитис о том, что возможна вторая трансплантация од-

ной и той же личности? Ведь мало кто догадывался, что старые записи личности сохраняются. Марк сам не знал об этом, несмотря на самый широкий спектр имеющейся у него информации, пока Сантоликвидо не сказал ему об этом. Поэтому Родитис, несмотря на всю свою подозрительность, не сможет докопаться до правды. Он просто будет удивлен тем, что его соперник ничуть не слабее. Конечно, после смерти Марка следующий обладатель его личности откроет секрет, обнаружив, к своему удивлению, Пола вместе с Марком. Но он вряд ли придаст делу огласку. Вскрытие такого нарушения привело бы к удалению личностей обоих Кауфманов. Счастливчик, который получит двух Кауфманов вместо одного, из всех сил попытается скрыть этот факт.

Кауфман тихо засмеялся. Зазвонил телефон. Кауфман подошел к столу и щелкнул тумблером.

— Франческо Сантоликвидо на проводе, — сказал робот-секретарь.

Кауфман удивился и тотчас ответил:

— Да, Фрэнк?

Сантоликвидо выглядел моложе и веселее, чем во все предыдущие месяцы. Рыбки в маленьком аквариуме, который висел у него на груди, тоже, казалось, заиграли веселей, отражая его изменившееся настроение.

— Я принял решение о личности твоего дяди, — выпалил Сантоликвидо. Кауфман остался спокоен. Сотрудничество с Донахью ограждало его от любых неожиданностей.

— Да? — с легкостью сказал он. И кто же этот счастливцев? Родитис? Как и ожидалось?

— Нет. — Нет?

— Я миллион раз взвесил все это, Марк. Я знал, о чем ты думаешь: Родитис и так обладает значительной силой и было бы непростительной ошибкой отдать ему Пола. Это привело бы к гигантской концентрации человеческой энергии в одном человеке и могло бы дать непредсказуемые результаты.

— Конечно.

— Я также прислушивался к возражениям семьи Кауфманов, которые ты высказывал.

— Спасибо, Фрэнк. Но что вы собираетесь делать с Полом? Далеко не каждый выдержит старика. Я понимаю, что лучше продержат его несколько лет, чтобы он отстал

от времени, а затем трансплантировать его любому желающему. Я...

— Он скоро будет трансплантирован.

— Кому?— спросил Кауфман с удивлением.

— У нас произошло небольшое событие,— сказал Сантоликвидо.— Удаление личности зомби, который не только уничтожил своего хозяина, но и убил молодую девушку.

— Дело Тенди Кашинг. Да, конечно. Риза обо всем мне подробно рассказала. Но как это связано с...

— Так как Клод Виллефренч был удален, Марк, у нас осталось живое, но абсолютно пустое тело Мартина Сент-Джона, молодого человека из хорошей семьи, имеющего прекрасное здоровье. Как ты думаешь, что мы собираемся делать с этим телом?

— Как?— удивился Кауфман,— возьмите одну из записей личности самого Сент-Джона и трансплантируйте в его собственный мозг. Разве это не логично?

— Логично, но это невозможно. Это называется автотрансплантацией, а автотрансплантация невыполнима. Мозг не воспринимает свою собственную абстрагированную личность. Здесь есть свои сложности: недостатки технологии процесса, устройство центральной нервной системы, психология личности. Я не буду досаждать тебе деталями. Просто скажу, что мы не можем трансплантировать Мартина Сент-Джона обратно в его тело. Однако ничто не мешает нам трансплантировать другую личность в это здоровое, вакантное тело...

Марк Кауфман понял к чему клонит Сантоликвидо. Это озарение произвело на него сильнейшее впечатление.

— Вы трансплантируете туда Пола?

— Да,— спокойно сказал Сантоликвидо.

— Но вы тотчас получите зомби! Пол Кауфман будет управлять телом Мартина Сент-Джона!— воскликнул Кауфман.

— Это так. Но ведь не существует правил, запрещающих такую трансплантацию. К нам так редко попадают пустые тела, что мы почти не имеем прецедентов. Сам Пол — это нечто, выходящее за рамки обычного. Его разум настолько динамичен и тяжел, что он может превратить практически любого человека в зомби. За редким исключением, вроде Родитиса или тебя. Но мы просто обязаны вернуть Пола к жизни. Если бы мы дали Пола обыкновен-

ному человеку, в результате чего получился бы зомби, квесторы настояли бы на удалении личности. Но когда мы даем ему пустое тело, не возникает вопроса о захвате чужого тела и об уничтожении разума, а значит, законы не будут нарушены. В результате, твой дядя вернется в этот мир как полноправная человеческая единица, то есть поистине возродится.

Кауфман был ошеломлен этой идеей. Он посмотрел на выражение лица Сантоликвидо и понял весь хитрый план администратора Института Шеффлинга, который одним ударом нейтрализовал Родитиса и его самого. Родитис мог рвать и метать, но пока он не найдет чего-нибудь незаконного в этой трансплантации, он не может ничего предпринять. А Марк, формально удержав Пола от трансплантации Родитису, больше не мог влиять на Сантоликвидо.

Иронией судьбы выглядело то, что Риза предоставила Сантоликвидо решение этой проблемы. В крайне удобный момент она помогла найти ему пустое тело, и вот теперь Пол Кауфман появится на земле не как молчаливая вторичная личность, не как незаконный зомби, уничтоживший своего хозяина, а как действительно вновь возродившийся человек, которому по распоряжению Института Шеффлинга дано собственное тело!

— Что ты скажешь, Марк? — игриво спросил Сантоликвидо.

— Это очень неожиданно, — ответил потрясенный Кауфман. — Возникнет много вопросов. Например, каким будет его легальный статус? Пол мертв. Его состояние сейчас оценивается.

— Официально он получит имущество и статус Мартина Сент-Джона, — сказал Сантоликвидо. — Я уже согласовал это. Он будет Сент-Джоном с личностью Пола Кауфмана. Конечно, на самом деле он будет просто Полом Кауфманом в теле Сент-Джона, но это вовсе не дает ему статуса Кауфмана. Я надеюсь, что вы примете его в ваш семейный круг как Пола и включите его в круг ваших деловых партнеров, но это зависит лишь от вас. Вы можете отказаться от сотрудничества с ним и он будет жить как Сент-Джон. Зная Пола, могу сказать, что он не подведет.

— Да, — отрешенно сказал Кауфман. — Не подведет.

— Ну, что ты теперь скажешь? Я выполнил твое жела-

ние — отказал Родитису! Теперь тебе легче, Марк? Не так ли? Ты выглядишь немного удрученным.

Кауфман, преодолев удивление, вызванное нестандартным ходом Сантоликвидо, стал думать о его последствиях. Да, Пол вернется к жизни, хитрый и энергичный как всегда, да еще с телом молодого человека. Это подвергало угрозе статус самого Марка как главы клана Кауфманов.

Но ни один из Кауфманов не воспримет возвращение Пола как истинное возрождение. Они будут руководствоваться многовековыми семейными традициями и никогда не предоставят ему роль главы семьи. В лучшем случае, он будет считаться дальним родственником.

Я справлюсь с ним, подумал Марк. В конце концов, Сантоликвидо понятия не имеет, что я вскоре сам получу личность Пола. Это позволит мне выстоять, если дело дойдет до конфликта с Полом. И я могу рассчитывать на поддержку Пола в борьбе с Родитисом.

Кауфман представил себе также возможность трехстороннего конфликта с новым Полом и Родитисом. Но и в таком конфликте он должен был одержать победу, так как он будет Марком и Полом одновременно, что, несомненно, больше, чем один Пол, и уж гораздо больше, чем Родитис.

— Да,— сказал он.— Ты очень умно поступил, Фрэнк. Я одобряю. Ты уже рассказал об этом Родитису?

— Нет еще. Я решил, что стоит подождать денька два, пока не будет проведена трансплантация. Я хочу поставить его перед свершившимся фактом.

— Так, наверное, лучше,— сказал Кауфман и усмехнулся.— Я думаю, Родитис будет удивлен.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Тебе это не понравится, Джон,— сказал Чарльз Нойес.— Елена говорит, что они решили не давать тебе Пола Кауфмана. Они нашли пустое тело, из которого был удален зомби, и трансплантируют его туда.

Он со страхом ждал реакции Родитиса. Они находились в офисе Родитис Секьюритис на среднем западе, в Ивансвилле, штат Индиана, на верхнем этаже небоскреба, стоящего на берегу реки. Нойес прилетел в Ивансвилл днем, сразу после обеда с Еленой. Дело было слишком серьезным, чтобы говорить о нем по телефону.

Родитис казался спокойным. Он прошел мимо Нойеса к окну и поглядел на зарево городских огней на противоположном берегу реки. Затем, медленно повернувшись, он подошел к звуковой скульптуре Антона Козака, которая стояла у одной из стен его офиса, и отрегулировал звук так, чтобы она воспроизводила мягкое гудение через каждые пятьдесят циклов. Центральный компонент скульптуры начал при этом вспыхивать и гаснуть с такой частотой, что его с трудом можно было рассмотреть.

— Она узнала об этом от Сантоликидо? — спокойно спросил Родитис.

— Да. Она провела с ним большую часть вчерашней ночи, и он все ей рассказал. Как говорит Елена, Сантоликидо очень гордится своим решением, так как он одним ударом вышибает из седла тебя и Марка.

— А что Марк собирался делать с этой личностью?

— Либо взять ее себе, либо оставить в Институте на вечное хранение. Поскольку он получить ее не может, Марк предпочитает, чтобы она не досталась никому. Сантоликидо устроил все так, чтобы никто из вас не получил, что хотел, и никто не смог возразить против его решения.

Родитис с ледяным спокойствием все еще поглаживал одну из сверкающих деталей звуковой скульптуры. Нойес не мог понять спокойствия своего босса. Он должен был рвать и метать. Может, Родитис под действием каких-то наркотиков? До бровей набил себя таблетками? Принял какое-то сильное успокоительное?

— Кауфман знает об этом решении? — спросил Родитис.

— Да, — ответил Нойес. — Два дня назад Сантоликидо позвонил ему и обо всем рассказал.

— Как он отнесся к этому?

— Он был очень зол. Но затем дал свое согласие. У него не было выбора.

— И когда произойдет эта трансплантация?

Нойес неуверенно переступил с ноги на ногу: — Ее провели сегодня днем.

— Пол Кауфман — в пустом теле?

Нойес кивнул.

— Значит Кауфман — зомби. Без всякой борьбы.

— Да.

— Но зомби вне закона.

— Только не этот,— возразил Нойес.— Похоже, Сантоликидо нашел какую-то лазейку в законе. Это поддерживается в самых высоких инстанциях, включая Сантоликидо. То есть, по определению это не может быть нелегальным. Короче, Пол Кауфман снова на этом свете и полностью владеет своим телом.

— Чье это тело?

— Англичанина по имени Мартин Сент-Джон. Одного из младших сыновей одноименного лорда. Он был уничтожен в своем собственном теле одним французом, который до этого убил девушку на лыжном курорте, а затем погиб сам и был выбран Сент-Джоном в качестве новой личности. Провели следствие, после ментоскопирования приговорили его к удалению личности, а Сантоликидо пришла в голову блестящая идея: вложить в пустое тело личность старика Кауфмана.

— Он очень хитер.

— Ты не расстроен этим, Джон?

— Нисколько. Я ожидал этого. Ты можешь не поверить, но на этот случай я продумал все до мельчайших подробностей. У меня уже готов план действий для этой ситуации.

— Здорово, Джон. Что ты задумал?

Родитис улыбнулся:

— Где теперь тело Сент-Джона, ты знаешь?

— Возможно, все еще в Нью-Йорке. Трансплантацию проводили там. Я сомневаюсь, что он предпримет какие-либо поездки, пока не адаптируется в своем новом теле.

— Хорошо, поезжай в Нью-Йорк. Найди Сент-Джона, Чарльз. Найди и убей его.

— Ты хочешь, чтобы я уничтожил...

— Да. Убей его. Уничтожь тело Сент-Джона.

Нойес внезапно сел. У него кружилась голова. Джеймс Кравченко начал против него мощную атаку. Нойес задрожал от его натиска. Прошло некоторое время, прежде чем он сумел восстановить контроль над своей непокорной личностью, а потом еще немного времени, пока смог привыкнуть к ровному холодному взгляду Родитиса.

— Я не могу этого сделать, Джон! — взмолился Нойес.

— Сможешь. И сделаешь. Черт побери, ты думаешь, я

позволю этому манекену разгуливать с такой личностью? Думаешь, Сантоликвидо имеет неограниченный запас пустых тел, готовых стать зомби Пола Кауфмана? Убив Сент-Джона, ты вернешь Пола обратно в банк душ, так? Запись все еще там и она снова будет готова к использованию, если что-то случится с носителем его личности. Ты уберешь Сент-Джона, и я вновь потребую личность Пола Кауфмана, которая снова станет доступной. Только на этот раз я нажму на Сантоликвидо посильнее. Я больше не буду дипломатично вальсировать вокруг. Я сделаю все. Я ударю кулаком по столу. Я покажу ему, что второго подобного фокуса с его стороны терпеть не намерен. Ему придется сдаться. Я добьюсь своего.

— Но мне придется совершить убийство,— сказал Нойес слабым голосом.— А что, если меня поймают? Что, если я все испорчу?

— Тебя не поймают и ты ничего не испортишь. Не беспокойся, Чарльз. Я все устрою. Как только ты сделаешь это, мы вернем тебя сюда и уберем из памяти все воспоминания, относящиеся к этому делу. Вместо них мы запишем другие воспоминания — алиби, которое никто не сможет опровергнуть. Не поможет даже ментоскопирование. Ты думаешь я могу себе позволить рисковать своим старейшим и ближайшим другом?

— Неужели ты не можешь нанять какого-нибудь громилу..., запрограммировать робота...

— Мне нужен тот, кому я могу доверять. А на свете существует лишь один человек, на которого я могу положиться. Ты посвящен во все тонкости этого дела.

— Но...

— Ты сделаешь это, Чарльз.— Родитис подошел к Нойесу и положил руки ему на плечи. Сильные толстые пальцы как когти впились в его плоть. Он гипнотизирующе смотрел в глаза Нойеса. Нойес понимал, что им управляют как марионеткой, но не мог противиться давлению Родитиса раньше и сомневался, что это ему удастся сейчас.

— У тебя есть возражения?— искренне спросил Родитис.

— Ну, в некотором роде.

— Погляди на это с другой стороны. Ты в действительности никого не убьешь. Мартин Сент-Джон давным-давно погиб. В теле находится лишь личность Пола Кауфма-

на, которая не должна там находиться. Кауфман уже имел свою собственную жизнь и свое тело. Теперь он может быть лишь пассажиром, дополнительной личностью. Ты уничтожишь тело Сент-Джона, и Кауфман вновь получит полагающийся ему статус, а не то, что сотворил Сантолик-видо благодаря собственной трусости. Ты восстановишь законное положение, Чарльз. Уничтожишь зомби. Ты меня слушаешь?— Да. Я...

— Ты не можешь убить то, что уже мертво, а Мартин Сент-Джон и Пол Кауфман — мертвецы. Одного уничтожила его личность, а другой умер естественной смертью. Ты просто убьешь кусок живой протоплазмы. И больше ничего. Ты сделаешь это для меня, Чарльз. Я знаю, что ты сделаешь.

— Как я это сделаю?

Родитис выпрямился, подошел к столу, взял ключи и открыл сейф. Он пошарил внутри и вынул желтого цвета пенал диаметром менее дюйма. Родитис высыпал содержимое коробки в ладонь и сунул ее под нос Нойесу. Это была капсула, содержащая несколько капель какой-то зеленоватой жидкости.

— Это,— сказал Родитис,— циклофосфамид-8, анкилирующее вещество, которое ломает систему, заставляющую органы работать в едином режиме. Если хотя бы небольшое количество этой жидкости попадает человеку внутрь, его организм начинает отторгать свои собственные органы, как-будто они являются чужими.

— Что-то типа карнифага?— неуверенно спросил Нойес.

— Не совсем, но достаточно похоже. Карнифаг вызывает саморазрушение клеток тела благодаря автолизу, который, в свою очередь, происходит благодаря синтезу энзимов. Это же соединение превращает тело в конгломерат чужеродных компонентов, которые больше не могут работать согласованно. Железы начинают вырабатывать яды; органы перестают взаимодействовать, антитела начинают атаковать те ткани, которые они призваны были защищать. А главное то, что медицина ничем не может помочь такому пациенту. Чем более они будут вмешиваться в этот процесс, тем быстрее пойдет разрушение. Смерть наступает обычно раньше чем через час.

— Карнифаг быстрее,— заметил Нойес.

— Но карнифаг легко распознать. Когда человек за

пятнадцать минут превращается в лужу слизи, применение карнифага становится очевидным. Но при использовании циклофосфамида-8 причину смерти невозможно определить.

— Как вводится это вещество?

— В стиле старины Борджиа. Спрячь капсулу между пальцами руки, вот так. Предложи своей жертве стакан воды. Проведи рукой над стаканом и разожми пальцы. Капсула растворяется за сотые доли секунды. Зеленоватый цвет при контакте с водой моментально исчезает. Полученный раствор не имеет ни вкуса, ни запаха. Очень просто.— Родитис закрыл пенал и важно вручил его Нойесу.— Садись на самолет до Нью-Йорка и найди Мартина Сент-Джона. Я никогда так не нуждался в твоей помощи, Чарли.

Ошарашенный Нойес пришел в себя в небе над Индианой, на борту самолета, летящего на восток. Один из секретарей Родитиса заказал ему билет, сам он был пока не способен ни на какие действия. Капсула с ядом находилась в нагрудном кармане его пиджака слева. Справа во внутреннем кармане располагалась склянка с карнифагом, с помощью которой он предполагал закончить свою ничемную жизнь, как только найдет смелость сделать это.

Это был бы подходящий момент, с грустью подумал Нойес.

Он больше не хотел быть тенью Джона Родитиса. Он устал рисковать собой из-за амбиций своего маленького босса. Теперь убийство. Да, да, Родитис построил целую теорию, пытаясь убедить его, что отравление Мартина Сент-Джона циклофосфамидом-8 вовсе не является убийством. Он почти убедил его. Почти. Но он знал, что квесторы будут считать отнюдь не так, если его возьмут до того, как Родитис удалит компрометирующие его воспоминания. Ему предъявят обвинение в умышленном убийстве, а это самое серьезное обвинение. Его личность уничтожат. Может, это и небольшая потеря, думал он, не только для Вселенной, но и для себя самого. Но ему было обидно. Человек должен уничтожать себя сам и не позволять другим делать это за него. Что, если глотнуть сейчас карнифага. Конечно, испачкаю самолет, расстроится стюардесса, но, по крайней мере, умру как честный человек.

Его рука потянулась к правому внутреннему карману пиджака.

«Ну, давай»! — подтрунивал Кравченко: «Покончи с этим. Мне так надоело сидеть в твоей дурацкой башке, Нойес, ты не можешь себе представить!»

Рука остановилась на полпути к цели. Он подумал, что еще не время сводить счеты с жизнью. Убить себя сейчас было бы трусостью, ведь тогда он не выполнит задание Родитиса. Он не имеет права этого делать. Родитис доверяет ему, зависит от него. Родитис дал ему работу и смысл существования в этом мире. Да, Родитис был эгоистом и тираном. Он гнал его от компромисса к компромиссу, дело дошло до того, что ради него ему пришлось расстраивать семейный вечер и спать со странной женщиной, чтобы добыть малую толику информации. Но так или иначе, это была его работа. Он принял ее условия и теперь не мог отказаться. Он обещал Родитису выполнить последнее задание, это бессмысленное убийство, уничтожение тела мертвеца, принадлежащее тени другого мертвеца. После этого, если пожелает, он сможет проглотить, наконец, свой карнифаг и будет иметь на это полное право. Бегство от незаконченного дела — это не в традициях Нойесов.

Нойес осознал, что оправдывает традициями своего рода обыкновенное убийство.

Ну и пусть, — сказал он себе. — Ну и пусть.

Турбины взвыли. Они садились в Нью-Йоркском аэропорту. Кравченко, как всегда, начал злорадно хохотать и насмехаться, когда Нойес убрал руку от склянки с карнифагом. Но Нойес знал, что Кравченко не мог проследить глубинные процессы принятия решений. Личность просто пыталась выбить его из равновесия, унижить его. В интересах Кравченко было не допустить, чтобы он выпил карнифаг. Его задачей было так разбалансировать личность хозяина, чтобы, выбив его сильной и неожиданной атакой, взять над ним верх — стать зомби.

Он подумал о том, как ему найти Мартина Сент-Джона. Ведь об этом нельзя было узнать в справочном бюро. Сент-Джон был англичанином и не мог быть там зарегистрирован. О местонахождении Сент-Джона, конечно, знал Сантоликивидо. Но Нойес не хотел показываться ему на глаза. Родитис был заинтересован в возвращении Пола Кауфмана обратно в банк душ, поэтому, если станет известно, что Нойес, компаньон Родитиса, разыскивает Сент-Джона, любой доступ к нему будет для него закрыт.

Нойес решил спросить у Елены. Елена, похоже, знала

все и обо всех. Она напоминала осьминога, щупальца которого тянулись к Марку Кауфману с одной стороны, к Сантоликидо с другой и к Нойесу с третьей. У нее оставалось даже несколько свободных щупалец, чтобы протянуть их к Родитису. Она была превосходным информатором.

Елена жила в небольшой квартире в Нью Джерси, зарегистрированной на ее собственное имя. Нойес не думал, что найдет ее там, но с этого места стоило начать. Он позвонил туда из аэропорта и очень удивился, когда она ответила. На экране появился ее личный код. Нойес представился. Экран очистился, и на нем появилась Елена. Она была обнаженной, но сканер обрезал изображение у груди, к тому же, маленький экран общественного таксофона не давал возможности разглядеть человеческую фигуру целиком.

— Я только что вернулся от Родитиса,— сказал он.— Из Индианы.

— Ты рассказал ему о...

— Сент-Джоне? Да.

— Он, наверное, был в бешенстве!

— Вообще-то, он встретил эту новость довольно холодно,— сказал Нойес.— Он, видимо, ожидал что-то подобное, поэтому успел подготовиться. Послушай, Елена, когда мы сможем увидеться?

— Можно прямо сейчас.

— Ты свободна вечером?

— Абсолютно. Ты хотел бы снова съездить со мной на Джубилайл?

— Нет,— сказал он.— Я просто хотел навестить тебя и задать несколько вопросов.

— Вопросы, вопросы, вопросы! Хорошо. Приезжай ко мне. Когда мне тебя ждать?

— Где-то через полчаса?

— Пойдет.— Быстро перебирая клавиши, она набила программу для вертолета. Через несколько секунд из таксофона Нойеса показалась небольшая дискета. Он взял ее и послал Елене воздушный поцелуй. Схватив свой чемодан, он бросился вверх по лестнице. Он забежал в моментальную химчистку, где принял душ, а его одежда была мгновенно выстирана и отутюжена. После этого Нойес поднялся на вертолетную площадку. Сел в вертолет, он вставил дискету с адресом Елены в дисковод. Вертолет

взлетел, завис на некоторое время над загруженным аэропортом, а затем, обнаружив свободный вектор для выхода, взял курс на Нью Джерси.

Он появился у Елены около девяти часов вечера. Нойес никогда не был у нее. Раньше он встречался с ней в своей квартире. Он не знал, чего ожидать: то ли он попадет в сокровищницу, то ли в шикарный публичный дом. На самом деле квартира оказалась так же просто и функционально обставлена, как и его собственная. Несмотря на известную любовь Елены к роскоши здесь она в ней не нуждалась потому, что эта квартира была для нее лишь перевалочной станцией в те редкие ночи, когда она не спала в чужой постели. Встречая его в сильно открытом и прозрачном розовом халате, Елена казалась перезрелым тропическим цветком, выросшим на скудном северном лугу.

Они трогательно и равнодушно обнялись. Елена, очевидно, была готова к любым выходкам с его стороны, а Нойес нервничал, проклиная свою незавидную роль, поэтому исполнил это объятие просто как ритуал.

Елена предложила спиртное. Он сел в кресло, а она на диван. Между полами ее халата виднелись загорелые ляжки. Нойес подумал, стоит ли воспользоваться ее невысказанным предложением в стратегических целях, или она просто дразнит его? Он был уверен, что она рассматривала его лишь как суррогат человека. В сексуальном плане она сношалась через него с Джимом Кравченко, а передавая ему секретную информацию о Марке Кауфмане или о Сантоликидо, она лишь пыталась добиться расположения Родитиса.

— Мне нужна твоя помощь, Елена,— сказал он.— Я хочу найти Мартина Сент-Джона.

Она подняла брови, и губы ее разомкнулись.

— Родитис так быстро взялся за него?

Нойес сделал попытку скрыть свою реакцию.

— Я просто хочу поговорить с ним.

— О чем?

— Разве это имеет значение?

— Может иметь,— сказала она.

Нойес взял себя в руки и быстро нашелся.

— Хорошо. Родитис хотел бы заключить сделку с Полом Кауфманом. Так как Кауфман снова вернулся к жизни и Родитис не может получить его личность, он хочет заключить с ним соглашение. Понимаешь, Родитис обесп-

коен, что Пол и Марк создадут семейный альянс, чтобы раздавить его. Поэтому он хочет как можно быстрее встать между ними. Тебя это устраивает?

— Вполне.

— Поэтому меня послали установить контакт с Кауфманом — Сент-Джоном. Я только не знаю, где его найти.

— А ты думаешь, я знаю?

— Если об этом хоть кто-нибудь знает, то должна знать и ты. О местонахождении Сент-Джона знает Сантоликивдо, да и Марк, думаю, тоже. Ты близка к ним, поэтому...

— Ты прав, — сказала Елена. — Я знаю.

— Ты расскажешь мне?

Елена лениво поменяла позу. Ее халат как бы случайно расстегнулся, на один головокружительный миг открыв ему все ее прелести. Затем, как ни в чем ни бывало, она снова застегнула халат.

— Может, я и скажу тебе, — мягко начала она. — Но тебе придется заплатить за это, Чарльз.

— Скажи, сколько ты хочешь.

— Мне не нужны деньги, — засмеялась она. — Мне нужна услуга.

— Какая? — с беспокойством спросил он.

— Ты носишь в себе личность человека, который очень много значил для меня, — сказала Елена. — Ты стоишь между мной и этим человеком, Чарльз. Если я отведу тебя к Мартину Сент-Джону, ты отойдешь в сторону и сделаешь этого человека доступным для меня. Хорошо? А я отведу тебя к Сент-Джону прямо сегодня.

— Ты хочешь забрать у меня Кравченко, чтобы его трансплантировали кому-нибудь еще?

— Не совсем так, — ответила она. — Я имею в виду, что ты должен позволить ему взять верх над собой. Чтобы я могла наслаждаться им непосредственно в твоём теле.

Нойес был в таком замешательстве, что Кравченко чуть было и впрямь не взял над ним верх. Нойесу удалось-таки одолеть его. Он никогда еще не получал таких ударов по своему самолюбию. Спокойно и буднично Елена предложила ему совершить самоубийство ради ее забавы! У него беззвучно зашевелились губы, затем он сказал:

— Ты не имеешь права просить меня об этом. Глупо думать, что я способен на такое!

— Разве? Почему же ты таскаешься со своим карнифом в кармане, а?

— Ну...

— Все хорошо знают, что ты склонен к самоубийству. И прекрасно, Чарльз — не упusti момент. Хотя какая-то будет польза. Верни Джима Кравченко в мир, который он любил, и уходи сам из мира, который ты ненавидишь. К тому же ты выполнишь свой долг перед Родитисом и поговоришь с Сент-Джоном.

В наступившей тишине он задумался о сходстве предложения Елены со своими собственными намерениями. Ведь он уже решил про себя, что примет карнифаг, как только выполнит поручение Родитиса. Елена, казалось, знала об этом его решении. В конце концов, какая разница, какую смерть он для себя изберет? Выпить карнифаг означало отомстить Кравченко за его издевательства. Но затем Кравченко очутится в другом теле и тогда, что же это будет за месть? В другом случае он просто грациозно отойдет в сторону и уступит свое тело Кравченко, причем не ради Кравченко, а ради Елены.

И все же, предложение Елены выглядело крайне оскорбительно — по своей воле дать превратить себя в зомби. Неужели она и впрямь его ни во что не ставит? Да. Несомненно. Он ухмыльнулся. Возможно, наступило время пожертвовать своими идеалами и пойти на маленькую хитрость. Он может пообещать Елене все, что угодно, а потом отказаться от обещания. Главное — это добраться до Сент-Джона.

— Ты просишь слишком много, — выдавил он из себя.

— Я знаю. Но это логично, не так ли?

— Да, да. — Он расхаживал по комнате, сжав кулаки.

— Хорошо, — сказал он. — Да, черт возьми! Будет тебе Кравченко!

— Тогда по рукам?

— По рукам. Где Мартин Сент-Джон?

— Его отвезли на Манхеттенскую квартиру Марка Кауфмана.

Нойес опешил.

— Этого стоило ожидать. Но я не смогу увидаться с ним там, Елена! Я не могу войти прямо в дом к Марку и...

— Марк уехал вчера в Калифорнию по делам, — сказала Елена. — Его не будет до завтра. Дочь все еще в Европе. В доме никого нет, кроме Сент-Джона и слуг, которые за ним ухаживают. Я сейчас отведу тебя туда.

— Пойдем, — сказал он.

Без тени застенчивости она переоделась прямо у него на глазах, и они вышли из дома. Перелет на вертолете в Манхеттен занял всего несколько минут. Нойес чувствовал себя как во сне, в котором события разворачивались с необыкновенной быстротой и вели к некой страшной развязке. У дверей дома Кауфманов Елена приставила к сканеру свой большой палец. Дверь не открылась.

— Я не имею привилегии мгновенного доступа, — объяснила она. — Сканер докладывает компьютеру, что я здесь, а тот проверяет, есть ли приказ не впускать меня. Если такой приказ отсутствует, я могу войти.

— К чему все эти предосторожности?

— У Марка иногда бывают другие женщины, — простодушно сказала она.

Дверь, наконец, открылась. Нойес никогда раньше не бывал в доме Марка Кауфмана. Дом был элегантным и просторным, с многочисленными комнатами, расположенными по сторонам. Перед ними появился невзрачный, безликий робот. — Мы к мистеру Сент-Джону, — сказала Елена.

Робот проводил их в темную, огромных размеров спальню, декорированную дорогой, шитой золотом материей. Потолок играл зеленым, малиновым и фиолетовым цветами. На кровати, опершись на подушку, сидел усталый на вид, сероглазый молодой человек со светло-русыми волосами, дряблой кожей, курносый носом и безвольным подбородком. Нойес остановился в дверях.

Он осознал, цепenea, что перед ним был сам Пол Кауфман. Человек на кровати, казалось, брал энергию из какого-то внутреннего источника. Его глаза заблестели, голова поднялась, подбородок выпятился вперед. Над кроватью висел портрет Пола Кауфмана, на котором он был больше похож на имперского орла, чем на человека. Несмотря на полное различие во внешнем виде человек на кровати вдруг принял тот же самый надменный вид.

— Да? — сказал он. — Кто вы? — Голос его срывался, Пол Кауфман еще не вполне освоился с ним за те немногие часы, которые он провел в новом теле.

— Меня зовут Чарльз Нойес. А Елену Вольтерра, я думаю, вы уже знаете.

— Нойес? Нойес из Родитис Секьюритис?

— Правильно, — сказал Нойес. — Вы меня знаете?

— Да. В мои обязанности входило знать организацию

Родитиса. Что вы здесь делаете? Как вы сюда попали? Люди Родитиса не должны здесь появляться.

— Я его привела,— сказала Елена.— Он хотел увидеться с вами, а я ему кое-чем обязана.

— Убери его,— крикнул Кауфман — Сент-Джон. Он махнул рукой, пытаясь указать на дверь, но его координация была еще очень плохой, поэтому он не рассчитал свои силы и ударил рукой по прикроватной тумбочке.

Елена не шелохнулась.

— Прочь,— закричал он срывающимся голосом.— Вон отсюда. Вон отсюда! Я должен отдохнуть. Мне столько пришлось пережить... Если бы ты знал, что значит умереть, а потом вновь ожить в этом страшном теле...

Он как-то странно заgrimасничал. Зомби-Кауфман, казалось, был истощен разговором. Его глаза потухли, и он снова лег. Он отдыхал, набирая силы.

— Если он не хочет тебя...— начала Елена.

— Он уделит мне пять минут,— сказал ей Нойес.— Ты подожди меня снаружи, хорошо? Я не задержусь у него.

Она кивнула и вышла из комнаты. Нойес знал, что Елена понимает, зачем он сюда пришел. Но он боялся, что она выдаст его. Он осторожно закрыл за ней дверь.

Кауфман — Сент-Джон вновь обрел контроль над своим новым телом.

— Я приказал тебе уйти!— сказал он.

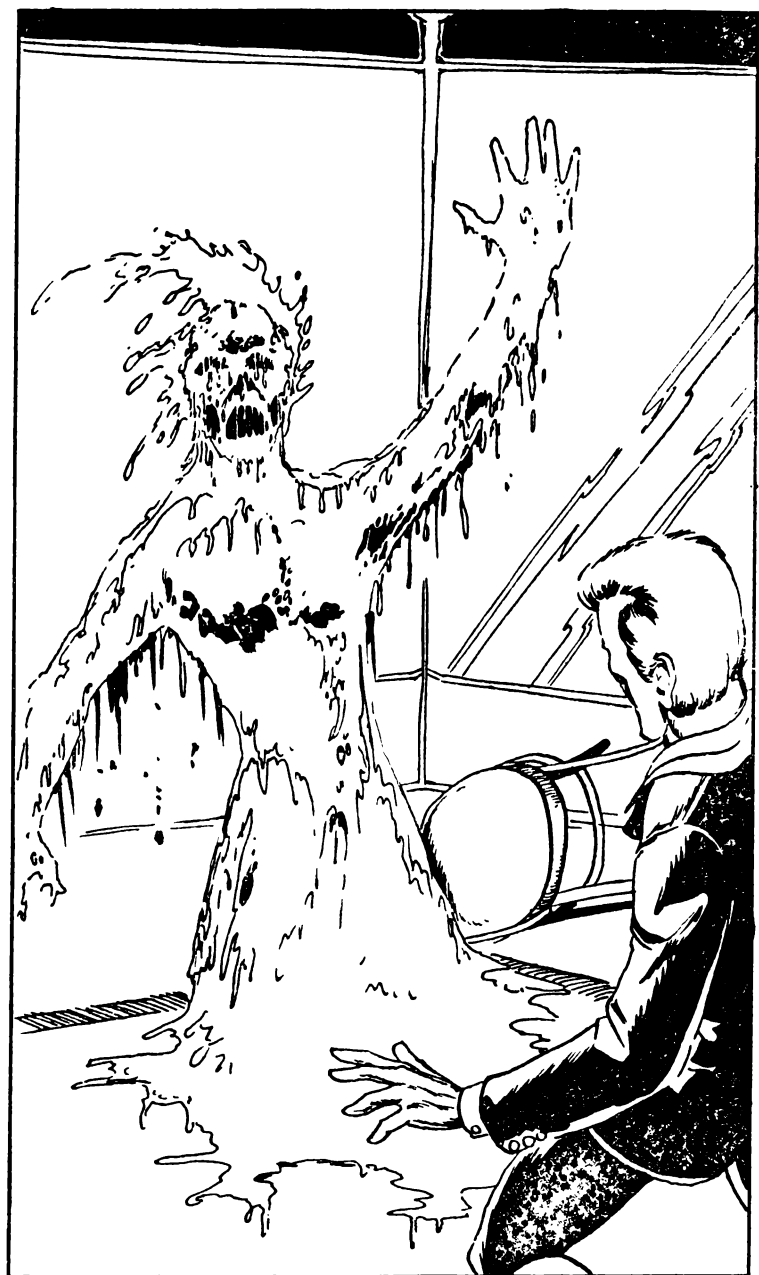
Приближаясь к кровати, Нойес спокойно сказал:

— Буквально несколько минут. Я бы хотел с вами поговорить. Вы находите страшным такое возвращение в мир? Вы хотели бороться за то, чтобы стать зомби, не так ли? Вы не думали, что вам вручат свободное тело? Вы знаете, тут был прямо-таки диспут по поводу того, кому вы должны принадлежать. Вас очень хотел заполучить Родитис, но Сантоликивидо отбрлил его, предоставив вам это пустое тело. Не считаете ли вы, что вам было бы удобнее попасть к Родитису?

Пока Нойес говорил, он все ближе и ближе подходил к кровати. Пол Кауфман смотрел на него широко открытыми глазами. Безвольные мускулы на его теле напряглись в попытке встать и вышвырнуть незваного пришельца из комнаты. Но он не смог этого сделать.

— Если ты сейчас не выйдешь отсюда...

— Почему бы нам не решить дело мирно?— спросил Нойес, его длинные пальцы уже сжимали капсулу цикло-

фосфамида-8.— Вот. Выпейте воды. Я расскажу вам о сделке, которую предлагает Родитис. Она обещает большие прибыли.

Он взял в левую руку стакан, наполнил его до половины водой и стал подносить скрытую капсулу к стакану. Но это было бесполезно. Станные серые глаза следили за ним, замечая все, что он делал. Нойес понял, что не сможет отравить его незаметно. Кауфман — Сент-Джон конечно понимает, что он пытается сделать, и окажет хоть и неуклюжее, но сопротивление, в результате чего может быть пролит незаменимый яд, а в комнату придут роботы-слуги.

Нойес не мог действовать скрытно. Он наклонился к человеку, лежащему на кровати, и тихим голосом произнес:

— Вам будет лучше в другом теле.

— Что ты...

Как только губы разомкнулись, Нойес протянул вперед руку и вложил смертельную капсулу в рот своей жертве. Одновременно двумя пальцами другой руки он нажал на адамово яблоко Кауфмана — Сент-Джона. Тот глотнул. Капсула попала в пищевод.

В серых глазах зомби сверкала ярость. Он замахал на Нойеса слабыми, плохо подчиняющимися руками. Кисти болтались так, будто они вот-вот оторвутся и улетят. Но лицо его ожило, вся жизненная сила Кауфмана вылилась в выражение бешеного гнева и мстительной ярости. На щеках его играли желваки. От этого взрыва ненависти Нойес отступил, обожженный огнем этого невероятного человека.

Через минуту началась агония. Нойес наблюдал только самое ее начало. Отходя от кровати, он увидел, что взрыв эмоций погас и его сменила маска боли и растерянности. В теле Кауфмана — Сент-Джона происходили странные изменения. Все железы начали одновременно выпускать в организм невообразимые смеси гормонов. Синхронизация сердца и легких была нарушена. Мозг фальсифицировал сведения, получаемые им от рецепторов. Шаг за шагом тело Мартина Сент-Джона приближалось к смерти.

Нойес выбежал за дверь. Елена нашла его в наружном коридоре.

— Ты куда? Что случилось?

— За доктором,— выпалил Нойес.— Он плохо себя чувствует... что-то вроде удара, я не знаю...

— Что ты с ним сделал?

— Мы говорили. Он разозлился. А затем...

Из спальни донесся дикий крик, переходящий в стон. Это было похоже на вопль животного, умирающего в когтях хищника. Елена вошла в спальню. Через секунду она вышла с застывшим на лице выражением ужаса.

— Ты дал ему яд! — закричала она.

— Нет. Я не знаю, что случилось. Когда я был с ним, неожиданно...

— Не ври. Родитис послал тебя убить его. А ты мне сказал, что хочешь лишь поговорить с ним!

— Елена...

С дикой яростью она схватила его и потащила вон из квартиры. Она была почти в истерике от страха и ужаса. Но на свежем воздухе Елена успокоилась, трезво оценила ситуацию, и ее контроль над собой снова восстановился.

— Сейчас мы вернемся ко мне, — сказала она. — Ты сегодня обманул меня, Чарльз, но другого раза тебе не представится. Теперь тебе придется сдержать свое обещание.

Нойес был близок к обмороку. Мокрый от пота, дрожащий, потрясенный, он дал ей возможность отвезти себя в ее маленькую квартиру в Нью-Джерси. Он устало свалился в кресло. Елена стояла над ним с горящими глазами, полная непреклонности и злобы.

— А теперь, мистер убийца, — сказала она, — когда ты сделал свою грязную работу для Родитиса, записав меня при этом в сообщники, ты должен сдержать свое обещание. Убирайся из этого тела!

— Нет, — слабо сказал Нойес.

— Нет? Нет! Мы заключили сделку! Давай. Дать тебе выпить? Чтобы было легче? Без шуток, Чарльз!

Нойес чувствовал, как Кравченко с огромной силой пытается сломить его волю, чтобы, наконец, вырваться и стать зомби. Нойес с отчаянием сопротивлялся. «Я не сделаю этого, — говорил он себе. — Они не смогут уничтожить меня. Мне нужно бежать отсюда, назад, к Родитису. Он уберет воспоминания. Только он может мне сейчас помочь».

«Ты паршивый обманщик, Чарльз. Ты грязная свинья!» — подал голос Кравченко.

Нойес ужаснулся, осознав, что ничего не произносил вслух. Кравченко подслушал весь его внутренний монолог! Это означало, что личность почти овладела им и уже находилась в контакте с его разумом.

— Уходи, Чарльз,— сказала Елена.— Вон!

— Нет. Нет, пожалуйста...

Она в ярости схватила его за плечи и сильно трянула. Он попытался оттолкнуть ее, но она оказалась слишком сильна для него. Он уже чувствовал, как рвется ткань его сознания, как Кравченко захватывает один за другим контрольные центры. Нойесу казалось, что он потерял уже способность анализировать происходящее, что его отталкивают, затягивают куда-то в самую глубину подсознания, изолируют...

— Нет!— закричал он.— Сделка недействительна. Я вовсе не собирался...

— ...но я помог ему изменить решение,— закончил Кравченко.

Елена с триумфом отошла от кресла:— Джим? Джим, это ты?

— Да. Я. Боже, как здорово быть свободным!— Кравченко потянулся. Он прошел несколько шагов, споткнулся, снова встал.— Над координацией придется поработать. Снова иметь тело. Чувствовать! Дышать!

— Его действительно больше нет?— спросила она.

— Я загнал его достаточно глубоко. От него почти ничего не осталось, кроме небольших обрывков, но я найду их и уничтожу. Я свободен, Елена! После стольких лет заключения в этом сопляке!— Он протянул к ней руки. Его пальцы потянулись к ее груди но, промахнувшись, коснулись плеч. С усилием он опустил руки и тихо сказал:

— Я хочу опробовать свое новое тело, Елена!

Кравченко обнаружил, что координация приходит к нему быстрее, чем он предполагал, и все же ему не терпелось ускорить этот процесс. Это займет некоторое время, решил он.

На рассвете Елена сказала:

— Теперь нам пора в Индиану.

— Зачем?

— Чтобы Родитис удалил твои воспоминания о вчерашнем, глупый! Ведь ты теперь Чарльз Нойес, так? А Чарльз Нойес убил Мартина Сент-Джона. Память об этом должна быть удалена из твоего мозга. Пойдем. Пойдем.

— Ты права,— кивнул Кравченко.— Мне надо будет поехать к Родитису, поблефовать немного и удалить воспоминания об убийстве. Потом я уйду от него и мы с тобой уедем, а?

- Да!
- Но зачем тебе лететь в Индиану?
- Елена медленно и загадочно улыбнулась.
- Ты думаешь, я расстанусь с тобой хоть на час, теперь, когда ты снова со мной?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Мертв? — переспросил Марк Кауфман. — Как он мог умереть? Тело Сент-Джона было в хорошем состоянии. Я сам его видел перед отлетом в Сан-Франциско.

Врач покачал головой:

— Полная потеря аутоиммунитета. Если можно так выразиться: гражданская война внутри тела. Никакой надежды на спасение.

— Убийство, — сказала личность Пола.

Не нужно было иметь слишком большую проницательность, чтобы понять это.

— Могло ли это произойти естественным образом? — спросил Марк.

— Очень маловероятно. Понимаете ли, мистер Кауфман, теоретически это возможно, но...

— Но только теоретически?

— Практически абсолютно невозможно.

— Что же тогда? Карнифаж?

— Это не похоже на действие карнифага, — сказал доктор. — Однако, отравитель в наше время обладает чрезвычайно широким выбором ядов. Я провел анализ, сравнивая симптомы с действием наиболее вероятных из них, и вот к какому заключению пришел.

Он вручил Кауфману распечатку. Она была озаглавлена:

ЦИКЛОФОСФАМИД-8

Марк торопливо прочел ее.

— Этот яд легко доступен?

— Я бы сказал так: этот яд стоит приблизительно миллион долларов за унцию, — ответил доктор. — Смертельная доза составляет приблизительно сотую долю унции.

— Значит, дорогой, но не запрещенный. А насколько редкий?

— Достать его трудно. Но если есть деньги...

— Да, если есть достаточная сумма, — сказал Марк. —

Вы нашли какие-нибудь следы этого... циклофосамида в теле?

— Он не оставляет следов. Он полностью поглощается телом и попадает в метаболический цикл. На него указывают только симптомы.

— Другими словами, доказательство его использования чисто эмпирическое, и основано на тех повреждениях, которые он нанес телу?

— Абсолютно верно, — сказал врач. — Квесторат сейчас проводит второе вскрытие, пытаются выяснить истинную причину смерти. Но я осмелюсь предположить, что заключение будет таким же, как и мое: отравление циклофосамидом-8.

— Хорошо. Спасибо. Идите.

«Тебе надо улучшить систему безопасности», — сказал ему Пол: «Убийство в твоём собственном доме — это стыд».

— Любая система безопасности ненадежна, — сказал Марк. Он пошел по квартире, шаркая ногами по ковру. Этот инцидент удивил, насторожил и разозлил его. Он вовсе не подумал о том, что кто-то попытается убить Мартина Сент-Джона с Полом Кауфманом сразу после его трансплантации. К тому же он опасался, что подозрение в убийстве может упасть на него. А это было очень плохо. Если квесторат схватится за идею, что он как-то причастен к убийству, то к нему будет применено ментоскопирование, и никакие деньги во Вселенной не спасут его от этого. Конечно же, ментоскопирование покажет, что он никак не замешан в убийстве Мартина Сент-Джона. Но в то же время в результате ментоскопирования в его голове будет обнаружена нелегальная личность Пола Кауфмана.

Это, скорее всего, работа Родитиса, подумал Марк. Воспользоваться его отсутствием, подослать сюда своего агента и убить Сент-Джона, чтобы подставить его под ментоскопирование... Нет, нет, Родитис не знал, зачем он поехал в Сан-Франциско. Было бы ошибкой видеть в нем больше проницательности, чем есть на самом деле... Конечно, если Родитис не имеет своих людей в ламаистском монастыре, от которых он мог получить известие, что Марк провел нелегальную трансплантацию...

Утомленный сложностью своих гипотез, Марк сел в кресло, чтобы тщательно взвесить свои мысли.

«Глупец, ты просто паникуешь».

— Дай мне подумать, Пол. Пожалуйста.

«Думай о чем хочешь. Но побыстрее! Через час ты можешь оказаться под арестом».

— Нет, у меня немного больше времени. Квесторат еще не закончил вскрытие. А им придется еще пройти по инстанциям, подписать ордер, подготовить ментоскопирование. То есть, в моем распоряжении еще двадцать четыре часа.

Пол не ответил. Мучаясь от головной боли, Марк попытался восстановить последовательность событий.

Он встретился с Донахью во вторник днем. В тот же день Сантоликвидо сообщил о своем намерении трансплантировать личность Пола в пустое тело Сент-Джона. В среду Марку было представлено тело Сент-Джона, а затем он улетел в Сан-Франциско. Кроме того, в среду же Донахью извлек предпоследнюю запись Пола Кауфмана из архивов. В среду вечером, в Сан-Франциско, Донахью трансплантировал его личность Марку. В четверг Марк еще оставался там, адаптируясь к своей новой личности. В то же время в Нью-Йорке последняя запись личности Пола Кауфмана была трансплантирована в тело Сент-Джона. Сент-Джон был затем перевезен в квартиру Марка. Где-то в четверг вечером Сент-Джон был убит. Сейчас, в пятницу днем, Марк вернулся из Сан-Франциско и обнаружил себя в крайне сложной ситуации. И это после того, как все так хорошо получилось. Он наладил с личностью Пола прекрасные отношения. Они не мерились силами, не было никаких упреков и подтрунивания, которых можно было ожидать при сильной личности дяди со столь же сильной личностью племянника. Пол был рад, что вернулся к жизни, восхищался способом, которым Марк добыл его личность, и был крайне обрадован, что последняя копия его личности получит свое собственное тело и полную самостоятельность. Он отнюдь не возмущался тем фактом, что пункт его завещания, запрещавший его трансплантацию кому-либо из членов семьи, был нарушен. Возможно, он внес его в завещание значительно позже, после того как сделал эту запись. Понимая, что Родитис представлял непосредственную угрозу для семьи, Пол желал помочь племяннику в борьбе против него. В то же время он согласился помочь Полу в изоляции и ослаблении Пола-зомби, сотворенного Сантоликвидо. Конечно же, Марк был готов к конфликтам со своим дядей, которые рано или поздно должны были произойти. Он был готов даже к попыткам устранить его, чтобы стать

зомби. Но сейчас их сотрудничество было на высоте, и Марк радовал тот факт, что личность старика попала-таки в его голову.

А потом он прилетел домой и обнаружил там нечто из ряда вон выходящее.

Надо было принять необходимые меры. Самая очевидная из них — проверить записи ночных сканеров, чтобы узнать, кто был в его доме. Немногие люди имели даже ограниченный допуск в его квартиру. Он знал, что Риза, единственный человек кроме него, обладающий полным допуском, была все еще в Европе.

Компьютер быстро сообщил ему ответ. В доме побывала Елена. Она попросила разрешения на вход около одиннадцати часов вчера вечером, и автоматика пропустила ее. Марк поглядел на ее изображение и не нашел ничего необычного в ее выражении, что, несомненно, должно было быть у человека, который пришел совершить убийство.

Но кто это с ней рядом? Высокий светловолосый человек с какой-то неуравновешенностью во взгляде?

Чарльз Нойес? Нойес из Родитис Секьюритис? Елена провела его сюда?

«Вот убийца», — сказал Пол. — «Это он».

— Не торопись, — пробормотал Марк. — Нойес, это человек Родитиса, но Родитис не настолько глуп. Если бы он хотел убить Сент-Джона, то не послал бы на эту работу такого человека как Нойес. Это было бы слишком очевидно.

«Что ты знаешь о Нойесе? Я припоминаю, что он не вполне стабилен».

— Да, не вполне.

«Может, там есть еще кто-нибудь? Прокрути пленку дальше».

Марк включил монитор. Через десять минут Нойес и Елена снова появились у дверей. У Нойеса был такой вид, словно он был близок к обмороку. Елена находилась в полустерическом состоянии. Очевидно, что-то серьезное произошло за эти десять минут, например, убийство Мартина Сент-Джона. Двое у двери обменялись торопливыми фразами. Марк не мог читать по губам, и в сканере не было записи звука, но компьютер по движению губ мог легко расшифровать их беседу. Нойес начал удаляться от дверей квартиры, Елена последовала за ним. На этом заканчивались все события, происшедшие у двери в квартиру в четверг ночью. Из квартиры всю ночь никто не звонил до самого

утра, когда робот обнаружил Сент-Джона мертвым и вызвал квесторов.

— Так оно и было,— сказал Марк.— Она впустила его, а он убил Сент-Джона.

«У тебя нет доказательств. Это все догадки, Марк. Где орудие убийства? Где свидетели? Сент-Джон мог быть убит кем-нибудь другим до того, как Нойес пришел сюда. Может, это был выстрел капсулой с ядом через окно, или еще как-нибудь».

— Этого достаточно, чтобы провести ментоскопирование, Пол. А оно покажет виновность Нойеса. Я хочу, чтобы его ментоскопировали до того, как ментоскопируют меня и обнаружат во мне тебя.

«Ты можешь поговорить с Еленой»,— предложил Пол.

Елена не ответила, когда он позвонил ей на квартиру. Она даже не оставила номера, по которому ее можно было бы найти. Марк позвонил по внутреннему номеру, надеясь, что она оставила свои координаты для узкого круга друзей, но там тоже ничего не оказалось. Где она была? Елена никогда раньше не уезжала, не предупредив его. А она, несомненно, знала, что сегодня он вернется в Нью-Йорк.

Затем он позвонил Сантоликвидо. До него, как обычно, было очень трудно дозвониться. Когда Сантоликвидо появился на экране, его растерянное выражение ясно говорило о том, что он уже слышал о случившемся.

— Где ты был, Марк?

— Я уезжал по делам, а когда вернулся... Сент-Джон...

— Я знаю. Квесторы мне сообщили.

— Что же это такое, Фрэнк?

— Не имею понятия. Конечно, у меня есть предположения...

— Какие?

— Не бери в голову,— сказал Сантоликвидо.— Они пока не обоснованы. Главное то, что твой дядя опять не имеет тела и нам придется начать все сначала.

В глубине души Марк чувствовал удовлетворение от того, что Пол, все же, имеет тело. Он ощутил внутри себя усмешку старика.

— Ты считаешь, что Родитис возобновляет свои претензии?— спросил он Сантоликвидо.

— Почему бы нет? Доступ к личности снова открыт.

— Теперь ты не сможешь отказать ему?

Сантоликвидо кивнул.

— Пока, во всяком случае.

— Послушай, Фрэнк, окажи мне последнюю услугу. Придержи его. Всего на несколько дней. Я не могу сейчас этого объяснить, но я считаю, что преждевременно передавать Пола Родитису прямо сейчас. Ты подождешь хотя бы решения квестората?

— Хорошо, я сделаю это,— согласился Сантоликвидо.

— Прекрасно.— Марк сделал паузу, а затем с нарочитой небрежностью спросил:— Ты случайно не видел Елену?

— Случайно?— точно таким же тоном ответил ему Сантоликвидо.— Я обедал с ней вчера вечером. Тебя это устраивает?

— Я имею в виду сегодня.

— Нет. Я последний раз видел ее вчера. Ты звонил ей домой?

— Конечно,— сказал Марк.— Я полагаю, она отправилась в небольшое путешествие. Думаю, что скоро получу о ней известия.

— Итак, операция прошла успешно, и ты снова здесь, Чарльз,— сказал Родитис.— Разве это было трудно?

Кравченко старательно удерживал на лице тупое, идиотское выражение благодушия, которое он считал обыденным выражением Чарльза Нойеса. Здесь, в штаб-квартире Родитиса в Индиане, он чувствовал себя не в своей тарелке. Это было его первым испытанием на прочность. Если он не сможет одурачить Родитиса, то прекратит свое существование не позже, чем сегодня вечером.

— Джон, я не могу сказать, что мне было легко,— тщательно проговорил он.— Но все прошло легче, чем я ожидал.

— Ну, а теперь у тебя уберут все твои вчерашние воспоминания, вставят фальшивые, и ты будешь в полной безопасности. Как?

— Хорошо, Джон.

— Не хочешь немного позаниматься сначала? Вернуть себе форму?

— Я думаю, лучше сначала удалить воспоминания,— сказал Кравченко.— У меня в голове такое, от чего мне побыстрее хотелось бы избавиться.

Родитис кивнул.

— Хорошо. Иди за мной.

Кравченко последовал за плотным маленьким финансис-

том по лабиринтам здания. Ему не хотелось жертвовать даже частью своего сознания, но, пока он носил в себе воспоминания об убийстве Мартина Сент-Джона, он подвергал себя серьезному риску. Нойес, за которого он себя выдавал, вполне мог оказаться под подозрением в убийстве. Если его возьмут, проведут поверхностное ментоскопирование и обнаружат улики, дело закончится плохо не только для Нойеса, чья личность будет уничтожена в наказание за это преступление, но и для Кравченко, так как за поверхностным ментоскопированием последует полное ментоскопирование, которое покажет, кто в действительности является владельцем тела. Кравченко полагал, что он может скрыть свое существование как зомби при поверхностном ментоскопировании, когда производится поиск лишь доказательств преступления. Но если копнуть глубже, ему придет конец. Единственный способ избежать этого — удалить воспоминания о событиях прошлой ночи.

Техники уже подготовили свою аппаратуру. Кравченко настороженно смотрел на нее. Удаление воспоминаний являлось процессом, противоположным трансплантации. Вместо записи информации на восприимчивые ткани мозга, ее удаляли. Вместо мнемонических препаратов, улучшающих восприимчивость, используют препараты, снижающие восприимчивость отдельных участков памяти. Кравченко не любил все это копанье в мозгах, но понимал необходимость процедуры.

— Вы не могли бы прилечь вот здесь? — сказал техник.

Кравченко ждал. Ему уже ввели нужные препараты. На голове закрепили электроды. Сняли карту электромагнитных излучений его мозга. Вокруг бесшумно сновали техники, а у самой двери стоял Родитис.

— Теперь готово, — сказал кто-то.

На его голову надели шлем.

— Ни о чем не беспокойся, Чарльз, — слышался уверенный голос Родитиса. — Все пройдет очень быстро.

— Начали, — сказал техник.

Кравченко напрягся, представляя, как на аппаратуре загораются лампочки, нажимаются кнопки. Он ничего не мог видеть. Его напичканный препаратами мозг затуманился. Вдруг он ощутил что-то похожее на колоссальный взрыв, и в тот же миг у него в голове вспыхнул невыносимо сильный свет. Ему показалось, что голова распадается на части. Его поглотил хаос.

Он был смыт сильнейшим потоком... вниз, вниз, вниз... без контроля... без всякой защиты. В своих последних мыслях он спрашивал себя, как это могло случиться, ведь удаление воспоминаний — обычная процедура? Затем его накрыла абсолютная темнота.

Елена подумала, что настал ее час. Джим, внизу, проходил процедуру удаления воспоминаний. Потом он будет несколько часов отдыхать. А у нее появилась возможность добавить к своей коллекции Родитиса.

Ей не хотелось говорить Джиму, что одной из причин, побудивших ее поехать с ним в Ивансвилл, была попытка соблазнить Джона Родитиса. Кравченко, только что вернувшийся к полноценному существованию, вряд ли обрадуется, узнав, что он будет отнюдь не единственным мужчиной в ее жизни. Она страстно любила его, но в то же время хотела Родитиса. Двумя часами раньше, когда она и Кравченко появились здесь, Елена встретила с Родитисом впервые. Они обменялись не более, чем десятком слов, Родитис почти не обратил на нее внимания. Он был слишком занят событиями, сопровождавшими убийство Сент-Джона, что было вполне естественно. Но она успела разглядеть его. Это мускулистое, сильное тело было создано для физического удовольствия, а сила этого человека сразу бросалась в глаза. Для Елены, ценительницы сильных мужчин, Родитис казался идеальной смесью грубой силы и тонкой интуиции. Сантоликидо, Марк Кауфман и прочие наскучили ей, Кравченко, вернувшись в мир, обещал некоторое удовольствие, но он был слаб телом. Она стремилась к новым приключениям. С Родитисом.

— Вы меня всегда интересовали, — сказала она. — Странно, что мы не встречались раньше.

— Я просто не вращаюсь в кругах вашего высшего общества. — Родитис казался равнодушным, даже скучающим.

— А вам бы не мешало. Мы вовсе не такие буки. Вы сильный человек, с деловой хваткой, можете внести в наше общество свежую струю. — Она незаметно подошла ближе. Елена пожалела о том, что не одета в соответствии со своей целью. Она прилетела в Ивансвилл в повседневном костюме, а здесь у нее не было времени переодеться во что-нибудь более облегающее и открытое. В этом костюме она чувствовала себя закованной в латы. Но все же она ощу-

щала, что может преодолеть это препятствие.

— Я противник снобизма, мисс Вольтерра,— сказал Родитис.— Я богатый человек, но увы, не плэйбой. Мои ценности не совпадают с вашими. Каждый мой день занят работой.

— Вы должны позволять себе наслаждаться результатами вашей работы,— мягко сказала Елена. Она уже стояла рядом с ним возле стола и разглядывала звуковую скульптуру.— Как красиво! — Она потянулась вперед, чтобы потрогать скульптуру рукой, и ее грудь коснулась локтя Родитиса.

Нарушив этикет, он отодвинулся в сторону.

Елена закусил губу. Она бросила на него кокетливый взгляд, затем спросила о скульптуре и узнав, что та создана одной из его личностей, приняла чувствительную, почти пародийную позу восхищения. Родитиса это не трогало.

Что с ним? — подумала Елена.

Ее наступление стало более непосредственным. Она делала ему комплименты, рассказала, какое огромное впечатление произвела на нее встреча с ним, подошла к нему вплотную и засыпала похвалами. Чтобы было совсем понятно, чего она хочет, ей оставалось лишь раздеться, лечь на ковер и расставить ноги. Но чем больше она старалась, тем более резким и недоступным становился он.

Это было что-то необъяснимое. Елена чувствовала, что ей отказывают, чего раньше с ней никогда не случалось и она не могла понять почему. Она знала, что Родитис не женат, гетеросексуален, открыт... Почему же тогда?

К черту,— решила про себя Елена и бросилась в его объятия. Ее груди уперлись в его тело. Тяжело дыша, она настойчиво искала его губы, в то время как ее руки впились в его мускулистую спину. Она была настолько обозлена, что уже не чувствовала никакого желания, но в своей фальшивой страсти она решила повалить Родитиса на пол. Елена думала, что он овладеет ею как дикий зверь, и тогда она покажет ему свои способности, но он положил руки ей на грудь. Не для ласки, а для того чтобы оттолкнуть ее. Вырвавшись из ее объятий, Родитис поправил на себе одежду. Он выглядел немного помятым, но в глазах был стальной блеск. Затем он холодно сказал:

— Это не публичный дом, мисс Вольтерра. Это рабочий кабинет. И у меня нет настроения бороться с вами.

Она смачно выругалась по-итальянски. Затем, войдя

во вкус, выругалась по-гречески, но и это не вызвало у него никаких эмоций. Не веря своим глазам, она увидела, как он вызвал робота-секретаря и проинструктировал его, чтобы тот показал мисс Вольтерра ее комнату.

— Собака! — закричала она. — Евнух!

Родитис со злостью посмотрел на закрывшуюся за ней дверь, ударил кулаком по своей ладони и включил вентиляцию, чтобы очистить комнату от ее духов. Черт подери! Он с трудом мог поверить в то, что произошло: в ее грубость и напористость. С самого начала он понимал, зачем она приехала сюда, прицепившись к Нойесу. Все эти взгляды и виляния бедрами при первой встрече не остались незамеченными. И сейчас, в его офисе, эти подмигивания и более грубые намеки, наконец, ее отчаянное нападение — он не ожидал, что знаменитая Елена Вольтерра настолько безнравственна.

Если, конечно, — подумал он, — она не видела в нем человека, которого можно очаровать таким вот способом. Этот эпизод расстроил его. Она была симпатичной женщиной, да. Без сомнения, доставила бы ему немало удовольствия в постели. Но у Родитиса было столько симпатичных женщин, что хватило бы на века. А эту он не стал бы трогать, даже если бы она обладала красотой Троянской Елены. Он не хотел ссориться с Марком. Когда его дядя окажется у Родитиса в голове, он планировал заключить с Марком перемирие, а это было бы трудно сделать, если бы на сцене маячила Елена.

Родитис понимал, что в лице Елены он только что приобрел кровного врага. Но и это можно было использовать. Ведь что такое Елена? Потаскуха, сплетница, искательница сильных покровителей, средоточие плотских грехов и ненасытных амбиций, конструкция из грудей, ягодич, бедер и влагалища. Марк Кауфман, который обладал реальной силой, не мог причинить ему вреда, а что может сделать Елена? Она может лишь помочь созданию союза — Родитис — Кауфман. Если она расскажет Марку о нанесенном ей «оскорблении», то Марк поймет, что Джон Родитис не собирается подбирать все, что лежит у него на пути. А это может стать ключом к альянсу Родитис — Кауфман, который открывал для него новые горизонты.

Пусть побесится, — подумал он. — На самом деле, она не может причинить мне никакого вреда. Никакого!

Нойес, оказавшийся на задворках сознания Кравченко, был удивлен, обнаружив, что к нему проникает свет. Внезапная вспышка наверху подсказала ему, что крышка, которой он был закрыт, приоткрылась. Он пошевелился. Проверив свои силы, он понял, что вполне может освободиться.

Что случилось? Почему Кравченко потерял контроль?

Нойес не знал, как долго он пробыл пленником Кравченко. Никакие внешние чувства не были ему доступны. Он был полностью отрезан от мира и считал, что в конце концов Кравченко найдет и уничтожит его. Вначале он потерял свои моторные функции, затем основные мозговые центры и, наконец, все остальное, позволив зомби остаться полновластным хозяином тела. Нойес покорно ожидал решения своей участи. Теперь же он не мог понять, что случилось, но заметил, что хватка Кравченко ослабела.

Нойес выбрался из своего заточения и вновь заполнил собой каждую извилину мозга. Затем он встретил Кравченко. Его личность казалась оглушенной и беззащитной, как бы потерявшейся в тумане. Нойес с легкостью перехватил у него моторные функции и органы чувств.

Он открыл глаза и обнаружил, что лежит на лабораторном столе, что к его голове и груди приклеена какая-то аппаратура, а вокруг суетятся техники.

— Он приходит в себя,— сказал один из них. Нойес подумал, что находится в банке душ, но затем узнал место: дом Родитиса в Индиане.— У вас растерянный вид, мистер Нойес,— сказал техник.— Все в порядке?

— Я... ну, более менее,— ответил он.

Он сел. Ему было не трудно управлять своим телом и это его взбодрило. Значит, с того момента, как Кравченко завладел им, прошло не так много времени. Он решил, что прошел лишь один день после убийства Сент-Джона. Согласно плану, он должен был вернуться в Ивансвилл, чтобы уничтожить все воспоминания о преступлении. Вероятно, это как раз и происходило в лаборатории.

Но если у меня убрали воспоминания, удивился Нойес, почему же я все еще помню об убийстве?

Он решил, что будет действовать осторожно, пока не выяснит обстановку. Происходило что-то странное, и он должен был быть осторожным, чтобы не повредить своему положению.

В комнату с мрачным выражением лица вошел Родитис.

Увидев Нойеса, он улыбнулся и сказал:

— Ну, Чарльз, как дела?

— Хорошо,— ответил Нойес.— Немного звенит в ушах.

— Говорят, от этого бывает что-то типа похмелья.— Родитис отпустил техников взмахом руки. Его лицо снова стало серьезным.— Ты слышал новости, Чарльз? Прошлой ночью в Нью-Йорке убит Мартин Сент-Джон!

Значит, его проверяли, насколько хорошо стерты воспоминания.

— Сент-Джон?— сказал Нойес.— Сент-Джон? Я не уверен, что знаю такого.

— Англичанин. Ему была трансплантирована личность Пола Кауфмана. Ты не помнишь?

— Не припоминаю. Убит, ты говоришь? У квесторов есть какие-нибудь предположения?

— Сомневаюсь,— ответил Родитис.— Бедные квесторы всегда на три шага отстают от преступников. Сейчас так трудно блюсти закон, когда все воспоминания убийцы о совершенном преступлении могут быть удалены. Кстати, Чарльз, где ты провел эту ночь?

Нойес был застигнут врасплох. Отчаянно импровизируя, он сказал:

— Если тебе хочется знать, Джон, то я был с женщиной. Если хочешь, я могу тебе рассказать подробно, но джентльмены не должны...

— Да, джентльмены не должны,— усмехнулся Родитис.— Она пылкая женщина, не так ли? Я имею в виду Елену.— Он хлопнул Нойеса по спине.— Она там, в городе. Я хочу, чтобы ты отвез ее обратно в Нью-Йорк. Прямо сейчас, Чарльз.

— Как скажешь.

— А сейчас извини, мне надо заниматься гимнастикой.

Родитис вышел. Нойес, почувствовав некоторое облегчение, стал рассказывать по комнате, пытаясь понять, что же произошло. Он убил Сент-Джона, а затем Кравченко с Еленой объединились, чтобы захватить контроль над его телом. Нойес поежился при этом воспоминании. Затем, зомби-Кравченко и Елена прилетели сюда, причем Кравченко, очевидно, выдавал себя за Нойеса. Наверное, так и было,— решил Нойес. Родитис, конечно, хотел удалить воспоминания о преступлении из головы Нойеса. Но операция сорвалась.

Нойесу казалось, что он понимает почему. Удаление воспоминаний было довольно простой операцией, но только в том случае, если не вмешивались какие-то посторонние факторы. Несомненно, машина была настроена на электромагнитные волны Нойеса и пыталась удалить воспоминания у личности Нойеса, не предполагая при этом, что имеет дело с разумом Джима Кравченко. Несовпадение электромагнитных волн Нойеса с сознанием Кравченко повергло зомби в шок, позволив Нойесу восстановить контроль над телом. Но воспоминания у Нойеса сохранились, так как он в момент удаления находился глубоко в подсознании, вне пределов досягаемости приборов.

Итак, я — убийца с неудаленными воспоминаниями, — решил Нойес, — я взял верх над своим собственным зомби, и Родитис послал меня с Еленой обратно в Нью-Йорк. Что же мне теперь делать? Да помогут мне все Будды мира, но что же мне делать?

В пятницу Марк Кауфман провел большую часть полуденных часов, разгадывая двойную загадку об убийстве Сент-Джона и исчезновении Елены. Он имел доступ почти к любой информации, которую получали лишь следователи квестората. Мир был наполнен сканерами, мониторами и другими записывающими устройствами, следящими за различными людьми, и, имея достаточное влияние и некоторое везение, можно было использовать этот океан данных для собственных целей. Отнюдь не вся эта информация была полезной, но Кауфман отбрасывал лишнее в поисках нужных ему эпизодов. Он обладал способностью быстро извлекать нужную ему информацию из огромного количества разрозненных фактов. А теперь он имел еще и преимущество опыта и практической оценки ситуации своего дяди, который в свое время также немало поднаторел в решении подобных задач.

Марк уже знал, что Нойес приехал из Ивансвилла и позвонил Елене за несколько часов до убийства Мартина Сент-Джона. Сейчас они оба исчезли, но это был не тот мир, в котором кто-либо мог исчезнуть надолго. Проверая банки данных транспортных терминалов, Марк сумел установить, что в час дня Нойес вылетел в Ивансвилл. Более детальное изучение списка пассажиров этого рейса показало, что Елена была с ним.

«Она поддерживала связь с Родитисом в прошлом?»

— Нет, никогда,— ответил Марк.— Они даже ни разу не встречались.

«Ты уверен?»

— Абсолютно. Возможно, все это подстроил для нее Нойес.

Его удивляла такая интрига. Он знал о том, что Елена восхищалась Родитисом, и о ее желании встретиться с ним. И вот... Она приводит Нойеса в квартиру, в которой находится Мартин Сент-Джон. Сент-Джон таинственным образом погибает. А затем Нойес везет ее в Ивансвилл, возможно, на встречу с Родитисом. Это очень походило на сделку.

«Установи немедленно слежку за Еленой»,— посоветовал Пол,— «подключи людей в Ивансвилле. Возьми ее, привези сюда и допроси, пока она еще чего-нибудь не натворила».

— Я уже занимаюсь этим,— сказал Марк.

За несколько минут он установил слежку не только за Еленой, но и за Нойесом. Как только они выйдут от Родитиса, то окажутся под наблюдением и в подходящий момент будут взяты под арест. Елена никогда раньше не совершала такого предательства, но Марк знал ее способности. Он представил себе заговор, включающий Нойеса, Родитиса, Елену и, возможно, даже Сантоликидо, согласно которому личность Пола быстро высвобождается из беззащитного тела Сент-Джона и так же быстро трансплантируется Джону Родитису.

Зазвонил телефон. Он включил экран и обнаружил, что звонит Риза, к его удивлению, не из Европы, а из Нью-Йоркского аэропорта.

— Ты же сказала, что вернешься на следующей неделе,— сказал он.

— Менять свое решение на ходу — это привилегия женщины. Мне там надоело. Я соскучилась по тебе. Меня ждет вертолет, и я возвращаюсь домой.

— Отлично, Риза.

Она как-то странно посмотрела на него.

— Марк? Что-то случилось?

— Почему ты так решила?

— Ты не в настроении. У тебя какое-то странное выражение лица.

— Сегодня тяжелый день, любовь моя. Слишком тяжелый, чтобы объяснить все сейчас. Я расскажу тебе обо всем, когда ты приедешь.

Марк был рад приезду Ризы. В такое время, когда очень быстро происходили самые неожиданные события, было бы лучше держать ее подле себя. В такие времена очень зависишь от семьи. Пол внутри него... Риза рядом с ним...

Он улыбнулся. Это было косвенным признанием того, что Риза за несколько недель пересекла границу детства и стала женщиной. О ребенке не думают как о потенциальном союзнике. Но она показала ему свои силы, добившись сперва трансплантации, а затем обнаружив убийцу Тенди. Теперь ему придется свыкнуться с мыслью, что она уже не ребенок. Она была женщиной, женщиной из семьи Кауфманов, и он хотел видеть ее подле себя.

Она приехала быстрее, чем он ожидал. Ее европейские приключения, казалось, сделали ее более взрослой. А может, в этом была виновата ее новая личность. Она была такой же стройной, похожей на мальчика девушкой, которая недавно так неожиданно уехала в Стокгольм, но черты лица немного изменились: ее губы, взгляд...

Пол был удивлен.

«Это Риза?» — спросил он, когда она вошла: «Твоя дочка? Марк, сколько лет прошло с тех пор, как я умер?»

— Ты не видел ее около года, — тихо ответил ему Марк. — Для нее это был серьезный год.

«Она впечатляет. В ней чувствуется нужная жилка. Она, без сомнения, Кауфман».

Двигаясь плавно и грациозно, в стиле, который она, несомненно, позаимствовала у Тенди Кашинг, Риза подошла к отцу, обняла его и поцеловала в губы. Затем, отступив назад, она внимательно посмотрела на него.

— Ты изменился, — сказала она.

— Я только что хотел сказать то же самое о тебе.

— Я знаю, что я изменилась, Марк. Со мной теперь Тенди. Но ты... ты тоже изменился!

— Как?

— Не знаю, — сказала она. — Твои глаза... вся твоя поза...

— Я же говорил, Риза, сегодня ужасный день. Я устал. Она покачала головой.

— Это не усталость. Усталость подчеркивает недостатки, а у тебя появилось нечто новое. Ты стал выше. Знаешь, ты похож на дядю Пола, непохожи только лицо и волосы. Но ты держишься прямо как он.

Марк слабо улыбнулся:

— Наверное, гены Кауфманов берут верх.

— Я серьезно, Марк. У тебя было что-то типа трансплантации, пока я была за океаном?

— Конечно,— сказал он.— Я подкупил Сантоликвидо, и он отдал мне дядю Пола.— Лучше отшутиться, подумал Марк, и тем самым не дать ей докопаться до правды.

— Правда, Марк. Ты сделал трансплантацию, не так ли? Может, ты получил не дядю Пола, а кого-то еще. Я уверена в этом.

— Извини, дорогая. Я не хочу разрушать твою веру в собственную женскую интуицию, но это вовсе не так. То, что ты видишь во мне — всего лишь нервная реакция до смерти усталого человека.

Зазвонил телефон.

— Прости меня, ладно?

Отойдя от нее, Марк прошел мимо зеркала, взглянув мимоходом на свое отражение.

Да,— подумал он.— Она права. Я изменился. Я не заметил этого, но она давно не видела меня.

Эффект был удивительный: как будто черты лица Пола наложили на его собственные. В мышцах лица чувствовалось напряжение, очевидно, вызванное этими изменениями. Если Пол вошел в него столь глубоко, предпримет ли он попытку стать зомби? Ведь Пол, кроме всего прочего, был хитрой бестией. Его готовность к сотрудничеству могла оказаться лишь подготовкой к убийству. Кроме того, его не радовала точность предположений Ризы. Она, конечно, была догадливой девушкой, но неужели было так хорошо видно, что он располагает личностью Пола? Если догадалась она, то догадаются ли другие? Если все выплывет наружу — он погиб.

Марк включил экран телефона.

— Да?

— Мисс Вольтерра возвращается в Нью-Йорк,— раздался невыразительный механический голос.— Она вылетела из Ивансвилла двадцать минут назад.

— Она под наблюдением?

— Да, сэр.

— А Нойес?

— Он с ней. Похоже, у них произошла ссора. Он выглядит расстроенным. А таких разозленных женщин, как она, я еще не встречал.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Риза вернулась в свою квартиру, которая располагалась на этаже выше квартиры отца, распаковала чемоданы, переоделась и спустилась вниз. Она никогда раньше не видела Марка в таком состоянии. Обычно, какой бы серьезный кризис он не переживал, он оставался на удивление спокойным. Значит, сейчас произошло что-то экстраординарное. Кроме того, ее поразили вид Марка. Сорокалетний мужчина не может так изменить черты своего лица всего за одну неделю, если, конечно, не произошло каких-либо глобальных изменений. Например, он мог взять себе новую личность, хотя и отрицает это. Тогда откуда этот новый блеск в его глазах, этот необъяснимый магнетизм, так напоминающий дядю Пола? Он в шутку сказал ей, что подкупил Сантоликвидо и получил личность Пола. Без сомнения, подкупить Сантоликвидо было нельзя, но ведь можно было устроить все иначе. Риза знала тактику своего отца возможно даже лучше, чем он предполагал. Она уже замечала за ним, что он мог придумать самое абсурдное решение проблемы, лишь бы убедить собеседника в том, что такого решения не существует, даже если оно лежит на поверхности.

Чем больше она думала об этом, тем уверенней становилась в том, что он каким-то образом получил нелегальный трансплантат. Только это могло объяснить произошедшие в нем изменения. Риза хорошо знала, что трансплантация приводит к подобным изменениям, она видела их и в себе после трансплантации личности Тенди. Она стала мягче, более женственной, сменила панибратскую манеру общения на легкое женское кокетство. Все это она относилась на счет Тенди. В квартире отца Риза с удивлением выслушала историю об убийстве Мартина Сент-Джона.

— Понимаешь, ты помогла Сантоликвидо решить его проблему, — сказал ей Марк. Его рука постукивала по колену в манере, очень напоминающей привычку старика. — Выследив зомби, ты дала в руки Сантоликвидо пустое тело в самый подходящий момент, и он вставил в него Пола.

— Ты не мог его остановить?

— Мне это было не нужно, Риза. Я не мог держать Пола в банке душ вечно, я должен был кому-нибудь отдать его. Я посчитал, что Сент-Джон — это лучше, чем Родитис.

— Согласна. Но убийство...

— Это случилось ночью. Как я представляю, Родитис послал своего неудачника — Нойеса к Елене. Она же не только рассказала ему, где находится Сент-Джон, но и привела его сюда. Нойес дал Сент-Джону редкий яд. Утром он и Елена вылетели в один из филиалов фирмы Родитиса. Сейчас они возвращаются.

— Я никогда не доверяла этой стерве, Марк.

Он засмеялся.

— Я знаю. Я приписывал это ужасным комплексам твоего переходного возраста.

— А это так и было. Только они не были настолько ужасны, чтобы ставить под сомнение любое мое суждение. Елена тебе не пара, и я пыталась убедить тебя в этом с самого начала. Но, по крайней мере, она не сделала ничего плохого тебе. Ты ничего не теряешь из-за убийства Сент-Джона.

— Потеряю,— сказал он.— Если Родитис вновь потребует дядю Пола и получит его.

— Но если он является участником заговора, то его самого подвергнут удалению!

— Это надо еще доказать.

— Ты, похоже, просчитал все,— сказала Риза.

Марк кивнул.

— Для своего собственного удовольствия, а не для квестората. Я должен заставить Елену признаться в соучастии в убийстве. Это позволит квесторам потребовать ментоскопирование Нойеса. Если Нойес будет ментоскопирован и нити потянутся к Родитису, то тогда мы выиграем. Может быть. Но это скользкий путь.

— На месте Родитиса,— осторожно сказала Риза,— я бы удалила воспоминания у Нойеса и у Елены. Это остановило бы следствие.

— Я полагаю, что он так и сделал. Они все утро провели у него в Индиане, а сейчас находятся в пути, и их мозги, по всей вероятности, начисто освобождены от вчерашних приключений.— Он сжал кулаки, и лицо его приняло гневное и решительное выражение, чрезвычайно похожее на выражение Пола.— Что бы ни случилось, Родитис не получит Пола! Может быть он и выиграл этот раунд, но личность Пола ему не достанется. Чего бы мне это не стоило.

Риза была потрясена такой реакцией отца. Она не понимала, почему он так беспокоится из-за этого убийства, хотя оно было и обидным, и досадным. Он явно переоценивал

обстановку. Да, Елена предала его. Да, Родитис снова может получить дядю Пола после того, как Сент-Джон — ее обладатель, был убит. Но это лишь означает, что раскладка сил останется прежней, как и несколько дней назад. К чему вся эта суматоха и напряженность? Он так заработался, что воспринял ее всерьез, чего он не делал никогда раньше. Риза была приятно удивлена этим. Совсем не так давно, на пляже, он холодно приказал ей пойти и поиграть, показав тем самым, что эти вещи ее не касаются. В нем произошли такие сильные изменения, что это было подозрительно.

О чем он беспокоится? Боится, что следствие по делу Сент-Джона обернется против него? Что он будет ментоскопирован квесторами? Что они смогут обнаружить что-то, что он очень хотел бы скрыть...? Например, присутствие в его голове нелегальной личности Пола Кауфмана? Похоже было, что это так, подумала Риза.

Марк извинился и снова снял телефонную трубку. Риза бродила по комнате, оценивая сложность ситуации. Скорее всего, ее отец не мог обладать личностью Пола Кауфмана. Ведь она была трансплантирована в тело Мартина Сент-Джона. Следовательно, она не могла в то же самое время быть трансплантирована Марку. Для недопущения этого существуют жесткие правила, подумала Риза. Запись помещается в специальный сейф, пока не понадобится снова, если это вообще когда-нибудь произойдет. В обычных случаях, если личность подсадили к какому-то человеку, после его смерти она вместе с личностью своего хозяина уже как вторичная попадала к новому хозяину. Таким образом, запись больше не требовалась. Но она продолжала храниться в кладовых. А что если более ранние записи тоже не уничтожаются, а лежат в специальных хранилищах?

Риза сообразила, что нащупала брешь в строгих правилах Института Шеффлинга. Она начала понимать, что именно это помогло отцу получить незаконную копию и провести трансплантацию личности дяди Пола.

«Потише», — предупредила ее Тенди. — «А то ты свихнешься от этих мыслей».

Риза решила немного отвлечься от тяжелых размышлений. Заметив на столе книгу в зеленом переплете, она легко взяла ее в руки и с некоторым удивлением обнаружила, что это был Бардо Тедол «Тибетская книга мертвых», культовая книга новой религии, которая была распространена

к востоку от Калифорнии. Она не знала, что у отца была эта книга. Копия выглядела совершенно новой. Нажав на кнопку, она пролистала страницы, удивляясь, как люди могли заниматься такими глупостями только из-за того, что вторая жизнь стала реальностью. Откопать какую-то забытую ветвь древнего буддизма, не имеющую абсолютно никакого отношения к процессу Шеффлинга, и убивать время, энергию и деньги на ее изучение...

«От Восточных Границ Лучезарной Страны Счастья», — прочла она на экране, — «Будда Вайра-Саттва, божественный Отец-и-Мать, с прислуживающими ему богами, выйдет, чтобы осветить тебя. С Южных Границ, овеянный славой, Будда Ратна-Самбхава, божественный Отец-и-Мать, с прислуживающими ему богами, выйдет, чтобы осветить тебя. С Западных Границ Страны Цветущего Лотоса, Будда Ами-табха, божественный Отец-и-Мать, с прислуживающими ему богами, выйдет, чтобы осветить тебя. С Северных Границ Страны Праведных Дел, Будда Атогха-Сиддхи, божественный Отец-и-Мать, с прислуживающими ему богами, в лучах радужного света выйдет, чтобы осветить тебя в то же самое время».

Ее отец вернулся в комнату. Риза протянула ему книгу и спросила:

— Марк, что это?

— Когда я был на побережье, я посетил большой ламаистский монастырь в Сан-Франциско. Они мне подарили это как сувенир. — Он отшвырнул книгу в сторону. — В аэропорту взяли Елену и Нойеса. Елена говорит, что ехала ко мне. Она будет здесь через несколько минут.

— А Нойес?

— Его привезут сюда под конвоем. Я хочу, чтобы его подержали отдельно от Елены, пока я не выслушаю ее объяснения. Я распорядился, чтобы его поместили наверху, в твоей квартире. Хорошо?

— Да, но куда деваться мне?

— Оставайся со мной, — сказал Марк. — Мне понадобится твоя помощь. — Он дал ей небольшой диктофон. — Запиши каждое слово нашей беседы, но так, чтобы Елена не заметила этого. Кроме того, будь готова к тому, что она попытается атаковать. Я проверю ее на наличие скрытого оружия еще до того, как она войдет сюда, но у нее останутся ее ногти.

Риза задрожала от радости, получив от отца такие распоряжения.

— Ты и впрямь надеешься узнать что-нибудь от Елены или от Нойеса после того, как они побывали у Родитиса? Он мог удалить их воспоминания,— сказала она.

— Не знаю. Конечно, он не настолько глуп, чтобы отпустить их с воспоминаниями. Но большие люди иногда ошибаются в мелочах.— У двери зажегся сигнал.— Елена здесь.

Он распорядился, и она вошла без охраны, которая арестовала ее в аэропорту и доставила сюда. Риза была удивлена яростью, которая сквозила в ее глазах. Елена, казалось, кипела от гнева. Она была одета в то, что считала своим простым походным костюмом, и вошла в комнату энергичной походкой, весьма далекой от ее обычного ленивого скольжения.

— Марк! О, Марк, я так много должна рассказать тебе!— воскликнула она.

— Я думаю,— сказал Марк. Он мельком взглянул на Ризу, которая спокойно включила диктофон и кивнула ему. Елена тоже взглянула на нее.

— Я хочу говорить наедине,— сказала она.

— Ты можешь говорить при Ризе. Она в курсе событий. Во всяком случае, она знает об этом столько же, сколько и я. Но ты должна знать гораздо больше.

Краска проступила на щеках Елены. Ей явно было не по себе в присутствии Ризы. Последовала перестрелка взглядами.

— Я хочу знать, Елена, что произошло в четверг в этой квартире,— сказал Марк.

Елена, едва сдерживая гнев, расхаживала по комнате.

— Что происходило днем, я не знаю. Мартин Сент-Джон был здесь, в спальне для гостей, и за ним присматривали слуги-роботы.

— Да. А дальше?

— Ко мне пришел Чарльз Нойес. Он сказал, что у него к Сент-Джону очень важное и срочное дело. Он так упрашивал и умолял меня, что я согласилась привести его сюда.

— Это была очень большая ошибка, Елена.

— Я знаю, Марк. Но я привела его. Вместе мы прошли в комнату Сент-Джона.

— Ты видела Сент-Джона? В каком он был состоянии?

— Он был жив,— сказала Елена.— Выглядел усталым, но держался хорошо. Твой дядя из всех сил старался установить контроль над телом. Нойес попросил меня

оставить его на несколько минут наедине с Сент-Джоном. Я вышла. Вскоре Нойес вышел из комнаты. Сент-Джон кричал. У него были какие-то страшные судороги. Нойес ушел из квартиры, а Сент-Джон вскоре умер.

— Можешь ли ты сказать, что его убил Нойес?

— Вполне может быть,— ответила Елена.

— Как Нойес объяснил то, что произошло?

— Он сказал, что у Сент-Джона начался какой-то приступ.

— Ты сообщила в квесторат?— спросил Марк.

Елена покачала головой.

— Нет, я пошла домой. Я никому не сообщила.

— Даже мне.

— Даже тебе, Марк.

— Это означает, что ты помогла Нойесу убить Сент-Джона,— сказал Марк.

— Нет,— от гнева у Елены раздулись ноздри.— Я не думала, что он натворит такое! Клянусь тебе, Марк! Моей ошибкой было пускать его сюда, позволить ему остаться наедине с Сент-Джоном, но я вовсе не подозревала, что он собирается убить его!

— Возможно,— сказал Марк.— Но твои действия кажутся по меньшей мере странными. Во-первых, ты пускаешь известного агента Родитиса в мой дом и даешь ему возможность убить моего гостя. Затем ты убегаешь, не сообщив властям. А на следующее утро вылетаешь к Родитису сама. Ты провела сегодня пару часов в Ивансвилле, не так ли, Елена?

— Да,— хрипло сказала она.— Но я никогда не работала на Родитиса. Я не замешана в этом убийстве никак, за исключением того, что совершила глупость, пустив Нойеса в дом. Я согласна на ментоскопирование, чтобы доказать это. Пускай квесторы ищут, что хотят.

— Я сделаю это,— уверил он ее.

— Если бы я помогла убить Сент-Джона, неужели ты думаешь, что Родитис не удалил бы мои воспоминания?

Кауфман обдумал это. Воспоминания Елены явно не пострадали, а это значало, что Родитис не знал о ее участии в этом деле.

— Что же ты там тогда делала?

— Тебе не понравится это, Марк.

— Тем не менее, я слушаю.

— Не при твоей дочери.

— Риза может это слушать.

— То, что я хочу сказать, будет... не совсем приятно тебе,— сказала Елена.— Для тебя же лучше, если никто, кроме тебя, не услышит об этом.

— Я все-таки рискну.

— Хорошо,— сказала Елена.— Я поехала в Ивансвилл, чтобы заняться любовью с Родитисом. Я мечтала о нем многие месяцы. А тут подвернулся удобный случай. Нойес был у меня, и он собирался в Ивансвилл, поэтому я попросила его взять меня с собой. Пока у Нойеса убирали воспоминания, я пошла к Родитису и...

— У Нойеса убирали воспоминания? — стальным голосом спросил Кауфман.

— Конечно. Родитис знал, что подозрения падут на его компаньона. Поэтому у Нойеса убрали воспоминания, чтобы след не привел к Родитису. Так вот, я пошла к Родитису. Но он не обратил на меня внимания. Он пренебрег мной!— Она покраснела, ее грудь высоко вздымалась.— Я подошла к нему совсем близко, и он оттолкнул меня, вот так... Прочь. Все было напрасно. Я унизила себя перед ним, и он прогнал меня прочь.

В комнате воцарилась продолжительная тишина. Риза даже испугалась, что Елена услышит шум мотора диктофона. Но Елена стояла отрешенная и не слышала ничего, кроме стука собственного сердца.

«Ей отказали»,— сказала Тенди.— «Не удивительно, что она так бесится! Она готова рассказать твоему отцу все, что угодно, лишь бы посчитаться с Родитисом».

Риза согласилась. Она не могла сдержать приступа жалости к Елене в момент ее поражения. Быть отвергнутой Родитисом, вернуться сюда и рассказать не только о своей ветрености, но и об этом отказе — как это, должно быть, больно!

Наконец, Марк сказал:

— Значит, у Нойеса удалены воспоминания? Ты уверена в этом?

— Абсолютно. Как свидетель он не принесет тебе пользы. Только я смогу дать показания,— сказала Елена.

Марк покачал головой.

— Ты не видела преступления. У нас уже есть доказательства, что во время убийства в квартире находилась ты и Нойес, но самое большее, что мы можем извлечь из этого, это получить разрешение на ментоскопирование Нойеса,

которое ничего не даст. Мы вряд ли получим у суда разрешение на ментоскопирование Родитиса, опираясь лишь на твои подозрения. Дело зашло в тупик, Елена.

— Нет! Нет! Надо бороться, Марк. Нам всем известно, что за этим убийством стоит Родитис! Подключи своих лучших юристов!

На лице Марка появилась холодная улыбка.

— Ты бы хотела уничтожить Родитиса, не так ли, Елена! Но только за то, что он отказал тебе. Если бы ты переспала с ним, то продала бы меня с потрохами?

— Не гадай, Марк. Я рассказала тебе правду. Ты можешь ненавидеть меня, можешь бросить меня, но не читай мне морали. Хорошо?

— Ладно, Елена. Зайди в эту комнату и подожди. Я хочу побеседовать с Нойесом.

— Он здесь?

— Его держат наверху. Побудь там, пока я буду его допрашивать.

— Ты ничего не добьешься от него. Ничего!

— Прощу тебя,— сказал Марк.

Елена зашла в комнату и закрыла дверь. Риза посмотрела в глаза отцу. Таким усталым она его никогда еще не видела, и странное сходство с Полом стало еще более очевидным. Казалось, что он держится только на внутренних резервах своей воли.

Он поднял трубку и попросил привести Чарльза Нойеса.

Нойес ввалился в комнату, как загнанный зверь. Весь путь из Ивансвилла он притворялся Кравченко из опасения перед Еленой. А между тем, Кравченко вышел из своего шокового состояния и с новой силой начал бороться за контроль над телом после того ощущения свободы, которое он испытал прошлой ночью. Кравченко неистовствовал в голове Нойеса. Одежда Нойеса прилипла к потному телу. Ноги были ватными, глаза нервно металась по сторонам. Он понимал, что попал в ловушку, что все кончено. Елена, в злобе на Родитиса, решила открыть всю правду. И он был пойман врасплох, с полной головой нежелательных воспоминаний, которые, несомненно, погубят его.

Виновен в умышленном убийстве, приговаривается к полному удалению личности.

Может, это и не так плохо. Наконец-то наступит покой. Не будет больше этой надоевшей суеты. Забвение, нирвана.

Перед ним предстал Марк Кауфман. На лице финансиста

было заметно сильное напряжение. Кауфман изменился, Нойес заметил это сразу. Но и его лицо изменилось. Все в этом беспокойном мире течет и изменяется.

Здесь же, рядом, сидела Риза, маленькая, сексуальная шавка. Она тоже изменилась: стала старше, хитрее, заносчивее. Они сожрут меня заживо, подумал Нойес, Елена им все рассказала. Меня предали все. Почему Елена так поступила? Родитис ей отказал? Он что, не мог ублажить ее? Неужели он не видел, что этим развяжет ей язык? Мне нужно было дать ему знать, что именно через нее я вышел на Сент-Джона. Но он отправил меня на удаление воспоминаний, когда мной управлял Кравченко, а тот скрыл от него свою победу. А уже после этого я не мог рассказать, я не успел прийти в себя, растерялся.

— Мне кажется, вы были в этой квартире раньше, мистер Нойес?— сказал Кауфман.

— Ну...

— Недавно. Точнее, прошлой ночью. Не так ли?

— Кто вам сказал об этом?— вызывающе ответил Нойес.

— Вы пришли сюда прошлым вечером в компании Елены Вольгерра,— сказал Кауфман.— По вашему настоянию она пустила вас в комнату Мартина Сент-Джона. Там, наедине с ним, вы ввели ему небольшое, но смертельное количество препарата циклофосфамид-8, после чего Сент-Джон умер в страшных мучениях.

— Нет!— закричал Нойес.— Я не делал этого! Это не так!

— Нам придется проментоскопировать вас.

— Вы не сделаете этого! Вы блефуете!

— Мы имеем надежные доказательства вашей вины, Нойес,— сказал Кауфман.— Они вполне убедительны для того, чтобы квесторат дал разрешение на ментоскопирование вашей памяти, после которого последует приговор об удалении личности. Конечно, если вы дадите добровольные показания и объясните по чьему приказу вы совершили это гнусное преступление, закон может поступить с вами более мягко.

Нойеса трясло. Значит, Елена рассказала им все. Как он и ожидал. Он был в западне.

«Можешь тоже рассказать все начистоту»,— посоветовал Кравченко.

— Я обещаю, что суд учтет ваше добровольное призна-

ние,— сказал Кауфман менее строгим голосом.— Мы понимаем, вы действовали не по собственной воле, когда совершали убийство Мартина Сент-Джона. Если вы сможете привлечь к ответственности того, кто стоит за этим преступлением...

Конечно,— подумал Нойес.— Вот что тебе нужно! Убрать Родитиса! А на меня тебе наплевать так же, как и всем остальным.

Он зашатался. Ему казалось, что он теряет сознание. Мир закружился и начал дробиться на мелкие части. Перед ним вдруг оказалось шесть Марков Кауфманов. Шесть Риз. Его глаза не фокусировались. А затем послышался злобный смех Кравченко, который, нарастая, наконец превратился в триумфальный вопль.

Склянка с карнифагом в кармане, казалось, жгла ему кожу. Выпей его, сказал он себе. Ты давно хотел сделать это, или она нужна тебе только, чтобы жалеть себя? Сейчас подходящий момент. Открой склянку и выпей. Они все равно разделяются с тобой. Он лжет тебе о снисхождении. После ментоскопирования твою личность удалят. По меньшей мере, ты спасешь этим Родитиса. Против него нет явных улик. Родитис — сволочь, но ты многим обязан ему и если ты выпьешь карнифаг до того, как Кауфман вытянет что-либо из тебя, ты спасешь его.

«Ты гораздо глупее, чем я думал, если так беспокоишься о Родитисе в этой ситуации»,— вмешался Кравченко.

Опять личность подслушала его мысли. Когда подобное случилось в последний раз, это было началом его изгнания.

«Приподнеси им Родитиса, как жареного гусака»,— настаивал Кравченко.— «Расскажи Кауфману все. Почему бы и нет? Ты не должен Родитису ничего, кроме платы за свою гибель».

— Нет,— сказал Нойес.— Не буду.

— Не буду что?— спросил Кауфман.

— Мне кажется, он говорит со своей личностью,— сказала Риза.— Посмотри на его лицо! Его индивидуальность трещит по швам!

Нойес издал какой-то булькающий звук. Все началось снова: Кравченко поднимался на поверхность, запуская свои щупальца в его мозги, захватывая рычаги контроля.

— Остановись!— закричал Нойес.— Оставь меня. Я не дам тебе...

Он замолчал, так же неожиданно, как и начал.

— Если вы не возражаете, Кауфман, мы прекратим этот допрос прямо сейчас,— холодно сказал Кравченко.— Я хочу проконсультироваться со своим адвокатом. Я буду отвечать на вопросы квесторов, но не на ваши. Понятно?

— Это другой голос,— сказал Кауфман.— Другая личность. Спокойнее... глаза...

— Простите, пожалуйста,— сказал Кравченко.— Вы привели меня сюда насильно и оплатите за это. Не пытайтесь задержать меня.

Он спокойно пошел к двери.

Риза сорвалась с места.

— Зомби!— закричала она.— Разве вы не видели, человек превратился в зомби прямо у нас на глазах!

Открылась дверь соседней комнаты. Оттуда появилась бледная Елена и протянула ему дрожащую руку. Она совершенно запуталась.

— Джим?— спросила она.— Нойес? Кто ты? Что происходит?

— Спокойно, Елена!— сказал Кравченко.

В этот момент Чарльз Нойес бросился в отчаянную и, как оказалось, успешную контратаку. Вырвавшись из задворков собственного мозга, в которые Кравченко загнал его, он застал зомби врасплох. Завязалась схватка. Кравченко, еще не обретя полного контроля над телом, был устранен от этого контроля и загнан вглубь лишь через несколько секунд после сомнительной победы.

Нойес опустил на корточки.

— Слушайте,— сказал он, выговаривая слова с огромным трудом.— Это опять Нойес. Слышите мой голос? Я сумел с ним справиться. А теперь слушайте. Вы записываете, Кауфман?

— Каждое слово.

— Хорошо. Я был идиотом. Я позволял каждому использовать меня, но не более того. Я принадлежу только себе. Прошлой ночью... Родитис послал меня сюда. Родитис из Родитис Секьюритис. Он приказал убить Сент-Джона, чтобы он мог снова заявить права на личность Пола Кауфмана. Я дал Сент-Джону препарат... цикло... циклофосфамид-8. Я признаю свою вину.

Нойес не мог уже сидеть на корточках и лег на бок. Половина тела была парализована.

— Повторяю: я убил Сент-Джона по приказу Родитиса. Проведите ему ментоскопирование, и все подтвердится.

Окажите мне две маленькие услуги. Не давайте Кравченко новой жизни. Вы видели — он почти стал зомби. Даже стал зомби, но ненадолго. И еще... для меня... тоже никакой новой жизни. Просто забвение. Я хочу сойти с колеса кармы.

«Теперь мне надо прочесть мантру», — подумал Нойес, — и уйти с миром. Ом мани падме хум. Зачем беспокоиться?»

Его рука потянулась к нагрудному карману. Он чувствовал, как Кравченко борется с ним, отчаянно пытается перехватить у него контроль над телом. Но Нойес удерживал его. Координация движений была сильно нарушена, но он еще был способен взять в руку драгоценную склянку с карнифагом, свою постоянную спутницу, свою лучшую подругу.

Он поднес ее ко рту и надкусил... Склянка разбилась, содержимое попало ему в рот.

Марк Кауфман в ужасе наблюдал, как извивается и растворяется на глазах это человеческое существо.

— Карнифаг, — с трудом выдавил он из себя. — Риза... Елена... не смотрите!

Елена выбежала из комнаты. Но Риза смотрела на процесс распада с каким-то мрачным любопытством. Кауфман не мешал ей.

Без сомнения, Нойес был давно мертв. Распад тканей уже охватил поверхность тела, и оно потеряло всякую форму, но продолжало двигаться, дергаться, дрожать на пути к полному исчезновению.

— Почему он признался? — спросила Риза. — Ведь сначала он все отрицал?

— Он показал всем: Родитису, Кравченко, что под конец нашел в себе силы для поступка.

Тело потеряло всякую форму и перестало шевелиться.

— А что это признание может дать? — спросила Риза.

Марк медленно кивнул.

— Голосовая экспертиза докажет, что говорил действительно Нойес. Запись покажет, что он чуть не стал зомби, затем взял верх, рассказал свою историю и покончил с собой. Его истории будет достаточно, чтобы убедить квесторов провести ментоскопирование Родитиса.

— А зачем?

— Его личность удалят, — сказал Кауфман. Почему-то он не ощущал радости от победы. Он еще раз посмотрел на разлитую на полу мерзкую жижу и пошел звонить квесторам.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Был июнь. Начался сезон жары, и даже мощности Контроля Погоды не могли с ней справиться. Многие уехали в более прохладные регионы. Риза оставалась в Нью-Йорке. Суд над Джоном Родитисом закончился, и теперь ей предстояло множество дел.

Родитис был признан виновным. Запись с признаниями Нойеса вынудила квесторат потребовать его ментоскопирования. Адвокаты Родитиса затягивали процесс, основываясь на древнем конституционном принципе презумпции невиновности, но необходимость ментоскопирования была твердо доказана, и Родитис подвергся этой процедуре. После этого его участие в убийстве Мартина Сент-Джона стало неоспоримым.

Тактика защиты изменилась. Теперь адвокаты уверяли, что хотя Родитис и Нойес договорились уничтожить тело Сент-Джона, но от этого никто не пострадал, так как обладателем тела был не Сент-Джон. Единственным владельцем тела была личность Пола Кауфмана, который был официально мертв.

Это был тонкий вопрос, который дал юристам из квестората возможность изрядно поупражняться в вопросах юриспруденции. Для Сантоликидо это был тоже щекотливый вопрос, так как именно он нес ответственность за создание легального зомби. В конце концов, Родитис был признан виновным, хотя формулировка обвинения была заменена с умышленного убийства на антисоциальный поступок первой степени. После признания Родитиса виновным был оглашен следующий приговор:

- 1) снятие гражданства и гражданских привилегий;
- 2) уничтожение всех записей Родитиса в Институте Шеффлинга;
- 3) удаление всех дополнительных личностей Родитиса и их возвращение в банк душ для последующего независимого распределения;
- 4) пять лет исправительной терапии, включая полную переориентацию личности с целью устранения агрессивных наклонностей.

— Ему конец, — сказал Марк Кауфман своей дочери, когда приговор был зачитан. — После терапии от него ничего не останется — он будет вежливым, любезным, у него не будет ни цели, ни предназначения. Приятное ничто. Пустышка вместо человека.

— Мне это кажется потерей,— сказала Риза.— Столько энергии выброшено впустую.

— Он слишком опасен, чтобы оставить его как есть, Риза. Признаю, в нем было величие, но его амбиции не связывал моральный кодекс. У него не было совести.

— А ты? А дядя Пол?

Кауфман пронзительно взглянул на нее: — У нас есть наши семейные традиции. У нас есть чувство долга. Родитис же был диким зверем. Теперь его приручат. Нельзя сравнивать Родитиса с кем-либо из нас, Риза.

У Ризы были свои соображения по этому поводу. Она не хотела злить отца, но ей казалось, что единственное различие между побежденным и уничтоженным Родитисом и победившим Марком Кауфманом заключалось в везении Марка, а долг и честь не имели к этому никакого отношения. Родитис вышел за свои рамки, и Марк уничтожил его. Но методы Марка, хотя они и не включали убийство, были едва ли лучше.

Родитис исчез за крепостными стенами санатория Белл Айл для прохождения исправительной терапии. Больше никто не увидит прежнего Джона Родитиса — человека, наделенного огромной проницательностью и жизненной силой. Через несколько лет, когда Родитис выйдет отсюда, он все еще будет богатым человеком, но превратится в бесцельную, улыбчивую развалину, которая с радостью будет соглашаться с любыми решениями управляющих его бывшей финансовой империи.

«Это большая потеря,— подумала Риза.— Но еще можно кое-что предпринять».

В один из самых жарких июньских дней, вскоре после суда над Джоном Родитисом, Риза посадила свой вертолет на служебную вертолетную площадку Института Шеффлинга. Она быстро пересекла раскаленную полосу железобетона. Было три часа дня, и первая смена техников уже покидала свои рабочие места.

Внутри здания она подошла к первому попавшемуся телефону и попросила вызвать знакомого ей служащего. Через несколько мгновений его лицо появилось на экране.

Он был крайне удивлен.

— Привет, Леонардс. Помнишь меня?

Он был молод, бледен, симпатичен, его черные брови срослись на переносице. Он облизал губы.

— М... мисс, Кауфман?

— Правильно, Леонардс. Пять баллов.

Он подавил смущенную улыбку.

— Что-нибудь случилось? Я могу помочь?

— Нет, ничего не случилось, но ты можешь помочь. Твой рабочий день закончился, не так ли?

— Да.

— Хорошо. Мой вертолет запаркован на служебной площадке «D». Встретимся сейчас и совершим небольшое путешествие.

— Но...

— Я буду ждать, Леонардс!

Он не разочаровал ее. Не осмелился. Выглядя крайне удивленным, он вошел в вертолет и занял место рядом с ней, то, на которое она указала. Вертолет поднялся в воздух и направился на север.

— Ты превосходно сделал мне трансплантацию, Леонардс,— сказала Риза.— Тенди и я просто счастливы вместе.

— Я очень рад, мисс Кауфман. А вы не скажете мне...

— Куда мы летим? Конечно. Мы летим в центр. Ко мне.

Он почти не верил в то, что с ним происходит. Он чувствовал себя неловко и глядел прямо перед собой, не осмеливаясь посмотреть в ее сторону. Он был в ужасе от нее.

Она мягко посадила вертолет на площадку своего дяди. Через несколько минут они вошли в ее квартиру.

— Посмотри вокруг,— сказала Риза.— Здорово, да? Был когда-нибудь в таком месте?

— Н...нет, мисс Кауфман.

— Называй меня Ризой. Чем ты так напуган, Леонардс? Ты взрослый, симпатичный молодой парень, ведь так? Хороший техник, человек с яркой перспективой? Ты женат?

— Да, мисс Кауфман.

— Дети?

— Один ребенок. Мы думаем завести второго после очередного повышения жалования.

— Прекрасно, Леонардс. Я уверена, ты прекрасный семьянин. И рада буду убедиться в твоей мужественности.— Она расстегнула пуговицы и сняла платье, неожиданно представ перед ним совершенно обнаженной. Он задержал

дыхание при виде ее и попятился назад, закрывая рукой глаза.

— Иди сюда, Леонардс,— сказала она хриплым голосом, которому научила ее Тенди.— Ты ведь не боишься. Ты хочешь меня? Признайся. Я у тебя в руках. Ты запомнишь это на всю жизнь. Дочь Кауфмана в твоих руках. Зачем убегать?

— Пожалуйста... Я не понимаю...

Она подошла к нему, положила его руку на свою маленькую грудь, в то время как ее рука опытными движениями исследовала его тело. Леонардс застонал от удовольствия. Затем он затряс головой и попытался оттолкнуть ее, но попытка ему не удалась.

— Я хочу тебя, Леонардс! Скажи мне твое имя.

— Гарри.

— Гарри! Гарри! Гарри! Люби меня, Гарри!

Она обняла его и повалила на пол. Ее ловкое тело слилось с его телом. Она терпеливо пробудила в нем желание и стряхнула скованность.

— Гарри,— прошептала она.— Гарри!

Он издал звук полупротеста-полусогласия. А затем, поддавшись ее отчаянной настойчивости, привлек Ризу к себе.

Это не совсем хорошо,— заключила Риза,— но удивительно искренне с его стороны.

Когда все закончилось, она выскользнула из-под него и устало встала на ноги. Он лежал спокойно, расслабившись, с остекленевшими глазами.

— Ты только что совершил изнасилование,— заявила ему Риза.— Твоей жертвой стала девушка самого высокого социального положения, в возрасте менее семнадцати лет. Твою личность удалят за такое преступление.

Леонардс сел. На мгновение он страшно побледнел, а затем стал пунцовым.

— Что ты сказала?

— Я объясняю тебе, в какую переделку ты попал. Ты силой пробрался ко мне в вертолет, когда я посещала Институт Шеффлинга, заставил меня привезти тебя сюда, раздел и совершил надо мной насилие... Плохо дело, Леонардс, очень плохо!

— Я вроде как во сне,— прошептал он.

— Но это все реальность. Я позову сюда квесторов в любую минуту.

— Зачем ты это сделаешь?

Она села на корточки рядом с ним, лицом к лицу.

— Ты хочешь избежать суда? Хочешь, чтобы я простила тебе это страшное преступление?

— Чего ты хочешь от меня?

— Услугу,— резко сказала она.— Всего одна небольшая услуга и я прошу тебе все, что случилось здесь сегодня. А тебе останутся воспоминания о полученном удовольствии.

— Что за услуга?

— Ты нарушишь правила Института Шеффлинга,— сказала она.— Но это гораздо меньшее преступление, чем насилие над девушкой в моем возрасте, и если ты будешь действовать достаточно хитро и тебе повезет, то все будет хорошо. Я хочу получить некую личность, Леонардс. Достань ее для меня, просто займи на некоторое время завтра. И трансплантируй ее мне. Это все, о чем я прошу. Я приеду сюда, ты проведешь мне трансплантацию, и мы квиты. Но нам нужно действовать быстро, так как очень скоро записи этой личности будут уничтожены. Хорошо, Леонардс? Мы договорились?

— Значит, все улажено,— сказал Марк Кауфман.— Личность моего дяди останется в хранилище на неопределенное время.

— Да,— сказал Сантоликвидо,— то есть, по крайней мере, еще один год или два.

— Во всяком случае, этого времени хватит, чтобы немного приручить старика. Тогда ему будет еще проще вернуться в этот мир. Если он вообще в него вернется.

Сантоликвидо пожал плечами.

— Я буду держать его до тех пор, пока не появится подходящий реципиент, Марк. А теперь, после дисквалификации Родитиса, это может быть очень длительное время. Тебе не надо беспокоиться об этом.

— Ладно. Будешь на нашем вечере в воскресенье?

— Конечно,— сказал Сантоликвидо.— Я надеюсь прилететь на Доминику около полудня. Это будет интересно, поехав на юг в тропики, обнаружить более прохладную погоду. Передать привет Елене?

— Конечно.

Кауфман положил трубку, улыбнулся, откинулся назад и соединил кончики пальцев. Наконец-то все успокоилось.

Родитис был нейтрализован и убран со сцены. Сантолик-видо, который с трудом выкарабкался из этого дела, не мог противостоять его желаниям. Больше в мире не будет другого дяди Пола. Елена, обиженная женщина, нашла себя в чем-то вроде верности. Риза, взрослея и набираясь опыта, все больше и больше становилась преемницей Кауфмана и была готова сыграть свою роль в структуре семейной империи. Сам же он прекрасно сосуществовал с личностью своего дяди, и об этом никто в мире не догадывался.

— Как тебе это нравится, старая лиса? Я справился с делами неплохо, а?

«Ты все устроил хорошо для себя», — ответил Пол: «Но не зазнавайся. Родитиса погубило большое самомнение».

— Не беспокойся обо мне, — ответил Марк. — Я стараюсь быть очень осмотрительным. А вместе с тобой мы вряд ли наделаем ошибок.

«Никогда не зарекайся от тюрьмы и сумы. Ты должен быть настороже».

— Марк? — послышался голос Ризы. — Я здесь, Марк.

— Заходи, — сказал он.

Она вошла в его кабинет. В своем коротком летнем платье Риза держалась строго и холодно, сохраняя при этом нешуточное самообладание, которым он так восхищался. Перед ним был единственный человек в мире, который так много значил для него, и единственный человек, которому он иногда уступал. Он подозревал, что Риза знает о его трансплантации личности Пола. Она помнила манеры Пола и знала его самого, а значит, не могла не подозревать, что произошло их слияние. Но после первого же дня она перестала говорить о своих подозрениях. Марк не имел понятия, что происходило в голове у дочери. Хотя почему-то он был уверен, что она знала всю правду.

— Я пришла по делу, — заявила Риза.

— По какому делу?

— Это касается бизнеса. Я бы хотела узнать побольше о семейных активах. Что мы имеем, где, на чье имя и каково наше долевое участие в этой собственности.

Кауфман кивнул.

— Я полагаю, настало время тебе узнать обо всем. Я имею в виду ближе привлечь тебя к участию в наших делах. Подготовить к тому времени, когда ты возьмешь все в свои руки. Тебя действительно интересует мир бизнеса, Риза?

— Ты знаешь это. А теперь, когда с Родитисом покон-

чено, мы можем начать новую операцию, Марк. Я бы хотела получить долю в его Латиноамериканской электрической империи. Я думаю, мы сможем обойти опекунов Родитиса, закупив компанию, которая выпускает линии электропередач, а затем...

— У тебя насморк, Риза?

— Почему?

— Твой голос звучит странно. Ниже. Грубее.

Она покачала головой.

— Это просто влияние Тенди. Она, вероятно, имела очень низкое контральто и теперь пытается изменить мой голос. Ты же знаешь, как личность влияет на своего хозяина, на его поведение...

— Да,— сказал Кауфман.— Я знаю.

— Ну, хорошо. Так вот, если мы получим компанию, то зажем Родитис Секьюритис между Сциллой и Харибдой, и...

— Между чем и чем?

— Сциллой и Харибдой,— торопливо повторила она.— Монстром и водоворотом. «Одиссея», книга двенадцатая. Гомер.

— Да. Я знаю. Я не подозревал, что ты такой знаток Гомера, Риза.

— Каждый цивилизованный человек должен хорошо знать Гомера,— сказала она.— Был ли когда-нибудь более великий поэт? Существовал ли человек с более богатым воображением? Много мы можем взять у него даже сегодня.— Риза засмеялась.— Так вот, насчет линий электропередач. Вот что я хотела...

Марк Кауфман смотрел, как его дочь отрывистыми движениями чертит на бумаге план перекупки компании. Но сейчас финансовые теории его не интересовали. Внезапное озарение пробежало холодком по его спине.

Гомер? Перекупка компаний? Линии электропередач? Более низкий голос? Нет, подумал он, это невозможно. Она не сделала... Она не могла...

Издаലെка донесся приглушенный хохот личности Пола Кауфмана.

«Жизнь непредсказуема, Марк».

Марк спокойно согласился. Он внимательно посмотрел на Ризу, ища подтверждения своей странной, пугающей догадке. Если это было так, значит, новая могучая сила вошла в их семью, и все планы должны быть пересмот-

рены. Но этого не могло быть. Этого не могло быть. Этого просто не могло быть.

— Вот и все,— закончила Риза. Она показала блокнот отцу.— Что ты скажешь, Марк? Как тебе этот план?

— Я подумаю об этом,— сказал он настороженно.— План достойный. Если мы можем использовать образ мышления Родитиса, чтобы откалывать куски от его состояния, почему бы нет?

Риза улыбнулась. Она указала на строгий, задумчивый портрет дяди Пола, висящий возле стола ее отца.

— Я думаю, ему понравилась бы идея. Он бы гордился мной и совсем чуть-чуть ревновал.

— Так и есть,— сказал Марк Кауфман и, поглядев в окно, увидел, что небо вдруг почернело в преддверии наступающего летнего шторма.

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. Дик. Бегущий по лезвию	
<i>Перевод В. Жураховского</i>	3
Р. Сильверберг. Жить снова	
<i>Перевод О. Гончарука</i>	183

Сборник
фантастических романов
БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ
ЖИТЬ СНОВА

Ответственный за выпуск
Чепурных О. В.

Редакторы
Левкович Фанни
Соломатов А. В.
Художник
Хромов А. А.
Корректоры
Листочкина Л. С.
Немцова Л. А.
Технический редактор
Решетова А. Е.

Сдано в набор 28.07.92. Подписано в печать 19.10.92. Формат 84×108/32.
Бумага типографская. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Физ. п. л. 12.
Усл. п. л. 19,68. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 254. Цена договорная.

Издательство РИПОЛ, «Джокер»
123000, г. Москва, а/я 21.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и информации России. 144003,
г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

ФИЛИП ДИК

4

